БМишель НОСИ

Детективщик № 1 во Франции

и все-таки ОНА КРАСАВИЦА

Annotation

Красавица Лейли когда-то перебралась из Африки в Марсель, где и живет уже много лет. Жизнь Лейли полна проблем и трудностей, но все это ничто по сравнению с тем, что ей довелось испытать в прошлом. Главное для Лейли — ее трое детей, ради которых она готова на все. Она умна, трудолюбива, обаятельна и очень красива — с такими данными даже эмигрантка из Африки может вырваться из бедности. Вот только сделать это Лейли не позволяет тайна, похороненная в прошлом, а также сокровище, которое она надежно спрятала в месте, известном только ей. Сокровище, которое нельзя использовать, можно лишь хранить и молчать о нем.

Однажды в отеле, предназначенном для чувственных развлечений, происходит убийство, странное и театрально обставленное. Убит менеджер компании, занимающейся помощью иммигрантам в Европе. Видеокамера перед входом в отель зафиксировала девушку, входящую с убитым в холл. Девушка закутана в платок, видны лишь одни глаза, но очевидно, что она красива, очень красива... С этой ночи Лейли и ее трое детей оказываются в самом центре криминальной головоломки, мастерски сооруженной Мишелем Бюсси. Новая детективная драма самого популярного сегодня детективщика Франции буквально затягивает в себя, заставляя переживать за Лейли и пытаться распутать сложную историю ее жизни.

Мишель Бюсси

0

- И все-таки она красавица
- День печали
- Ночь совы
- День крови
- Ночь якоря
- День ветра
- Ночь грязи
- <u>День камня</u>

• notes

- 0 1
- 0 5
- o <u>3</u>

- 45678

- o <u>9</u>
- o <u>10</u>
- o <u>11</u>
- o <u>12</u>
- o <u>13</u>
- o <u>14</u> o <u>15</u>
- <u>16</u>
- o <u>17</u> o <u>18</u>
- o <u>19</u>
- o <u>20</u>
- o <u>21</u>
- o <u>22</u>
- o <u>23</u>
- o <u>24</u>
- o <u>25</u>
- o <u>26</u>
- o <u>27</u>
- o <u>28</u>
- o <u>29</u>
- <u>30</u> 0
- o <u>31</u>
- o <u>32</u>
- o <u>33</u>
- o <u>34</u>
- o <u>35</u>
- o <u>36</u>
- o <u>37</u>
- o <u>38</u> o <u>39</u>
- o <u>40</u>
- o <u>41</u>
- o <u>42</u>

- o <u>43</u>
- o <u>44</u>
- o <u>45</u>
- o <u>46</u>
- o <u>47</u>
- o <u>48</u>
- o <u>49</u>
- <u>50</u>
- o <u>51</u>
- o <u>52</u>
- o <u>53</u>
- o <u>54</u>
- o <u>55</u>
- o <u>56</u>
- 5758
- 5059
- o <u>60</u>
- <u>61</u>
- <u>62</u>
- o <u>63</u>
- o <u>64</u>
- o <u>65</u>
- o <u>66</u>
- o <u>67</u>
- o <u>68</u>
- o <u>69</u>
- o <u>70</u>
- o <u>71</u>
- o <u>72</u>
- <u>73</u>
- o <u>74</u>
- o <u>75</u>
- o <u>76</u>
- o <u>77</u>
- o <u>78</u>
- o <u>79</u>
- o <u>80</u>
- o <u>81</u>

- o <u>82</u>
- o <u>83</u>
- o <u>84</u>
- o <u>85</u>
- o <u>86</u>
- o <u>87</u>
- o <u>88</u>
- o <u>89</u>
- o <u>90</u>
- o <u>91</u>
- o <u>92</u>
- o <u>93</u>
- o <u>94</u>
- o <u>95</u>
- o <u>96</u> o <u>97</u>
- o <u>98</u>
- o <u>99</u>
- <u>100</u>
- · <u>101</u> · <u>102</u>
- · <u>103</u>
- o <u>104</u>
- o <u>105</u>
- <u>106</u>
- o <u>107</u>
- o <u>108</u>
- o <u>109</u>
- o <u>110</u>
- o <u>111</u>
- o <u>112</u>
- o <u>113</u>
- o <u>114</u>
- o <u>115</u>
- o <u>116</u>
- o <u>117</u>
- o <u>118</u>

Мишель Бюсси

И все-таки она красавица

Michel Bussi On la trouvait plutôt jolie

© **Michel Bussi et Presses de la** Cité, un département de Place des Editeurs, 2017

Книга издана при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

В оформлении использован фрагмент картины Джона Джеймса Одюбона (1785–1851)

Cet ouvrage, publie dans le cadre du Programme d'aide a la publication Pouchkine, a beneficie du soutien de l'Institut français en Russie

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Французского института в России

Новая детективная драма самого популярного детективщика Франции

Новый детектив Мишеля Бюсси сразу после выхода возглавил во Франции все списки бестселлеров. С Бюсси уже несколько лет может конкурировать по популярности только Гийом Мюссо, но все отмечают, что по части сюжетных хитросплетений Мишель Бюсси вне конкуренции.

Красавица Лейли когда-то перебралась из Африки в Марсель, где и живет уже много лет. Жизнь Лейли полна проблем и трудностей, но все это ничто по сравнении с тем, что ей довелось испытать в прошлом. Главное для Лейли — ее трое детей, ради которых она готова на все. Она умна, трудолюбива, обаятельна и очень красива — с такими данными даже эмигрантка из Африки может вырваться из бедности. Вот только сделать это Лейли не позволяет тайна, похороненная в прошлом, а также сокровище, которое она надежно спрятала в месте, известном только ей. Сокровище, которое нельзя использовать, можно лишь хранить и молчать о

нем. Лейли привыкла к трудной, но размеренной и спокойной жизни, она ее не тяготит. Но однажды в отеле, предназначенном для чувственных развлечений, происходит убийство, странное и театрально обставленное. Убит менеджер компании, занимающейся помощью иммигрантам в Европе. Видеокамера перед входом в отель зафиксировала девушку, входящую с убитым в холл. Девушка закутана в платок, видны лишь одни глаза, но очевидно, что она красива, очень красива... С этой ночи Лейли и ее трое детей оказываются в самом центре криминальной головоломки, мастерски сооруженной Мишелем Бюсси. Новая детективная драма самого популярного сегодня детективщика Франции буквально затягивает в себя, заставляя переживать за Лейли и пытаться распутать с ней сложную загадку.

Очень красивый и очень вдумчивый роман. Мишель Бюсси вышел на новый уровень: сохранив свою фирменную заковыристость детективной интриги, расставив тут и там зеркала, ложные приманки, неявные подсказки, он в то же время погружает читателя в напряженную писхологическую драму и поднимает очень важный и непростой вопрос, тревожащий сегодня многих.

Les lectures de l'oncle Paul

В центре едва ли не всех романов Бюсси находится женщина, мать, тревожащаяся за своих детей, готовая бороться за них всеми правдами и неправдами. Такова и красавица Лейли из новой книги — она пожертвует всем, что у нее есть, чтобы у ее детей было будущее. Но у Лейли есть секрет, из-за которого завертится совершенно невероятная детктивная интрига.

RTL

Мишель Бюсси сделал впечатляющий шаг вперед, его новая детективная драма увлекает не только напряженностью и сложностью интриги, но и глубиной поднимаемых проблем.

Le Figaro

Читатель детективов обычно не рассчитывает на тонкость, нежность, а главное на глубину проработки деталей и характеров. Все герои Бюсси, даже эпизодические, выглядят невероятно рельефными и настоящими. Не перегружая повествование и не отвлекая читателя от сюжета, Бюсси ухитряется в то же время создать внутри своего романа плотный и живой

мир, который можно потрогать, рассмотреть с разных сторон, понюхать, в конце концов. Мир, который пугает, умиляет, волнует и трогает. И это весьма неожиданное для криминального романа свойство переводит книгу Бюсси из хороших детективов в разряд детективов по-настоящему выдающихся.

Галина Юзефович, «Медуза»

Нежная, но бурная криминальная драма.

Julie Malaure

Подсказки в этом детективе расставлены повсюду, до самой последней страницы, но финал все равно читателя ошеломит. Очарования книге придает Лейли, именно она настоящая загадка.

Le Point

Мишель Бюсси (1965 г.) преподавал географию в университете Руана, когда написал свой дебютный роман о высадке союзных войск в Нормандии. Рукопись отклонили все издательства, но неудача не расхолодила начинающего писателя. Еще десять лет Бюсси, по сути, пишет в стол, уверенный, что его час пробьет. И он не ошибся. В дни, когда во всех книжных магазинах высились пирамиды из «Кода Да Винчи» Дэна Брауна, Мишель Бюсси оказался в Риме. И там его вдруг осенило – он переключится на детективы. Результатом этого внезапного решения стал «Кодекс Люпена» — роман, в котором Бюсси возродил классического французского сыщика. Произошло это как раз в год столетнего юбилея Арсена Люпена. Книгу ждал огромный успех. С тех пор Мишель Бюсси пишет детективы. И не просто пишет, а весьма успешно. Сегодня он один

из самых авторитетных и популярных детективщиков Франции – после оглушительного успеха романа «Самолет без нее». С того момента Бюсси получил уже 15 литературных премий. В 2015-м году, когда вышел роман «Пока ты не спишь», Мишель Бюсси и вовсе стал безоговорочным номер один в детективном жанре и вошел в тройку самых продаваемых авторов во Франции (более 1 000 000 экземпляров), и это при том, что опередили его писатели, в портфеле которых куда больше книг, чем у Мишеля Бюсси. «Фремя-убийца» Следующий роман закрепил статус Бюсси детективщика № 1 во Франции. Новый роман «И все-таки она красавица» в первую же неделю после выхода возглавил все списки бестселлеров. В этом романе Бюсси раздвинул детективные рамки, по сути. Придумав, новый и крайне необычный детективный трюк. Но в то же время, роман выходит за границы жанра, это прекрасная психологческая и социальная драма. Во Франции Мишеляю Бюсси сравниваютс с мировой детективной звездой Ю Несбе – только в отличие от Несбе, в книгах Бюсси нет поэтики насилия и, его детективные истории мягкие, краисвые, почти нежные. Несмотря на то что Бюсси – настоящая звезда во Франции, он ведет очень скромный образ жизни, живет там же, где жил, будучи простым преподавателем, – в небогатом пригороде Руана, общается в основном со старыми друзьями и ходит в тот же спортклуб, который посещал и прежде.

И все-таки она красавица

Через четыре горизонта, Что мир распяли...

Жорж Брассенс / Франсис Жамм. Молитва

Возможно, ты скажешь, что я мечтатель, Но я такой не один. Надеюсь, однажды ты будешь с нами, И мир станет един.

Джон Леннон. Представь себе

- Что-то не так, Лейли? Вы красивы. У вас трое очаровательных детей. Бэмби, Альфа́, Тидиан. Вы выпутались из трудного положения.
- Неужели? Ерунда все это. Ветер. Пшик. Нет, мы вовсе не милая семейка. Не хватает главного.
 - Папы?
- Да нет, что вы! Без папы одного или нескольких мы легко обходимся.
 - Так чего же вам недостает?

Глаза Лейли приоткрылись, как шторы, которые впускают солнечный луч, и он освещает темную комнату, обращая пылинки в звезды.

– Какая бестактность! Мы едва знакомы, так с чего вы взяли, что я открою вам свой главный секрет?

Он не ответил. Шторки женских глаз сомкнулись, погрузив альков в сумрак. Она повернулась к морю и выдохнула дым, чтобы омрачить облака.

– Это даже больше чем секрет, мой маленький любопытный мсье. Это проклятие. Я – плохая мать. Мои дети обречены. Я могу только надеяться, что хоть один из них – всего один! – ускользнет из-под власти злых чар.

Она закрыла глаза.

– Акто навел эти чары? – спросил он.

За закрытыми «ставнями» век сверкнула молния. – Вы. Я. Весь свет. В этом деле нет невиновных.

День печали

1

Баржа бесшумно скользила по воде под автобусом № 22.

Лейли сидела, прислонившись лбом к стеклу, в третьем ряду от водителя, смотрела, как медленно удаляются пирамиды белого песка, и думала: «Ну вот, теперь они крадут наш песок... Все остальное уже захапали, теперь забирают пляж, песчинку за песчинкой».

Автобус пересек канал Арль-Бук и продолжил подъем по авеню Мориса Тореза. Мысли в голове Лейли едва шевелились. Она всегда представляла себе этот канал как расходящийся шов, а городок Пор-де-Бук – как медленно дрейфующий в сторону моря клочок земли, отделенный от континента узким двадцатиметровым проливом. Завтрашним океаном.

«Не идиотничай…» — урезонила себя Лейли, а автобус уже ехал по объездной дороге, — четырехполосному национальному шоссе № 568. Нескончаемый поток машин отделял Пор-де-Бук от остального мира еще надежнее канала с его ленивыми баржами и лесистыми берегами. Часовая стрелка еще не доползла до цифры семь, а новый день уже начался, приоткрыв один темный глаз. Бледный свет фар встречных машин освещал лицо Лейли, преломляясь через стекло. В кои-то веки она казалась себе красивой. Результат стоил приложенных усилий. Она поднялась в шесть утра, чтобы вплести в косички разноцветные бусины, как это делала ее мать Марем в Сегу^[1] летом, под палящим солнцем, у реки.

Лейли хотела выглядеть соблазнительной – это было важно. Патрис, то есть мсье Пеллегрен, сотрудник, занимавшийся ее досье в Бюро по предоставлению социального жилья за умеренную арендную плату, был неравнодушен к ее ярким краскам. К улыбке. К жизнерадостности. Пёльскому^[2] происхождению. Смешанной семье.

Автобус № 22 свернул на проспект Группы Манушяна^[3], идущий мимо городка Агаш.

Ее семья. Лейли сняла солнечные очки и аккуратно разложила на коленях фотографии. В деле обольщения Патриса Пеллегрена они такое же важное оружие, как женское обаяние. Она тщательно отобрала снимки Тидиана, Альфа, Бэмби и квартиры. Интересно, Патрис женат? Есть ли у

него дети? Можно повлиять на этого мужчину? И если да, насколько он влиятелен?

Автобус № 22 вез Лейли к месту назначения, виляя между гигантским «Карфуром», «Квик бургером» и «Старбаксом». За несколько месяцев, прошедших с последнего визита в агентство, появилось штук десять новых вывесок: белые рога гриль-бара «Буффало», оранжевый цветок магазина «Страна садов»; пирамидальная крыша отеля «Ред Корнер». С фасада мультиплекса из стекла и стали на Лейли смотрел гигантский Джонни Депп в образе капитана Джека Воробья, и ей вдруг показалось, что у них одинаковые прически.

Все здесь было похоже, и все походило на другие места.

Автобус спустился к каналу Каронте, соединяющему лагунное озеро Бер с заливом Фос в Средиземном море, и оказался на улице Юрди-Милу. Здесь и располагалась контора Патриса Пеллегрена. Лейли последний раз взглянула на свое отражение. Робкий свет дня потихоньку стирал ее призрак в стеклянном зеркале. Она должна убедить этого человека, что не может жить в этом бездушном обезличенном месте. Внушить ему, что Лейли одна такая на свете, только и всего. Черт, а он Патрис или нет?

2

06:49

Бэмби стояла перед Франсуа.

Специальная система зеркал номера «Шахерезада» в отеле «Ред Корнер» множила углы обзора, как если бы десять камер снимали и проецировали ее изображение на стены и потолок со спины, снизу и анфас.

Франсуа никогда не видел подобной красавицы.

Во всяком случае, не в последние двадцать лет. С тех пор как он перестал мотаться по миру и покупать за пару баксов тайских и нигерийских проституток. Почти все они могли бы побеждать на конкурсах красоты, предоставь им судьба шанс родиться «по другую сторону панели». Франсуа остепенился, женившись на Солен, у них родились Юго и Мелани, он построил дом в Обани^[4], каждое утро повязывал галстук и отправлялся на работу проверять счета компании «Вогельзуг»^[5], а в командировку за границу ездил два раза в год. Не дальше Марокко и Туниса.

Франсуа посчитал в уме месяцы: он около года не изменял Солен. Сам

не заметил, как стал верным мужем. В «Вогельзуг» работали ярые сторонники режима секретности, и теперь он редко видел девушек легкого поведения, демонстрирующих соблазнительные изгибы и округлости.

И еще реже обнимал их.

Девушку звали Бэмби. Пёльское имя. Двадцать четыре года, тело африканской принцессы. Пишет диссертацию по антропологии и миграционным потокам. Они встретились случайно. Франсуа входил в группу из пятидесяти специалистов, регулирующих жизнь иммигрантов. Пятьдесят часов разговоров, записанных на диктофон (в том числе с ним плюс часовой монолог в кабинете «Вогельзуг»), оживленных легким флиртом.

Бэмби показалась Франсуа очень увлеченной, он давно не путешествовал налегке, беззаботность молодости уступила место опыту, силе, успешности, умению соблазнять, и он помог ей дельными замечаниями. Она прислала исправленный текст, и две недели спустя они снова встретились и долго разговаривали — на сей раз под запись, а прощаясь, позволили себе долгое объятие. Позвоните мне, если будет желание...

Очаровательная докторантка позвонила. Сказала, что ужасно занята – диссертация, практические занятия на факультете, – так что времени на бойфренда нет, поэтому... не будем терять время.

Получилось удачно: Франсуа придерживался той же философии.

Не будем терять время.

Приезжайте сюда, в «Ред Корнер», что на углу.

Войдя в номер, Франсуа сразу улегся на кровать, изображая внезапную усталость из-за трех стопочек водки, выпитых в баре на первом этаже. Не будем терять время? Пришлось потратить немало часов, чтобы приручить красавицу.

Бэмби присела рядом на корточки — без ложной застенчивости, но с обезоруживающей нежностью — и почесывала ему шею, как коту. Парео из набивного хлопка цвета солнца, доходившее до лодыжек, оставляло открытыми смуглые плечи и глубокое декольте. Маленький серебряный кулон прятался под эластичной резинкой.

- Это птица?
- Сова. Хотите взглянуть?

Девушка медленно потянула яркое одеяние вниз, к холмикам грудей, и рывком сдернула до талии.

Белья она не носила...

Вырвавшаяся на свободу плоть была великолепна, волшебна, а в

ложбинке подрагивала маленькая сова.

Солнечное платье щекотало пупок, облегало бедра. Бэмби поднялась, провела пальцем по шее Франсуа до первой пуговицы рубашки и скользнула ладонью ниже, ниже – к ширинке. Девчонка решила свести его с ума!

Франсуа не останавливало, что она чуть моложе его дочери. Он знал, что все еще привлекателен, а седина действует магнетически. Не забывал он и про обаяние денег.

Интересно, у нее есть корыстный интерес?

Тело Бэмби колыхалось перед ним. Она улыбалась. Играла, как бабочка, готовая в любое мгновение вспорхнуть. Франсуа заставил себя успокоиться, чтобы не наброситься на девушку, поймать ее ритм. Возьмет ли она деньги? Нет, конечно нет. Проще всего будет увидеться еще раз. Встречаться время от времени. Обращаться с ней как с принцессой. Подарок. Ресторан. Отель получше загородного «Ред Корнер». Он обожал умных красавиц, считал, что они добрее других девушек. Чужая зависть кого угодно заставит стать идеальной подругой. Никто не хочет быть «побитым каменьями», уж лучше научиться скромности как средству выживания.

Мало кому из мужчин выпадает привилегия касаться ангелов.

У него мягкий голос, он любит поговорить. Больше всего ему нравится слушать себя.

Его жену зовут Солен. Их маленькой дочке Мелани исполнился год.

На левом соске у него маленький шрам в форме запятой.

Бэмби погладила подушечками пальцев кожу вокруг сосков, и Франсуа возбудился еще сильнее. Она долго ласкала его и впервые позволила на несколько секунд коснуться своей груди, но сразу отпрянула, как будто обожглась.

Франсуа предпочел думать, что она хочет продолжить игру. Бэмби с вызовом посмотрела ему в глаза, нарочито медленно повернулась:

– Принесу воды...

Руки Франсуа осиротели, зато взгляд воспламенился. «Прояви терпение, дружок, – мысленно призвал он себя, – и будешь вознагражден!» Первым усладилось зрение: Бэмби на ходу опустила парео еще ниже, прошла мимо витражного окна – на коже отразилась россыпь цветов – и через мгновение вернулась со стаканом. Франсуа ощутил волну тяжелого аромата.

– Нравится? – Голосок Бэмби прозвучал по-детски наивно.

Франсуа сел, подложив под спину подушку. У него был фирменный

секрет — он никогда не строил из себя самца-победителя, особенно если был уверен, что уже покорил сердце женщины.

Он смотрел на девушку с обожанием и восторгом, как на заветный подарок, и изображал смущение.

- Красавица моя, ласточка моя бархатная, зачем тебе такой старик, как я?
 - Замолчите, Франсуа.

Бэмби подошла совсем близко. Она была обнажена, только на волосах остался прозрачный шарф. Помнится, в их первую встречу Франсуа подумал, что такое покрывало не вписывается в образ «освобожденной» студентки. Бэмби расхохоталась:

– Разве я не кажусь вам красивой?

Бессовестная кокетка права. Шарф вуалью скрывал овал лица, затеняя круглые скулы, как дорогая рама, позволяющая сконцентрировать взгляд на шедевре — удлиненных, как листья оливы, глазах, двух перламутровых лодочках, уносящих в ночь между тростинками ресниц две черные, с медовым отблеском, жемчужины.

Комнату заполнял пряный аромат. Из скрытых в стенах динамиков лились восточные мелодии. «А нет ли тут видеокамер?» – встревожился Франсуа.

Бэмби плавно двигалась в такт музыке, зазывно вращала бедрами, внушая Франсуа уверенность, что он вот-вот насладится ее телом, а она станет инструментом в его руках. Бесценным инструментом, на котором позволено играть редким виртуозам.

– Я вам нравлюсь только из-за красоты.

Тембр голоса – «маленькая девочка»… Неотразимый. Не гортанный, без хрипотцы, как у исполнительниц госпела.

- С других сторон я тебя пока не знаю.
- Ну так закройте глаза.

Франсуа не послушался.

Бэмби медленно стянула с головы шарф. Длинные черные волосы были заплетены в косички.

– Хочу, чтобы вы любили меня с закрытыми глазами.

Девушка забралась на кровать и, мгновенно отринув стыдливость, оседлала Франсуа, так что он уперся взглядом в ее груди и ощутил мускусный запах женственности. Кожа Бэмби пахла вусуланом — молодые малийки пропитывают этим благовонием одежду и волосы, втирают в тело, чтобы околдовать возлюбленного.

– Хочу, чтобы вы любили меня на ощупь.

Ладно... Франсуа принял игру. Ему не впервой заниматься любовью с повязкой на глазах. Вначале они с Солен часто это практиковали, но больше так не делают. Поэтому он сегодня здесь. Только поэтому. Франсуа опустил веки, Бэмби завязала ему глаза, и он попытался лизнуть ее соски, обхватив грудь ладонями.

– Ведите себя хорошо, господин администратор! – произнесла Бэмби.

Тонкие пальцы сомкнулись на запястье Франсуа, как если бы он, подобно мальчишке-шалуну, пытался стащить конфету из коробки.

Щелк.

Он понял не сразу, потом рефлекторно дернулся, чтобы сдвинуть повязку, не сумел дотянуться и осознал, что Бэмби затеяла игру с единственной целью – приковать его наручниками к кровати. Значит, она готовилась и заранее прикрепила их к прутьям спинки, спрятав за подушками.

Девушка все спланировала... Проклятье... Что ей нужно?

– Будьте благоразумны, мой авантюрист, игра только начинается.

Она прижалась к нему, окутав облаком аромата, и Франсуа успокоил себя: «Да, это игра, и очччень будоражащая!»

Чего добивается малышка? Он поступил правильно, взяв с собой всего двести евро. Или она задумала шантаж? Ну вперед, крошка! Мелани и Юго совершеннолетние, будет хороший повод расстаться с Солен.

В свои сорок девять лет Франсуа перестал рисковать, обрел столь желанное чувство равновесия и теперь даже радовался приключению, пока... не почувствовал боль в руке.

Укол! В вену! Мерзавка что-то ему ввела!

Франсуа запаниковал, потянул за наручники, хотел было закричать, но вспомнил, что все номера в треклятом отеле отделаны звукоизолирующим материалом, чтобы парочки не раздражались, сравнивая число и силу оргазмов соседей со своими собственными подвигами.

Нет, Бэмби ничего ему не вливала – ощущение было другое... Она взяла у него кровь!

 Долго ждать не придется, – успокоила его Бэмби, – всего несколько минут.

Франсуа показалось, что время остановилось.

– Бэмби?

Никто не ответил, но ему почудился плач.

– Бэмби?

Он начал терять ощущение времени. Сколько минут прошло? Он один в этом номере? Пора плюнуть на приличия и позвать на помощь. Придется

краснеть, объясняться, спокойный мирок Солен рухнет, а Мелани узнает, что любимый папочка спал с ее ровесницей. О которой ничего толком не знал. Неужели проклятая девка с самого начала манипулировала им и все наврала? Только последний болван мог поверить, что такое сексапильное существо пишет диссертацию!

Он открыл рот и тут понял, что рядом кто-то есть.

Попробовал сосредоточиться, уловить запах Бэмби, но терпкие ароматы номера «Шахерезада» перебивали все остальные. Франсуа вслушался. Что это — звук шагов? Дыхание? Шорох висящей на шее цепочки с кулоном? Мелодия уда^[7] заглушала все на свете.

– Бэмби?

Он почувствовал укол в запястье и легкую боль, так бывает, когда порежешься при бритье. Теплая жидкость потекла по правой руке. Кто-то с ловкостью цирюльника перерезал Франсуа вены.

3

8:30

Стулья, расставленные в длинном коридоре перед каждой дверью, напомнили Лейли бесконечное ожи- дание во время встреч родителей с преподавателями в школе и коллеже. Она часто появлялась последней, договариваясь на самое позднее время, больше часа ждала в одиночестве, после чего математик или англичанка уделяли ей две минуты: им не терпелось пойти домой. Так было с Бэмби и повторилось с Альфа́. Одиночество в коридоре, как сегодня утром.

Бюро недвижимости откроется только через полчаса, но Лейли пустили внутрь, ни о чем не спросив. До девяти утра и после шести вечера чернокожие уборщицы в стеклянных кабинетах офисных зданий напоминали работающих посменно призраков. Лейли хотела оказаться первой. В половине девятого из лифта вышел Патрис Пеллегрен. Он выглядел так, словно не понимал, как оказался в этом бесконечном коридоре.

- Мадам Мааль? удивился он. Я начну прием только через полчаса! Лейли взглядом дала понять: «Что вы, что вы, ничего страшного, не извиняйтесь, у меня полно времени!»
 - Э-э, ну что же, простите... мямлил чиновник, схожу за кофе. Лейли одарила Пеллегрена лучшей из своих улыбок.
 - Возьмете мне круассан?

Он вернулся через десять минут, неся на картонном подносе два эспрессо, пакет с булочками, две бутылки сока, масло, джем и свежий хлеб.

– Входите, раз уж вы здесь. Позавтракаем вместе.

Улыбка Лейли, теплые цвета ее африканской туники и бусинки в косичках явно сработали. Она решила не признаваться, что пьет литрами чай и никогда – кофе. Дерзость – опасное оружие, его следует применять с осторожностью.

Она обмакнула круассан в чашку, надеясь, что он впитает всю жидкость. Через панорамное окно открывался потрясающий вид на Пор-де-Бук, дома, торговые центры и щупальца дамб, связывающих полуостров с континентом. Фонари гасли, мигали светофоры, зажигался свет в окнах.

– Я люблю вставать раньше всех, – тихонько произнесла Лейли. – Когда приехала во Францию, каждую ночь убиралась на верхних этажах Башни^[8] в Евромедитеране – деловом квартале Марселя. Мне там ужасно нравилось. Я как будто сторожила город, видела, как он просыпается, как загораются первые окна, идут по улице первые прохожие, фырчат первые автобусы, как начинаются новый день и новая жизнь. А у меня все наоборот – я собираюсь лечь спать.

Пеллегрен на мгновение задержался у окна.

- Я живу в Мартиге на другой стороне канала, в одноэтажном доме.
 Вижу только растущие вокруг туи.
 - Зато у вас есть сад.
- Да... Но выхожу я очень рано, чтобы успеть до пробок, закрываюсь в кабинете и читаю дела.
 - Если не является надоедливый арендатор.
 - Я всегда рад компании!

Патрис Пеллегрен: 40 лет, лишний вес, жена. Заарканив такого мужчину, за него выходят замуж и сразу рожают одного-двух детишек, чтобы «застолбить место» навечно. Такие мужчины если и говорят любезным тоном с девушкой, то совсем необязательно кадрят ее в этот момент.

- А я живу там. Лейли показала на восемь белых башен квартала Эг Дус, стоящих лицом к Средиземному морю, как «сахарные» кости домино.
 - Знаю... ответил чиновник.

Они доели, и Пеллегрен переместился в деловую часть кабинета, достал папку и указал Лейли на стул напротив. Их разделял уродливый стол из лакированной сосны. Переменка закончилась.

- Итак, мадам, что я могу для вас сделать?
- Я не расскажу вам ничего нового, мсье Пеллегрен. Вы ведь знаете

типовые квартирки F1, они все одинаковые: в двадцать пять квадратных метров втиснуты гостиная-кухня и спальня. Вчетвером очень тесно.

Она придвинула к Пеллегрену фотографии: диван, который каждый вечер превращается в ее кровать; детская, где спят Бэмби, Альфа и Тидиан.

Повсюду лежала одежда, громоздились стопки книг и тетрадей, валялись игрушки. Лейли потратила не один час, выстраивая композицию так, чтобы все выглядело естественно и Патрис Пеллегрен проникся важностью ее дела, осознав, какая она хорошая мать и организованная чистюля, а единственная ее проблема – теснота.

Патрис рассматривал снимки участливо и вроде бы заинтересованно.

Солнце неожиданно перешагнуло через высокий силуэт мультиплекса из рифленого листового железа, и его лучи уподобились будильнику, извещающему, что новый рабочий день начался. Лейли почти машинально достала из сумки темные очки.

– Солнце вам мешает?

Он опустил жалюзи, и Лейли оценила этот жест. Она часто надевала очки (у нее была целая коллекция — не дороже пяти евро за пару), даже если солнце скрывали облака. Люди реагировали по-разному. Те, кто поагрессивней, принимали ее за воображалу, впавшие в депрессию считали несчастной. Лейли не обижалась — разве они могли догадаться?

Пеллегрену она казалась эксцентричной. Кабинет погрузился в полумрак, и женщина сняла очки.

- Понимаю, мадам Мааль. Но... Он бросил взгляд на высокую стопку разноцветных папок, в каждой лежало заявление с просьбой предоставить квартиру в муниципальном доме с умеренной квартплатой. Сотни семей, подобных вашей, ждут очереди на жилье.
 - Я нашла работу, сообщила Лейли.

Патрис Пеллегрен расцвел улыбкой.

– Постоянный трудовой договор в отеле «Ибис» в Пор-де-Буке, – уточнила она. – Уборка спален и столовых – как раз то, что я больше всего люблю! Начинаю сегодня после обеда. Так что если найдете мне квартиру побольше, я смогу за нее платить. Хотите посмотреть договор? – Она протянула чиновнику листок.

Пеллегрен вышел сделать копию, вернулся и отдал документы Лейли.

- Не уверен, что этого достаточно, мадам Мааль. Очко в вашу пользу, но... Еще один взгляд на папки. Я... пришлю сообщение, если будут новости.
 - Вы и в прошлый раз так сказали, а я все жду и жду!
 - Знаю... Э-э-э... Какая площадь вам требуется в идеале?

– Как минимум пятьдесят квадратных метров...

Он молча записал.

- В Эг Дус?
- Все равно, лишь бы получить квартиру побольше.

Лейли не могла угадать, воспринял ли он ее просьбу всерьез. Он сейчас напоминал отца семейства, который невозмутимо заносит в список рождественских подарков самые нахальные просьбы своих детей.

- Тяжело вам живется в Эг Дус?
- Пляж и море помогают терпеть.
- Понимаю…

Участливость Патриса показалась ей искренней. Он сдержался, не взглянул в сторону папок, и Лейли пришло в голову, что он может проделывать этот номер со всеми посетителями, а в проклятых картонных обложках нет никаких заявлений.

Он понимал – конечно, понимал, этакий господин Малоссен переведенный в ведомство, распределяющее муниципальное жилье. Лейли накрутила косичку на палец.

- Спасибо. Вы милый, Патрис.
- Э... Меня зовут Патрик. Ничего страшного... Вы тоже очень...

Лейли не позволила ему договорить:

– Вы милый, но я предпочла бы мерзавца! Выдала бы номер с обольщением, чтобы он переложил мое дело наверх, напряг секретарей, поспорил с патроном. А вы слишком честный. Глупо, что мне достались именно вы...

Лейли выпалила обвинительную речь с обезоруживающей улыбкой. Патрик Пеллегрен замер с зажатой в пальцах ручкой, потом рассмеялся, решив, что она пошутила.

– Я сделаю все, что смогу. Обещаю.

Патрик выглядел таким же искренним, как Патрис. Чиновник встал, и Лейли поняла намек. Он посмотрел на очки-сову у нее на лбу и улыбнулся.

- Они ваше олицетворение, мадам Мааль. Приходите на рассвете.
 Терпеть не можете солнце. Вы ночная птица?
 - Была такой. Очень долго.

Взгляд Лейли затуманился.

Патрик Пеллегрен поднял штору, впустив в кабинет яркий средиземноморский свет. Лейли вернула очки со лба на нос и вышла.

Патрик Пеллегрен закрыл досье «Лейли Мааль», протянул руку, чтобы положить его на сотню папок (через три дня их должна рассмотреть паритетная комиссия), и замер. К слову сказать, свободных квартир будет не больше десяти, так что все решится быстро.

Делом Лейли займутся через много месяцев, и ее новая работа роли не сыграет. Патрик не желал подкладывать ее заявление к другим, это было все равно что зачислить Лейли в армию безымянных матерей-одиночек, приехавших из Африки и работавших на износ, чтобы иметь крышу над головой, одежду и еду для своих детей.

Лейли Мааль уникальна.

Патрик посмотрел в пустую кофейную чашку, перевел взгляд на чашку клиентки, заполненную мерзкой серой массой размокшего круассана.

Лейли ни на кого не похожа.

«Красива ли она?» – спросил себя Патрик.

Безусловно. А еще живая и резвая, у нее неуемная фантазия, но глаза выдают груз тяжело прожитых лет, а яркая туника скрывает усталое тело, не доверяющее ни одному мужчине.

Может, он фантазирует? Черт его знает... Больше всего Патрика мучил другой вопрос: насколько искренна Лейли Мааль?

В окно было видно, как она ждет под козырьком остановки «Юрди-Милу» и через несколько минут села в автобус № 22, набитый, как клетка с курами, которых везут на рынок. Патрик смотрел вслед автобусу до угла Морского бульвара. Он не понимал, почему так сочувствует простой и такой естественной женщине, в которую мог бы даже влюбиться, хотя был уверен, что правды она ему не сказала.

Он долго наблюдал за грузовиками, деловито катившими вдоль канала Каронте, потом встряхнулся и закрыл папку. К концу дня сверху лежали девяносто девять других.

1

09:01

Майор Петар Велика осматривал номер «Шахерезада» со смесью растерянности и отвращения. На кровати лежал голый мужчина; недвижимый, холодный, обескровленный труп казался высеченным из камня. Белизну тела оттеняли красные простыни, персидские ковры, красновато-коричневые, с золотистым отливом, драпировки стен. Взгляд майора задержался на руках, прикованных наручниками к стойке

балдахина.

– Черт возьми... – Других слов у полицейского не нашлось, хотя он повидал много подобных мест преступления и еще больше других, совсем не живописных.

В пятнадцать лет он сбежал из Югославии Иосипа Броз Тито, оставив половину семьи в Бьеловаре^[10]. В двадцать лет поступил в школу полиции и через несколько месяцев заработал репутацию крутого и неподкупного легавого. Тридцать лет Велика собирал трупы во всех концах марсельской метрополии, что не смягчило его нрав.

- Он час истекал кровью, заметил стоявший рядом Жюло.
- Объясни…
- Если судить по порезам на запястьях, он терял по пятьдесятшестьдесят миллилитров в минуту. Значит, за час – три тысячи шестьсот миллилитров, а это половина всего объема крови, движущейся по сосудам человека. При такой кровопотере органы отказывают один за другим.

Велика едва слушал навязанного ему помощника, свежеиспеченного выпускника полицейской школы двадцати трех лет от роду. Майор не мог понять, что заставило такого блестящего парня попроситься в его, прямо скажем, жалкое подразделение. Жюло Флор. Милый, вежливый, расторопный, образованный лейтенант, которого практически невозможно вывести из равновесия, да еще и с чувством юмора. Такой не может не раздражать.

Велика время от времени кивал, одновременно наблюдая за двумя другими сыщиками, занятыми обыском номера. Иллюзия путешествия в прошлое была полной: ритуальная казнь словно бы свершилась во дворце халифа, кто-то покарал евнуха, посмевшего мысленно возжелать фаворитку повелителя. Пряный аромат ладана щекотал ноздри. Никто не догадался отключить спрятанную в стенах аппаратуру, и восточные мелодии продолжали заполнять помещение. Полицейские топтали ковер, люмилайтовские светильники выхватывали из сумрака фарфоровые чаши и пузырьки с аргановым маслом. Номер соответствовал своему названию и напоминал сердце багдадского базара.

– Можно открыть окно? – спросил Велика у Мехди и Риана, снимавших отпечатки пальцев.

– Ну... Да.

Он отдернул шторы и толкнул створки.

Волшебство улетучилась.

Окно выходило во двор с мусорными контейнерами. Крики чаек заглушили экзотическую музыку, по национальному шоссе ехали

грузовики и автобусы. Велика повернул голову, задержался взглядом на вывесках торгового центра: «Старбакс», «Карфур», мультиплекс. Джонни Депп с дредами размером пять на четыре метра. Ориентальность растворилась в выхлопных газах. Никаких тебе минаретов, только жилые башни и портовые ангары. Дворец халифа превратился в куб из гофрированного железа — чудо современной архитектуры.

– Патрон, – негромко окликнул майора Жюло, – пришел Серж Тисран, управляющий.

Перед Великой стоял мужчина лет сорока в костюме и галстуке, похожий на торговца диванами или каминами. Говорящий каталог.

– Очень кстати, – откликнулся Петар. – Объясните мне принцип этих «Ред Корнер», вот уже несколько лет они растут как грибы после дождя.

Майор ухмыльнулся, глядя на Жюло, который что-то заносил в ультраплоский планшет размером с книгу карманного формата. Девайс заменял лейтенанту бумагу, которую повсюду разбрасывал его начальник.

- Речь идет о новой концепции отелей.
- Рассказывайте.
- Эта франшиза очень популярна во всем мире. Внизу бар, на этаже апартаменты. Принцип самообслуживания. Чтобы открыть дверь номера, нужна кредитная карта. Не труднее, чем заплатить дорожную пошлину. Счет выставляется за четверть часа, за тридцать или шестьдесят минут. Деньги списываются на выходе, как на выезде с парковки. А горничная уже делает уборку, и следующий постоялец может въезжать. Ни бронирования, ни имен, ни обслуживания в номерах. Классический отель, но и очень практичный.

Петар снова обвел взглядом восточное убранство комнаты.

- Понятно... Но декор номеров, как я понимаю, не похож на отделку болидов «Формулы-1»?

На лице Тисрана отразилась сдержанная профессиональная гордость.

– В этом заключается другая особость «Ред Корнер»! Все номера тематические. У вас было время осмотреться? Здесь есть «Луксор», «Тадж-Махал», «Монмартр», «Караван-сарай», «Венеция»...

Управляющий явно вознамерился пересказать весь буклет. Петар жестом остановил его, подумав, что Жюло уже загрузил все документы.

– Подобные номера есть во всех отелях сети?

Господин Каталог откашлялся.

– Совершенно верно. Повсюду на планете, куда бы вы ни поехали!

Петар заметил, что рассказ управляющего не только заинтересовал Жюло, но и развеселил его. Возможно, это идеальная гостиничная

концепция для молодых романтиков с нищими зарплатами? Самого майора «красоты» из папье-маше ужасали. Почему бы не посетить номер «Вуковар», раз уж они здесь? Риан пытался распилить наручники, чтобы увезти тело к экспертам.

- В номерах есть камеры?
- Шутите? делано возмутился администратор. Роль мелкого ремесленника, оскорбленного в лучших чувствах, удавалась ему не слишком хорошо. Мы гарантируем полную анонимность. Безопасность, приватность, звукоизоляция...

«И почему это служащие компании так любят говорить "мы", "наши", не думая, что каждого могут заменить не позже чем через полгода?» – рассеянно подумал Петар.

- А снаружи?
- У нас три камеры на стоянке и одна перед дверью, запись ведется круглосуточно.
- Хорошо, мы ее забираем... А теперь, пожалуйста, он посмотрел в глаза собеседнику, заткните эту дерьмовую скрипку из «Тысячи и одной ночи»!
- Я попробую, пролепетал Тисран. Но… музыкальное оформление тоже централизовано.
- Так звоните в Сидней, Гонолулу, Токио, черту, дьяволу, и пусть вырубят звук!

* * *

В конце концов музыку убрали, тело увезли, ароматы испарились, почти все сыщики уехали. Петар стоял спиной к окну, опираясь на подоконник (сесть можно было только на него да еще на пропитанный кровью матрас).

– Слушаю тебя, Жюло, – обратился он к лейтенанту. – Ты наверняка успел залезть на дюжину сайтов, прошерстил соцсети и выяснил личность нашего покойника.

Лейтенант Флор улыбнулся:

– В точку, шеф! Жертву звали Франсуа Валиони. Сорок девять. Женат. Двое детей – Юго и Мелани. Живет в Обани, на дороге дела Куэст.

Петар закурил, выдохнул дым в окно, в сторону торгового центра.

- Ты чертовски расторопный, Жюло. И очень дотошный. Кончится тем, что я поверю в достоинства чертовой $Big\ Data^{\fbox{11}}$.

Лейтенант покраснел и на мгновение замялся.

– Hy... вообще-то я нашел бумажник жертвы в кармане пиджака. Петар расхохотался:

- Блеск! Ладно, продолжай.
- Есть странная деталь. Риан заметил на правой руке след от иглы. Не от укола у него взяли кровь!
 - Что-о-о?!
- Ту, что осталась, разумеется. (Петар оценил черный юмор подчиненного: паренек потихоньку оттаивает.) Похоже, убийца сначала взял кровь, а потом перерезал бедняге вены.

Жюло продемонстрировал майору прозрачный пакет с иглой, пробиркой и окровавленным ватным тампоном.

– Этот набор для определения группы крови нашли в помойке. Такие есть в любой аптеке, стоят пятнадцать евро. Шесть минут – и все готово.

Петар щелчком отправил окурок в окно, и он приземлился на презервативы, валявшиеся вокруг гостиничных мусорных баков.

- Давай посмотрим, что получается. Этот тип Франсуа Валиони добровольно заходит в номер «Шахерезада» скорее всего, вместе со своим будущим убийцей. Он дает приковать себя к кровати, преступник берет кровь, ждет результата, режет ему вены и исчезает, оставив после себя «халяльный» труп.
 - Похоже на правду.
- Дьявольщина! Петар задумался, потом продолжил ироничным тоном: Возможно, мы имеем дело с человеком, который ищет донора. Срочно. Вопрос жизни и смерти. Он тестирует потенциального кандидата, выясняет, что кровь не подходит, приходит в бешенство и убивает его. Какая группа крови была у Валиони?
- Нулевая^[12], резус положительный, ответил лейтенант, как у трети французов. Или это ремейк «Сумерек»?
 - Не понял.
 - Фильм про вампиров, пояснил Жюло.
- Почему бы не сказать по-человечески «Дракула»? Давай начнем с внешних камер. Валиони наверняка был с девушкой. Вряд ли достойный отец семейства интересовался мальчиками.

Жюло кивнул и показал патрону еще два пакетика:

– В карманах Валиони мы обнаружили вот это.

Петар наклонился, чтобы разглядеть содержимое: красный пластмассовый браслет в дырочку (такие выдают клиентам в отелях «все включено») и... шесть ракушек. Шесть практически идентичных, овальных, белых, перламутровых трехсантиметровых ракушек с дырочкой в самом центре.

– Никогда не видел таких на здешних пляжах! – удивился майор. –

Загадка номер два. Где наш славный Франсуа откопал эти штучки?

- Он много ездил по работе, патрон.
- Ты нашел ежедневник?
- Нет, но в бумажнике лежали визитки. Франсуа Валиони руководил финансовой службой Ассоциации помощи беженцам «Вогельзуг».

Скучающее выражение на лице майора сменилось живым интересом.

- Ты уверен? «Вогельзуг»?
- Могу показать удостоверение с фотографией...
- Да ладно... Жгучее любопытство Петара Велики уступило место тревожному нетерпению. Дай мне подумать. Сходи в «Старбакс» за кофе.

Лейтенант изумился, засомневался, понял, что это не шутка, и отправился исполнять поручение.

Как только подчиненный удалился, Петар выдернул из кармана телефон.

«Вогельзуг».

Это не может быть совпадением. Он обвел взглядом здания, порт, промышленную зону и с другой стороны, совсем близко, — пристань для яхт. Микс нищеты в чистом виде с квинтэссенцией роскоши.

Неприятности только начинались.

5

10:01

– Можно еще кока-колы, дедуля?

Журден Блан-Мартен кивнул. Он не собирался лишать внуков ни сладкой газировки, ни других вредных вкусностей, особенно в день рождения. Журден сидел на веранде, наблюдал за детьми и пил кофе. В конце концов все вышло удачно.

Стыдно признаться, но он ужасно волновался — и за организацию праздника Адама и Натана, близнецов его сына Жоффрея, чья жена улетела на две недели на Кубу, и за проведение симпозиума «Фронтекса» открывавшегося через три дня во Дворце Конгрессов Марселя. Больше тысячи участников. Сорок три страны. Главы государств, руководители предприятий... Блан-Мартен осознавал, что бурная деятельность, развернутая вокруг мигрантов, перестала его интересовать. Пора передать бразды правления Жоффрею, старшему из трех сыновей, устроиться поудобнее в шезлонге и любоваться закатами над Пор-де-Буком. Наслаждаться кофе, поданным не секретаршей, и слушать смех детей не по

громкой связи.

День рождения проходил чудесно, и неудивительно – денег Журден не пожалел. Пять аниматоров развлекали четырнадцать мальчишек. Одноклассников его внуков по школе Монтессори. Их далеко не бедных родителей впечатлила встреча у бассейна на шестом этаже виллы «Ла Лавера» с видом на залив де Фос от Пор-Сен-Луи-дю-Рон до границ Камарга и пляжей у мыса дю Карро. Приходите с пустыми руками, было написано в приглашении, без подарков, возьмите только плавки.

Фонтаны газировки, пирамиды конфет, дождь конфетти. Оргия для самых маленьких.

Из правого кармана Журдена зазвучало «Адажио для струнных» Барбера — рингтон его телефона. Он не стал отвечать. Позже. Его восхищала фантазия аниматоров. Один изображал Питера Пэна, худенькая девушка — фею Динь-Динь, другая — индианку, а малышню нарядили пиратами. В центре бассейна колыхался надувной остров, его поддерживали десять пластиковых крокодилов. Дети наперегонки гребли на матрасах между безобидными рептилиями, чтобы выбраться на остров и собрать как можно больше золотых шоколадных монет. Все визжали от восторга.

Журден на секунду отвлекся от малолетних мореплавателей, чтобы полюбоваться панорамным видом. Строго на юге тянулись вверх башни «неблагополучной городской зоны» Эг Дус — квартала его детства. Под ним, метрах в ста от домов, простирался порт Ренессанс, где стояли его яхта «Эккайон» и маленький изящный «Марибор» жены Жоффрея.

Несколько сотен метров и два ни в чем не похожих мира. Изолированных мира. Журден потратил полвека, чтобы перебраться из одного в другой. Он сделал состояние менее чем в километре от дома, где родился, что было предметом его гордости. Журден прошел все эшелоны без исключения и теперь имел право свысока смотреть на здания, чья тень подавляла его детство. Так выпущенный на свободу арестант покупает жилье рядом с тюрьмой, чтобы полнее насладиться свободой.

- Я возьму кока-колу, дедушка?
- Бери сколько хочешь, мой дорогой.

Натан пил четвертый стаканчик. Он стал меньше похож на своего брата-близнеца, каждый год поправлялся на килограмм, и различать мальчишек стало проще, хотя Жоффрей ошибался через раз. Он мотался по миру по делам «Вогельзуг», возвращался раз в три недели, по воскресеньям, чтобы поцеловать детей и заняться любовью с Иваной. Эта красавица словенка интересовалась игрушками сыновей гораздо меньше,

чем своей роскошной яхточкой и спорткаром «Ягуар F-Туре». Рано или поздно она начнет изменять болвану Жоффрею, уверенная, что он тоже ни в чем себе не отказывает в «Хилтонах» и «Софителях» планеты.

Когда Журден создал в 1975 году свою ассоциацию, в мире было не больше пятидесяти миллионов человек, «перемещенных» из-за поиска работы, войны или нищеты. В 2000-м их число превысило сто пятьдесят миллионов и продолжало расти по экспоненте. Какое полезное ископаемое, какой вид энергии, какое сокровище могло похвалиться подобным регулярным увеличением стоимости за последние полвека? Журден надеялся, что у его сына, несущего на плечах бремя ответственности за ассоциацию, нет времени на игрища с проститутками.

Снова зазвучало «Адажио» Барбера — кто-то настойчиво пытался дозвониться, и Журден вышел на террасу (детские вопли начали его раздражать), чтобы ответить. Водный поиск сокровищ отвлек шестилетних монстров всего на двадцать минут. Благовоспитанные мальчики, вскормленные по методикам Монтессори, совершенно распоясались и лупили друг друга пенопластовыми саблями, швыряли в воду клубничины tagada^[15], тыкали в мирных крокодилов конфетными «вертелами», нанизывали на них шоколадные луидоры.

Журден задвинул стекло веранды и прочел высветившееся на экране имя.

Петар Велика.

Что этот...

- Блан-Мартен?
- Он самый.
- Велика. Знаю, вы не любите звонков на личный номер, но...
- Ho?

Журден смотрел вдаль, на мыс полуострова, вдававшийся в море до конца мола напротив форта Бук, прикрывающего рейд.

- У нас труп. Вам не понравится. Высокопоставленное лицо из вашей ассоциации. Франсуа Валиони.

Журден тяжело опустился в тиковый шезлонг, и тот едва не перевернулся. Крики чаек и детей смешивались в воздухе.

- Дальше…
- Убийство. Валиони нашли сегодня утром. С завязанными глазами. В наручниках. Вены перерезаны. В номере «Ред Корнер».

Журден автоматически повернул голову в сторону торгового центра Пор-де-Бука, хотя увидеть его с террасы не мог. Он потратил десятки тысяч евро на лесопосадки, чтобы вид из северной части виллы ограничивался

приморскими соснами, растущими по берегам Арльского канала в Буке.

- У вас есть версия?
- Лучше. Мне только что принесли запись с внешних камер наблюдения.

Петар Велика прищурился, чтобы разглядеть рябоватую пиксельную картинку: у дверей «Ред Корнер» стояла девушка, почти все ее лицо скрывал шарф. Она посмотрела в камеру и тут же отвернулась, как будто хотела оставить не след, но лишь намек на него.

– Валиони входит с девушкой, – сообщил он Блан-Мартену. – Она красавица.

Журден оглянулся, проверяя, не притаился ли поблизости Капитан Крюк, Г-н Муш или Индейский Вождь^[16], и отдал приказ:

– Идентифицируйте ее. Найдите и арестуйте. Раз ее поймала камера, это будет нетрудно.

Петару пришлось внести поправку:

– Она... была в шарфе, очень странном, с совами...

Бетонный парапет был больше метра в высоту, но Журден почувствовал, что его тянет в пустоту.

- Вы уверены?
- В этом да.

Журден обвел взглядом дома Эг Дус, похожие один на другой, возведенные как башни средиземноморской белой крепости, недостроенной цитадели, оставшейся без стен.

«Шарф с совами, – повторил про себя Блан-Мартен. – Завязанные глаза. Перерезанные вены».

Красавица...

У него появилось дурное предчувствие: она продолжит наносить удары, убивать, проливать кровь.

Пока не найдет того, кого ищет.

6

10:27

Лейли поднялась на последнюю ступеньку лестницы, провела ладонью свободной руки по облупившейся краске стены и нащупала выключатель площадки восьмого этажа башни *H9* в Эг Дус.

Трещины в плитках пола, ржавые перила, плесень на потолке, вздувшиеся плинтусы... Она поморщилась. Прошлым летом перекрасили

фасады, а на лестничные клетки, видно, не хватило материалов. «А может, — подумала она, глядя на сердца, черепа и прочие популярные члены, нарисованные на стенах, — мэрия создала комиссию по охране граффити, творческого наследия городского искусства начала века». На что она жалуется? Через много лет на лестничную клетку будут водить экскурсии, как в пещеру Ласко^[17]. Лейли предпочитала рассматривать любую ситуацию с позитивной стороны. Возможно, ее номер с обращением сработает и Патрик Пеллегрен найдет для нее квартиру мечты, возможно, ее уже ждет мейл... 50 квадратных метров... нижний этаж... садик... оборудованная кух...

– Мадам Мааль?

Голос, нет – визгливый крик прозвучал этажом ниже. На лестнице стояла девушка. Камила. Только ее не хватало!

– Мадам Мааль, ваши дети могут приглушить звук? Кое-кто в этом доме пытается заниматься... чтобы однажды оказаться в лучшем месте.

Камила Саади. Соседка снизу. Учится на психолога. На третьем курсе, как Бэмби. Камила все делала, как Бэмби. По странному стечению обстоятельств Камила появилась в доме два года назад. Как почти все здесь, она получила жилье от социального арендодателя, который, не имея возможности отказаться, старался втиснуть в Эг Дус студентов, пенсионеров, безработных, нищих, создавая подобие разнообразия и освобождая от них другие кварталы.

Камила узнала соседку среди 650 студенток, сидевших вместе с ней в амфитеатрах психфака Университета Экс-Марсель. Целый год они ездили на занятия автобусом № 22, читали одни и те же конспекты, перекусывали кебабами.

Камила и Бэмби все делали вместе, но первая чуть хуже второй. Камила и Бэмби были похожи: длинные волосы, распущенные или заплетенные в косички; миндалевидные черные глаза с ореховыми переливами; матовая кожа, но Камила была не так красива, как Бэмби. Они сдали одни и те же экзамены, но только Бэмби — с отличием. У них была общая компания, но Бэмби достался самый симпатичный парень. Прекрасная дружба мало-помалу превратилась в гнусную зависть, хотя вначале Лейли даже опасалась, что Бэмби захочет переселиться к Камиле.

- Keen'V, не унималась девушка, Канардо́, Сопрано́...^[18] Мило, но я это переросла.
- «И Гаэль Фай»^[19], мысленно добавила Лейли. Бэмби его очень любила. А Тидиан обожал Мэтра Гимса, Альфа́ Сета Гуэко. Сама Лейли

за глажкой слушала по радио «Ностальжи» Гольдмана, Балавуана и Рено [20]. Работая по ночам, она не снимала наушники, но дома врубала звук на полную мощность. Когда живешь на двадцати пяти квадратных метрах, только музыка способна раздвинуть стены.

Этажом ниже открылась дверь квартиры напротив, и на площадку вышел мужчина лет пятидесяти. Время от времени Лейли сталкивалась с ним на лестнице. Выглядел сосед Камилы заспанным, одет был в мятую футболку – такую натягивают утром, опаздывая на работу или заваливаясь поспать на часок-другой во второй половине дня. Лицо у мужика тоже было «в складку», очень светлые голубые глаза словно бы досматривали наяву последний сон. Борода закрывала подбородок и шею, редкие волосы мышиного цвета плохо маскировали лысину. Майка обтягивала круглый, как мяч, живот.

- Лично я ничего не слышал, заявил он, улыбнулся и подмигнул Лейли.
- «У мужчин сегодня утром хорошее настроение», подумала она, а плешивый мсье одарил улыбкой Камилу.
- Я ухожу на работу в шесть утра и сплю здесь всю вторую половину дня. Если бы музыка грохотала, я бы точно услышал, красавица.

У него был странный скрипучий голос, как будто он осип от крика, поэтому спорить с ним было себе дороже и уж тем более просить повторить. Камила пожала плечами и вернулась в квартиру. Незнакомец поднялся на два пролета, протянул Лейли руку:

– Ги. Ги Лера, – и подхватил тяжелые пакеты с покупками.

Йогурты, уцененные пирожные, поддельная «Нутелла» и прочая дрянь из дешевого супермаркета «Лидл» — нужно же забить холодильник. Ги неловко топтался у двери, пока Лейли искала ключи. Застенчивый верзила, не решавшийся шагнуть через порог, показался ей очень трогательным.

– Входите же.

Он колебался.

– Ну хоть до холодильника меня проводите...

Ги поставил ногу на неразведанную территорию.

- Музыка правда вам не мешает? спросила Лейли.
- Да я не слышу сплю с берушами!

Его глаза лукаво блеснули, и Лейли рассмеялась: то-то Камила разозлилась бы... Нужно быть начеку, эта зараза найдет способ отыграться.

– Я работаю в порту, на нефтеперерабатывающем заводе. Начальство замеряло уровень шума – нам каждый день бьют по ушам сто децибел. Люди не могут не общаться, вот и надсаживают глотку. Те, что сидят

наверху, говорят, что мы все сипим именно из-за шума. Мол, все дело в нем, а не в асбесте. Зачем бы о нем говорить, если его нет и он ни в чем не виноват. Думаю, поближе к пенсии обнаружится еще какая-нибудь мерзость.

Лейли понимающе кивнула и пошла на кухню разбирать продукты, дав Ги время осмотреться. Маленькая комната с двумя двухъярусными кроватями производила странное впечатление: живший в ней ребенок мог каждые пять лет менять кровать на следующую, не расставаясь с предыдущей. На первой лежали плюшевые звери, Базз Светик, макет «Тысячелетнего сокола» [21], комиксы, футбольные альбомы и книги по греческой мифологии; над верхней, прикрытой зелено-желто-красным одеяльцем, висели постеры африканских исполнителей регги, валялись кроссовки и блок сигарет. На спинке кровати-соседки пристроились два пакета с чем-то кружевным, просвечивал топик цвета фуксии, что-то с пайетками. Последняя койка пустовала, не было даже матраса. Она как будто ждала пока что нерожденного младенца. «Интересно, – подумал Ги, – при такой страшной тесноте дети и не подумали занять свободное место своими вещами…»

– Выпьете чаю? – спросила Лейли.

Сосед не ответил и виновато отвел взгляд от кроватей – получилось неловко, как будто он подглядывал.

– Не обращайте внимания на беспорядок, – продолжала Лейли. – Трое детей, представляете? Тидиану десять, он каждую неделю притаскивает из библиотеки стопку книг. Совсем не похож на своего брата Альфа. – Женщина кивнула на верхнюю кровать. – Школа и Альфа... Непростые отношения. Я все силы положила, чтобы он не бросил раньше шестнадцати лет, но уже два года его волнуют только музыка и спорт, а еще дружкиприятели... Я за него не переживаю, Альфа изобретательный, умеет использовать любую возможность. Только бы с пути не сбился.

Голос Лейли дрогнул. Ги слушал не перебивая.

– А Бэмби скоро исполнится двадцать два. Она только что получила диплом психолога и теперь решает, как поступить, – то ли найти работу и продолжить учебу, то ли... Место получить очень трудно, сами понимаете. Дочь помогает мне, как только может...

Лейли посмотрела на фотографию детей. Тидиан улыбался во весь рот, Альфа́ был на голову выше брата и сестры, а Бэмби смотрела в объектив огромными, как у лани, глазами.

– Девочек охотно нанимают официантками в бары на пляже. Так что насчет чая?

Ги все еще колебался. Он сделал шаг в сторону гостиной. Диван был собран, но он догадался, что на ночь Лейли раскладывала его и превращала в спальное место. Маленький стол, четыре стула, компьютер, пепельница. Внимание сразу привлекли две необычные детали: большая плетеная корзина, где лежали солнечные очки всех цветов и форм, и множество расставленных повсюду фигурок сов. Деревянных, стеклянных, глиняных.

- Моя маленькая персональная коллекция, похвасталась Лейли. Сто двадцать девять штук.
 - Почему совы?
 - Вам интересно? Вы тоже ночная птица?
 - Скорее рассветная.

Она улыбнулась и протянула руку к закипевшему чайнику:

- Ну что, наливаю?
- В другой раз.

Ги направился к двери, и Лейли изобразила обиду.

– A вам известно, что, отвергая гостеприимство женщины из пёльского племени, вы наносите ей страшное оскорбление? В пустыне находили путешественников, зарубленных мачете за куда меньшие преступления.

Ги не знал, как выкрутиться, и остановил взгляд на картинке над компьютером: солнце садилось в реку — африканскую, если судить по черным теням пирог и хижин.

- Я пошутила, успокоила его Лейли. Что вас смущает?
- Ничего... просто... я не привык.
- К чему? К беспорядку? К детям? К совам? Или к тому, что подбивает клинья такая молодая, сексапильная и богатая девушка, как я, и приглашает в свой особняк выпить шампанского?
 - К Африке, выпалил Ги.

Он стоял в дверях квартиры, нервно поддевая ногой угол отставшего линолеума. Лейли застыла с чайником в руке.

– Вот оно что... Не ожидала. Уточните-ка, милый сосед.

В следующую секунду Ги собрал всю свою дерзость и заговорил с агрессивным напором:

— Не стану ходить вокруг да около! Моя молодость прошла между Витролем и Гарданом^[22], тридцать лет работаю в доках Пор-де-Бука, большинство моих приятелей — «черные ноги» или сыновья «черноногих»^[23]. В выходные мы стреляем уток на озере Бер, все голосуем за одну и ту же партию, и она скорее цвета морской волны, ну, сами понимаете... Вы милая, я ничего не имею против вас и ваших ребят. Черт

возьми... как бы это сказать... Я не из тех, кто ходит в гости к арабам...

- Народ пёль не арабы.
- Черные, люди из Северной Африки, бородачи-мусульмане называйте как хотите.
- По-вашему, у меня есть борода? Расслабьтесь, присядьте на пуф, возьмите чашку, пейте и не обожгитесь.

Ги досадливо пожал плечами, но не устоял перед напором Лейли.

– Вы выручили меня, защитили от мерзавки Камилы, так не отказывайтесь от угощения. Отпразднуем мою новую работу. Первый бессрочный^[24] за три года. Начинаю сегодня, во второй половине дня.

Ги наконец сел, а Лейли свободной рукой сняла со стены картинку с закатом на реке, посмотрела в сторону кухни, перевела взгляд на комнату детей. Успокоилась. Она не оставила ни малейшего следа, не сделала ни одной ошибки. Впуская кого-нибудь в свой дом, она всегда нервничала, обдумывала каждую деталь, не полагалась на случай, устраивала все как положено. Приглашая незнакомца, Лейли каждый раз искала подтверждения, что все остается скрытым. Вот и этот рохля, большой плюшевый мишка, извиняющийся за расистские взгляды, пребывает в неведении.

Лейли взяла стул и устроилась напротив Ги.

– Сегу, – сказала она, постучав пальцем по рамке. – Это в Мали. Там я родилась. Слушайте...

История Лейли

Сегу, о котором вы, дорогой сосед, наверняка никогда не слышали, это маленький городок в двухстах километрах от Бамако, но в пяти часах езды автобусом. Кажется, что дорога не может вырваться из города, словно столица растет быстрее, чем движутся машины. Конечно, они в конце концов берут верх и попадают в одиночество пустыни. Но Сегу – в первую очередь река, Великий Нигер. Он шире города, он почти как море. Мы жили в хижине в квартале гончаров, у реки. Мои отец и мать делали горшки, вазы, кувшины из глины, которую брали на берегу. Свои изделия они продавали туристам, которых до революции 1991 года было немного, так что приходилось иметь дело с путешественниками-перекупщиками.

Главными людьми в Сегу были владельцы пирог. Они ловили рыбу – основную нашу пищу, плавали по реке до городов Мопти и Кумикора, но самое главное – перевозили людей с берега на берег, потому что на Нигере на тысячу километров нет ни одного моста. Жители курсируют со своей едой, деньгами, камнем, лесом, кирпичом и животными. На каждой

стороне — по огромному базару, они никогда не закрываются, там полно ослов, собак, встречаются даже верблюды, если туарег решается доехать до города, ребятишки окружают его, будто это сказочная диковина.

Пирога причаливает, и самый шустрый предлагает украшения, горшки, сигареты, презервативы и много чего еще...

Я шустрее всех! Мальчишки, может, и бегают быстрее за мячом, но я всегда опережаю их, бросаюсь в реку, бреду по пояс в воде, несу сумку в высоко поднятой руке, улыбаюсь, смеюсь, кричу. Да, Ги, я была самая отважная и продавала горшков больше, чем все мои кузены вместе. На реке меня знали, окружающих забавляло, как я барахтаюсь, благодарю — спасибо-спасибо! — ловлю на лету африканские франки и складываю их в висящий на шее кошелечек. С шести до одиннадцати лет я была маленькой принцессой пляжа Сегу, любимицей владельцев пирог и рыбаков. Я приносила им воду в бутылках, финики и кокосы. Босоногая торговка восхищала взрослых, полудевочка-полурыба, неутомимая, как прилив.

Красные бляшки высыпали апрельским утром, за две недели до моего одиннадцатого дня рождения. Сначала я заметила сыпь на животе, как от укусов пиявок, потом пятна большего размера на ногах, спине, ягодицах... Пострадала вся нижняя половина тела, до сосков. Очень скоро пятна начали сливаться, как плесень, и папа отвел меня в диспансер за собором. Доктор — француз в холщовых штанах и рубашке, проживший в Сегу тридцать лет, но так и не привыкший к жаре, — осмотрел меня и успокоил. Ничего страшного, обычная аллергия, вода в реке жутко грязная, нужно бы запретить детям купаться, женщинам — стирать белье, а животным — гадить. Но все-таки будет лучше съездить в Бамако и проконсультироваться в больнице Туре.

Меня обследовали, сделали анализы, потом пришла женщина и напутала меня своей милой улыбкой. Из окна палаты были видны президентский дворец на холме Кулуба и университет, где я не буду учиться. Дама долго разговаривала с папой и объяснила нам, что у меня кожная болезнь. Она легко лечится, пятна исчезнут сами собой, если я перестану плавать в Нигере и жариться на солнце. Моя кожа стала очень хрупкой, солнце могло оставить на ней шрамы на всю жизнь. «Придется подождать, пока организм не вылечит себя, – сказала медсестра, протягивая мне листок бумаги, расчерченный в клеточку синими чернилами. – Месяца через три поправишься». Каждый вечер я зачеркивала простым карандашом число в календаре.

Сначала я не понимала, что такое три месяца и как это – не бывать на

солнце. Папа старался развеселить меня, всю дорогу домой щекотал листьями баобаба, которыми торгуют на остановках женщины, позвонил в Сегу. Мама и кузены приготовили хижину для меня одной – с подушками, длинными простынями и плетеной мебелью. Папа подарил мне куклу, купленную на рынке в Бамако, и крошечный сервиз, который сделал сам.

– Ты проведешь здесь почти сто дней, моя принцессочка.

В хижине было небольшое круглое окошко, и все мои игрушки и покрывало разложили в противоположном углу. В тени.

– Мы позаботимся о тебе, Лейли. Все мы. Сто дней пройдут быстро, и ты снова будешь играть с подружками и бегать быстрее бамбар^[25].

Значит, меня здесь запрут?

Все ушли, и я осталась одна. Мне строго наказали избегать круга света на полу, и я медленно двигалась вслед за обжигающим солнцем.

Так прошел день. К концу его я смертельно соскучилась. Мне было трудно вообразить, что эти три месяца заключения в глиняной тюрьме станут лучшими в моей жизни.

Но нам ничего не дается даром, и те же три месяца стали причиной всех моих бед. Проклятием за то, что захотела прикоснуться к счастью.

7

10:29

– Что вам взять, босс?

Лейтенант Жюло стоял в очереди в «Старбакс», прижав телефон к уху. Майор Петар Велика сказал со смесью удивления и досады в голосе:

- Я не передумал после того, как ты ушел, малыш. Кофе! Я буду кофе.
- Хорошо, патрон, но мне нужен более... развернутый ответ.

Ответом стало недоуменное молчание, и лейтенант почувствовал себя учителем, задавшим простейший вопрос ученику, который даже смысла его не понял. Он попробовал уточнить, проявив чудеса дипломатического такта:

– У них тут широкий ассортимент, патрон. Предпочитаете «Гватемала Антигуа»? «Органик Эфиопия»? «Кати Бленд»? Или...

Примирительный тон не сработал – майор взорвался, не дав подчиненному закончить перечисление:

– Разберись сам! Господи, когда мне хочется кофе, я иду в бар и заказываю хозяину черный, не спрашивая, вырастили его в Мозамбике или смололи в Непале!

 Ладно-ладно, не злитесь, все будет хорошо! – Жюло огорченно покачал головой.

Он много лет не был в баре, зато обожал «Старбакс», где люди разного возраста тихо-мирно ждали свой заказ, студенты ели с подносов, клерки в галстуках поглощали завтрак, не отрываясь от ноутбуков, бабульки с гурманским удовольствием выбирали маффины и чай. Очередь двигалась медленно. Жюло пытался решить проблему кофе для майора. Петар Велика завораживал его. Самому Жюло всегда было трудно сделать выбор, ему требовались доказательства, он выводил сумму данных, прежде чем выстроить гипотезу, чувствовал себя мощным процессором, способным, увы, только на запрограммированные рассуждения.

Петар же руководствовался инстинктом, плевал на объективные свидетельства, мог мгновенно выделить нужное, «клал с прибором» на психологические теории и через три слова просчитывал личность подозреваемого. Жюло ужасно хотелось провести хоть одно расследование в манере Петара — дилетантскими методами ворчливого легавогомизантропа, трудолюбивого муравья, разгильдяя, не пугающегося трудностей, делающего ошибки и как ни в чем не бывало начинающего все сначала.

Наконец девушка с торчащим из-под зеленой бейсболки конским хвостиком широко улыбнулась и записала его заказ.

Стефани. Имя было вышито на фартуке, над левой грудью.

– Психованный улей. – Она смешно наморщила носик. – Придется немножко подождать.

Жюло обожал здешних официанток – как и бананово-ореховые кексы.

– Ничего, Стефани, подожду... – Он улыбнулся в ответ.

Нигде, кроме «Старбакса», лейтенант не позволил бы себе такой фамильярности. Все дело во взаимности. Он знал, какой ритуальный вопрос задаст очаровательная девушка, приняв заказ.

– Ваше имя?

Стефани подписала стаканчики — *Жюло* и *Петар*; сыщик устроился на высоком стуле по соседству, включил планшет и положил его на колени. На экране появилось увеличенное изображение ракушки, несколько минут можно было наслаждаться изучением моллюсков. Уже через десять секунд он так сосредоточился, что очнулся, только услышав имена очередных клиентов.

- Бэмби. Бэмби и Альфа. Два кофе. Забирайте!
- Парень с планшетом очень даже ничего.
 Бэмби перевела взгляд на брата.

– Он легавый! – буркнул тот.

Альфа был дылдой – под два метра, так что, усаживаясь, согнулся и с трудом втиснул колени под стол. В пятнадцать лет этот гибкий, как лиана, парень таскал ящики на всех местных складах, а в свободное время «качался» и плавал в море, чтобы превратиться из тщедушного человечка в силача. Он преуспел и в семнадцать стал настоящим атлетом: 90 кило мышц, мощные ляжки, замаскированные свободными спортивными штанами, широкая мускулистая грудь в обтягивающей майке без рукавов.

- Откуда ты знаешь?
- Просто знаю, так что не пялься.

Бэмби подчинилась. Этот молодой сыщик хорош, но брат прав: не стоит привлекать к себе внимание. Легавый, он легавый и есть. Девушка повернулась, взяла брата за руку и посмотрела ему в глаза.

Когда напряжение спало, она сняла с висевшей на шее цепочки кулон и положила на стол черный эбеновый треугольник одним углом вниз, что у народа пёль символизировало женское начало и плодородие. Альфа опустил на амулет сестры свой, одним углом вверх, что олицетворяло мужественность, два яичка и фаллос. Кулоны образовали звезду с шестью лучами.

Их черную звезду. Их единственную цель.

– Не уверена, что сумею, – призналась Бэмби.

Альфа сжал пальцы старшей сестры огромными ручищами, еще хранившими жар кофейных стаканов.

– У нас нет выбора. Мы – пушинки на ветру.

Бэмби никак не могла успокоиться, ее била дрожь. Альфа встал и обнял ее. Тяжеловес приласкал хилого перворазрядника. А между тем он знал, насколько сестра сильнее. Всегда была такой.

Их взгляды встретились.

– Конечно, маленький брат. Конечно, мы не можем отступиться, потому что этой ночью освободили чудовище. Но... Просто я за тебя волнуюсь.

Кончиком указательного пальца Альфа́ поправил свой черный треугольник, чтобы он составлял идеальную звезду с подвеской Бэмби, глотнул кофе и произнес, успокаивая:

- Мы обговорили каждую деталь, приманили удачу на нашу сторону, как космонавты, летящие на ракете в другую галактику. Нужно в точности следовать плану. И притянул сестру за плечи к своей широченной груди. Я горжусь тобой, детка.
 - Нас проклянут, прошептала она.

– Мы уже прокляты.

Бэмби глотнула кофе. Горячая жидкость стекала по горлу на манер селя, пожирающего сорняки на поле под паром. Интересно, душ из кипятка также ободрал бы кожу? Господи, что за идиотская мысль! Она заставила себя улыбнуться.

- Два маленьких обреченных перышка? Две песчинки, разнесенные в разные стороны красным харматаном?^[26] Пыльца, парящая в воздухе, прежде чем упасть к подножию стебля?
- Не всегда, хмыкнул Альфа. Не всегда, Бэмби. Случается, пыльца проделывает путь в сотни километров, чтобы найти свой цветок, ее не останавливают ни стены, ни моря, ни границы.

Бэмби не раз слышала подобные речи. Через несколько секунд он заговорит о приспособленности растений к опылению ветром, по-ученому – анемогамии. Она терпеть не могла, когда младший брат изображал интеллектуала, дополняя образ бунтаря против любой школьной власти пространными теориями, или вдруг начинал цитировать Википедию, скрывая отсутствие подлинных знаний. Этот недостаток присущ всем красавчикам здоровякам. Они мнят себя хитрецами. Альфа считает себя умнее других, а на самом деле он всего лишь сильнее! Девушка улыбнулась, брат это заметил, но не рассмеялся в ответ.

– Ладно, красавица, я тебя утомил, но потерпи еще две секунды. Я коекого жду. Он лучше все объяснит. Нужно только...

Альфа бросил взгляд на полицейского с планшетом, как будто считал его угрозой. Бэмби ничего не поняла. Она чувствовала себя усталой, и от кофе стало только хуже, затошнило.

– А если наш план не сработает? – Голос девушки прозвучал странно скрипуче. – Что, если нас посадят? Или мы погибнем? Мама останется одна, на этот раз – совсем одна!

Бэмби протянула руку к звезде, как будто хотела разъединить кулоны, но Альфа́ ей помешал.

- Все это мы делаем для нее, малышка. Для нее. Не забывай.
- А Тидиан?
- Я ему объясню.

Долгое молчание прервала официантка, выкрикнувшая голосом уличного торговца, сулящего баснословный выигрыш:

– Жюло и Петар. Два кофе? Забирайте!

Альфа сжал ладонь сестры, призывая ее к молчанию. Сыщик убрал планшет, прихватил стаканы и направился к выходу. Когда он проходил мимо них, Бэмби отвернулась, потом привстала, провожая взглядом

отличную задницу. Порог кофейни переступил чернокожий мужчина – старше Альфа, но такой же здоровенный, с бритым черепом, только на висках серебрился пушок.

– Это Саворньян, Бэмби, – сказал Альфа и добавил: – Он нелегал.

Саворньян приехал из Бенина, крошечного франкофонного государства рядом с африканским гигантом — Нигерией. Бенин — одна из беднейших стран планеты, там нет нефти, нет нормальных дорог, на юге — порт, откуда можно сбежать морем, а на севере — лес, где легко спрятаться (если выживешь в пустыне), а потом добраться до Франции. Саворньян прибыл два месяца назад вместе с кузенами из Котону — программистом Болой, архитектором Джимоном, исполнителем зука [27] Уисли и агрономом Захерином.

Объятия Альфа и беженца затянулись, и это показалось Бэмби фальшивым. Саворньян взглянул на черные треугольники. Альфа придется лавировать между добром и злом. Идти по проволоке. Продать душу.

– Саворньян оставил на родине жену и двоих детей, – уточнил Альфа́, как будто речь шла об особой заслуге. – Бабилу, Сафи и Кейвана.

Бэмби уставилась на «мужественного» бенинца:

– Значит, ты бросил свою женщину и ребятишек, чтобы уйти в подполье? Считаешь, это делает тебя героем?

Альфа́ это разозлило, он хотел осадить сестру, но Саворньян остановил его, как добрый дядюшка-марабу:

– О чем мечтаешь, сладкая?

Бэмби растерялась:

- Hy...
- Я мечтаю о словах. Читаю. Пишу. Только этим и занимаюсь целыми днями. Но я не мечтаю стать журналистом, издателем, репортером, романистом. Нет! Я хочу быть первым. Гонкуровская премия или ничего! Он расхохотался. Гитарист Уэсли мечтает о славе Элвиса Пресли или Боба Марли. Такая вот омонимия наоборот именуются по-разному, а по сути тезки! Захерин самый рассудительный из моих родственников, он нацелен на агрономические исследования, чтобы покончить с голодом во всем мире или хотя бы в Африке, в первую очередь в Бенине. Но ты не ответила. О чем мечтаешь, принцесса? У тебя наверняка есть заветное желание.

«Одно? – спросила себя Бэмби. – Танец? Музыка? Мода? Искусство? Встреча с прекрасным принцем? Миллионное состояние и дворец для мамы? Кругосветное путешествие?»

– Я много о чем мечтаю...

Саворньян нацепил маленькие очки с квадратными стеклами и стал еще больше похож на профессора.

- У всех есть мечты, Бэмби. Важно не осуществить, но поверить в них. Убедить себя, что существует возможность, маленький шанс. Когда рождаешься в Бенине и остаешься в Бенине в Котону или Порто-Ново, собственными руками хоронишь надежду. Топишь ее в океане. Почему бы среди десяти миллионов бенинцев не найтись будущим Зиданам, Моцартам, Эйнштейнам? Разве бенинцы не могут рождаться талантливыми? Так назови мне бенинца лауреата Нобелевской премии. Не можешь? Конечно, не можешь, Бэмби, потому что нас хотят лишить мечты!
- Даже здесь, промямлила девушка. Даже во Франции... Сам знаешь, подобные мечты, они...
- Знаю. Истинные мечтатели очень редки. Золотоискатели. Неутомимые. Психи, верящие в свою счастливую звезду. В моем родном городе Абомее таких нашлось пятеро. – Он снова рассмеялся и залпом выпил кофе, который принес Альфа. – Запад считает, что, если не забаррикадируется, здесь высадится весь Африканский Идиотский страх! Большинство популяций хотят остаться там, где они живут, на родине, с семьями и друзьями, если... если могут там выжить. Они готовы довольствоваться малым. Единицы мечтают о приключениях. Из ста или двухсот тысяч мигрантов, которые каждый год пытаются пересечь Средиземное море, на каждые десять тысяч приходится один африканец. И это они называют нашествием?!

Альфа подергал Саворньяна за рукав, давая понять, что они с Бэмби торопятся. Он надел темные очки, кожаную куртку и стал похож на мелкого бандита. Бенинец не отреагировал.

– Безумцы никогда не переведутся, – сказал он, глядя в глаза Бэмби. – Те, кто готов рискнуть всем, лишь бы увидеть, что происходит на той стороне. На другом склоне горы. Понимаешь, о чем я? Одиссей, Золотое руно, Христофор Колумб... Кое-кто рождается с особым складом мозгов. Несколько лет назад ученые набирали кандидатов для полета на Марс. Нашлись тысячи добровольцев – и это при том, что возвращения назад им никто не обещал.

Альфа не выдержал, встал и настороженно обвел взглядом зал, словно от его бдительности зависела безопасность группы, как будто он, и только он упреждает и принимает мгновенное решение. Бэмби улыбнулась. Младший брат снова переигрывал.

– И последнее, друг мой. Последнее. – Саворньян уставился на

Бэмби. — В противоположность тому, что думает любой человек, сталкиваясь на улице с нелегалом в лохмотьях, родину покидают не самые обездоленные и не те, кому нечего терять. Нет, уезжают люди, способные что-то изменить, чемпионы, избранники семей, рыцари, которым отдают последнее, чтобы они вернулись с победой.

Альфа схватил бенинца за руку.

- Все ясно, отрывисто произнес он. Чемпионы. Такие, как ты. И благодаря чемпионам я одержу победу. Он собирался продолжить, но Саворньян остановил его:
- Ты расскажешь о своем плане позже, друг мой. Он непогрешим, я уверен, но здесь не место.

Бенинец достал из кармана зеленый браслет в дырочку и положил его на стол.

- Час назад легавые взяли Болу и Джимона. Их наверняка вышлют. Джимона уж точно. Его легко опознать по шраму на лице. Шесть месяцев титанических усилий, полгода бок о бок со смертью и все надо начинать сначала.
- Вот поэтому, Саворньян, перебил его Альфа, чтобы избежать подобного, мы должны договориться.

Тот встал, и брат Бэмби обнял его за плечи. «Снова изображает самоуверенного консильери... [28] — с досадой подумала Бэмби. — Отчаянного смельчака, одного из тех, кому поручают грязную работу, нищего паладина, несущегося в атаку в первых рядах, бесстрашного героя местного разлива, легко превращающегося в смертника!»

Альфа вернул кулон на шею, Бэмби дрожащими пальцами застегнула цепочку со своим треугольником.

- Удачи, сестричка.
- И тебе, Альфа́. До вечера. Мама ни о чем не должна догадаться.
- Маме очень важно, чтобы мы выглядели образцовой семьей. Я об этом помню. Он улыбнулся, желая успокоить сестру.
 - Будь осторожен, малыш.
 - И ты, Бэмби.

8

10:47

- Ваш кофе, шеф.
- Спасибо.

Петар Велика протянул руку, даже не обернувшись, и взял стакан из рук лейтенанта Жюло Флора. Несколько полицейских осматривали первый этаж отеля «Ред Корнер».

– Я взял вам *Kati Blend*, – уточнил Жюло. – Кофе сезона. Ароматы лимона, пряностей и красных фруктов.

Майор не донес стакан до рта.

- Ты серьезно?
- Прямо из Восточной Африки. Уникальный, неповторимый вкус!

Петар нахмурился. Посмотрел на подчиненного, и тот понял, что его шеф... потрясен.

– Предпочитаете мой? – спросил он. – Кофе *Верона*. Встреча Латинской Америки с Индонезией и ноткой итальянского *Roast*.

Петар опустил глаза на черную жидкость.

– Кофе влюбленных, – не отставал Жюло. – Идеально сочетается с шоколадом и...

Он заткнулся, заметив, что пальцы майора побелели, как будто он собирался швырнуть стакан в гигантский экран, висевший над автоматом с напитками. Все в отеле было автоматизировано: двери, видеокамеры, продажа пива, презервативов и массажного масла. Все. Велика осторожно пристроил стакан перед собой и обратился к полицейскому, стоявшему ближе всех к его столу:

– Риан, можешь запустить кино?

Пальцы молодого сыщика запорхали по клавишам ноутбука, соединенного с большим экраном.

– Не понимаю, как парни это сделали, – сказал майор лейтенанту, – но они сумели вывести изображение с камер слежения на этот телевизор. Устраивайся поудобней, дружок, сеанс сейчас начнется.

Они уселись в полосатые, розовые с золотом, кресла, стоявшие у низкого круглого стола из лакированного дерева. На экране появились кадры, снятые уличной камерой. Петар остановил «фильм» в 00:23, когда перед объективом появился Франсуа Валиони. Он обнимал за талию девушку чуть ниже его ростом.

– Стоп, Риан!

Изображение застыло.

– Единственный момент, когда девица смотрит прямо в камеру, – объяснил Петар.

Жюло прищурился, вглядываясь, майор с брезгливой гримасой отхлебнул кофе. Они, конечно, обязаны идентифицировать спутницу жертвы, но вот получится ли? На голове у нее был длинный шарф редкого

плетения, складки скрывали бо́льшую часть лица, делая его практически неузнаваемым. Темные глаза с вызовом смотрели на будущих зрителей, пухлые губы были ярко накрашены, подбородок восхищал изяществом линий. Лейтенант Флор подумал: «Эта девушка похожа на ангела, она не может быть убийцей!» – но сразу устыдился своей глупости.

– Странно, патрон, вы не находите? Зачем смотреть прямо в камеру, если планируешь кокнуть мужика?

Майор так и не справился с кофе. Он следил взглядом за Рианом, мельтешившим между креслами, как официант с картой коктейлей.

- Все длится четверть секунды, Жюло. Девка показывает только то, что хочет, и умело использует шарф как чадру.
 - Это не чадра, патрон.
 - Ну никаб... или хиджаб. Называй как хочешь, но...
 - Смотрите внимательней, шеф.

Майор раздраженно дернул плечом и посмотрел на подчиненного. Шустрый, эффективный, изобретательный, но уж слишком наглый.

- На ткани есть узор, пояснил Жюло. Вроде бы совы. Бежевоохристые птички.
 - Я заметил. И что?
- Hy... Не слишком ли это вызывающе совы на религиозном покрывале?
- Так не положено, ты об этом? Петар Велика обратился к лейтенанту Эль Фасси: Риан, Коран допускает рисунок на чадре? Цветочки? Зверюшки?
- Понятия не имею! Я изучал священную Книгу в детском саду. Вы хорват, майор, но я же не прошу вас назвать имена всех апостолов!

Петар вздохнул:

- Ладно, не придирайся и ответь на вопрос.
- Если вы настаиваете... Это недопустимо, но... он вгляделся в экран, в принципе, узор вполне скромный, все-таки не Микки-Маусы.
- Твои теологические познания поражают воображение, Риан! Так мы никуда не продвинемся. Сделай раскадровку, увеличь и распечатай ее глаза, нос, подбородок. Если повезет, сможем идентифицировать нашу жестокосердную красавицу.

Жюло беспокоила одна деталь. Вызов, с которым незнакомка смотрела в камеру. Она будто просчитала все, до мельчайших деталей, самый крошечный момент, когда камера могла снять ее украдкой. Если девушка не хотела быть узнанной, она могла наклонить голову, спрятаться за шарфом. Вместо этого она словно сознательно оставила им указания, след, но в

расфокусе. «Так поступают серийные убийцы в детективах, – думал Жюло, – насмехаются над полицейскими, когда шлют им письма, помогают, если те сбиваются со следа. Или морочат голову».

– Даже если мы установим ее личность, – сказал он, – девица совсем необязательно убийца.

Велика оторвался от созерцания кофейного стаканчика.

- Она входит в отель вместе с Франсуа. Они поднимаются в один номер. Несколько часов спустя Валиони находят мертвым прикованным к спинке кровати и обескровленным. Не понимаю, что еще тебе нужно?
- Может, она была приманкой. Ни одна камера не зафиксировала ее на выходе из гостиницы. Не исключено, что Валиони был жив, когда они расстались, а убийца появился потом.

Майор выслушал гипотезу подчиненного и вдруг расхохотался:

– Да ты влюблен, Ромео! Не забыл, что чутье – моя епархия? Ты «ученый», а выдаешь никчемную теорийку, потому что у этой девушки большие темные глаза, рот сердечком и хрупкая, как у птички, фигура.

Лейтенант покраснел. Мерзавец Петар – самый умный, но и самый невыносимый из всех сыщиков бригады! Он закашлялся и допил кофе под насмешливым взглядом майора.

Кофе Верона. Кофе влюбленных...

Необходим отвлекающий маневр, чтобы он мог задать давно крутящийся в голове вопрос.

– Не фантазируйте, патрон, лучше расскажите об ассоциации, где трудился Франсуа Валиони. О «Вогельзуг». Вы, похоже, хорошо осведомлены.

Эффект получился мгновенный. Лицо Велики изменилось и стало как смайлик с перевернутой улыбкой. Он выпил половину *Kati Blend*, даже не поморщившись, и снизошел до объяснений:

— «Вогельзуг» — одна из крупнейших в Европе ассоциаций, занимающихся защитой мигрантов. На них работают сотни людей в Старом Свете и в Африке. В переводе с немецкого «Вогельзуг» — «миграция», или «перелетные птицы». Каждый год над Средиземным морем пролетают больше пяти миллиардов птиц, и никто не спрашивает у пернатых паспорт или вид на жительство. Улавливаешь символику? Штаб-квартира «Вогельзуг» находится в Марселе, кроме того, у них полно филиалов. Ассоциация, само собой, работает в контакте с таможенниками, полицейскими и политиками. У нее официальные соглашения с «Фронтексом», агентством Европейского союза по безопасности внешних границ. Удовлетворен, Ромео?

– Без сомнения, патрон! Попробую пошевелить мозгами и понять, что ответственный финансист «Вогельзуг» делал в «Ред Корнер». Между прочим, «Ромео» не балбесничал, пока ждал в «Старбаксе» свой кофе *Верона*.

Он включил планшет и положил его на низкий столик. На экране появилась ракушка, найденная в кармане Франсуа Валиони.

- Я включил программу распознавания, думал, придется долго ждать, но...
 - Не томи! прикрикнул на него Петар.
- ...не пришлось. Ответ появился через несколько секунд. Я нашел близняшек нашей фитюльки! Держитесь крепче, шеф, эта трехсантиметровая фарфоровая фиговина встречается гиперредко, в нескольких уголках планеты.
 - Что насчет Средиземноморья?
- Мимо! Кузины ракушки живут припеваючи на Мальдивских пляжах и на побережье Индии. Только там! Я все проверил форму, раскрытие, расцветку.
- Что там забыл Франсуа? Это не сфера деятельности «Вогельзуг»! А с анализом крови ты продвинулся?
- Притормозите, патрон. У меня было всего несколько минут, пока юная прелестница готовила любовный напиток.

Петар покачал головой, не удержавшись от улыбки.

– Но у меня все-таки есть теория, которую следует подкрепить доказательствами. Единственное, что ставит меня в тупик, – красный разорванный браслет, поэтому...

Его прервали громкие возгласы у входа в отель, куда подкатил полицейский фургон. Из него вышли двое полицейских.

– Петар, у нас в машине нежданные гости.

Жюло бросил последний взгляд на экран, словно девушка в шарфе зачаровала его, и пошел за Петаром к выходу. Один из приехавших офицеров кивнул на африканцев в фургоне. Пожилой выглядел смирившимся. Тот, что помоложе, со шрамом через все лицо от виска до подбородка, яростно бился головой о стекло дверцы.

– Нелегалы, слонялись возле порта. Без документов. Смотрели на море, как будто хотели броситься и пересечь его вплавь в обратную сторону.

Петар пригладил взлохмаченные волосы и бессильно уронил руки, давая понять, что у него есть более важные дела.

– Ладно, – нехотя процедил он, – ведите их в участок. Попробуем

выяснить, откуда они приехали... чтобы отослать их назад.

Пожилой африканец по-прежнему ни на что не реагировал, а человек со шрамом начал колотить по бронированным стеклам. Жюло удивил не его гнев. Не равнодушие коллег-полицейских. За год он почти отучился различать, где проходит граница между беспомощностью и насилием.

Кулак влепился в дверцу. Эбеновый, светлый по краю... На запястье буйного арестанта был синий браслет.

9

11:53

Солнце скользило между платанами на набережной Свободы, утро заканчивалось, а автобус № 22 следовал по маршруту мимо игроков в шары, семейств, возвращавшихся с рынка, рабочих и служащих оружейных мастерских, пивших пиво на террасе под пальмами. Стоило покинуть башни квартала Эг Дус, и Пор-де-Бук начинал казаться образцовой прованской деревней с открытки. Лейли любила ездить через весь город на автобусе. Катить вдоль порта к лагунному озеру Бер и разноцветным фасадам на набережной Мартига, пересекать торговую зону. Она будет там через десять минут. Лейли никогда не опаздывала.

Она сняла темные очки — на сей раз «божью коровку», отлично подходившие к красному платью в черный горох, надетому после ухода Ги, — и перечитала извещение.

12: 30 «Ибис» – Пор-де-Бук Вересковая аллея Бизнес-парк Экополис

Хорошо, что она провела часть утра с соседом, хоть не думала о договоре, от которого так много зависело: продление разрешения на работу, надежды на большую квартиру. Лейли понравилось обольщать этого неповоротливого медведя, вылезающего из берлоги только между двумя спячками. Медведя-обжору привлекал аромат меда, он поднимал глаза и следил за полетом яркой бабочки. Ги. В нем есть обаяние. Нежные глаза. Сильные руки. А историю слушал, как зачарованный ребенок. Решиться он снова постучать в ее дверь? Ги забыл в квартире пачку сигарет и зажигалку. Бездарная уловка? Неловкая хитрость? Рассеянность?

Остановка «Экополис».

Лейли еще раз взглянула на извещение, не в силах справиться с тревогой.

12:30

Работа ее не пугала. Какая разница, где делать уборку – в гостинице, в пустых кабинетах промышленной зоны или в школьном буфете? Беспокоил ее только будущий наниматель. Пять лет Лейли трудилась по коротким разовым договорам, замещала, не отказывалась от ночных смен, подменяла работавших за черную зарплату и повидала не одного мелкого начальника. Почти все работали на мультинациональную компанию, организованную на манер русской матрешки, со штаб-квартирой на другом конце света. Приказы на маленький клининговый филиал обрушивались с внезапностью гильотины. В конце концов Лейли разделила шефов на четыре категории, от самого безопасного до самого опасного: милые, угодливые, слащавые, с лихорадочным упорством исполняющие самые драконовские правила, объясняя при этом «я-де ни при чем»; упивающиеся своей злобностью и нанятые на работу именно за это качество; притворы, изображающие сговорчивые, прилипчивые, понимание И теплоту, вроде бы псевдодружелюбные, скрывающие собственную некомпетентность, готовые пожертвовать чем угодно, чтобы защитить себя, и, наконец, самые гадкие – те, что прикидываются злыми, не видя в этом ничего плохого, принимают себя всерьез, верят, что они справедливы и беспристрастны. Эти мнят себя подмастерьями Бога и каждое утро просыпаются в надежде, что им доверят галактику побольше.

Письмо-приглашение подписал Рубен Либерос. Интересно, к какой категории принадлежит патрон «Ибиса»?

Водитель высадил ее у входа в бизнес-парк. «Ибис» был поставлен прямо напротив – именно *поставлен*: казалось, что бетонный куб сложили на заранее выбранном месте, после чего все вокруг заасфальтировали под стоянку.

Рубен Либерос торчал перед дверью. Конечно, это он, кто же еще?

Высокий, худой, в отлично сидящем сером костюме. Подойдя ближе, она заметила изящные итальянские штиблеты и безупречные стрелки на брюках. Лицо у Либероса было длинное, высокий лоб пересекали почти вертикальные морщины, вверх их тянули седые, зачесанные назад волосы, то ли влажные, то ли набриолиненные. «Напоминает танцора диско», – подумала Лейли. Неуместная элегантность на фоне гостиницы, где номер стоит 59 евро за ночь.

Псевдолюбезный? Истинно злобный?

На какие компромиссы придется идти, чтобы сохранить эту работу?

Лейли шла по пустой стоянке к зданию отеля, где люди проводят ночь – с полуночи до полудня. Когда до Рубена Либероса осталось три шага, она заметила, как внимательно он разглядывает очки-букашку, косички с бусинками, платье в горох и сандалеты. Неужели будущий патрон оденет ее в костюм субретки? Черные колготки и белый фартучек? Лейли была настороже, готовая скромно потупиться и пообещать, что будет носить платок, брюки, заколет волосы в пучок – что угодно.

Рубен Либерос широко развел руки:

– Добро пожаловать в мой замок, благородная дама.

Лейли так удивилась, что застыла на месте.

Рубен поднял глаза к небу, потом снова посмотрел на Лейли:

– Кто послал вас ко мне, маленькая солнечная принцесса, неужто повелитель лазурного небосвода? Я ждал в моей пыльной хижине кого угодно, только не радужную фею. Входите, прошу вас, прекрасное дитя, я присоединюсь к вам через мгновение.

Лейли решила, что управляющий издевается. У стойки портье ждал клиент – коммерческий представитель, судя по чемоданам с образцами у его ног. Либерос театральным жестом протянул мужчине счет и пожелал:

– Легкого пути, доблестный путешественник, пусть дорога приведет вас в один из наших оазисов.

На стене висела карта мира с отмеченной на ней гостиничной сетью.

– Другие скромные отельеры, столь же преданные своему делу, ждут вас в разных концах света. – Он перешел на шепот – достаточно громкий, чтобы Лейли могла услышать. – Признаюсь, друг мой: под скромной вывеской с названием в честь голенастой птицы скрыт тайный проход между без малого двумя тысячами совершенно одинаковых жилищ. Вы засыпаете в Пор-де-Буке, а просыпаетесь в Куала-Лумпуре. Спускаетесь к завтраку в Вальпараисо, а багаж забираете в Тегусигальпе. – Он подмигнул ошарашенному постояльцу и вручил ему буклет отелей сети «Ибис». – Это круче, чем летучий порох Гарри Поттера^[29]. Здесь? Там? Вы повсюду будете как дома.

Коммерсант шел по стоянке, совершенно убежденный, что разыгранную интермедию придумали маркетологи группы $Accor^{[30]}$. Слава богу, рекламщики в его фирме не такие психи.

Рубен Либерос повернулся к Лейли.

– Извините за задержку, прелестная божья коровка. Я слегка преувеличиваю – в интересах дела, сами понимаете, но согласитесь,

воистину поражает воображение, когда слышишь, что этот скромный куб из бетона и оцинкованного железа как две капли воды похож на тысячу других таких же кубов. Так кочевник, не умеющий телепортироваться, произнес волшебное слово и размножил свои дома.

Лейли не возразила, дескать, она сама и скотоводы племени пёль иначе понимают кочевую жизнь. Она выскажется в следующий раз. Рубен легко обнял ее за талию и повел осматривать свое «королевство».

Дешевый отель. Облупившийся. Некрасиво постаревший. Отставший линолеум, потолок в трещинах, зеркало в темных точках.

– Вы сделаете все возможное, чтобы зеркала засияли, – извиняющимся тоном произнес управляющий. – Приведете в порядок полотна великих мастеров. – Он кивнул на постеры с изображением арен Арля и собора Нотр-Дам-де-ля-Гард. – И...

В этот момент в узком коридоре появилась горничная. Молодая – ровесница Бэмби. Метиска, как и она.

– Представляю вам Нуру, – сказал Либерос, – вашу партнершу по балету щеток. Танец в свободном стиле.

Девушка прошла мимо, никак не прореагировав. Лейли удивилась было, но, услышав электронную музыку, поняла, что Нура работает в наушниках. Лейли еще четверть часа ходила по гостинице с управляющим. Он сравнивал местные завтраки, разложенные по корзинкам и хранящиеся в холодной комнате, со свежим кокосовым молоком, которое подают в «Ибисах» на Борнео; вид из номеров 207–213 на лагунное озеро Бер – с видом на атолловую лагуну Вануату из комнат «Ибиса» в Порт-Вила Либерос, если верить его рассказу о том, сколькими «Ибисами» он управлял в разных городах, накопил сто ежегодных взносов к пенсии.

Лейли уже обожала этого элегантного чудака. Разговор они закончили в коридоре, пока Нура пылесосила холл. И все-таки когда управляющий спросил, устраивают ли ее те-то и те-то часы работы, она насторожилась. Наверное, Рубен все-таки из «псевдолюбезных». Начальники не делают бесплатных подарков.

- Я... у меня двое взрослых детей, наконец сказала она, Альфа́ и Бэмби. За них я не волнуюсь, они возвращаются когда хотят. Но моему сыну Тидиану всего десять. Пока я на работе, он с моими родителями, но мне не нравится быть с ним врозь. Особенно по вечерам.
- Сделаю все, что от меня зависит, слово галисийца, или гаитянина, или финикийца. Все кодексы чести стоят друг друга, согласны?

Лейли хотелось верить Рубену— несмотря на крайнюю подозрительность и поучения товарок: «Мы призраки и должны ими

оставаться! Материализуешься ночью, исчезаешь к утру. Ездишь на автобусах и электричках».

Лейли хотела верить Рубену.

Ободренная, вдохновленная, очарованная, она взялась за ручку ближайшего номера. У нее есть время оценить объем работы и помочь Нуре, потом она вернется домой, приготовит ужин, проверит у Тидиана домашние задания.

Рубен задержал ее руку:

— Нет-нет, не так быстро, моя посланница тропиков. — Голос управляющего сорвался, словно его вдруг что-то испугало. Он попытался превратить все в шутку, но сухой тон говорил об обратном. — Милое дитя, этот номер — комната секретов, а вы пока не прошли инициацию. Никогда, слышите — никогда! — не открывайте ни эту дверь, ни двери номеров 17, 18 и 23.

10

14:25

Тидиан осторожно пристроил мяч на кучку гравия, придержал двумя пальцами для равновесия, отошел на два шага, сделал глубокий вдох, прикидывая расстояние между перчаткой Стива Манданды^[32] и правой стойкой ворот, бросил отвлекающий взгляд на левую стойку, чтобы обмануть защитника, и... нанес точный сухой удар, такой внезапный и резкий, что Стив не успел среагировать.

Тидиан зажмурился и затанцевал на месте, вскинув руки и образовав пальцами рамку, как будто хотел поймать в объектив солнце. Именно так сделали бы миллионы игроков во всем мире, если бы забыли о жестах Погбы, Бенземы или Усэйна Болта^[33]. Мяч успел откатиться на другую сторону квадратного двора. Одна стена этого двора шла вдоль проспекта Жана Жореса, другая повторяла путь проспекта Пастера, третья огибала филиал университета, четвертая – дом Тидиана. Вернее, дом дедули Муссы и бабули Марем.

Дом назывался «Посейдон».

Чаще всего дедуля Мусса наблюдал за ним с балкона третьего этажа. Тидиан мало что знал о квартале, прозванном «Олимпом». Каждое здание носило имя греческого бога – Аполлона, Зевса, Гермеса и Ареса. Дед рассказывал о них странные истории. Тидиан не старался запоминать

имена олимпийцев, его истинными богами были те, чьи портреты украшали стены проспекта Жана Жореса. Во-первых, Манданда, но и остальные, о которых Тидиан только слышал: Жан Пьер Папен, Базиль Боли, Мариус Трезор, Крис Уоддл^[34] и, конечно же, его любимец Зизу^[35], хотя тот никогда не носил майку марсельского «Олимпика».

Тидиан подобрал мяч и отнес его на прежнюю точку. Перед ударом поправил футболку. На ней красовался Абдельазиз Баррада^[36]. Да, он пока не удостоился портрета на стене и уехал в Дубай, но его тренер считает, что штрафные он бьет лучше самого Криштиану Роналду! К тому же за два года в Марселе он не раз получал травмы. У каждого есть любимый игрок, у Тидиана – Баррада.

– Идешь полдничать, Тиди? – позвал с балкона Мусса.

Уходить мальчику очень не хотелось, но он все-таки решил послушаться деда и подобрал мяч, на котором была нарисована морда льва. Марокко. Кубок Африки 2015 года. Подарок Альфа́. Его старший брат – хитрюга и умник, умеет добывать немыслимые вещи. Таких мячей, как этот, всего десять штук – по словам Альфа́. Кубок Африки по футболу 2015 года должен был проходить в Марокко, но из-за вируса Эбола все отменилось, и команды играли в одной из Гвиней. Футболки, шарфы, гербы и даже мячи отправились на свалку! Тидиан считал мяч со львом своим амулетом, любимой игрушкой, он с ним ел, спал и не расставался.

- Идешь, Тиди?
- Да, дедуля.

Двор у «Посейдона» идеально подходил для тренировок, можно было даже сыграть матч с пацанами из квартала. Небольшой, замкнутый, как городской стадион, стены достаточно высокие, чтобы мяч не слишком часто улетал на улицу. Неудобств было два. Во-первых, подвалы и подземные гаражи. Двор, как и весь городок, оказался над лабиринтом паркингов. Большим, как лабиринт Минотавра, по словам дедули. Если играли слишком маленьким мячом и он падал в водосток, с ним можно было проститься.

Но главная проблема заключалась в другом: посреди двора росло дерево. Апельсиновое. Кстати, многие и сам квартал называли не только «Олимпом», но и кварталом Апельсинового дерева. Дома, дороги и школы строились вокруг. Дерево во дворе было десятиметровой высоты. Тидиану разрешалось долезать только до уровня балкона на третьем этаже. Дед Мусса соорудил из досок и сетки домик, натянул веревку между балконом и ближайшей веткой. Чаще всего Тидиан полдничал в доме на дереве – дед

передавал ему корзинку, собранную бабулей Марем. Мусса курил на балконе, а Тиди грыз печенье.

Иногда, если было слишком жарко и от солнца плавился асфальт, мальчик прятался в домике и слушал дедовы истории.

Как сегодня.

- Расскажешь о солнце?
- Легенду о солнечных богах? Да ты наизусть ее знаешь!

Тидиан посмотрел на окно справа от балкона. Теперь комната принадлежала ему, а когда-то была маминой.

– Не эту, дедуля. Про маму.

Мусса задумался. Внук уже два или три раза слышал от него эту историю. Хитрюга интересовался жизнью кузенов, соседей, приятелей. Истины, которые преподают в школе, зачастую приносят больше вреда, чем семейные тайны. Тидиан слышал историю о сокровище, которое нашла его мать, проклятого сокровища — украденного и спрятанного. Историю о наказании, наступившем прежде преступления. Мать Тиди авансом наказал всевидящий бог, которому ведомо даже будущее. Бог солнца.

- Снова, Тидиан?
- Да, снова!

Мальчик знал, что дед каждый раз добавляет новые детали. Он едва верил в эту историю о незнакомой ему деревне, незнакомой стране, незнакомой маленькой девочке (своей маме), но все равно предпочитал ее всем остальным. За то, что она была грустная. До того места, когда мама нашла сокровище и спаслась. Однажды он тоже найдет сокровище.

Тидиан уставился на деда и отдался магии его голоса.

История Лейли

Ты помнишь, Тидиан, что твоя мама жила в Сегу, городке на берегу большой реки Нигер, в пяти часах езды от Бамако, в хижине – как и ее соседи. Это нормальный дом, только крыша у него из жести, полы из песка, а стены саманные, из смеси земли, воды, шерсти и соломы. Саман очень надежен, если погода не дождливая, но в Сегу, как тебе известно, всегда сухо и солнечно. Солнце, вечно это проклятое солнце...

Тебе следует знать, Тидиан, что твоей маме в то время было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас, а упрямством она кому угодно дала бы сто очков вперед! Мама часто купалась в реке, подхватила кожную болезнь, и ей пришлось три месяца беречься от солнца. Мы с бабулей поселили ее в небольшой хижине и сделали все, чтобы она не скучала. Я смастерил кукол из проса и сорго, глиняных зверушек, сплел домики из листьев банана. Марем шила для нее необычные наряды. Прошла неделя, и девочка совсем

извелась. Она была похожа на антилопу и больше всего на свете любила бегать босиком по пыли. Мы с твоей бабушкой не знали, что делать, и чувствовали себя так, как будто заперли в клетке маленькую черную сороку, которая в неволе потеряла голос, ее перышки поблекли, и она разучилась летать. Через несколько недель люди из деревни собрались в Бамако, чтобы пожаловаться на депутата, который и носа к нам не казал. Я был в их числе, но в столице отправился прямиком в Институт французской культуры.

За книгами.

Твоя мама умела читать, Тиди, она хорошо училась, всем интересовалась, хоть и предпочитала носиться по полям за бабочками, а не сидеть за партой. В Институте было очень много книг, но они не хотели, чтобы я увозил их так далеко, и в конце концов мы сговорились на одну.

Это были «Мифы и легенды Древней Греции».

Я никогда не слышал ни о Геракле, ни об Одиссее, ни о Зевсе и даже представить не мог, что однажды поселюсь в квартале «Олимп» и доме «Посейдон». Понимаешь, Тидиан, случайностей не существует. На небесах все записано. Я вернулся в Сегу с толстой белой книгой. Лейли дулась, не хотела даже открыть мифы. Каждое утро, каждый полдень и каждый вечер до наступления ночи я сам читал ей. За неделю мы добрались до последней страницы пятнадцатой истории. Через месяц она знала их все наизусть, но больше всего любила тот подвиг Геракла, где он берет колесницу Гелиоса и отправляется на западную оконечность мира, чтобы похитить золотые яблоки из сада Гесперид под носом титана Атласа, держащего на плечах небесный свод. Говорят, что фрукты на самом деле были апельсинами, но греки их не знали. А высокие горы в Марокко стали Атласскими. Геракл добрался до Гибралтарского пролива между Африкой и Европой, где и сегодня стоят столбы, названные его именем – Геркулесовы.

Несколько недель спустя я вернулся в Бамако. Мне удалось взять в Институте другие книги, и я поставил их на маленькую деревянную этажерку в изножье кровати Лейли. И твоя мать начала читать. Неожиданно. Много. Сегодня она часто говорит, что те два месяца, когда она каждый день прочитывала по нескольку книг, были счастливейшими в ее жизни. Все помогали нам — жители деревни, французские торговцы, учительница, туристы, направлявшиеся в страну догонов, привозили из столицы книги. Французы тогда могли свободно путешествовать по Мали, пока их президент не запретил этого из страха перед похищениями.

Все шло хорошо, Тидиан, твоя мама нашла лучший способ проводить время, пока была заперта в хижине-клетке. Она путешествовала по книгам!

Даже я никогда бы не поверил, что тушканчик способен превратиться в библиотечную крысу. Потом я понял. Понял, что это любопытство заставляло мою дочь и бегать, и читать. Ею руководили жажда, голод и огонь, но ты еще мал и вряд ли поймешь.

Лейли дни напролет глотала книги, но каждое утро перечитывала историю об одиннадцатом подвиге Геракла. О золотых яблоках из сада Гесперид. Она влюбилась в колесницу Гелиоса, которую везли по небу с востока на запад, до края мира, знаменитые лошади: Актеон – рассветный луч, Астероп – зажигающий первые звезды, Эритрей – восход, Флегон – закат, Лампос – самый яркий, видимый в зените, Пирой – сердечный жар солнца... В сказках всегда есть доля правды, Тиди, так думала твоя мама.

Одна в хижине с крошечным окошком, Лейли пыталась разгадать секрет солнца, разглядеть всех лошадей Гелиоса. Актеона и Эритрея – каждое утро, Астеропа и Флегона – каждый вечер, Лампоса и Пироя – когда светило было в зените. Она каждый день записывала точное местоположение колесницы Гелиоса, следуя взглядом за солнечными лучами, потом делала маленькие пометки пальцами на стенах. Однажды утром – начался третий месяц ее вынужденного заточения – я нашел твою маму лежащей на матрасе. Она не читала и смотрела не в окошко, а на следы своих пальцев на стене.

Лейли сказала:

– Мои глаза устали, папа.

Я повез дочку в диспансер, закутав от солнца. Я совершил глупость. Беда случилась. Солнце подкралось, как дьявол, прикинувшись гриотом Я не сумел защитить мою девочку. Хуже того – вместе с книгой я впустил в ее комнату демона.

В диспансере врач отвел меня в сторону и долго объяснял, что твоя мама слишком много смотрела на солнце.

Я не понимал. Все дети земли, все мужчины и женщины смотрят на небо, и солнце не обжигает им глаза. Врач открыл медицинский словарь и показал мне рисунок глаза, чтобы я понял, что у него внутри и как это работает.

Оптические клетки особенно чувствительны к воздействию солнца, потому что хрусталик работает как увеличительное стекло, а сетчатка не чувствует боли, не ощущает ожога. Также и с солнечным ударом: жар чувствуется не сразу, но клетки уже разрушены.

Я все еще не понимал: если солнце так опасно, почему его жертвами становятся не все, кто выходит на улицу средь бела дня, кто не носит темных очков? А в Африке их не носит почти никто.

– Что вы делаете, мсье Мааль, если вдруг случайно взглянете на солнце?

Я не ответил доктору, просто не знал, что сказать, Тиди. Я беспокоился за твою маму, но еще не чувствовал отчаяния.

– Вы рефлекторно закрываете глаза, мсье Мааль, потому что оно слепит вас. Веки защищают глаза, как автоматические ставни. Но...

Я испугался того, что он собирался сказать.

- Но ваша дочь не хотела опускать веки. Не знаю, почему девочка проявляла такое упорство и часто, очень часто боролась с ослепляющим светом. Долго.
- И что теперь, доктор? Сколько это будет продолжаться? Когда она снова сможет читать?

Я с тоской и страхом считал оставшиеся тридцать дней, в которые Лейли не должна была ни читать, ни писать. Врач посмотрел на меня, как на последнего идиота из тех, по чьей вине — невольной! — случаются катастрофы, а они ничего не понимают, пока им не растолкуют.

- Вы меня не слушали, мсье Мааль? Ваша дочь не чувствовала боли, но клетки уже разрушены. Процесс запущен. И остановить его невозможно.
 - Что именно невозможно остановить?
 - Слепоту.

Ему стало жаль меня, но все же он уточнил:

– Ваша дочь потеряет зрение, мсье Мааль, это неизбежно.

11

16:17

Когда майор Петар Велика только вступил в должность, его весь год подбадривали шикарным видом из окна, увлекательной работой – ловлей мелких мошенников и охотой на крупных мафиози, – а на сладкое обещали сорокаметровый кабинет. Три года спустя каким-то загадочным образом – секрет известен только французским чиновникам – он по просьбе начальства согласился на «подселение» к нему в кабинет его заместителя. Проредить полицейские кадры, одновременно увеличив скученность в комиссариатах... этот подвиг можно было осуществить только объединенными усилиями двух министерств – финансов и внутренних дел.

Уже год Петар и Жюло сидели друг напротив друга, как в офисе какойнибудь курьерской службы или в заводской бухгалтерии. Петар считал это «придумкой для баб» — чтобы они могли целый день трепаться и

сплетничать. А мужикам нужна обособленность. Тем более после того, что случилось этим утром.

Майор Велика разложил на столе десятки фотографий девушек, обнаженных в большей или меньшей степени. Скорее в большей. Накрашенных – сдержанно или от души. В основном молодых. Не всегда красивых. Некоторые выглядели трогательно. Все вызывали возбуждение.

Петар доставал снимки из большого черного альбома — полного каталога городских проституток. От любительниц до профессионалок, от нелегалок-нигериек до дорогущих независимых девушек из службы эскорта. Понадобились часы сидения в засаде и поиска в интернете, чтобы составить этот воистину уникальный путеводитель по жрицам порока. Свою базу данных майор пополнял неукоснительно и добросовестно.

– Продвигаетесь, патрон? – спросил Жюло, выглядывая из-за монитора.

Велика поймал его насмешливый взгляд. Лейтенанта Флора явно не впечатлял ремесленный метод идентификации «девушки в платке» из отеля «Ред Корнер». Отвали, парень, я же не спрашиваю, какие картинки разглядываешь на экране ты? Рядом с фотографиями проституток лежали увеличенные изображения глаз, рта и подбородка, полученные с камеры наблюдения. Петар считал себя физиономистом и был уверен, что узнает мерзавку, которая завлекла Франсуа Валиони в отель.

Он поднял голову и ответил лейтенанту:

– Продвигаюсь, дружок... сообщу, как только узнаю тариф твоей возлюбленной.

Круглая голова Жюло появилась над монитором.

- Бросьте, патрон, не дразнитесь. Почему вы так уверены, что она проститутка?
 - Видишь, я прав. Ты ее защищаешь!
 - Зато я преуспел, пока вы услаждаете себя обнаженкой.
- Скажи-ка, малыш... Петар перевернул страницу альбома, тебе не стыдно издеваться над священной книгой?! А знаешь ли ты, что многие поколения сыщиков утешались, разглядывая сей гримуар? Это верный друг полицейских, которые дежурят или неделями сидят в засаде, не видя своих жен. Так что попочтительней, дружок!

Лейтенант Флор с трудом удержался от смеха. Научится ли он когданибудь отстраняться, как шеф? Спортсмены высшей лиги называют это освобождением, а сыскарям умение действовать, не задаваясь вопросами, помогает абстрагироваться от выматывающей следственный работы.

– Итак, Билл Гейтс, что нарыл?

- Я прошерстил компьютер Валиони. Плевое дело в соцсетях он под своим именем. Интереснее всего оказалась его личная переписка в фейсбуке. Он шесть месяцев общался с девушкой, якобы докторанткой-антропологом, занимающейся миграционными потоками. Сначала все было очень чопорно, но после первой встречи соискательница вроде бы оценила Валиони, стала куда менее благоразумной, начала позволять себе недвусмысленные намеки и эмотиконки.
 - Что-что?
- Смайлики, рисуночки, улыбки, подмигивания, бьющиеся сердечки, алые губки, посылающие «чмоки»...

Петар вздохнул – судя по всему, его это не впечатлило.

- Значит, девица сама связалась с Франсуа?
- Да, и это любопытно. Ей много о нем известно, как будто она шпионила и выяснила кучу деталей о его вкусах, семье, работе и прошлом. А потом заманила в ловушку. Случайность тут ни причем. Девушка в платке с совами пришла именно за ним, она его поймала по всем канонам искусства соблазнения.

Майор Велика взглянул на лежавший перед ним снимок: высокая блондинка в короткой, до середины бедра, шубке стояла, прислонившись к фонарю. Время года не определяется.

- Слишком уж все просто, лейтенант. Если девушка тщательно продумала план, зачем оставлять столько следов? Чтобы первый попавшийся гик опознал ее?
- Никакая она не дипломница, патрон. Все подделка тема диссертации, исследования, учеба в университете.
 - Ты хоть имя выяснил?
 - Только ник, то есть ничего.
 - Говори, чего уж там...
 - *− Bambi13.*
 - * * *

Петар вернул фотографии на место и закрыл черный талмуд. Судя по тому, что нарыл Жюло, они точно имели дело не с девушкой по вызову, которую наняли, чтобы она заманила Франсуа Валиони в незаметный отель, где с ним быстро и эффективно свели счеты.

Таких гнусных убийств Петар за годы службы в полиции повидал не один десяток. Майор взял стул и сел рядом с Жюло перед экраном.

- Фотографий, конечно, в профиле *Bambi13* никаких?
- Десятки! Но опознать девицу нельзя ни на одной. Она публикует «части пазла»: спина, ноги, руки, волосы, а лицо прячет как будто

специально. Заметьте, женщины – особенно самые хорошенькие – поступают так, чтобы им не надоедали.

- Но в нашем случае она охотница.
- Картинки должны были завести Валиони. *Bambi13* молодая, высокая, стройная метиска. Если она и есть девушка, которую зафиксировала камера, мы можем быть уверены, что купается красотка не в буркини. На пляжных снимках она позирует в купальнике или лежит на животе топлес...

Петар внимательно вглядывался в кадры на экране.

Валиони и правда был таким болваном? Все слишком топорно: мужика кадрит красотка — ровесница его дочери, личика не кажет, но разгуливает нагишом в райских уголках земного шара.

– Она прикрывалась исследованиями, снималась на Сицилии, в Турции, на Канарах, в Доминикане, на Майотте^[39] – почти везде, где высаживаются нелегалы. Я продолжу искать, патрон, вдруг она не заметила деталь, по которой мы сумеем ее опознать, но… но в профиле Валиони на фейсбуке есть нечто еще более странное.

К великому сожалению Петара, Жюло ушел от *Bambi13* и открыл аккаунт Франсуа Валиони. Появилось семейное фото сотрудника «Вогельзуг» на фоне бухточек Кассиса. Франсуа обнимал жену, рядом стояли двое детей.

- Черт побери, прокомментировал Петар, с этими проклятыми соцсетями мы скоро начнем поручать полицейские расследования поисковикам. Нам весь мозг проели байками о Робокопах, а сыщики будущего простое программное обеспечение будут допрашивать подозреваемых по электронной почте, задерживать через твиттер, а сажать просто лишая выхода в интернет! Конец тюрягам!
- Смотрите, патрон, позвал Жюло, пропустив мимо ушей тираду майора, вчера в 16:11 Валиони выложил в фейсбуке вот этот снимок.

Петар наклонился к экрану. Он сразу узнал синие рыбацкие лодки, стоящие на приколе в маленьком квадратном порту, и белую касбу с двумя бастионами на заднем плане.

- Эс-Сувейра? Господи, что он там делал? Восемь часов спустя Франсуа вошел в «Ред Корнер», истек кровью и умер.
- Вы выиграли и получаете приз голубой камамбер, патрон! Эс-Сувейра! Я прикинул время на дорогу между Эс-Сувейрой и ближайшим марокканским городом, где есть международный аэропорт. Это Касабланка, Марракеш или Рабат. Три-четыре часа на машине плюс два часа полета до Марселя. Мы знаем, что Франсуа Валиони вышел из здания «Вогельзуг»

в десять утра, именно тогда свидетели в последний раз видели его живым. Четырнадцать часов спустя, в полночь, он оказался перед камерой, висящей над входом в отель «Ред Корнер». Непросто, но можно успеть в Эс-Сувейру и обратно.

Петар не сводил глаз с синих лодок на экране.

- Что ему там понадобилось? Какого черта он туда потащился? Что он забыл в Эс-Сувейре?
- Возможно, поехал по работе. Полетел бизнес-классом фирма платит! на деловую встречу. Нужно справиться в «Вогельзуг». Не думаю, что это была любовная эскапада.
- Увидим, Ромео... увидим. У фальшивой студентки, если верить камере, божественное тело и много других козырей. Такая легко могла завлечь нашего попрыгунчика по миру Валиони куда угодно.

Жюло Флор промолчал, понимая, что его шеф не торопится взять след «Вогельзуг».

- Например, на Мальдивы, предположил он. Ракушки, которые мы нашли в его кармане, именно оттуда.
- Если верить ежедневнику, за десять последних месяцев он ни разу там не был. Извините, патрон, но я не могу разорваться, поэтому экзотическими морепродуктами займусь позже, а пока подключил Риана. Необходимо выяснить, зачем у бедняги взяли кровь.

Велика встал. Он не мигая смотрел на размытую импрессионистичную картинку-фотографию, запечатлевшую сотни розовых фламинго, стоящих в озере Ваккарес $^{[40]}$, в самом сердце Камарга, в нескольких километрах от лагунного озера Бер.

- Проба крови. Ты прав, маленький гений. Есть теория?
- Была... Не подтвердилась.
- Что ты себе напридумал? Не забывай, вампирский след мы отмели.
- Все гораздо проще, патрон. Я предположил, что это был тест.
- Какой?
- На отцовство!

Майор помолчал, прикидывая разницу в возрасте между Франсуа Валиони и его гипотетической убийцей. Жюло между тем продолжал:

- Я полагал, что, зная группу крови двоих, можно вывести линию родства. Посидел в интернете и выяснил: так это не работает, нужно делать тест ДНК.
- И все-таки копни, велел Петар, не сводя глаз с розовых птиц. Мне нравится идея, что Франсуа Валиони наделал детишек во всех лагерях беженцев на планете, прежде чем поселился в Обани.

По коридору прошли Риан и Мехди. От стойки дежурного доносились крики на арабском – во всяком случае, так показалось Жюло. У биязычных сыщиков работы стало вдвое больше, чем у их коллег.

– Кстати, патрон, те два нелегала заговорили?

Петар почти втянулся внутрь лагунного озера, почувствовал, что стоит на одной ноге среди фламинго, и с трудом очнулся от задумчивости.

- Молчат как рыбы. С девицами нам помогает «волшебный черный альбом», а тут в дело вступают консульства с картотеками, копиями паспортов и запросами на визу. Наших субчиков зовут Бола и Джимон. У Болы нрав мирный, Джимон баламут со шрамом. Они бенинцы из Абомея, к северу от порта Котону, по сведениям коллег из посольства.
 - Мы их вышлем?
- Ну-у-у... придется. Они неделями, иногда месяцами добираются до Европы, используют всю имеющуюся энергию, хитрят, ловчат и... отправляются восвояси первым же чартером. Пять часов полета и «здравствуй, милый дом»... Вот почему мигрантам никогда не победить в схватке с забаррикадировавшимися странами Старого Света. Они десятками набиваются в грузовики, сотнями садятся на корабли, но выдворяют их в тысячу раз быстрее. Эти люди напоминают муравьев, которые с тупым упорством возвращаются в заветный шкафчик с печеньем. Хозяйка стирает их губкой и забывает на время. Напоминаю: я говорю не о беженцах, а о мигрантах.
 - В чем разница, патрон?

Вопрос лейтенанта развеселил Петара. Жюло догадывался, что его начальник часто обсуждал эту проблему на террасах кафе и идеально обкатал свою аргументацию.

- Нет ничего проще, дружок! Беженцы милые люди, они бегут от войны, им следует сострадать, наш моральный долг дать всем приют, ведь Франция страна-прибежище! А мигранты плохиши. Они хотят заполонить нашу страну, все они бедные, а нам своих бедняков хватает. Понимаешь?
 - То есть мы впускаем беженцев, но не мигрантов?
- Не торопись. Долг Франции принимать беженцев, но приказ сверху гласит: «Не пускать!» Во всяком случае, тех, кто без документов. Диктаторы редко выдают визы, ксерокс под бомбежкой искать нелегко, так что приходится рисковать жизнью и пробиваться наудачу. Спасение приходит, если удается высадиться на берег.
 - Их нельзя выслать?
 - Можно. Теоретически. Но все зависит от родины каждого. Назад

отправляются только уроженцы стран так называемого *надежного происхождения*, где несчастных не подвергнут пыткам, как только они сойдут с трапа самолета.

- Если я правильно понимаю, Франция не вышлет ни одного суданца, пока там идет война, но вышибет вон всех бенинцев?
- В точку! Беднякам должно повезти с войной на родине, иначе они у нас не задержатся. Политическим беженцам предоставляют убежище, экономическим нет. И не спрашивай, чем парень, умирающий от страха, лучше умирающего от голода.

Лейтенант Флор не мог решить, насколько искренен Велика. Тема задевает? Утратил иллюзии?

Майор был уже у двери, когда Жюло сформулировал вопрос:

– A браслеты, патрон? Синие браслеты, которые они носят на запястье?

Ответа он не дождался и счел, что Петар просто не услышал.

19:33

Лейли почти бежала от автобусной остановки у Эг Дус. Она пересекла пустынную игровую площадку, эспланаду, посыпанную розовым гравием, где весной мэрия высадила хилые деревца, и, задыхаясь от напряжения, поднялась на восьмой этаж башни *Н*9. Из багета, зажатого под мышкой, на каждую ступеньку сыпались крошки. Толкнув дверь, она ввалилась в квартиру.

Альфа, Бэмби и Тидиан сидели за накрытым столом. Лейли бросила сумку на ближайший стеллаж и чуточку слишком резко положила хлеб на стол. Лица детей остались бесстрастными, и Лейли занервничала. Не из-за нового патрона — Рубен Либерос был безупречен, даже превзошел ее ожидания. Удивительный, потрясающий, доброжелательный, сбивающий с толку хранитель тайны запертых номеров, которые ей не позволялось убирать. Лейли расстроилась из-за опоздания. Виноваты пробки и автобус, тащившийся с черепашьей скоростью. Рабочий день у всех марсельцев заканчивается в один и тот же час, как будто людей вынуждают не только жить и работать в одних и тех же огромных городах, но и возвращаться по домам в одно и то же время.

Бэмби бросила взгляд на часы над буфетом: 19:37.

Дочь не поздоровалась с Лейли. Не улыбнулась. На ее лице застыло выражение холодного неодобрения — точь-в-точь учительница, встречающая малыша, который на одну минуту опоздал после перемены.

- Я была на работе. Простите... Лейли бросила темные очки в корзину, села, налила себе воды. Мне правда очень жаль. Сегодня был мой первый день, а город с шести вечера просто стоит. Завтра постараюсь лучше рассчитать время и закончу пораньше, мой босс согласился.
- Да ладно, мам, успокоил ее Альфа и отрезал себе сразу треть багета.

Бэмби продолжала дуться. «Красоточка моя... – Лейли мысленно улыбнулась. – Мечта любого мужчины!» Она жалела несчастного, которому достанется этот хрупкий дракончик. Ему лучше не опаздывать к ужину и... не забывать зайти в булочную!

Лейли положила себе тажина — кускус с цыпленком. Дети по раз и навсегда заведенному порядку не стали ждать возвращения матери и сели за стол, но к еде едва притронулась. «Вообще-то Бэмби имеет право злиться, — подумала Лейли. — Я сама завела этот ритуал, не нарушаемую семейную традицию: мы едим вместе, начинаем ровно в 19:30, не включаем ни телевизор, ни радио».

Каждый вечер ей приходилось преодолевать сопротивление старших детей — у них всегда находились занятия поинтереснее: нужно сделать домашнее задание, встретиться с друзьями, ну чего ты, мам, я потом чтонибудь съем, возьму в холодильнике. Бэмби возмущалась даже громче Альфа, запальчиво повторяя: «Мы уже не дети... Подумаешь, опоздала на минуту... Мало ли что бывает...» — но Лейли была непреклонна. До тех пор пока один из них не заведет собственную семью, определять порядок в доме будет она. Днем они могут делать что хотят — вставать поздно, выходить из дома еще позже, — но к ужину быть как штык. Лейли знала слишком много семей, члены которых встречались в дверях или на лестничной площадке и жили бок о бок, не общаясь. А ведь кое-где имеются отцы! Бурчите на здоровье, дети мои, но за стол мы будем садиться ровно в половине восьмого, потому что Тидиану завтра в школу! Она не сдавалась и победила.

Лейли бросила короткий взгляд на детскую поверх головы младшего сына. Одежда разбросана, мяч упал с этажерки на пол – наверняка из-за сквозняка, который еще и перевернул горшок с фикусом, и никто не потрудился подмести. Ничего страшного, главного достижения у нее не отобрать. Маали каждый вечер едят вместе! Спорят, смеются, разговаривают.

Впрочем, сегодня вечером все немногословны.

Альфа раскачивался на стуле, и тот скрипел. Бэмби встала, чтобы налить в графин воды.

Можно подумать, опоздание матери разрушило магию. Тишина была почти нездоровой. И все из-за семи минут? Лейли гнала прочь воспоминания о том, как сама скандалила, если дети слегка задерживались. Ей хотелось нарушить молчание, и она начала рассказывать, как прошел день. Семейные трапезы тем и хороши, что всегда есть темы для беседы. Альфа выглядел озабоченным, Бэмби казалась усталой, но постепенно перестала хмуриться. Рубен Либерос ей нравился.

– Он правда назвал тебя маленькой солнечной принцессой? – спросила она. – Ты выдумываешь, мам!

Девушка удивилась, услышав, сколько в мире отелей «Ибис», ей

понравилась идея, что можно перемещаться из одного в другой, чтобы переночевать или поработать управляющим. Лейли заметила, как Альфа́ и Бэмби несколько раз переглянулись. Эти двое всегда были неразлучны, но сегодня они выглядели настоящими заговорщиками. Значит, ее опоздание все- го лишь предлог для недовольства. Занятая наблюдением за старшими, Лейли забыла о Тидиане, а тот даже не начинал есть. Ничего веселого, когда все едят одно и то же, но Лейли и тут не уступала. Особенно когда еду готовила бабуля Марем. Тидиан ковырял вилкой холодный кускус, стараясь не ронять крупинки на стол, чтобы не навлечь на себя материнский гнев, но выражение лица у него было мученическое.

– Доедай, сынок, бабуля очень старалась.

Лейли тянула время, заговорила о том, как прошло утро, о своем визите в Бюро, о шансах получить квартиру побольше при посредничестве этого симпатичного Патрика (или Патриса?).

– Надо же, какой удачный выдался день, – прокомментировал Альфа. – Тебе сегодня встречались одни добрые самаритяне

Бэмби закатила глаза, бросила красноречивый взгляд на четыре кровати в спальне: «Пока-то наша нищета никуда не делась...»

– Мам, уже остыло...

Тидиан уронил вилку. Кускус рассыпался по столу, как песок. Цыпленок плавал в подливке между репой и кабачком. На секунду Лейли захотелось отвесить сыну оплеуху: ведь регулярно разыгрывает один и тот же спектакль! — но она взяла себя в руки. Бить ребенка? Никогда! Нужно терпеть. Господи, ну почему работающие матери должны проявлять больше терпения, чем все остальные? Тидиан еще не принялся за цыпленка, а Бэмби уже приступила к десерту, взяла себе натуральный йогурт. Лейли только сейчас заметила, что дочь накрашена сильнее обычного и слишком уж торопится. Может, отсюда и глупая злость на мать?

- Уходишь?
- Да. Идем с Шерин в *Нарру Days*. Там вечером «Провизорро» вечеринка фармацевток^[41].

Нарядилась Бэмби сравнительно разумно: юбка миди в стиле кантри, белая блузка со скромным вырезом (цвет подчеркивает красоту смуглой кожи), бандана, эбеновый треугольник на шее. Если бы не излишне яркий макияж, ее естественная прелесть заставила бы позеленеть от зависти весь курс будущих аптекарш.

Ужин закончился сразу после 20:00. Бэмби вышла из-за стола. Лейли разрешила Тидиану не доедать и извинилась перед Альфа́:

- Пойду уложу твоего брата.
- Да на здоровье... Не торопись, мам.

И она не торопилась. Десятилетний Тидиан вел себя как шестилетка: минута на чистку зубов, десять — на историю, две — на тетешканье любимого мяча и еще одна — последняя, нескончаемая, — на поцелуй, пожелания «спокойной ночи» и мамочка, мне нужно тебе что-то сказать, мамочка, я забыл уложить ранец, мама-мамуля-мамулечка, иди сюда, ну еще один последний разочек.

Так продолжалось с четверть часа, и Альфа́ успел уйти, даже посуду за собой не убрал.

Лейли вдруг почувствовала себя ужасно одинокой и запаниковала. Впервые за вечер в квартире установилась тишина. Она отогнала гнетущее предчувствие. Оно терзало ее каждый день, но этим вечером было просто невыносимым. Больше они все вместе ужинать не будут.

Лейли протянула руку, чтобы включить радио, но не успела.

Неизвестно, было ли это совпадением, но в квартире этажом ниже взревел рай^[42]. Камила! Завистница прибавила звук, как только Альфа́ и Бэмби ушли из дома, а Тидиан почти заснул. Такая вот мелкая мстительность.

Лейли не знала, как поступить, то ли спуститься и поскандалить, то ли... плюнуть и растереть.

Второе! Она любит рай, и по ушам он бьет не так уж сильно, хотя Камила рискует оглохнуть.

Лейли занялась посудой, и тут в дверь постучали. Она по привычке обвела взглядом квартиру. В мойке грязные тарелки, на столике в гостиной стопка проспектов, полки этажерок прогнулись под тяжестью книг. Коллекция очков. Коллекция сов. Спальня. Ворох одежды.

Лейли не знала, кто стоит за дверью, да это и не имело значения. Главное – не выдать себя даже ничтожной деталью.

Всякий раз, когда кто-нибудь – кто угодно – приходил к Лейли домой, она могла думать только об одном.

Защитить главную тайну.

13

21:31

Лейтенант Флор смотрел на волны, подбиравшиеся к его босым ногам и грозившие испортить стоявшие чуть выше мокасины. Вечер был теплым,

песок — почти сухим; ночной покой расслаблял полицейского. Он любил задерживаться на работе и уходить последним, не раньше семи. Петар два часа назад отправился домой, к своей возлюбленной — парикмахерше Надеж, красивой платиновой блондинке под пятьдесят. Жюло решил посидеть на пляже и выбрал путь по улицам 11 Января и 2 Марта, чтобы купить кебаб. Его всегда интриговали неизвестные даты в названиях, он не понимал, зачем давать улицам и площадям имена анонимных героев, забытых министров, расстрелянных партизан и вышедших из моды писателей. К морю лейтенант шел вдоль стены улицы Сопротивления. Пляж был погружен в темноту, вид на укрепления форта открывался неповторимый. Луч маяка прорезал ночь с регулярностью метронома.

Жюло любил эти наполненные меланхолией моменты. Он любил уединение, но вовсе не ради безделья. В одиночестве легче было сосредоточиться, подумать и выстроить версию.

Лейтенант съел кебаб, выбросил жирную обертку в ближайшую урну, зажал бутылку воды между коленей и включил планшет.

Тишина вокруг казалась осязаемой. Сыщик всегда воображал, что встретит женщину своей жизни на пороге ночи. На скамейке. В парке, с книгой на коленях. В любом пустынном месте. Она будет одиночкой, как и он. Чуточку старой девой с кучей смешных маний, составляющих ее очарование. Именно странности станут порукой тому, что она примет его холостяцкие привычки. Не будет обижаться, что он любит завтракать и ужинать один и проводить почти весь день с ноутбуком на коленях.

Интересно, подобные девушки существуют?

Она точно не такая.

С экрана планшета на него смотрела девушка – фото со страницы *Bambi13* в фейсбуке. Жюло снова, один за другим, изучил тридцать снимков, выложенных за последние месяцы, большинство – до контакта с Франсуа Валиони. Изучил очень внимательно и скрупулезно, но маску с загадочной диссертантки это сорвать не помогло. Полицейский не умел идентифицировать ни одежду, ни украшения, ни татуировки.

Войдя в фейсбук и набрав в поиске *Bambi*, Жюло получил в ответ ссылки на сотни страниц. *Bambi* было то именем, то фамилией, а то предлагалось в написании *Bamby*. Иногда это были клички домашних животных (только в департаменте Буш-дю-Рон они упоминались десятки раз). Люди называли так возлюбленных или свои фирмы, артисты и аферисты всех мастей брали себе в качестве творческого псевдонима. Что он может вытянуть из *Bambi13*, если это даже не имя? Ведь не исключено, что им отводят глаза, морочат голову, завлекают на ложный след.

По пляжу в сторону лейтенанта шла группа подростков, они смеялись, перекидывались футбольным мячом. Хороший предлог сбросить рубашку и покрасоваться перед девчонками. «Ложный след?» – спрашивал себя Жюло, пролистывая откровенные фотографии и стараясь не отвлекаться на карамельные переливы ее кожи. Куда там... Взгляд задержался на лежащей на животе *Bambi13*: лицо прикрыто соломенной шляпой, затылок безупречной формы, ложбинка спины совершенна, как и изгиб поясницы. Следующий снимок – скорее, скорее! – а то... Бассейн перед большим отелем, на переднем плане стакан с мохито и ручки шезлонга, на заднем – две загорелые, бесконечно длинные благодаря перспективе ноги. Следующий снимок. Тень стройного силуэта на песке. Сложенные чашей ладони готовятся подхватить опускающийся в море огненный шар.

Смятение лейтенанта росло, и не только из-за сексапильности загадочной девушки. Что-то было не так в этой серии снимков.

14

20:33

– Мне пора, дорогая.

Закончить разговор по скайпу куда труднее, чем распрощаться по телефону. Кто решится первым? Кто одним щелчком заменит лицо визави темным экраном?

Жан-Лу ждал, чтобы это сделала Бландина, возложив на нее груз молчания и ответственности за расстояние между ними. Он инстинктивно коснулся подарков, задвинутых под журнальный стол, подальше от вебкамеры. Два больших пакета с дорогой косметикой из новой коллекции *L'Occitane en Provence*. Кремы, лосьоны, мыло, эфирное масло. Бландина обожала аромат лаванды и ангелики^[43]. Они жили в Страсбурге двадцать лет, но она все еще тосковала по Марселю. Жан-Лу тогда работал в «Вогельзуг», путешествовал по миру, а Жонатан еще не родился.

Перейдя в компанию SoliC@re, он был очень загружен и не возвращался в Марсель. Должность директора по продажам предполагала перемещения по планете, но Жан-Лу делегировал полномочия или решал вопросы удаленно. На этот раз избежать посещения конгресса руководителей высшего уровня не удалось, зато в Страсбург он вернется с чемоданами прованских даров. Для Жонатана Жан-Лу выбрал самолетик А 380. Сыну был 21 год, и он обожал такие игрушки. Жонатан был

трисомиком^[44]. Жан-Лу и Бландина несколько недель колебались, оставлять ребенка или нет. Бландина и ее правоверно-католическая семья были против аборта. Жан-Лу считал, что ребенок-инвалид положит конец буржуазно-непоседливо-богемному образу жизни двух свободных и ни к чему не привязанных влюбленных.

Двадцать лет спустя Жан-Лу даже вспомнить не мог, какой она была, его прежняя жизнь: все эти отели и ночные попойки с коллегами из «Вогельзуг». Жонатан изменил его. Как будто все беды мира сосредоточились в маленьком невинном человечке, за которого отец нес полную ответственность. Больше не было нужды носиться по городам и весям в поисках химерического смысла жизни — теперь в нем нуждались дома. Каждый вечер. Вот так просто. В Жонатане заключалась жизнь Жана-Лу. А жизнь Жонатана принадлежала отцу с матерью.

Жан-Лу еще несколько минут смотрел в темный экран, потом поднял глаза. Большая гостиная номера в «Рэдиссон Блю» выходила окнами на море — единственная оригинальная деталь холодно-роскошного и обезличенного отеля, где ему предстоит провести две ночи. В старом порту жили своей жизнью корабли. Разговор с Бландиной и Жонатаном наполнил душу Жана-Лу счастьем, позволил облегченно выдохнуть и набраться смелости. Чтобы не потерять себя. Он едва не совершил величайшую в жизни глупость.

Его сын получит имя Жонатан.

Он будет трисомиком, это только что выяснилось.

Жан-Лу милый, он лучше остальных. Мягче. Нежнее. Он другой.

Но заплатит, как все. Он любит другую, как все. Прячется и насилует меня, как они.

Он коварнее и трусливее. Любит меня только потому, что я его не вижу.

И никогда не опознаю.

* * *

С другого конца салона Жану-Лу улыбнулась девушка в узкой юбке, благопристойной блузке и с очень черными волосами, собранными в пучок.

Она глотнула шампанского, слезла с высокого табурета, прихватила еще один бокал, ведерко со льдом и уверенным шагом подошла к нему.

Фалина. Само собой.

Красивая. Очень красивая.

Утонченная, породистая, дерзкая.

Куда менее застенчивая, чем обещали сообщения, которыми они обменивались несколько недель. Фалина была на четвертом месяце

беременности. На девятой неделе анализы выявили у плода трисомию. Жан-Лу был председателем французской ассоциации помощи детямтрисомикам. Фалина написала ему в личку. Они часто общались. Она играла в соблазнение без последствий, потом случилось неизбежное. Девушка предложила встретиться. В реале. Наконец-то.

Две ночи в «Рэдиссон Блю» стали первыми за долгое время, проведенное вне дома. Жан-Лу на встречу согласился. И немедленно пожалел. Стал успокаивать себя. Они просто выпьют, ничего больше. «Считай это испытанием любви к Бландине. Проверь на прочность непреодолимую стену, которую мы вдвоем возвели вокруг Жонатана».

Жан-Лу вдохнул аромат «Арлезианки»^[45] и почти ощутил присутствие жены. Туалетная вода Фалины пахла пачулями и заглушала благоухание Прованса.

– Я заказала бутылку шампанского и два бокала, как мы договорились.

Она опустилась в низкое кресло напротив него, скрестив ноги в туфлях на высоких каблуках. Гладкие ножки. Зачем он пригласил сюда девушку на тридцать лет моложе себя? Как теперь избавиться от нее? Если присмотреться повнимательней, Фалина даже не очень красива. Слишком сильно накрашена, слишком уверена в себе. Привыкла, что сексуального наряда достаточно, чтобы поразить воображение ровесника.

- Все в порядке? встревожилась она.
- Да...

Жан-Лу безусловно был славным человеком. Все так считали, не понимая, что его милота – форма вежливого лицемерия.

Они пили шампанское, обмениваясь – через долгие паузы – банальными репликами.

– Простите, что разочаровал, в жизни я не так разговорчив, как в интернете, – признался Жан-Лу. – Боюсь, я слегка поторопился...

Фалина наклонилась и приложила палец к его губам:

- Тсс... Не будем говорить о прошлом, лучше о будущем.
- О будущем?
- Хотите, предскажу ваше?

Удивленный Жан-Лу отставил бокал, а Фалина достала из сумки полотняный кошелечек и высыпала на стол с десяток ракушек.

– Мать научила меня гадать. Это малийский обычай...

Все раковинки были круглой формы, трех сантиметров в диаметре, с разрезом посередине, как у разломленного абрикоса. Большая часть – белые с перламутром, остальные сияли слабыми оттенками розового, голубого и зеленого, и именно по ним Фалина читала судьбу.

Девушка попыталась взять его за руку, но он не позволил.

- Вижу работу, которая все меньше вдохновляет вас. Рутина. Скука. Обязанности, обязанности... они копятся, как письма, которые не хочется открывать...
- Продолжайте, мадемуазель, но скажу честно: чтобы меня впечатлить, потребуется нечто большее.

Фалина улыбнулась:

- Дайте вашу руку, Жан-Лу.
- Нет.
- В этом случае предсказание не будет точным.
- С чего вы взяли, что оно меня интересует?

Девушка подмигнула (его слегка покоробило), допила шампанское и продолжила:

– Еще я вижу женщину. Вашу жену. Вы ее любите. Это очевидно. – Фалина смотрела на ракушки красноватого оттенка. – Вы близки. Очень близки. Никогда не были так близки. Но...

Она сделала паузу, ожидая, что Жан-Лу все-таки протянет ей ладонь. Он не поддался. Фалина уставилась на ракушки, отливающие зеленым.

– В душе вы хотите, чтобы все изменилось и что-нибудь произошло. Упало с неба. Нечто из прошлого, оставленное позади, но связывающее вас со вчерашним днем. Эта тоненькая ниточка не ставит под сомнение ваше сегодня, но она могла бы снова сделать вас цельным человеком. Не тем, кто только и делает, что жертвует собой.

Жан-Лу одним глотком допил шампанское, хотел было поаплодировать, но ограничился ироничной похвалой:

– Хорошо сыграно. Правда. Отлично сыграно.

Он тронул кончиками пальцев ракушки и опустил руку на стол. Фалина восприняла жест как королевскую милость.

– Хорошо сыграно, – повторил Жан-Лу – Вы попали в точку. Буду честен: я не ступлю на этот мост. Не ухвачусь за спасительную ниточку.

Глаза девушки увлажнились. Обиделась?

Чем внимательнее приглядывался Жан-Лу, тем меньше она напоминала хрупкую напуганную беременную, с которой он общался в сети. Ни следа тревоги. Язык жестов не взывает о помощи. Сплошная гордость на высоких каблуках.

– Я поступлю вопреки моим правилам. Проявлю откровенность. Прямоту. Возможно, даже жестокость. Сегодня я буду спать один. Не изменю жене. Мне жаль, если вы неверно истолковали нашу переписку, я этого не хотел. Простите.

Разочарованное выражение мгновенно исчезло с лица девушки.

- Браво, Жан-Лу. Браво. Вы с блеском прошли первое испытание. Но... но я не Фалина.
 - Не понимаю...

Она легонько сжала ладонь Жана-Лу и повела в ближайший к старому порту угол холла.

Он увидел девушку с книгой на коленях, в длинной юбке в стиле «вестерн» и белой кружевной блузке. Никаких украшений, лишь черный треугольный кулон на шее. Волосы скрыты элегантной банданой цвета опавших листьев.

– Я подруга Фалины. Она очень застенчива и боялась нарваться на записного бабника.

Девушка отпустила руку Жана-Лу, и она повисла в пустоте, как будто он сам протянул ее для рукопожатия. Фалина повернула голову и взглянула через плечо. И в тот же момент Жан-Лу вспомнил девушку с жемчужиной. У той были такие же глаза. Огромные. Бездонные. Молящие о милосердии.

15

20:45

Жюло не сразу сообразил, что было не так в фотографиях на странице *Bambi13* в фейсбуке.

Волны баюкали его, он набирал горсть песка и бездумно пропускал сквозь пальцы. Пришлось сделать над собой усилие, отряхнуть ладони и вернуться к работе. Его зацепил контраст.

Чаще всего на странице с фото было указано место съемки. Бодрум в Турции. Лансароте в составе Канарских и Лампедуза в составе Пелагских островов. Санто-Доминго в Доминиканской Республике. Нгапали в Бирме. Шикарные курорты. Страшно дорогие. И все расположены по соседству с крупнейшими на планете лагерями беженцев. Случайность или хитрая западня? *Ватві13* выдавала себя за студентку, специализирующуюся на правах человека, готовую бороться с ужасами жизни перемещенных лиц, гниющих в лагерях смерти, и... позировала в образе ветреной богачки. Как это сочетается? Сочувствие к чужому горю и беззаботные каникулы? Так ведут себя все туристы, жаждущие солнца и экзотики.

Жюло вытянул ноги и приказал мозгу сконцентрироваться. Нет, его смущало что-то другое, далекое от философских умствований.

Bambi13 – никакая не докторантка-антрополог! Она объяснила

Франсуа Валиони, что ездит по приглашениям зарубежных университетов, а оплачивает все исследовательская лаборатория, где она пишет работу. Вранье! От первого до последнего слова! *Bambi13* — девушка лет двадцати, из эмигрантской среды. Каким же образом она за полгода объездила все эти страны? Кто ее спонсировал?

Жюло не Bambi13 девушкой-богачкой, МОГ себе представить нефтяного магната. Неужели его интуиция избалованным чадом среагировала на число 13, пришпиленное к нику, и все то, что она о себе рассказывала? Буш-дю-Рон, Марсель, дочь африканских мигрантов, которые чаще занимаются уборкой в особняках, чем живут в них. Или дело во взгляде в камеру у отеля «Ред Корнер»? В нем были вызов и спокойная решимость следовать путем, который выбрал кто-то другой. Болван Петар Велика с его «парикмахерской» психологией угадал: этот взгляд поразил лейтенанта в самое сердце. Потряс сильнее, чем изящество форм загорелого тела без лица, скрытого платком с узором из сов. Совершенно неуместных на мусульманском покрывале.

Море тихо рокотало в нескольких сантиметрах от пляжа. Жюло отодвинулся назад, не отрываясь от экрана. Он открыл другую папку. Уходя из участка, лейтенант задал поиск на слово сова и удивился разнообразию взглядов на эту хищную птицу. Сова приносит удачу. Нет, несчастья. Сова – символ мудрости (со времен греческой мифологии до наших дней), спутница богини Афины. Умная, ясновидящая, проницательная, хитрая. Или наоборот – прислужница демонов, ведьм и колдуний, вестница смерти. Но главное – ночная птица. Днем она ничего не видит и прячется, а с наступлением темноты вылетает на охоту и ловит дичь, которую никто, кроме нее, не видит, не чувствует и не слышит. Сова убивает своих врагов во мраке, ее уханье возвещает спящему семейству об исчезновении одного из них. Очередное совпадение? Аналогия с убийством Валиони очевидна. Даже слишком?

Вдалеке подростки разделись, решив искупаться. Они громко смеялись, мешая Жюло размышлять. «Ну почему, скажите на милость, – раздраженно спрашивал он себя, – девушки и парни пытаются привлечь внимание друг друга свистом, воплями, диким хохотом? Да, при моей любви к тишине вряд ли когда-нибудь получится завести подружку».

В лучшем случае – старую очкастую сову. Полную противоположность Ваты.

Мысленно он не добавил 13, и ник превратился в имя Бэмби, которое по непонятной причине звучало знакомо, как будто он его уже слышал. Недавно. Совсем недавно.

Черт, глупость какая... Лейтенант прогнал эту мысль и закрыл ноутбук, вспомнив слова шефа: «Приклей лицо со снимка, сделанного камерой у отеля, к фантастическому телу этой псевдостудентки, и поймешь, что она могла убедить Валиони отвезти ее хоть на край света...»

Петар зрил в корень.

Странная девушка заворожила не только Франсуа Валиони, но и лейтенанта Жюло Флора.

Хотя она, скорее всего, убийца.

Хуже того – Жюло предчувствовал новые убийства.

Сыщик поднялся, бросил последний взгляд на подростков. Чуть дальше, за маяком и фортом, появилась красная точка – рыбацкая шхуна возвращалась в порт.

16

21:13

Альфа следил взглядом за маленькой красной точкой. Приближаясь, она увеличилась в размерах и превратилась в звездочку с семью красными лучами на леере. Через десять минут судно прошло мимо мола и причалило. Рыбак крутил штурвал одной рукой, покуривая длинную самокрутку. Он бросил канат стоящему на пирсе Альфа.

– Привяжите, уж коли Аллах привел вас сюда.

Альфа принял конец, показавшийся ему невероятно тяжелым, и прочел написанное на борту название. «Аракс».

Его-то он и искал.

Хозяин шхуны прислонился к ржавой двери каюты и с наслаждением выпустил дым. Он не торопился начинать разговор. Альфа пытался проанализировать немногие детали, освещенные единственным фонарем. На правой руке курильщика была вытатуирована голубка. На носу и рубке – рисунок: корабль на горе. Ноев ковчег?

– Пришли из Армении? – спросил он.

Рыбак одарил его недобрым взглядом и ловко выплюнул окурок, попав точнехонько между палубой и пирсом.

– Некоторые парни за меньшее оскорбление отправлялись на дно Каспийского моря. Я – курд, малыш, разве не видишь?!

Он расстегнул рубашку и продемонстрировал Альфа́ «руку Фатимы» [46], висевшую на волосатой груди.

– Рожденные у подножия Арарата, все мы – потомки Ноя! Мы уплыли

в изгнание, чтобы заново заселить планету, помочь людям плодиться и размножаться. Говорю это, чтобы ты понял, зачем я мотаюсь туда-сюда по морю, будь оно неладно!

Альфа слушал монолог рыбака и закреплял концы, демонстрируя мощную мускулатуру. Он распрямился, и его голова оказалась на уровне рубки.

– Я от Саворньяна.

Курд снова закурил, и Альфа подумал: «Небось всю дорогу крутил сигареты, до самого берега...»

- Извини, парень, не знаю такого.
- Группа бенинцев. Была у вас на борту два месяца назад. Музыкант, болтливый агроном, человек со шрамом...

Рыбак обвел взглядом пустынный порт, словно опасался чужих любопытных ушей.

- Ладно, ладно, вспомнил я то плавание. Кто навел тебя на мой ковчег?
- Они... и еще несколько друзей.
- И что они тебе наговорили?
- Сказали, вы честный и правильный.

Туше́. Курд выпустил густую струю дыма.

– Так и есть... Если можешь оказать услугу, действуй... Жаль, я слишком поздно родился и не был проводником на войне. Вроде того пастуха, который помогал цыганам и евреям утекать в Швейцарию. Теперь вот компенсирую как могу. – Он стукнул кулаком по ржавой двери рубки, демонстрируя надежность. – На «Араксе» они уж точно в большей безопасности, чем на надувном плоту.

Саворньян назвал цену «круиза» на «Араксе» – от 2000 до 5000 евро. Как в бизнес-классе до Эмиратов. *No comment.*..^[47]

– Согласен, – кивнул Альфа. – Помогать нашим братьям уехать – долг, а не преступление.

Курд недобро ухмыльнулся:

– Да уж, братья... Согласен, ты чернее меня, но многие твои друзьяприятели без зазрения совести оставили бы соплеменников с территорий южнее Сахары подыхать в пустыне.

Альфа снова кивнул – мол, я тоже это знаю.

– У меня есть план. Хочу организовать канал помощи нашим братьям. План простой и надежный. Многие умерли, так и не дождавшись, и...

Моряк перебил Альфа:

– Знаю я все эти разговоры, не трать слова! «Я помогу добраться до правильного порта». Все проводники это обещают. Мы – перевозчики и ни

за кого не отвечаем. Точка. Не герои и не мерзавцы. Просто делаем свое дело.

Он хмыкнул и взял долгую паузу, чтобы собеседник не догадался, как часто он повторяет эту шутку:

– Не уверен, что машиниста поезда на Освенцим предали суду.

Курд был явно не силен в истории.

Он взялся переставлять ящики с рыбой.

 Потому я и хочу встретиться с твоим патроном. С тем, кто отвечает за «погрузку».

Потомок Ноя обкладывал льдом и посыпал солью дораду и сардины.

– Мой план может принести хорошие деньги, намного больше, чем твое корыто. У меня сеть в африканских районах южнее Сахары, я знаю нужных людей и придумал комбинацию, которая никому не приходила в голову.

Альфа развернул плечи, закрыв собой единственный фонарь. Курд держался в тени, точно хищник, напуганный затмением.

— Знаешь, парень, каналов без тебя хватает, а с крупными монополистами лучше не связываться.

Альфа набычился.

– Конкуренция – моя проблема. А ты позвони главному снабженцу, логисту, завскладами – называй как хочешь, но пусть назначит встречу на завтра. В полдень. – Альфа́ помолчал. – Квартал «Олимп», дом у апельсинового дерева, на пересечении проспектов Пастера и Жореса. Он не заблудится. Дело выгодное. Если захочет поучаствовать...

Рыбак выбрал позицию осторожного безразличия. Он сортировал агонизирующую рыбу, как придурковатый Ной, вознамерившийся спасти еще и рыб.

– Хорошо. Я позвоню. Почему бы не поощрить призвание. – Окурок полетел в лежавшие на пирсе водоросли. – В худшем случае выловлю тебя в открытом море, когда отправишься на корм скорпенам.

17

21:24

Тидиан проснулся внезапно.

В поту. С колотящимся сердцем.

И удивился свету за ставнями.

Мгновение назад он был слеп. Бежал по лабиринту, натыкался на

стены, попадал в тупики, ориентировался по звуку собственных шагов, трогал камни, бился макушкой о своды. Он бежал за своим мячом «Марокко КАФ 2015», почти остановил его у желоба, не сумел задержать и полетел вслед за ним в черную дыру.

Живой. Зрячий.

В конце коридора мерцал свет.

Золотые плоды.

Сокровище. Золотые плоды титана Атласа, хранимые Гесперидами. Десять жеребцов везли по небу огненную колесницу, нагруженную, как «мерседес-бенц» в рыночный день. В корзинах лежали золотые плоды. Тысяча солнц. Он хотел схватить одно, почти коснулся его пальцем — во всяком случае, так ему показалось.

И тут все погасло.

Он вглядывался в темноту, но ничего не видел.

Он снова бежал – по коридорам, тупикам, попадал в карманы. Может, он не ослеп? Может, снаружи все также сияет солнце? Вдруг за дверью есть свет и он наконец перестанет натыкаться на препятствия, чувствовать боль, плакать, истекать кровью, ощущая ее вкус и жар, но не ведая, красного ли она цвета?

Возможно...

Заухала сова.

Сердце Тидиана постепенно успокаивалось. Голос птицы он слышал наяву. Не во сне, это точно.

Под окном. Крик разбудил его. И спас.

Мальчик долго сидел на кровати, обнимая мяч.

Это был сон, всего лишь сон. Мяч никуда не делся.

Ему до ужаса хотелось крикнуть «Мама!», но он сдержался.

«Ты уже большой...»

Из гостиной доносилась музыка. Взрослые разговаривали.

У них гость?

Сова улетела. Наверное, кто-то ее спугнул. Или она отправилась спасать других детей.

Тидиан успокоился и заснул.

18

21:28

Жюло вышел на мол, опустился на колени и принялся отряхивать

песок с ног, чтобы обуть мокасины. По набережной мимо него пробежали три девушки – им не мешали пот, соленые брызги и гравий под кроссовками.

Лейтенант непроизвольно проводил их взглядом. Его мысли витали далеко, он смаковал малюсенькую победу, подтвержденную текстом сообщения: ключевое свидание назначено на завтрашнее утро. Поколебавшись, он решил ничего не пересылать Петару. К десяти утра он будет в отделе, дождется шефа и сделает ему сюрприз. Флор хотел провести часть расследования, связанную с забором крови, в одиночку. Сыграть сольную партию.

Жюло обувался, глядя на стоявшие перед ним дома.

А что, если дело будет разбираться в особом порядке?

Мысленно он все время возвращался к цифре 13 в нике *Bambi*... В Буш-дю-Роне насчитывалось два миллиона обитателей — практически столько же живет в Словении, на Ямайке или в Катаре. Периметр обширный, но все сходится на Пор-де-Буке, а точнее — на штаб-квартире ассоциации «Вогельзуг», где работал Франсуа Валиони. Петар на этот счет был уклончив, но чувствовал себя в фокейском городе^[48], как угорь в лагунном озере Бер, и имел долгий опыт работы в марсельской метрополии, знал ее коды, сети и соотношение сил.

Жюло приехал из Страны басков и был здесь чужим. От реальности его словно бы отделяла невидимая стена, и ему приходилось непросто в Пор-де-Буке, этом театре, где все пересекались со всеми, каждый следил за каждым и вел свою игру, зная реплики других действующих лиц. Жюло выступал в роли зрителя, неспособного понять умолчаний, невысказанностей, дидаскалий^[49] и связей, объединяющих людей по принципу коммуны, соседства, крови.

Он дошел по молу до детского парка развлечений. *Кровные связи...* Завтра утром с этого и начнем.

Жюло бросил последний взгляд на ряд муниципальных домов – десяток белых клубов, обшарпанных, но с великолепным видом на море. Странно, квартал напомнил ему шарж из газеты двухмесячной давности. Риелтор пытается продать нищей семье руины в бидонвиле расположенном напротив роскошной резиденции: «Вам повезло, вид отсюда гораздо лучше, чем с той стороны!»

Убойный аргумент, ничего не скажешь, но всегда наступает момент, когда человек перестает довольствоваться панорамой.

21:33

Лейли и Ги покурили на балконе, потом она оставила гостя в комнате считать сов, очки и чайные коробки, а сама пошла сменить «божьекоровкино» платье на удобную красную джеллабу с небольшим круглым вырезом, открывающую только лодыжки. Она очень осторожно поставила на журнальный столик поднос с чашками, как будто опасалась, что музыка, доносившаяся из квартиры Камилы и больше похожая на отзвуки землетрясения, выплеснет горячую жидкость.

Ги сидел на стуле и с тревогой смотрел на изображение Сегу и догонские маски, не убранную после ужина посуду, мяч Тидиана, рассыпанную по полу землю и, казалось, спрашивал себя, что он делает в этой немыслимой квартире. Он позвонил в дверь час назад и растрогал Лейли, пробормотав убогие извинения. Так ребенок просит прощения, не веря своим словам.

– Я... кажется, я забыл у вас сигареты, – сказал он голосом завзятого курильщика, жаждущего сделать первую, самую сладкую, затяжку.

Лейли встретила Ги открытой улыбкой, сказала, что Бэмби и Альфа нет дома, а Тидиан лег спать. Что он может ненадолго остаться, и она подогреет тажин или нальет чаю.

– Покурите в окно, а я пока сниму одежду, пропахшую пылью и жавелевой водой, и переоденусь. Главное – не обращайте внимания на беспорядок.

Когда Лейли вернулась в комнату, на ней была просторная джеллаба, подчеркивавшая высокую стройную фигуру. Она немножко гордилась тем, что платье идет ей, как и двадцать лет назад. Соседу снизу повезло меньше – из-под заправленной в джинсы клетчатой рубашки выпирал, нависая над ремнем, круглый живот. Лейли устроилась на диване, Ги докурил и сел напротив нее на стул.

– Пришли послушать продолжение истории? – спросила она, глядя ему в глаза и убеждаясь, что худшее миновало: сегодня вечером ее секрет хорошо защищен. – Но я-то о вас ничегошеньки не знаю...

Ги зажал ладони между коленей.

– Ну... что я... Родился в Мартиге, а через пятьдесят лет оказался тут, неподалеку, километрах в десяти. Тридцать лет работаю на одном и том же месте. Был женат двадцать лет, потом она ушла – надоело готовить мне еду, разговаривать «в пустоту» и весь день слышать из телевизора голос

спортивного комментатора. Я поискал другую, похожую на нее, но не нашел: с возрастом женщины становятся недоверчивы. В общем, я скорее не люблю перемены.

- Тогда что вы здесь делаете?
- Не знаю.
- Подогреть тажин?
- А потом поведете беседу за двоих? Если еще и «Экип 21» включите, сразу на вас женюсь!

Лейли рассмеялась, оценив немудреную шутку.

– Женитесь на черной?

Джеллаба соскользнула с плеча. Контраст пьяной вишни и шоколада. Ги задержал взгляд на женщине.

- Вы не такая, как все... Сколько вы здесь? Четыре, пять лет? Вы похожи на девчонку. На детей не сердишься, зло держишь на родителей. Знаете, почему в Пор-де-Буке так много иностранцев?
 - Нет.

Она взяла поднос и пошла в кухонный закуток.

– В семидесятых, когда я был маленьким, закрылись верфи и власти заявили, что в Фосси, на озере Бер, будет создана самая большая промышленная зона во Франции. Самая большая, так и говорили. Нечто гигантское, тысячи и тысячи рабочих мест в черной металлургии. Подход показался новым, в Пор-де-Буке начали строить жилье, со всех концов Европы и – главное – из Африки приехали десять тысяч рабочих, готовых вкалывать на будущих заводах. Но кто-то в Париже решил, что никаких заводов не будет. Идею промышленной зоны в Фоссе похоронили, а иностранцы остались. Вот и вся история. Аид эль-Кабир – Большой праздник – стал в Пор-де-Буке национальным праздником и как никогда оправдал свое название!

Ги хрипло рассмеялся. Лейли вернулась с едой.

– Цыпленок, – уточнила она, окинув гостя жалостливым взглядом.

В этом человеке было что-то трогательное – она не понимала, что именно. Глаза? Голос? Неуклюжесть?

- Считаете меня придурком? Расистом? Мачо?
- Все вместе, мой капитан.
- Но вы со мной все-таки поговорите?

Лейли поставила блюдо на стол.

– Нет, займусь вашим образованием. Слушайте...

История Лейли

Я ослепла в тринадцать лет.

Вам будет трудно поверить, Ги, но сегодня солнце почти меня не беспокоит, только темные очки приходится носить, так что моя коллекция — не дань кокетству, но воспоминание об очень долгом периоде жизни. У Пикассо были розовый и голубой периоды, а у меня черный. Как ко мне вернулось зрение? Это долгая история, я расскажу ее позже. Она еще невероятней той, что вы услышите сейчас. Давайте начнем с самого начала.

Врач в диспансере без эмоций сообщил моему отцу, что я ослепну. Папа рассказал об этом со слезами на глазах — он плакал при мне одинединственный раз. Я до сих пор не знаю, что это было — удача или проклятие. Наверное, то и другое вместе. Мысль о слепоте приводила меня в отчаяние, но хоть было время морально подготовиться. Тридцать месяцев, с одиннадцати до тринадцати лет, я прожила в уверенности, что темнота возьмет надо мной верх. Дни укорачивались, утренние и вечерние часы постепенно меркли. Линии в моих тетрадях превращались в кляксы, паучьи лапки, реки серого асфальта, моря чернил. Я тщетно таращила глаза — ночь неустанно готовилась поглотить меня. Очень странно наблюдать, как мир уходит в небытие, шатается, исчезает, а вы остаетесь. Если хорошенько подумать, это в чем-то противоположно смерти.

Так я себя успокаивала. Играла в Кима [52] по собственным правилам, завязывала глаза и вспоминала все-все-все. Слепые от рождения люди достойны большей жалости, им неведомы тысячи оттенков цветов, изящный полет бабочек, красота улыбки. Я была ловкой и умелой, и слепота не могла сделать меня инвалидом, требовалось одно – предельная концентрация. Я понимала: если разовью до предела другие четыре чувства, память сделает остальное. Услышав мяуканье, я следовала за котом. Улавливала аромат масла каритэ – и участвовала в веселом туалетном ритуале женщин нашей деревни. На тридцать месяцев я превратилась в записывающую систему. Впитывала изображения, пейзажи, фотографии, фильмы. Все журналы, которые мог раздобыть папа. Все телерепортажи – их я смотрела в отеле «Джолиба» (меня туда пускали). Учительница мадам Фане говорила, что я становлюсь умнее всех ребят в Сегу, что мне повезло и я упражняю мозг, пока мальчишки гоняют мяч. Она первой назвала меня совой, потому что эта птица видит в темноте. Сова – любимица богини Афины, она олицетворяет мудрость. Мудрость и войну.

Однажды — мне было тринадцать лет, семь месяцев и одиннадцать дней — все стало черным. Окончательно. Засыпая, я едва различала звезды на небе, а утром солнце для меня не встало. Наступила темная ночь, хотя мысленно я представляла себе все созвездия. Сегодня я их не помню, Ги, не могу сказать, где находятся Орион, Вега или Единорог, а в тринадцать лет

звездная карта неба и множество других были отпечатаны у меня в мозгу.

Удивительно, но как только я потеряла зрение, окружающие начали говорить: «Какая красавица!» Сначала я принимала их слова за утешение, но мама брала мою руку, водила ею по моим ногам, которые становились все длиннее, по наливавшимся грудям, по изящному изгибу спины. Образцами мне служили Наоми Кэмпбелл и Катуша Найан^[53]. Мама рисовала для меня воображаемый фоторобот, говорила, что я полульвица, вроде Тины Тёрнер, и полуантилопа, как Уитни Хьюстон. Верилось с трудом, думаю, я никогда и не верила, а прозрев, убедилась, что мама была права.

Меня называли красивой. Умной. И слепой. Ровесницы мне не завидовали, красота, наверное, служила защитой от жалости. Найти аргументы против рока нетрудно, и я была не более несчастна, чем другие. Или отказывалась признаваться даже себе. Видите, я уже тогда была самодовольной особой с большими претензиями.

Шло время. Когда мне исполнилось семнадцать, то, о чем много лет говорили шепотом, стало явью: двенадцать жителей деревни решились уйти. Если быть точным – семеро мужчин и пять женщин. Они были самыми молодыми, самыми сильными, самыми смелыми. Сначала нужно было перейти пустыню на севере, чтобы добраться до Туниса, а потом попасть на борт лодки в Табарке и плыть в Европу. Деньги, жалкие накопления, дали жители речного квартала.

Я сказала родителям, что хочу отправиться в путь. Убеждала их двадцать три дня. Трое уходивших, мои кузены, заслуживали доверия и готовы были стать моими глазами, руками, ногами.

Моими поводырями.

А я буду их душой, их переводчицей (мой французский был лучше, могли пригодиться пусть небогатые, но все-таки знания в английском и испанском), их географом — не зря были выучены наизусть названия городов, расстояния между ними, направления дорог, координаты источников воды. Все хранилось в моей памяти.

В памяти проводника.

Поход по пустыне длился одиннадцать дней, потом мы поплыли в Европу на рыбацкой шхуне – посадка в Табарке прошла успешно. Границы тогда охранялись не очень строго. Во всяком случае, ушли мы легко.

Рано утром мы причалили к берегу в Мазара дель Валло. На Сицилии. Я мало что запомнила об этом острове, прежде чем ослепла: фильм «Крестный отец», фотография Этны, гравюра с изображением Сиракуз во времена Архимеда. Палермо, Марсалу, развалины Агридженто и

Селинунта, остров Ортиджию и балконы Таормины я могла лишь воображать. Последний километр пути нас сопровождали три катера таможенников, а в Мазаре ждали карабинеры. Всех поместили в лагерь, где держали мигрантов из разных африканских стран. Нужно было дождаться, когда изучат наши досье, но на следующее утро мы сбежали. Недалеко. Кузенов отловили по одному, они плоховато играли в прятки.

В отличие от меня.

Я затаилась в темном углу и замерла. Только так выигрывают в прятки. Не шевелиться. Молчать. Не дышать. Нетерпеливых всегда находят. Мамина племянница Фатия каждый день приносила еду и воду – крала где и что могла. Потом поймали и ее.

Я осталась.

Одна. В моем темном закутке. В нежилой квартире на холмах старого города Агридженто. Комната. Туалет. Стойкий запах горелого железа и серы из находившейся внизу гончарной мастерской. У меня было два выхода: выдать себя или умереть от голода.

Я колебалась, но ждала, сколько могла, чтобы сделать выбор в пользу первого. Наверное, это было ожидание чуда.

И оно случилось. Хотите верьте, хотите нет, Ги, но оно случилось.

Однажды дверь открылась.

Я подумала: Карабинер... Или насильник (мне часто повторяли, что я нравлюсь мужчинам). А может, вор, хотя что у меня красть? Убийца. Будет жаль, если он пришел убить, у него такой нежный голос. Напевный. Почти женский.

Его рука легла на мою.

Не бойтесь, мадемуазель.

Этому голосу, этим словам хотелось верить.

И я поверила. О, как же я поверила.

Всем сердцем поверила в чудо.

06:52

Журден Блан-Мартен сидел на тиковой террасе, нависающей над городским портом Ренессанс, и собирался завтракать. Ритуал поглощения еды, приготовленной Сафьету, был выверен до мельчайших деталей. Повариха служила у него двадцать лет и знала все пристрастия и привычки хозяина. Пиала с кофе стояла на льняной скатерти, рядом лежали салфетка и свежий номер «Либерасьон», сложенная вдвое без складок и заломов. Розетка с вареньем из красных фиг соседствовала с тремя кунжутными булочками, разрезанными вдоль.

Блан-Мартен бросил взгляд на рыбный аукцион Пор-де-Бука. Рефрижераторы уезжали в Марсель, шхуны возвращались в порт, пересекаясь с уходящими в море яхтами. День обещал быть жарким. Один из отпускных летних дней, предшествующих обещанному на завтра мистралю.

Журден проверил телефон. Софьету поставила перед ним яйцо всмятку, варившееся в кипятке ровно 2 минуты 53 секунды. Из кухни до террасы оно было доставлено за 7 секунд. Оставшись один, он перечитал последнее сообщение и набрал номер:

- Майор Велика?
- Слушаю... ответил запыхавшийся сыщик.
- Журден Блан-Мартен.

Полицейский всполошился, как будто одно только имя собеседника подействовало, как трель будильника после тяжелой ночи.

– Как раз собирался проинформировать вас о ходе расследования убийства Франсуа Валиони. Мы продвинулись, но...

Блан-Мартен взял ложечку в левую руку и ударил по яйцу чуть сильнее, чем требовалось. Его всегда бесила угодливая торопливость мелких начальников, и Петар был из их числа, но империю — увы! — не построишь без помощи преданных и усердных служителей.

– Я звоню по другому поводу, Велика. Близкие друзья рассказали мне сегодня ночью об одном мелком правонарушителе, который вышел с ними на контакт. Он вознамерился организовать канал доставки нелегальных

мигрантов. Очень скоро для ребят из предместий ремесло проводника станет престижней дилерства. Каждый пацан, оставивший в Африке дядюшек, верит, что может разбогатеть, вложившись в покупку надувной лодки.

- Чего вы ждете от меня? поинтересовался Велика.
- Он назначил встречу в северном квартале. Мне известны время и место. Возьмете его, напугаете и отобьете желание пробовать снова. Короче, проведете профилактическую работу.
- Не так это просто, мсье Блан-Мартен. Мы не сможем арестовать парня, если ничего при нем не найдем.

Ложечка из слоновой кости срезала округлый купол яйца слишком быстро, желток растекся, ошметки белка упали на стол. Блан-Мартен терпеть не мог беспорядка. Он мог бы придушить легавого, лишившего его невинного наслаждения едой. Идеальный обряд вкушения ежеутреннего яйца заменял Журдену йогу. Плавность жестов. Точность удара по скорлупе. Утонченность дегустации. Он постарался успокоиться: Блан-Мартен не превратится в карикатуру на владетельного сеньора, гневающегося на весь мир из-за не такого яйца.

Только не он...

- Вы справитесь, Велика. Придумаете, к чему прицепиться. Шины у скутера плохо накачаны, сам не похож на фотографию в паспорте. Любой предлог и вы преподадите парню урок хорошего поведения.
 - Без свидетелей и улик задержание будет незаконным, мсье.

Усердный вассал упирался. Петар Велика не хотел играть роль квартального воспитателя. Блан-Мартен ему явно докучал. Интересно, чем он может быть занят в такую рань? Блан-Мартен поднес ко рту ложечку с теплым желтком и до блеска ее облизал.

- Мне кажется, Велика, до сих пор у вас не было повода жаловаться на мои наводки. «Вогельзуг» добросовестно сотрудничает с полицией, так ведь? Сколько преступных группировок вы накрыли бы без меня?
- Конечно, мсье. Без вас все нелегалы обретались бы на улице, пытаясь выжить любым способом, но...
- Я пойду дальше, перебил майора Блан-Мартен, и попрошу вас посадить парня в тюрьму... На одну ночь. А уж там перевоспитавшиеся старшие братья научат его уму-разуму, это я беру на себя.
 - Посмотрю, что удастся сделать, буркнул Петар.

Он явно был раздражен. Блан-Мартен слышал какие-то посторонние звуки, но легавый не похож на мужика, подающего завтрак в постель подружке, и вряд ли станет жевать круассаны, держа на коленях младенца.

– Я в вас верю, майор. Профилактика – великое дело, помните об этом. Нужно вырвать зло с корнем, пока не пошло в рост. Возможно, ночь в тюрьме спасет недоумка от тюремной карьеры.

Он сделал паузу и выскреб белок любимой костяной ложечкой – серебряная придавала яйцу гадкий привкус, – бросил взгляд на бассейн и начал развязывать левой рукой пояс халата. Блан-Мартен каждое утро проплывал километр и только потом принимался за дела.

– Должен с вами попрощаться, Велика. Через три дня начинается симпозиум «Фронтекса». Я буду делать доклад на открытии, а вы займитесь работой и избавьте меня от деталей. Найдите девку, которая убила Франсуа до начала пышного раута, – при наличии фотографии это вряд ли будет так уж трудно.

21

08:22

Школа находилась в конце улицы, длинной прямой линии, засаженной оливами, чтобы их тень по утрам спасала от солнца. Тидиану было плевать на тень. Потный, в шортах и футболке, с ранцем на спине, он поддавал мяч ногой, точно зная, что сумеет обвести любое дерево, не сбавляя темпа.

Ну ладно, олива – даже самая толстая, столетняя – не Варан и не Канте^[54], но она блокирует тебя тайными корнями, вспоровшими тротуар, или протягивает ветку и хватает за майку. Тидиан попробовал устранить последнего защитника ловким финтом, но мяч откатился на несколько метров. Сначала мальчик заметил кроссовки.

Фирмы «Найк».

Красные с черной запятой.

Огромные. Как минимум сорок седьмого размера.

Мяч «Марокко КАФ 2015» взлетел вверх, и Тидиан поднял наконец глаза.

– Альфа́!

Он кинулся в объятия старшего брата, тот оторвал его от земли и закружил в воздухе.

– Сюрприз, малыш! Скажи-ка, это, часом, не мой мячик?

Он поставил Тидиана на землю и бросил на него суровый взгляд, как наставник, явившийся конфисковать игрушку у хулигана.

- Ты знаешь, что это коллекционная вещь?
- Hy еще бы, Альфа́... я с ним не расстаюсь, ты ведь предупредил.

Тидиан знал, что никогда не будет таким высоким, как брат. Таким сильным. И таким храбрым. Они кровные братья, отцы у них разные. Он унаследовал гены очкастого профессора-коротышки, которого никогда не видел, но представлял по рассказам дедули Муссы и бабули Марем. Мама о нем никогда не заговаривала.

- Я сумею себя защитить!
- Не сомневаюсь, клоп. Кстати, мне нужна твоя помощь.

Тидиан просиял. Он понадобился старшему брату!

- После школы, Тиди, не *вместо*, а *после*! отправишься в «Олимп» и заберешься на апельсиновое дерево.
 - До окон квартиры дедули и бабули?
- Выше, Тиди. Намного выше. Как можно выше, чтобы видеть дома. Будешь моим дозорным предупредишь об опасности.

Тидиан вдруг немножко испугался. Он никогда не забирался выше четырех метров и даже не знал, закружится у него голова или нет. Что, если его увидит дед или бабушка? Протестовать он не решился, только спросил, стараясь, чтобы голос не дрожал:

- О какой опасности?
- О легавых. О подозрительных типах. Обо всем, что покажется необычным.

Тидиан спросил себя, как заметит полицейских, если те приедут на гражданской машине и будут не в форме? А подозрительных типов в квартале полно. Неожиданно его осенило: наверное, он все-таки унаследовал от мамы некоторые черты характера.

– А мне какая выгода?

Альфа́ не только удивился – он восхитился младшим братом, который за секунду словно бы вырос на пять сантиметров. Выхватить мяч из-под локтя Альфа́ он, конечно, не мог, но впечатление произвел.

- Ну ты силен, Тиди... Как насчет футболки с автографом Баррады? Мальчик не поверил.
- Для этого придется поехать в Дубай. А тебе какая выгода?
- Деньги, Тиди. Много денег.
- Нам не нужны деньги, у нас есть мамино сокровище.
- Ты знаешь, где оно?
- Почти... Я ищу, у меня появилась идея.
- Это хорошо, Тидиан, похвалил Альфа́, улыбнувшись глазами. Он кинул младшему брату мяч и продолжил: Не потеряй. Таких всего три. Два других принадлежат Месси и Роналду. Так что он мне дороже тебя.

С этими словами Альфа исчез.

09:07

– Да будет вам известно, о, чу́дные звездочки на небосводе страны Утренней Свежести, что мне прекрасно знаком Сеул.

Перед Рубеном стояли шесть корейских студенток в униформе Кёнбукского национального университета^[55]. Они ждали, когда управляющий закончит предаваться воспоминаниям, чтобы заплатить по счету. Рубен изъяснялся на смеси французского с английским, и девушки, судя по всему, прекрасно его понимали. Во всяком случае, слушали они завороженно.

— Я тогда работал в «Гранд-Отеле» в торговом квартале Мёндон. Тридцать шесть этажей, полторы тысячи номеров, в том числе президентские апартаменты, где часто ночевал Пак Чонхи^[56] с одной из двадцати трех любовниц. Каждую ночь с другой.

Студентки захихикали.

Лейли ждала с пылесосом в руке, чтобы азиатки сдали ключи. Тогда можно будет сделать уборку. Она заступила на смену в девять утра, комнаты должны быть готовы к полудню, а этот трепач разливается соловьем. Но Лейли не злилась, россказни Рубена даже забавляли ее.

– Вы шокированы, мои птички? Право, не стоит. Я сам закрутил роман с женой президента. Она хотела учиться тхэквондо, а меня, по прихоти судьбы, приобщил к этому благородному боевому искусству сам генерал Чхве Хон Хи^[57]. Одно за другое – и вот я уже ублажаю первую даму вашей многоуважаемый страны, а ей был свойствен сексуальный аппетит всех двадцати трех любовниц разом!

Корейские студентки, которые, если верить их бейджикам, приехали посетить портовые сооружения Пор-Сен-Луи-дю-Рон, переглядывались и краснели. Лейли попыталась перебить Рубена и получить ключи, но поток его красноречия не иссякал.

– Вижу, вам наскучили древние альковные истории, так перейдем же к серьезным вещам, мои лакомки. Я должен задать нескромный вопрос, занимающий умы моих коллег во всех концах света. – Последовала многозначительная пауза. – Вы опустошили мини-бар? Шампанское «Дейц»? Водка «Абсолют»? Коньяк «Отард»? Хм, малышки, было бы

серьезной ошибкой лишить себя этого. – Он лукаво подмигнул: – Что, если я закрою глаза на все, а вы... никому ничего не расскажете о моем знойном романе с вашей президентшей?

Лейли не удержалась от улыбки. В стандартных номерах «Ибиса» не было ни мини-баров, ни ручек с конвертами, ни бутылочек с шампунем, выносить оттуда нечего, так что... Она раздвинула кореянок и пошла в холл.

– Этот роман был, конечно, общеизвестен, но вы, хрупкие газели, чтобы шалости. Впрочем, молоды, помнить МОИ пронырливый репортер «Корея дейли ньюс» поместил на первую полосу снимок вашего покорного слуги в более чем пикантной позиции. Но в то время газета довольствовалась тиражом в шесть миллионов семьсот тысяч экземпляров, это сегодня такая фотография, размещенная в твиттере, имела бы... миллиард просмотров. Ничего удивительного: брючки тобок^[58] первой дамы государства спущены до щиколоток, а она увлечена моим черным поясом^[59]. Бедняга Пак вынужден был публично защищать честь законной супруги, чем навлек на себя гнев двадцати трех наложниц. Он вызвал меня на дуэль по Хайдонг Кумдо^[60] в школе «Гора Дракона». С фехтованием я был отдаленно знаком по «Трем мушкетерам» и предпочел спастись бегством. Куда? Увы, об этом я рассказать не успею...

Принтер у него за спиной наконец выплюнул счета. Студентки покидали «Ибис» с сожалением, и Рубен в утешение раздал им проспекты.

– Раз уж вы будете посещать все крупнейшие порты планеты, остановитесь в «Ибисе» в Лас Таблас, в Панаме. Мой коллега Эстебан Родригез расскажет вам, как мы вдвоем путешествовали в контейнере в обществе тридцати девственниц из племени масаи. Их собирали за красоту по всей Абиссинии и обучали английскому, ведь они должны были принять участие в конкурсе красоты «Мисс черная Америка» в нью-йоркском отеле «Гранд Хаятт».

Лейли решила не звать Рубена, взяла со стойки ключи и пошла по коридору, не услышав очередной шутки, ужасно рассмешившей кореянок.

Номер 11.

Открыто.

Номер 13.

Открыто.

Номер 15.

Открыто.

Лейли действовала последовательно и энергично, оставляя двери

распахнутыми, толкала перед собой тележку и складывала в нее грязное белье и полотенца.

Номер 17.

Откр...

Она слишком поздно услышала за спиной звук торопливых шагов Рубена. Слишком поздно поняла, что номер 17 – один из тех, которые ей запрещено отпирать.

Рубен не заметил, что она случайно прихватила и этот ключ. Успела вставить его в замочную скважину. Повернула ручку. Толкнула дверь. Она могла успеть закрыть ее или оставить щелку и не смотреть.

Да, она могла бы ничего не узнать. И ничего не увидеть.

Но она их услышала. Тех, кто был внутри. И ничто на свете не помешало бы ей войти в этот номер теперь, когда она узнала секрет.

23

09:22

– Жюло еще не пришел?

Майор Велика раздраженным жестом повесил кожаную куртку на вешалку-стойку, та качнулась, но не упала, как будто не хотела взбесить патрона еще сильнее. Остальные полицейские съежились и попытались стать невидимыми. Этим утром их шефу как нельзя лучше подходила его фамилия^[61].

Обычно Петар последним покидал комиссариат, зато приходил позже всех. Этот распорядок позволял покувыркаться с Надеж, а потом заявиться на рабочее место, как к родному очагу, где ждет любящая жена. Шторы раздернуты. По кружкам разлит горячий кофе. Компьютеры урчат. Но сегодня Журден Блан-Мартен нарушил привычный утренний распорядок майора и на весь оставшийся день испортил ему настроение. Блан-Мартену легко гуманно относиться ко всем нелегалам планеты, сидя в своей башне из слоновой кости — на вилле «Ла Лавера», где его сторожит свора сенбернаров. А легавому приходится выслеживать каналы их доставки в Европу, вести профилактическую работу среди тех, кто мечтает о карьере проводника, и одновременно ловить убийцу шефа финансовой службы «Вогельзуг».

- Куда он отправился? встревожился Петар.
- Сказал, что ему нужно в больницу, подал голос Риан.
- Зачем? изумился майор.

Проклятье!

Для полного счастья не хватает только, чтобы слег заместитель...

Лейтенант Жюло Флор не торопясь шел по огромному парку больницы Авиценны, вдыхая ароматы дурмана и жасмина. Он был на голову выше профессора Вакнина [62], лучшего гематолога и главврача лечебного учреждения, специалиста по тропическим болезням, иммунолога, а кроме того, читающего лекции в десятке университетов. Спокойный, немолодой, хорошо образованный, этот знаменитый доктор не имел никакого желания уходить на пенсию. Говорил профессор медленно, как педагог, собаку съевший на популяризации знаний для профанов — от обеспокоенных пациентов до студентов в аудитории. Этот жанр изложения весьма результативен на консультации, но в аудитории действует на манер снотворного.

Вакнин согласился поговорить с полицейским между двумя важными встречами, предложив пять минут прогуляться по парку и заодно насладиться солнечным теплом и светом. Профессор был в соломенной шляпе-трилби^[63], но все равно старался держаться в тени редких деревьев.

– Вот что, лейтенант, прежде чем объяснить вам разницу между кровью и родственными связями, я должен сообщить нечто важное. Группы крови А, В, 0, если так понятнее, распределены по территории планеты неравномерно. Группы крови стали следствием очень древних связей человека с окружающей средой. Точнее, с биотопом [64], в том числе с питанием или сопротивляемостью локализованным патологиям. В самом начале – я имею в виду доисторические времена – у всего человечества была нулевая группа. Группы А и Б появились между десятым и пятнадцатым тысячелетием до Рождества Христова в Азии, на Ближнем Востоке и на склонах Гималаев, откуда началось великое расселение в сторону Европы, где и зародилась группа АВ, самая редкая из всех. Случилось это двенадцать веков назад.

Жюло не решался перебить профессора и с тоской спрашивал себя, почему для ответа на простой вопрос: «Можно ли определить отцовство, сделав анализ крови?» – потребовалось вернуться в эпоху юрского периода.

– Даже сегодня, несмотря на смешение популяций, группы крови распределены неравномерно. Изначально у всех американцев была нулевая группа, а в Китае почти нет людей с нулевой отрицательной. Африканский континент – пример большего биологического разнообразия. У представителей народности пёль, например, чаще встречается группа А и

реже – группы В и 0, в отличие от соседних этносов.

Жюло пытался сообразить, какие выводы можно сделать из лекции профессора.

– Получается, по анализу крови можно определить географическое происхождение индивидуума?

Вакнин ответил удрученным взглядом. Прогулка по садам медицинского центра в обществе человека в белом халате заставила Жюло усомниться, все ли у него в порядке с головой, а сарказм в голосе собеседника не добавил оптимизма.

– Нет, лейтенант, что за дикая идея! С незапамятных времен человечество перемешалось, и не один раз, а стены начали строить недавно – по историческим меркам, конечно. Самая... продвинутая часть человечества питается в основном гамбургерами, кебабами и пиццей, и тем не менее кровяная система западного человека до сих пор не адаптировалась к новой системе питания.

Доктор выдержал паузу, чтобы инспектор оценил шутку, и вдруг посерьезнел.

– Понимаете, лейтенант, биологическое разнообразие крупных миграционных перекрестков является одним из главнейших санитарных вызовов, которые мы должны разрулить. В больших городах живут мужчины и женщины с разными группами крови, но с донорами дело обстоит иначе. Сдача крови по-прежнему связана с психологическими, социальными и даже религиозными критериями. У нас в Марселе наблюдается постоянный дефицит крови некоторых групп. В Париже та же картина. И в любой мировой метрополии. Приходится тратить кучу денег на информационные кампании и агитацию среди некоторых популяций.

Вакнин замедлил шаг, решив полюбоваться цветущей бугенвиллеей, а Жюло подумал, что поиск редкой группы крови объясняет, зачем убийца взял анализ у Франсуа Валиони, прежде чем перерезать ему вены. Тем не менее он был не готов расстаться и с первой гипотезой.

- Давайте все-таки вернемся к изначальному вопросу. Итак: по анализу крови отцовство определить нельзя, но опровергнуть можно?
- Именно так. Вот это поможет вам понять. Профессор достал из висевшего на ремне портфеля листок и протянул лейтенанту: Полная таблица невозможностей. Изучите на досуге, не так уж это и сложно. Даже самый глупый из моих студентов, как правило, справляется.

Вакнин присел на парапет фонтана из серого камня, сделав Жюло приглашающий жест.

– В простой таблице из восьми колонок на восьми строчках

расположены все типы A, B, 0, AB, положительные и отрицательные. В колонке – кровь отца, в строчке – матери, на пересечении типы крови, которых не может быть у их детей. Так, если у обоих родителей группа A+, а она такая у трети населения Земли, то у них не могут родиться дети с группами крови AB или B. У родителей с группой 0+ родятся дети только с группой 0. Мы можем быть более точными с редкими группами крови. У двух родителей AB+, или трех процентов населения мира, не может быть детей с нулевой группой крови... На самом деле существует несколько комбинаций крови родителей, которые способны родить детей со всеми возможными группами крови.

Жюло внимательно смотрел в таблицу.

- Подведем итог, профессор: если мне известна моя группа крови и группа матери, я могу сделать вывод, что мой предполагаемый отец — не мой отец?

Вакнин бросил на него восхищенный взгляд. Наверное, мысленно возгордился собственным педагогическим гением, а не интеллектуальными способностями ученика.

– Браво, лейтенант, вы ухватили суть. Вы сможете уверенно утверждать, что ваш... якобы отец таковым не является. Обратное невозможно. У него не больше шансов быть вашим отцом, чем у миллиона других мужчин той же группы крови, живущих на планете.

* * *

Жюло появился после 10:00. По коридорам ходили полицейские, в том числе Риан и Мехди. Лейтенант зашел в кабинет шефа, положил отсканированную таблицу на стол и обратился к Петару:

- Я почти выяснил, зачем у Франсуа взяли кровь. А у вас какие успехи?
- Ноль. Я застрял на историях с мигрантами. Это отнимает время, приходится задействовать людей, а ты играешь в Шерлока Холмса и изображаешь посредника между МИДом, МВД, пятнадцатью посольствами и десятками ассоциаций.

Жюло ничего не ответил.

– Единственное, чего удалось добиться за утро по делу Валиони, – проворчал Петар, – это разрешения поставить человека у отеля.

Лейтенант удивился.

- Думаете, может быть еще убийство? спросил он, присаживаясь на край стола.
 - Думаю.
 - Почему?

— Чутье старого легавого подсказывает, малыш. И вся мизансцена. Девка с наглыми глазами. Тип, которого она подцепила в интернете, как будто пристреливала мишень. Твоя маленькая возлюбленная похожа на самку богомола. Не согласен?

Флор ответил не сразу, обдумывая идею шефа. Потрясающий он всетаки человек! С самого начала расследования интуиция лейтенанта тоже не дремала, но он не решался подать голос.

– Конечно, согласен. Но зачем нам наблюдатель у «Ред Корнера»? Если *Bambi13* задумала еще одно преступление, вряд ли она рискнет вернуться туда.

Петар с досады щелкнул по клавише компьютера.

- Ну и вопросики у тебя, парень! Когда в урну закладывают бомбу и она взрывается, никто не спрашивает, зачем неделю караулить рядом с ней террориста, потому что даже законченный кретин не выберет дважды одно и то же место для закладки.
- А может, мы перестраховываемся? Ведь если дебил прикипел к одной урне, а мы слишком хорошо о нем подумали и наблюдали за другой, это будет выглядеть как вопиющая некомпетентность. Знаете, патрон, решая, за что получить взбучку, все выберут чрезмерное усердие, а не широту взглядов! Такова ирония принципа предосторожности. Человек терзает себя абсурдными страхами, рассудок изобретает нормы, чтобы эти самые страхи никогда не материализовались.

Петар бросил на подчиненного изумленный взгляд:

– Ax ты чертов мелкий гений! Я годами торможу на истории с помойкой, а ты взял и разъяснил ее мне, как какому-то приготовишке!

Жюло пожал плечами, проигнорировав комплимент:

- Элементарно, патрон. А пока ваш Шерлок Холмс продолжит развлекаться. Хочу побольше узнать о проклятых браслетах и ракушках с Мальдив, выяснить, зачем Валиони ездил в Эс-Сувейру.
 - Это подождет, Шерлок.

Жюло замер, недосняв куртку.

– Не хочешь размять ноги?

У лейтенанта Флора было стойкое ощущение, что всякий раз, когда речь заходила о «Вогельзуг», его шеф уклонялся и переводил разговор на другую тему. Простое совпадение? Он уставился на живот Петара, обтянутый голубой рубашкой.

– Предлагаете пробежаться вдоль моря?

Майор вскочил:

– Лучше. Задержать парня, вознамерившегося сделать карьеру и

нажить состояние на переправке нелегальных мигрантов.

- А что он сделал?
- Ничего!
- То есть как?

Велика уже одевался.

– Не пытайся понять, это профилактическая мера. – Он посмотрел на сине-бело-красный герб, прикрепленный над балкой. – Кузина принципа предупреждения.

Жюло колебался, хотя Петар не оставил ему выбора. Ну что сегодня за день такой неудачный! Он с самого утра занимается тем, что больше всего ненавидит в профессии, – выслушал научную лекцию о крови, а теперь вот придется ехать на задержание. Не хватает только вскрытия на ночь глядя! Жюло покосился на экран майорского компьютера с фотографией африканского города крупным планом, – города такого плоского и пыльного, словно его выстроили на песке и из песка.

- Где это, патрон?
- В Бенине. Котону. Родина большинства задержанных вчера типов. Посольство надоедает с бумагами и...
- Можно взглянуть? Жюло придвинулся к экрану, не дождавшись кивка шефа.
 - Хочешь провести там отпуск?

Лейтенант не ответил. Его заинтриговала одна деталь. Почти сюрреалистическая. Он даже решил, что стал жертвой галлюцинации. В пейзаже Котону, практически целиком составленном из низких домов с шиферными крышами, главенствовала башня. Одна-единственная. Жюло повернулся к Риану, который принес два синих кевларовых бронежилета:

- Что это за монумент?
- Похож на башню ЦБГЗА.
- Расшифруй...
- Центральный банк государств Западной Африки^[65]. Валютная зона франка КФА^[66]. Восемь стран, миллионы клиентов, западноафриканская еврозона, если хотите... а башни соборы. Небоскребы по одному на столицу. Они тянутся к небу в Котону, Уагадугу, Бисау, Абиджане, Бамако, Дакаре, Ниамее, Ломе и напоминают умирающим от голода о могуществе денег.

Майор перебил Риана и окрысился на Жюло:

– Что за новая блажь, паренек?

Тот даже головы не поднял и кликнул мышкой, увеличив банк-

небоскреб в Котону.

– Взгляните, патрон.

Велика и Риан синхронно уставились в мониторы.

Господь милосердный...

Они не верили своим глазам.

Вдоль башни шли четыре белые вертикальные линии.

Жюло укрупнил изображение, и стали видны элементы декора семнадцати бетонных этажей. Четыре линии. Четыре раза по тринадцать гигантских ракушек. Аналогичных тем, которые нашли в кармане Франсуа Валиони.

Никаких сомнений. Такие можно найти только на Мальдивах, и их воспроизвели в пятидесяти скульптурах метровой высоты, видимых из любой точки Котону.

- Вот дерьмо! сквозь зубы ругнулся Петар, глядя на лейтенанта. Ты что-нибудь понимаешь?
 - Ни хрена не понимаю...

Риан бросил коллегам жилеты.

 Но если мы сию же секунду не рванем в «Олимп», пропустим свидание.

24

9:29

Рубен Либерос положил руку на плечо Лейли.

Он опоздал.

Дверь номера 17 отеля «Ибис» города Пор-де-Бук уже приоткрылась. На Лейли смотрела дюжина глаз, и удивление в них было неподдельным.

Двенадцать больших, сверкающих белками глаз.

Четверо мужчин, женщина и подросток. Мужчина с голым торсом вышел из ванной, другой перебирал струны гитары, еще двое читали. Паренек сидел спиной, женщина заплетала дреды. Лейли узнала Нуру.

Африканцы. С территорий южнее Сахары. На журнальном столике горячий чайник.

– Моя принцесса пустыни, – произнес Рубен в спину Лейли, – я благодарю провидение, что именно вы обнаружили моих протеже.

Она вошла в комнату. Попыталась улыбнуться Нуре, но коллега ответила безразличным взглядом.

– Устраивайтесь поудобнее, прекрасное дитя.

Сидевшие на одной из кроватей подвинулись, давая Лейли место, и Рубен пустился в объяснения:

- Степень заселенности моего дворца составляет ровно пятьдесят официальные Называю восемь процентов. цифры, подсчитанные казначеями империи Accor. Летом процент достигает восьмидесяти семи, зимой опускается до тридцати. В среднем в тринадцати номерах каждый вечер пустуют двадцать семь кроватей – капля в море среди пятисот тысяч комнат, предоставляемых империей в распоряжение клиентов по всему миру. А теперь ответьте, красавица, мог ли Рубен отсиживаться за закрытыми дверями, когда сотни бесприютных путешественников ночуют на улице? Я каждый вечер пускаю в свободные номера пассажиров ветра. Бесплатно, без документов. На один вечер. Одну неделю. Так делишься обильным обедом с оголодавшим соседом.

Лейли посмотрела на Рубена. Костюм антрацитово-серого цвета, черный галстук, набриолиненные седые волосы. Кто бы мог заподозрить в этом представительном мужчине диссидента? Уж точно не его начальники из штаб-квартиры *Accor*!

А управляющий продолжил свой монолог, и Лейли вдруг поняла, что показное самолюбование маскирует настоящую застенчивость. Мифоман, трепач, но болтливость служит ему защитой. Герой повседневной жизни. Правду, как известно, легче всего спрятать в море лжи.

– Сжальтесь, Лейли, не смотрите на меня этими влажными, как у газели, глазами, иначе я сию же секунду выставлю наших друзей за дверь и мы останемся наедине в замке тысячи и одного номера. Ваш покорный работу наемного слуга ЛИШЬ выполняет служащего, поддерживающего репутацию заведения. Руководство не в курсе моих маленьких комбинаций, но никто не станет спорить, что наша главная задача – давать приют мужчинам и женщинам, нуждающимся в помощи... повсюду на планете. В семьдесят восьмом, в ханойском «Ибисе», у меня месяц жили пятьдесят три семьи из Камбоджи. В девяносто третьем, в Кигали, я спас сто двадцать семь представителей народности тутси, которые...

Старший из присутствующих, коротышка в очках с толстыми стеклами и слишком широких бежевых полотняных штанах, перебил Рубена:

– В Кигали, брат, никогда не было отеля «Ибис».

Управляющий расхохотался:

– Захерин, чертов старый краб! Неблагодарный мерзавец. Я рискую репутацией, а ты выставляешь меня вралем в присутствии двух самых красивых девушек Африканского континента!

Лейли и Нура заулыбались.

Рубен продолжил, нимало не смутившись, сказав, что проявлял гостеприимство по мере возможностей, а они, эти самые возможности, прояснялись ближе к вечеру. Зато нелегалы никогда не жили как сельди в бочке. Один номер — одна семья, по кровати на человека, хотя — что греха таить — часто к вечеру в какой-нибудь комнате оказывались целые фратрии, родственники сходились в холле, чтобы поспорить, спеть песню, сыграть на гитаре.

- Или послушать бесконечные истории Рубена Либероса, пошутил очкарик. Этот старый безумец пускает нас переночевать по одной-единственной причине: ему требуется публика!
- Понимаю, за что президент Кереку пытался убить тебя целых десять раз, старый ты бессмертный паразит! со смехом отозвался Рубен и повернулся к Лейли: Вы уже знакомы с прелестной Нурой, которая делит с вами ответственность за наведение блеска в дворцовых чертогах.

Нура ограничилась ледяной улыбкой.

 А теперь представляю вам моего друга. Дорогого друга. Это Саворньян Азаннай.

Саворньян поднялся с кровати и кивнул. Его сине-черные глаза излучали мудрость. Мягкие, почти женские движения были изящны, как у леопарда. Подобный магнетизм свойствен исключительным личностям – от Манделы до Обамы.

- Ты Лейли? спросил он. Лейли Мааль?
- Да. Она удивилась.
- Вчера я видел твою дочь Бэмби. Она унаследовала твою красоту.

Саворньян не отвел взгляда – дружеского, без малейшей двусмысленности. Братского, но Лейли спиной почувствовала ревнивый взгляд Нуры. Все ясно: она влюблена в Саворньяна, но никогда не признается, надеясь, что язык тела все скажет за нее.

– Твоего сына я знаю ближе, мы с Альфа часто встречались. Он предложил свою помощь. Мы... пока думаем.

Лейли поостереглась расспрашивать. В последней фразе она расслышала сомнение и все поняла, хотя ничего не знала о делах нелегалов. Альфа честолюбивый и решительный. Прямой и честный, но никому не позволяет объяснять ему, где проходит граница между добром и злом. Наверное, ему нравится вести жизнь канатного плясуна. Иногда умного, порой жестокого.

Наступила короткая пауза, и Лейли воспользовалась тишиной, чтобы оглядеть номер 17. Окурки в пепельнице, пустые пивные бутылки,

открытые коробки с пиццей, несколько ракушек в стеклянном стакане. Горячий чайник. Чашка перед каждым мужчиной. Запястье гитариста украшает синий браслет. У подростка такой же, но красный. У Захерина браслета нет, у Саворньяна тоже, но у него кольцо на безымянном пальце.

Обручальное.

Всем, кроме Нуры и юноши, перевалило за тридцать. И никаких детей.

– А ваши семьи? – спросила она.

Саворньян глотнул чая.

– Все стараются воссоединиться. Знаешь, мы ведь все недавно приехали. Вот смотри.

Бенинец достал из бумажника фотографию. На ней рядом с ним стояли сияющая молодая женщина с длинными гладкими волосами и двое детей лет восьми.

- Моя жена Бабила - медсестра. Мой сын Кейван обожает поезда, мечтает однажды стать машинистом $TGV^{[67]}$. Сафи - моя маленькая принцесса. Дочка хочет открыть модный бутик и парикмахерский салон, чтобы делать женщин красивее.

Нура вскочила, не в силах выносить нежность во взгляде Саворньяна, выхватила из стенного шкафа совок и щетку и, стуча каблуками, пошла к двери. Весь ее вид говорил: мне здесь платят не за чай в постели и разглядывание фоток!

Рубен попытался удержать ее:

– У нас есть время, Нура. Много времени. Пыль покрывает сердца быстрее, чем мебель.

Женщина пожала плечами и вышла. Обстановка разрядилась. Лейли повернулась к Саворньяну:

– Быть проводником опасно?

Он улыбнулся и заговорил – от лица всех присутствующих мужчин:

– Только представь, Лейли. Только представь. Даже если мне выдадут документы... даже если я получу постоянную работу и вид на жительство... Знаешь, сколько времени понадобится на воссоединение с семьей?

Она покачала головой.

– Возможно, целая жизнь. Канадец, швейцарец, японец получает визу за несколько дней, африканской семье требуется бесконечное количество времени. Расскажи ей, Дариус, расскажи.

Сидевший на кровати мужчина отложил книгу. На вид ему было около пятидесяти.

– Я сопровождаю сюда моих братьев, но не являюсь нелегалом. Живу

во Франции уже семь лет. Моя жена и четверо детей остались в Того. Работаю на складе Транспортного управления Марселя, мне платят тысячу двести евро в месяц — минимальную зарплату, позволяющую подать в префектуру прошение о воссоединении с семьей. Но существует второе условие: необходимо иметь жилье из расчета десять квадратных метров на человека, в том числе на детей. Я давно пытаюсь получить квартиру — как минимум шестидесятиметровую, хотя платить за нее придется три четверти жалованья. Но кто сдаст такую уборщику-одиночке?

Саворньян переставил столик с чайником в центр комнаты. Все расселись на двух кроватях, как студенты в общежитии, планирующие как минимум переустройство мира. Захерин снова заговорил:

- Французы хитрецы. Они не отказывают нашим женам и детям, раскрывают нам объятия, любят так сильно, что хотят оказать «достойный прием». А потом инспектор решает, что комнат в квартире недостаточно, или трубы проржавели, или вода течет слишком холодная, или на чердаке ужасная влажность, а лестница «смертельно» крутая. Глаза Захерина за стеклами очков подозрительно заблестели. Тонко, не правда ли, Лейли? Отказать нашим семьям в праве жить вместе под тем предлогом, что они заслуживают комфорта, которого никогда не знали и даже не надеялись узнать?!
- Проверяющих назначают мэрии, вмешался Саворньян, и ни одна администрация не захочет повесить себе на шею семьи иностранцев, которые даже не голосуют, вот чиновники и виляют... Тридцать шесть тысяч коммун... Французское государство раздробило права человека на тридцать шесть тысяч осколков.
- Выпьем за права человека, предложил Рубен, и за тех, кто все еще в них верит.

Он достал из кармана фляжку «Ликера 43» и протянул мужчинам. Отказался только Саворньян.

– Друзья мои, пью за землю убежища, какой была Франция, за эту землю, приютившую меня в семьдесят первом, когда я бежал от Франко. За Францию, которая приняла моих польских братьев в тысяча восемьсот сорок восьмом, армянских – в девятьсот пятнадцатом, русских – в девятьсот семнадцатом, а потом португальских, греческих и камбоджийских. За ту землю, что первая в мире записала в Конституцию обязанность предоставлять убежище всем угнетенным народам [69].

Он выпил залпом и перевернул чашку. Пустую.

Захерин последовал его примеру, встал и направился в туалет, на ходу расстегивая ширинку:

– Вот я и помочусь на эту землю, сумевшую стать негостеприимной даже к своим франкофонным африканским братьям, так сильно ее любящим. Нассу на землю, которая поставила вне закона триста тысяч живущих здесь беженцев, в то время как Испания, Италия или Германия узаконивают миллионы. Нагажу на дряхлеющую Францию, не имеющую возможности платить пенсии старикам и готовую попросить граждан трудиться до семидесяти лет, в то время как африканские страны не знают, куда девать безработную молодежь.

Захерин скрылся в ванной комнате. Саворньян поставил чашку с недопитым чаем на стол и обратился к Лейли, словно это она сочинила закон об иммиграции. Женщина не решалась ответить, потому что никогда ни с кем не обсуждала эти вопросы. Размышляла над ними, но молча. Трудяги-иностранцы — такие же, как она, — жили изолированно. Рано вставали. Поздно возвращались. Бесшумно ходили по пустым офисам. Ездили первыми и последними электричками. На философствование им не хватало ни сил, ни времени. Заклейменные проклятием герои романов Золя и Стейнбека сплачивались, собирались в профсоюзы и выходили на улицы. Сегодня они составляли феноменальный интернационал.

Лейли не высказывалась – только слушала.

– Мы не хотим красть у французов их богатства, – объяснял Саворньян, бурно жестикулируя. – Даже не просим поделиться. Мы созидаем, работаем, потребляем, заключаем браки, делаем детей. Нам нужна только свобода. Чего они боятся? Думают, если приоткрыть дверь, случится обвал? Чушь! Время миграций прошло! Практически ни у кого не осталось средств на путешествия. Бедняки, неграмотные горемыки привязаны к местам, где родились. Эти пленники общинной солидарности, чтобы сбежать от войны или голода на родине, в крайнем случае уйдут в еще более бедную страну.

Сидевший у окна Уисли тихонько пощипывал гитарные струны, аккомпанируя горестным словам Саворньяна.

– Кандидатов на великое переселение единицы, Лейли. Земной шар пересекают не голодные орды, а смельчаки, честолюбцы, безумцы, изгнанники, психи и мечтатели. Свободные люди. Почти никогда – женщины. Редко – отцы семейств. Все чаще – дети.

Саворньян наконец замолчал, опустил покрасневшие глаза на фотографию Бабилы, Сафи и Кейвана.

– Пси-хи, – тихо произнес он.

За стол вернулся Захерин, и Рубен разлил остатки спиртного по чашкам. Мужчины выпили. Подросток – разговор его не интересовал – мурлыкал что-то на языке бамбара^[70] в ритме гитары Уисли.

– Все страны мира подписали Конвенцию ООН о правах ребенка... – Захерин обращался к Лейли. – Но если речь идет о несовершеннолетнем нелегале, отношение меняется: из-за поганца увеличится дефицит бюджета, его придется содержать до совершеннолетия, соблюдать права «малолетки». И власти подбирают страну для высылки и «приблизительную» семью или позволяют улице заняться образованием незваного гостя, а в пятнадцать лет вышвыривают за пределы страны, заведомо решив, что возраст он себе убавил.

Стало тихо. Все молчали. Рубен потряс фляжку, но она была пуста. Три бенинца выпили по последнему глотку, Лейли встала, взяла пылесос, но Захерин ее задержал:

– Понимаешь, Лейли, наша сила в том, что они никогда не смогут без нас обойтись. – Он повернулся к Рубену: – Я не о тебе, старый псих, ты мелкий эксплуататор, приглашаешь нас выпить, чтобы успокоить совесть, а припас всего литр говенного испанского пойла.

Рубен весело хохотнул.

– Я адресуюсь к *Homo megapolitas*, жизнерадостному землеустроителю самых больших и богатых городов планеты. Ему мы всегда будем нужны, чтобы делать, как говорят американцы, грязную, опасную, тупую и тяжелую работу. Кто нас заменит? Кому придет охота, учитывая, что мы невидимки? Мы призраки, но улицы на рассвете подметены, мусор убран, и стекла башен блестят чистотой. А когда встает солнце, вредные зверушки, те, без кого не выживает ни одна экосистема, забиваются в норы.

Лейли шагнула к двери. Поправила платок. Фартук. Запас ее терпения истощился.

Она вышла за дверь, и через несколько мгновений шум пылесоса заглушил голос гитары. По коридору шла Нура с простынями в руках. Молодая метиска даже не взглянула на Лейли, в наушниках гремела музыка, отгораживая ее от окружающего мира. А в голове у Лейли крутилось выражение феноменальный интернационал.

Тидиан не сумел забраться на самый верх апельсинового дерева. Не долез совсем чуть-чуть. Считать метры было трудно, и он ориентировался на дома «Арес» и «Афина». Он устроился на толстой ветке, на уровне второго этажа, как будто решил встретиться с солнцем, пусть даже оставаясь в тени листвы. Мама рассказывала Тидиану историю Икара, и он хорошо ее запомнил, чтобы не повторять идиотскую глупость героя.

Самым трудным оказалось избежать зоркого ока дедушки Муссы и бабушки Марем, пришлось ждать телевахты. Альфа́ все рассчитал. Альфа́ хитрый! Он хитрее всех.

Со своего поста Тидиан видел всю улицу Пастера и всю улицу Жореса, до самого университета. Вдалеке сверкало море, внизу, у подножия дерева, стоял Альфа́.

Свисти, Тиди, сказал старший брат младшему, свисти, если увидишь в квартале больше одной чужой машины.

Тидиан обожал, когда брат называл его уменьшительным именем.

Свисти – и я услышу.

Тидиан не мог вспомнить, умеет ли он свистеть.

Ему казалось, что он ждет вечность, и тут в начале улицы Пастера появились два фургона. Абсолютно одинаковых. Синие фонари на крышах не горели.

Легавые. Две машины с легавыми!

Слава богу, судя по скорости света фар, им понадобится не меньше двух минут, чтобы объехать корпуса «Арес» и «Аполлон» и припарковаться во дворе «Посейдона».

Тидиан старался не паниковать. Он сунул пальцы в рот, как учил прошлым летом Альфа, когда они сидели на набережной у порта и глазели на девушек в юбках. Тидиан свистел. Они оборачивались и ругались. Альфа смеялся. Тидиан опускал глаза. И девчонки тоже не могли удержаться от смеха. Прозвучал громкий резкий протяжный свист, и мальчику показалось, что ветки вздрогнули.

У него получилось!

Он посмотрел вниз.

Альфа́ не шелохнулся.

Легавыми командовал потный крепыш-коротышка в кожаной куртке. Тидиан насчитал шестерых, но, возможно, кого-то не заметил. Если они зайдут с двух сторон, Альфа́ будет окружен.

Тидиан отпустил ветку и снова сунул пальцы в рот. Слишком быстро. Ноги соскользнули, обдирая кору. Он едва не упал. Еще чуть-чуть – и повторил бы ошибку Икара.

Мальчик крепко вцепился обеими руками в ветку, восстановил равновесие, вжался спиной в ствол, ругая себя за потерянную драгоценную секунду. В следующее мгновение он свистнул так громко, что позавидовали все птицы квартала.

В здании «Посейдон» несколько женщин вышли на балконы. Что их переполошило – свист или непривычная кутерьма, созданная полицейскими?

Альфа стоял неподвижно.

Он что, не услышал?

Может, Тидиан свистнул слишком тихо?

Или он опоздал и Альфа решил, что все пропало?..

Много долгих часов, даже дней Тидиан будет прокручивать в голове эти вопросы.

Слишком поздно.

Все пропало.

Легавые заняли каждый угол закрытого двора. Альфа в одиночестве стоял под апельсиновым деревом, как первый пленный в игре «Сыщик, ищи вора», которого никто не придет освободить.

Тидиан сомневался, стоит ли свистеть третий раз, ведь теперь это ничего не изменит. Если он свистнет, легавый поднимет глаза, соседи повернутся в его сторону, дедушка с бабушкой увидят внука. Может быть.

Тидиан все время косился в сторону балкона третьего этажа «Посейдона», находящегося вровень с его домиком на дереве. Мальчик не хотел, чтобы Альфа арестовали и – главное – чтобы бабуля с дедулей это увидели.

А кстати, зачем легавым арестовывать старшего брата?

Наркотики? Странно. Да нет, невозможно, Альфа́ весь мозг ему проел лекциями о вреде этой дряни. Хотя он мог торговать, не употребляя.

Толстяк в коже и арабы наставили на Альфа оружие, и тот поднял руки.

У Тидиана отлегло от сердца.

Они его заберут, допросят, задержат.

Старший братец – хитрюга, завтра он выйдет. Раз Альфа́ дал себя схватить, значит, он чист.

Тидиан смотрел, как двое в синих бронежилетах поверх рубашек ведут брата к машине, и спрашивал себя: зачем?

«Это бессмысленно, – думал он, – ты ищешь оправданий, хотя это ты плохо свистнул и провалил первое дело, порученное Альфа́...»

Тидиана била дрожь.

Когда машины исчезли в конце улицы Пастера, его затошнило, плакать хотелось так сильно, что он не мог сдержаться.

Он никогда не станет Тиди. Вечно будет малышом Тидианом.

Не быть ему похожим на Альфа́. Альфа́ намеренно сдался. Как в кино. У него был план. Брат запросто обхитрит всех этих легавых. Он сказал, что заработает кучу денег. Больше, чем проклятые сокровища, которые спрятала мама.

26

14:52

Над дюнами вставало солнце. Песок на мягких склонах напоминал кожу с золотистым загаром. В недолговечных холмах пустыни узнавались изгиб спины, рельеф груди, округлость ягодиц. Неизвестный автор постера, висевшего в столовой отеля «Ибис» в городе Пор-де-Бук, добивался именно такого эффекта. По алеющему небу скользила стая перелетных птиц.

Лейли собрала со столов остатки круассанов, масла, конфитюров и ненадолго задержалась перед плакатом, машинально надев солнечные очки. Круглые. Желтые. С веселым смайликом на каждом стекле.

Комната погрузилась в сумрак. Лейли не услышала шагов Рубена.

- Сувенир на память о Нубийской пустыне, сказал управляющий. Все, кто у нас останавливается, восхищаются чувственностью дюн, и никто не замечает сливающихся с небом птиц. Священных ибисов! Меня развлекла эта шуточка. Фотограф решил помочь несчастным ибисам, которых в античные времена почитали египтяне. Во Франции их сегодня обвиняют во вторжении в чужой ареал обитания, утверждают, что они занимают чужие гнезда и уничтожают кладки яиц, убивают птенцов, в том числе детишек розовых фламинго.
 - Это правда?
- Так говорят. В двух шагах отсюда, в Камарге, как повсюду во Франции, работники заказников, озабоченные сохранением национального природного наследия, убивают ибисов, пытающихся мигрировать в наши болота.

Они постояли, разглядывая картинку, потом Рубен повернулся к Лейли:

– О моя неутомимая султанша, не окажете ли милость вашему покорному слуге? Можете прийти завтра пораньше? К шести утра? В виде

исключения. Нура отпросилась на полдня.

Лейли задумалась. Сдвинула «улыбающиеся» очки на лоб.

- Я должна отвести Тидиана в школу. Разбудить его. Приготовить завтрак.
 - Понимаю, принцесса, все понимаю.

Рубен был не из тех, кто упрашивает, настаивая на своем. Лейли не слишком хотелось оказывать услугу Нуре, но она вспомнила недавний разговор о феноменальном интернационале.

- Ладно, согласилась она. Дедушка Тидиана заберет его после ужина, он переночует у моих родителей, а утром бабушка о нем позаботиться. Я пошлю им эсэмэску.
 - Спаси... Рубен не договорил, окончание слова застряло в горле.

Изменившаяся в лице Лейли смотрела на экран мобильника.

– Альфа́, – помертвевшими губами произнесла она. – Альфа́, мой старший. Его только что арестовали. У дома моих родителей. Отец видел, как его в наручниках затаскивали в фургон...

Рубен положил руку ей на плечо:

- Ничего. Ничего, все образуется. Он не сделал ничего плохого. Полицейские его отпустят. В худшем случае если произошла ошибка, он сбежит. Я рассказывал вам, моя встревоженная Пенелопа, как в семьдесять четвертом сбежал из тюрьмы Бангкванг^[71] в семи милях к северу от Бангкока после невероятного бартера?..
- Хватит! Лейли закричала, горько зарыдала и все повторяла и повторяла: Замолчите, Рубен! Замолчите!

Управляющий усадил ее. Они долго молчали, а в коридоре гудел пылесос, ходила туда-сюда неугомонная Нура. Лейли всхлипывала и сморкалась в бумажные платки с логотипом «Ибиса».

- Простите... Голос Рубена прозвучал еле слышно.
- Это вы меня простите! Я не должна была кричать, ведь вы самый милый патрон из всех, кого я знала.
- Сотрудницы всегда так говорят пока я не попытаюсь их поцеловать.

Лейли улыбнулась. Рубен лет на двадцать старше, значит, он пошутил. Во всяком случае, Лейли на это надеялась. Управляющий слишком элегантен, а вежлив и застенчив, как лицеист. Деликатность девственника.

— Отказав мне, они не злятся, им льстит джентльменское поведение, и я почти всегда становлюсь конфидентом. Больше всего мне доверяют отчаявшиеся! Когда я управлял «Паломаром» в Западном Лос-Анджелесе, то выслушивал откровения Мэрилин за несколько часов до ее

самоубийства. А еще утешал Джин Сиберг... Далиду... Роми Шнайдер... – Рубен сделал паузу. – И Клеопатру.

Лейли снова улыбнулась, и Либерос взял ее за руку:

– Предлагаю миновать этап «попытка поцелуя – отказ». Надеюсь, вы не обидитесь, если мы откажемся от глупых прелиминарий, предшествующих началу дружбы между мужчиной и женщиной? Доверьтесь мне, Лейли. Доверьтесь, если хотите. Все считают, что мой любимый спорт – рассказывание историй. И все ошибаются. Я повторяюсь, заговариваюсь, поэтому предпочитаю слушать.

Лейли сжала его пальцы, дожидаясь, когда Нура уйдет в конец коридора.

– Ну так слушайте, мой прекрасный конфидент. Слушайте, но никогда никому не передавайте.

История Лейли

Я осталась одна в вонючей комнате сицилийского города Агридженто. Одинокая и слепая. Всех моих друзей и кузенов из Сегу отловили карабинеры. Их ждала высылка в Мали. У меня был выбор – умереть или сдаться полиции, и тут открылась дверь и протянулась рука.

Вам не нужно больше бояться, мадемуазель.

Адиль.

Его звали Адиль Заири.

В каждой следующей его фразе звучали слова «слишком красивая». Обо мне. Слишком красивая, чтобы умереть. Слишком красивая, чтобы оставаться здесь. Слишком красивая, чтобы не влюбиться. Потом Адиль повторил их десятки раз. Он влюбился с первого взгляда. По ночам Адиль называл меня маленьким больным птенчиком, брошенным котенком, сиреной, выброшенной на берег, но всегда возвращался к главному. К моей красоте.

Адиль жил этажом ниже, услышал шум на площадке, расспросил соседей и узнал, что на четвертом этаже прячется женщина. Всеми покинутая.

Он сразу понял, что перед ним слепая, когда я повернула пустые глаза на звук его голоса. Думаю, я тоже очень скоро влюбилась в него. Не только потому, что Адиль был спасательным кругом во мраке ночи. Я была недоверчива, как тигрица, глуха к обещаниям, как сова, пугающаяся шепота, и полюбила этого мужчину за то, что он нашел в себе силы шутить. Я была жалкой, а он бросился к моим ногам.

– Вы правда слепая? – почти сразу спросил он. – Вы действительно ничего не видите?

Я боязливо шепнула «да» и услышала ответ, которого меньше всего ожидала.

Уф.

Клянусь, именно это, Рубен.

Уф.

Повторил мелодичным голосом: «уф» – и добавил:

– Вы никогда не узнаете, какой я урод!

Я расхохоталась, но Адиль говорил серьезно. В следующие месяцы он часто повторял: «Я не красавец и смогу уложить в постель женщину моей мечты, только если она будет слепой!» Он ласкал подушечками пальцев мои ноги, грудь, спину и все время повторял: «Твое тело совершенно...» Ах, как мне это нравилось! Нравилось гладить лицо Адиля (оно не было таким уж некрасивым, можете мне поверить!) и его упругое тело.

Как-то раз, вечером, он посетовал:

– Если ты однажды прозреешь, сразу меня бросишь.

Это случилось через несколько недель после нашего знакомства, и я решила, что Адиль шутит.

Он был французом. Работал в Ассоциации помощи беженцам и много ездил по Средиземноморью. Мы не расставались. Я ждала любимого в гостиничных номерах в Бейруте, Никосии, Афинах, Бари, Триполи. По утрам мы занимались любовью, и он уходил, едва прикоснувшись к завтраку, который я потом клевала весь день. Адиль возвращался вечером и бывал молчалив. Забавно, но говорила я, описывала, как прошел очередной день без происшествий, что я поняла о городе, где мы находились, по звукам с улицы.

Адиль тратил мало слов, но очень меня любил. Часто любил. Женщинам свойственно путать одно с другим. Но не мужчинам.

Однажды вечером – мы тогда жили в комнате над портом Орана – Адиль читал газету, я слушала голоса торговцев фруктами, доносившиеся с эспланады, и вдруг он сказал:

– Послушай-ка вот это, котенок.

Адиль никогда ничего мне не читал. Не любил. А мне так не хватало книг! Я часто вспоминала сказки и легенды, прочитанные во время вынужденного отшельничества, и без устали прокручивала их в голове. В мечтах любимый мужчина читал мне в темноте историю, как делал папа в Сегу, но Адиль предпочитал заниматься со мной любовью. Это понятно – я была его женщиной... Если мы родим детей, возможно, он захочет читать сказки нашей дочери.

– Это важно, котенок.

В тот вечер я прослушала длинную научную статью об операциях на роговице и трансплантации тканей, в результате которых слепые прозревают. По версии автора выходило, что подобное вмешательство все чаще производится в странах Средиземноморья. Мой случай был операбелен, требовал госпитализации всего на несколько дней и не представлял опасности для здоровья.

Я не могла поверить в подобное чудо, мне словно поднесли кубок с вином бессмертия; я думала, прижимаясь к Адилю, что этот разговор – лучшее доказательство его любви.

– Ты больше не боишься, что мы расстанемся, если зрение ко мне вернется? – спросила я Адиля. В этот волшебный миг, обещавший счастье и выздоровление, он должен был понять, как хорошо, во всех деталях, я знаю его тело.

Адиль поцеловал меня.

– Я все наврал, птичка моя, схитрил, чтобы тебя соблазнить. На самом деле я вылитый Ричард Гир!

Я рассмеялась, хотя понятия не имела, как выглядит этот артист. Все было прекрасно, пока я не задала проклятый вопрос о деньгах.

- А сколько стоит эта операция?
- Тридцать тысяч франков. В Марокко чуть дешевле, если платить в дирхамах.

Целое состояние. Годы работы. А я не проработала и дня в своей жизни.

Я была потрясена, но решила утешить Адиля:

– Забудем, дорогой, давай обо всем забудем.

Мы больше об этом не говорили. Я все чаще покидала комнату, особенно после наступления ночи. Мы ужинали с друзьями и коллегами Адиля или шли вдвоем в бар выпить по стаканчику, а потом курили на берегу моря. Однажды – кажется, это было в Сусе – мы вернулись к себе и он заключил меня в объятия. От него сильно пахло бухой, тунисской фиговой водкой. Я почти не пила и чувствовала себя потерянной, угнетенной, уязвимой, как только алкоголь притуплял мои чувства. Слух. Обоняние.

– Сами говорит, ты очень красивая.

Сами был аристократом франко-тунисского происхождения. Остроумный, обаятельный, богатый мужчина, на которого работало много народу.

– Он... – Адиль еще крепче прижал меня к себе, прежде чем продолжить. – Он предложил мне две тысячи динаров, если ты

согласишься лечь с ним.

Сначала я не поняла, что это не шутка, Адиль не настаивал, и все как будто забылось. Несколько недель спустя он повторил предложение. Мы все еще оставались в Сусе. Адиль получил постоянную работу в ассоциации — работал с консульством, оформляя беженцам документы, меня в детали не посвящал.

– Сами предлагает три с половиной тысячи динаров.

Я сидела на кровати. За окном, в небе над кораблями, летали чайки. В этот раз я поняла, что Адиль говорит серьезно.

– Я не имею права помешать тебе использовать этот шанс, – пробормотал он и поспешил объяснить: – Ты можешь снова увидеть мир, Лейли! Все просто. Дело нескольких месяцев... возможно, лет. Мы оба знаем, как дорого стоит операция. Но... но многие мужчины готовы платить огромные деньги за твою... любовь.

Я плакала. Адиль тоже. Впервые на моей памяти.

- Я хочу, чтобы ты обрела счастье и нормальную жизнь, повторял он.
- Не могу, Адиль. Просто не могу!
- Сделай это для меня, после долгой паузы произнес он дрожащим голосом. Для нас. Хочу, чтобы ты в один прекрасный день увидела мое лицо. Хочу прочесть в твоем взгляде, что ты находишь меня прекрасным.

И я согласилась. Ради Адиля. Клянусь вам, Рубен, только ради него. И во имя любви. В голове у меня все смешалось. Я думала: если зрение вернется, я перестану быть обузой. Сила любви Адиля потрясла меня. Позволить мне спать с другими мужчинами, отринуть ревность ради моего счастья, исключительно ради него, моего эгоистичного счастья, — это верх великодушия. Способна ли я на подобную жертву? Нет, конечно нет, ни за что, даже если бы от этого зависела жизнь Адиля! Во всяком случае, так я тогда думала.

На следующий день я легла в постель с Сами. Мы встречались три раза в неделю, потом ему надоело, но Адиль меня успокоил:

– Ты такая красивая! Я найду других мужчин – друзей, коллег, соседей, – готовых раскошелиться.

Он ни разу не использовал слово «клиент».

Он их находил.

Они платили.

Сколько именно, я не знала, а на ощупь одна купюра была похожа на другую. Чаще всего друзья Адиля платили ему заранее. Я пыталась держать в голове суммы – десять раз по тысяче динаров, двадцать раз по пятьдесят франков, тридцать раз по сто долларов... – и все время

подсчитывала, как долго мне еще жить в аду.

Адиль ревновал. Я часами ласкала его, убеждала, что он – единственный на свете, самый лучший, ни на кого не похожий. У тебя самое крепкое тело. Самый тонкий нос. Самая гладкая кожа. Я хотела все время встречаться с одними и теми же людьми. Мы с Адилем называли это встречами. Несколько ближайших друзей, те, кто хорошо платит, говорила я, предпочитая, чтобы ко мне прикасались знакомые мужчины. Каждый новый человек вызывал у меня немотивированный страх, а «постоянных» я приручала. Сама говорила мало — предпочитала слушать. Им нравилось изливать душу — даже больше, чем заниматься со мной сексом. Возможно, я питала иллюзии и им нравились моя задница и моя грудь, но мне было трудно представить, что они так же хороши, как у Наоми Кэмпбелл или Катуши Найан. Другие образы в моей памяти не сохранились.

Бесспорно одно, Рубен: у них развязывался язык.

Они говорили о своей жизни. Своих женщинах. Своих детях. Своих страхах. Своем одиночестве. Не умолкали – как неугомонные дети.

Сначала я просто запоминала. Потом, когда все стало мешаться в голове, попробовала придумать, как помочь памяти. Записывать? Невозможно. Перечитывать? Исключено! Я решила попросить о помощи Надию. Она работала официанткой в баре отеля «Ганнибал», где Адиль устраивал мои свидания. Он снимал большой номер с видом на базар, говорил: «Хочу, чтобы ты весь день слышала жизнь!» – и покрывал мое лицо поцелуями. Я знала, что Адиль любит меня, несмотря на оскверненное тело. Иначе не заботился бы так.

Я попросила Надию купить маленький блокнот и после встречи диктовала ей откровения любовников. Фамилий они не называли, но я знала их имена, имена их жен и детей, их фобии, фантазии и мечты. Надия все записывала и, если я хотела, перечитывала мне. Она одна воспитывала крошечную дочь, и ей нравилось поднимать мужчин на смех. Только Надия знала тайну блокнота, с которым я никогда не расставалась. Он стал моим наваждением. «Я не увижу, как выглядят мужчины, с которыми мне приходится спать, но знать о них буду все!»

Блокнот и сейчас при мне. В Эг Дус. Под матрасом. Я много месяцев его не доставала и не знаю, правильно ли поступила, доверив вам мой секрет, Рубен. Не уверена, что стоило рассказывать о тех черных годах. В ваших глазах плещется жалость, и все-таки, Рубен... И все-таки. Что бы вы там себе ни думали, годы, когда я была слепой и занималась проституцией, были не самыми худшими в моей жизни.

19:23

Фамилия: Мааль Имя: Альфа́

Родился 20 мая 1999 г. в городе Ужда, Марокко

– Ты крупный для своего возраста, парень, но ума это не прибавляет, тебя так и тянет на глупости, – заметил Петар, рассматривая документы задержанного.

Риан, одетый в безупречно отглаженную форму цвета морской волны, стоял рядом с майором. Паренек не оказал ни малейшего сопротивления — ни в момент ареста, ни в фургоне — и был очень спокоен, когда начался допрос, но и сотрудничать явно не собирался. Альфа вел себя, как подросток, которого достают предки, а он мычит в ответ что-то нечленораздельное и ухмыляется.

Петар и Риан ходили туда-сюда мимо Альфа, которого поместили в глубине комнаты. В противоположном углу, за компьютером, сидел Жюло и наблюдал за ним. Слушал – не слишком внимательно – монологи коллег, на которые Альфа отвечал послушными кивками или тихими «да» или «нет» через паузу, произнесенными с вопросительной интонацией. Взгляд лейтенанта Флора перемещался с полицейских на подозреваемого (кстати, он до сих пор не знал в чем), потом на постер с розовыми фламинго на пруду Ваккарес и, наконец, на экран большого телевизора (он висел на стене в соседнем кабинете и был включен: переработка переработкой, но футбол – это святое!).

«Астра» Джурджу – «Олимпик» Марсель.

Жюло выяснил, что «Олимпик» играет ответный матч 1/32 Еврокубка в прелестном придунайском городке на границе Румынии и Болгарии. Ладно, пусть спорт поможет освежить его географические познания! Альфа́ то кивал, то тянул шею: счет интересовал его больше полицейских нотаций.

Профилактика, твердил Петар, как будто ему платили за каждое произнесенное слово. *Исключительно профилактика*...

«Как бы не так, господин майор!» – веселился про себя Жюло.

Двухметровый парень прекрасно понимает, что у них ничего на него нет, даже крупицы порошка в кармане. Только телефонный донос. «Номер», который исполняли Петар и Риан, был хорошо обкатан, совсем как клоунская реприза, но лейтенант сомневался, что на этот раз он сработает.

Майор опирался на статистику: предпринимателям-одиночкам нет места в среде, где царит жесткая агрессивная конкуренция, здесь не берут «подмастерьев», как делают дилеры. Велика готов был привести десятки имен молодых красивых качков, получивших пулю калибра 6 мм между глаз и не воспользовавшихся по этой причине ни абонементом в спортзал, ни прелестями подружек.

Риан исполнял роль кюре-имама-раввина, взывал к морали, вспоминал сотни семей, утонувших с начала года в Средиземном море. «Среди них могли быть твой дядя, твой кузен, твоя сестра, твой отец!» Он поминал знаменитостей, осуждавших торговцев ложной надеждой, Юссу Н'Дура, рэперов, футболистов, которых Жюло знать не знал.

Петар слушал, соглашался и... начинал сызнова.

Лейтенант изумлялся энергии патрона. Никогда раньше тот не проявлял подобной участливости, а теперь словно исполнял поручение. Как директор частной школы, читающий мораль упрямому ученику, который не воспринимает ни слова. И причина тому одна: он знает, что разговор записывается.

Странно... Стоило Риану или Петару (он был вдвое плотнее лейтенанта) сдвинуться с места, и задержанный начинал ерзать на стуле и тянуть шею, чтобы видеть экран телевизора.

– Альфа́ Мааль! Ты слушаешь или нет?

О да, он слушал. Внимательно – как подросток, глядящий в окно на проходящих мимо лицея девчонок, пока директор отчитывает его за проступок.

Альфа́ Мааль.

Жюло мысленно повторял имя и фамилию. Уже несколько минут его тревожила какая-то деталь, но понять, что не так, не удавалось. Это было связано с тем, что он недавно увидел, или прочел, или услышал.

Вспомнить не получалось. Ну и черт с ним. Жюло склонился над экраном с огромной раковиной и снимком башни банка в Котону. Ладно, он все-таки понял, как связаны мальдивские ракушки и банковская система Западной Африки, и на том спасибо. Вернувшись в отдел, он нашел решение — каури, хотя эта информация не объясняла, почему они оказались в кармане Валиони. Лейтенант не мог довольствоваться данными из Википедии, ему нужно было обсудить проблему с Петаром, но он не знал,

как долго продлится «урок хорошего поведения», а перерыва ждать не хотел. Жюло продолжил серфинг по гуглу и быстро нашел имя лучшего специалиста по нужной теме. Мохамед Туфик. Профессор современной африканской истории. Три работы о колонизации и деколонизации, десятистраничный список статей в исторических журналах, профиль на фейсбуке, его биография и электронный адрес. Историки перестали быть архивными призраками. Через несколько мгновений сыщик отправил Мохамеду сообщение, где просил о срочном свидании, надеясь, что тот отреагирует немедленно. Университетский деятель наверняка получает меньше посланий, чем звезда телешоу.

Шлепок папкой по столу заставил его вздрогнуть. Петар принес список всех «ликвидаций» и кровавых разборок, случившихся с начала года.

– Так что будем делать, Альфа́ Мааль? – отчеканил майор. – Что вы станете делать, если мы вас отпустим? Ответьте на простой вопрос. Где произойдет наша следующая встреча? В морге? Или рыбаки выловят ваш хладный труп сетями из Средиземного моря?

«Шеф переигрывает...» – подумал Жюло, но мучил его другой вопрос.

Имя: *Альфа*́.

Фамилия: Мааль.

Умолкни Петар хоть на секунду, Жюло заставил бы строптивый мозг выдать информацию. Вспомнить не удавалось, но странное ощущение, что он читал фамилию и слышал имя, не покидало. Вчера. Именно вчера. Двойное скрытое воспоминание.

Петар наконец заткнулся, лейтенант Флор сделал вдох, но тут от глухого шума задрожали стекла в коридоре: майор выскочил из комнаты, шваркнув дверью.

На десятой минуте матча «Олимпик» пропустил гол!

Риан футболом явно не интересовался, а вот Альфа выглядел удрученным. В комнате впервые стало тихо. Риан сделал примирительный жест:

– Хотите кофе, Мааль?

И тут в мозгу Жюло щелкнуло. Свет зажегся, как будто он нажал на кнопку выключателя... Слава богу, что не пришлось часами искать на ощупь.

МААЛЬ.

Он уже видел эту фамилию!

Жюло уткнулся в экран, кликнув на папку *Валиони*, потом на папку *Ватиони*, потом на папку *Ва*

всех Бэмби из департамента Буш-дю-Рон. Двести тридцать три фамилии, сто девяносто две, если вычеркнуть пожилых и совсем девчонок. Накануне он много часов просидел над списком, искал снимки, любые данные на каждую женщину, но работу не закончил.

Бэмби Лефевр.

Бэмби Лютц.

Бэмби Мааль.

Бинго! Одна из ста девяносто двух Бэмби, проживающих в Буш-дю-Роне, оказалась однофамилицей подростка, которого загребли его коллеги! Жюло лихорадочно шарил по интернету, но не мог найти ни одной фотографии Бэмби Мааль. В профиле на *LinkedIn* обнаружилась только дата рождения: 27 марта 1995 года. 21 год... Совпадает!

Что, если пресловутая *Bambi13*, которую они считают убийцей, родственница Альфа Мааля? Возможно, сестра. «А ну-ка, успокойся! – приказал себе лейтенант. – Все это ничего не значит. У Бэмби Мааль не больше шансов оказаться *Bambi13*, чем у всех остальных, и тот факт, что ее то ли брата, то ли однофамильца допрашивают в комиссариате, ничего не меняет...»

Вот только Жюло не верил в совпадения. Лейтенант отдался на волю странной интуиции («Мастерство не пропьешь!» – ухмыльнулся бы Петар). Он не случайно проверил эту фамилию, не случайно соединил имена «Альфа» и «Бэмби». Это была подсказка подсознания – воспоминание, скрывавшееся за другим воспоминанием.

– Можешь передать мне его дело, Риан? – попросил Жюло.

Эль Фасси протянул ему несколько листков, и Альфа́ впервые обратил внимание на еще одного сыщика. В его взгляде определенно присутствовала тревога. «Значит, я прав! Мы где-то встречались», – обрадовался Жюло.

Коллеги по бригаде хорошо поработали, и неважно, что парень до сих пор не попадал в базу. Он бросил учебу в шестнадцать, аттестата не получил, с тех пор не работал. У него есть младший брат Тидиан. И старшая сестра Бэмби двадцати одного года.

Его сестра... Есть! Лейтенант Флор поднял глаза. Сердце колотилось как сумасшедшее. Альфа Мааль смотрел на него холодным взглядом. Непроницаемым. Без страха — на сей раз. А может, подросток успел научиться скрывать чувства? Жюло колебался: стоит или нет давить на парня? У тебя есть фотография сестры? При себе? Знаешь, где она была прошлой ночью?

Нет, не стоит.

Слишком рано. Сначала он поговорит с Петаром и достанет фотографии Бэмби. Устроит официальное опознание. А потом, если инстинкт его не обманул, будет вытряхивать душу из парня. Главное – не выпускать его из виду, а то растворится в пейзаже.

Появился Петар, а Жюло прочел еще несколько строчек из дела Альфа́ Мааля.

Законный представитель: Лейли Мааль.

Домашний адрес: Пор-де-Бук, дом Н9, Эг Дус.

Безотцовщина?

Пор-де-Бук. Сердце Жюло возликовало. Нет, таких совпадений не бывает!

– Я замолвил за тебя словечко, – сообщил Петар задержанному. – Не будешь тянуть кота за хвост, посмотришь окончание матча. Не в одиночке – с людьми. Карета подана, ночка в тюрьме пойдет тебе на пользу.

Даже не знай Жюло всех секретов правосудия и полиции, подобный – беспочвенный – арест показался бы ему незаконным. Но никто не запротестовал. Не возмутился. Ни Риан. Ни Альфа́ Мааль.

Ни он сам.

В конце концов, этот юнец сам напросился.

Полицейские вышли, а Жюло оторвался от экрана. Темнота опустилась на город. Он посмотрел на постер с изображением озера и сотен розовых фламинго в камышах Камарга. Они напоминали пастельную армию болельщиков, гораздо более симпатичных, чем настоящие — шумные люди, раскрашенные в голубой и белый цвета. Жюло предчувствовал очередную бессонную ночь, и ему вдруг ужасно захотелось окунуться в душную городскую жару.

В голове по непонятной причине крутилось название.

«Вогельзуг».

Перелетные птицы.

Может, голенастые создания окажутся разговорчивее его шефа?

Через несколько минут – лейтенант уже собрался выключить компьютер – пришло новое сообщение.

От Мохамеда Туфика. Специалист по африканской истории назначал встречу.

Завтра утром. В центре Аль-Ислах.

Центр Аль-Ислах? Школа при мечети?

Петару это понравится!

19:30

Ровно 19:30.

На этот раз Лейли не опаздывала, она ушла из «Ибиса» больше двух часов назад, но мысль об ужине не радовала. Готовить тоже не хотелось, пришлось себя заставлять. Расставшись с Рубеном, Лейли совершила привычные действия. Можно подумать, человек каждый день тренируется, чтобы механически делать одно и то же, когда все утратит смысл. Сесть в автобус № 22, выйти на «Литораль». Купить еды в «Лидле»: хлеб, яйца, овощи. Войти в дом. Подняться по лестнице. Отпереть дверь квартиры. Неспешная повседневность, состоящая из пустяков, попадающихся на пути. Таких, как этот салат на столе — из того, что нашлось в холодильнике.

Бэмби и Тидиан сидели за столом, глядя в свои тарелки.

В горле застрял комок. Она считала и пересчитывала три тарелки, три стакана, три прибора. На один меньше, чем вчера. «Как будто кто-то умер, – думала Лейли, – муж, отец, брат. В такие моменты их больше всего не хватает...»

Молчание усугубляло похоронную атмосферу. Стул не скрипнет. Вилка не звякнет. «Альфа́ жив! Его завтра выпустят. Завтра он будет дома». Уже два часа Лейли мучили дурные предчувствия, она могла думать только о книге, которую читала в хижине в Сегу, перед тем как ослепла. Детектив Агаты Кристи «Десять негритят». Там гостей, приглашенных на ужин, убивают одного за другим. 10, 9, 8, 7, 6, 5... Всех, до последнего.

Вчера их было четверо за столом. Сегодня – трое.

Лейли мучительно боялась остаться одна. Бэмби и Тидиан в курсе насчет Альфа, ареста, тюрьмы, но ни один не решается заговорить об этом. Лейли несколько раз звонила в комиссариат, но ничего не узнала. В 16:00 ей ответили: «Еще слишком рано, мадам, дело Альфа Мааля еще не зарегистрировано, а около 17:00 секретариат закроется». Лейли не спорила, не протестовала. Слишком рано, слишком поздно, не здесь, рядом... Она привыкла, что ее гоняют от окошка к окошку.

Бэмби наверняка знает, за что полиция задержала Альфа, он любит делиться со старшей сестрой. Тидиан тоже может знать, старшему брату нравится пускать пыль в глаза младшему. Лейли не стала ни о чем спрашивать. Зачем ставить детей в неловкое положение? Она предпочитает ничего не знать, пусть только Альфа вернется домой.

С самого рождения Альфа Лейли терзал страх: куда заведет мальчика

природная склонность к жестокости? На светлую или темную сторону? В зависимости от этого меняется взгляд на все качества человека. Решимость оборачивается преднамеренностью, стратегия — скрытностью, а изобретательность — порочностью. Многие мелкие бандиты могли бы стать идеальными безжалостными генеральными директорами компаний и президентами корпораций, любой наркодилер выбрасывает адреналина не меньше, чем бесстрашный пожарный. Бесчисленные отцы семейств, еще вчера жившие на взводе, теперь утихомирились, но папаша Альфа́ был не из таковских, и сын, если она не уследит, пойдет по его стопам.

Усталый взгляд Лейли скользнул по салату, очкам в корзине, баку с бельем и коллекции сов. Худшую обувь носят сапожники, хуже всего воспитаны учительские детки, так почему бы квартирам уборщиц не выглядеть самыми запущенными?

– Мам, можно я посмотрю второй тайм с дедушкой? – отвлек ее Тидиан. – И добавленное время, если будет по нулям...

«Спасибо, Тиди...» – мысленно поблагодарила сына Лейли. У нее вылетело из головы, что завтра она подменяет Нуру. Придется встать в полпятого, чтобы оказаться в «Ибисе» к шести утра. Дед почитает Тидиану после ужина.

- Я подумаю... ответила она не внушающим надежды тоном и поинтересовалась: Почему ты не ешь, Бэмби?
- Мы с Шерин идем в KFC, не ужинать же дважды. Достаточно того, что...
- Что ты сделала над собой нечеловеческое усилие и села за стол с семьей?
 - Ну, мам, только второй тайм! канючил Тидиан.
- Нет! рявкнула Лейли, сама не зная, к кому из детей относится запрет.

Мальчик не расстроился: дедуля Мусса включит ящик, как только мама отвернется.

– Ладно, я пошла. – Бэмби встала, одета она была сексуальней, чем накануне. Короткая юбка. Голые ноги. Коротенькая кожаная курточка. Белый топ, обтягивающий лифчик Wonderbra.

– Уже?

Девочка не прикоснулась к еде. Только воды выпила и поклевала хлебный мякиш. Переминается с ноги на ногу от нетерпения. Нервная. Возбужденная.

Бэмби хватило на полчаса – профсоюзный минимум. Долго еще Лейли удастся собирать за столом всех своих детей? Скоро ли дочь начнет придумывать убедительные отмазки?

Как Альфа сегодня вечером.

Она улыбнулась. Печаль внушала злые мысли.

Слава богу, отсутствие старшего брата не отбило аппетит Тидиану, и он в один момент опустошил тарелку. «Тоже торопится закончить ужин!» – с горечью подумала Лейли.

Бэмби ушла. Лейли представила себе, как девочка вприпрыжку спускается по ступенькам.

Волшебство момента разрушил свирепый ритм рэпа, завопил Стоуми Багси:

Va niquer ta race

J'ai perdu ta trace

Камила! Чертовка как будто караулила у двери, когда уйдет Бэмби, чтобы врубить музыку. Лейли вздохнула. Подвинула свой стул ближе к Тидиану и между сыром и десертом завела разговор о школе и товарищах сына. Она задавала вопросы, мальчик отвечал односложно, как в игре «"Да" и "нет" не говорить»: «Немного», «Иногда», «Неплохо», «Не оченьто». Лейли не отставала, делала вид, что не замечает, как Тидиан смотрит на часы и наверняка злится на мать, которая никогда не включает телевизор во время еды.

19:56

Через несколько минут игроки покинут раздевалку.

– Успокойся, Тиди. Ты успеешь доесть десерт!

Ладно, делать нечего, дед все равно заберет его в 20:00.

19:59

В квартире этажом ниже Багси нанизывал одну рифму на другую, и тут в дверь постучали.

Лейли вздрогнула — как обычно. Когда она шла с работы, в голове царила полная неразбериха: арест Альфа, необходимость завтра утром подменить Нуру, Тидиан, витающий мыслями в раздевалке футболистов, неуловимая, как сквозняк, Бэмби... Она поставила сумки на стол, бросила пальто на диван, очки — в корзину, забыв о самом главном: не устроила привычную дотошную проверку.

Стук повторился. Настойчивый.

Лейли постаралась успокоиться. Всякий раз, когда кто-то – кто угодно

– хотел подобраться ближе, она не могла справиться с этой манией. Их с детьми секрет в опасности. Вошедший сразу заметит.

29

20:10

- Ты... Ты сама гармония, Фалина.
- Спасибо. Спасибо, Жан-Лу.

Она ответила на комплимент улыбкой. Гармония? С чем именно она гармонирует? С простым и уютным декором гастрономического ресторана «Блики», одного из самых известных заведений звездного шефа Пьера Ганьера? Или с радугой красок в тарелке – корзиночка с креветками, лисички в морковном соусе, артишоки с перцем и солью, рубиновый грейпфрут?

Оделась она незатейливо: приталенная кожаная куртка, белый топ *Poivre*, короткая юбка в цветочек, туфли-балетки. Естественная. Женственная. Гармоничная? Дьявол в деталях — совсем как в тарелке, произведении кулинарного искусства.

Серьги – два голубых перышка, скромная незабудка в волосах, бронзовый отблеск черной подводки век.

– Извините меня, Жан-Лу, через секунду я буду к вашим услугам.

Она наклонилась, чтобы набрать сообщение – мобильник лежал у нее на коленях. Длинные черные волосы прикрывали целомудренный вырез. Кулон в виде капельки воды контрастировал с медовой кожей и почему-то напомнил мужчине маятник.

Ку-ку, дорогая.

Здесь клево, лучше, чем в КFС!

Спасибо! Буду держать тебя в курсе.

Звякну завтра утром.

Она отправила послание не без внутреннего содрогания. Ничего бы не получилось без ее подруги, ее половинки, ее бесценной. Не было бы ни этого свидания, ни фотографий в фейсбуке. Если сегодня вечером удастся заманить Жана-Лу в один из номеров «Ред Корнер», благодарить нужно будет тоже ее! Верную спутницу. Союзницу — хотя настоящая цель ей неизвестна. Так лучше, пусть думает, что это простой съем.

Она выпрямилась, с трудом сконцентрировалась на тарелке, перевела взгляд на Жана-Лу. Этот застенчивый пятидесятилетний мужчина не

решался нарушить гармонию поданного ему блюда. Сидел с вилкой в руке, словно порушить целостность закуски все равно что совершить адюльтер. Попробовать – значит обмануть?

Говорил Жан-Лу на одну-единственную тему. О сыне Жонатане. Его трисомии, инаковости, невинности, смысле, который он придал жизни отца и матери. Об ассоциации «Т21», где он председательствовал, о жуткой дилемме, терзающей родителей: оставлять ребенка или нет? В Фалине он хотел видеть не женщину, но мать, носящую под сердцем ребенка-инвалида. Жан-Лу не судил – боже упаси! – а пытался объяснить ситуацию.

Неужели он согласился встретиться тет-а-тет исключительно по этой причине? Поверил ее байке – ну или притворился, чтобы не увязнуть? «Зачем иначе приглашать меня сюда? – подумала она, поправляя упавшую с плеча бретельку топа. – Из жалости?»

Жан-Лу – самый приятный из всех. Надия считает его «миленьким», и глаза-то у мужика добрые, и морщины трогательные. Если попрошу не прикасаться ко мне, он наверняка согласится и даже заплатит – чтобы только смотреть.

Большую часть времени занимают слова. Он одержим рождением ребенка, а с тех пор как узнал, что малыш неполноценный, живет в страхе.

Думаю, он не хочет его оставлять.

Ненавижу слово «неполноценный». Он произносит его с жалостью. Возможно, и ребенка решит сохранить из жалости.

Возможно, он смотрит на меня с жалостью. Любовью занимается тоже из жалости.

Это я ненавижу сильнее всего. Жалость.

Сомелье принес карту вин, произнес, адресуясь к Жану-Лу, несколько рекомендаций, как будто жаргон официантов и виноделов был частью ритуала соблазнения. Тот буркнул: «Прекрасно». Он вряд ли разбирался в вине, никогда не бывал в мишленовском ресторане и уж тем более с красоткой на тридцать лет моложе.

Жан-Лу чувствовал себя неуютно. Она, впрочем, тоже.

Он наконец умолк и принялся тыкать вилкой в грейпфрут.

В голове царил раздрай, но она должна была придерживаться первоначального плана. Да, Жан-Лу – приятный человек, он искренне ей сопереживает и совсем не похож на мерзавца Франсуа Валиони, с тем все вышло очень легко, но она должна заставить себя поверить, что этот, следующий, просто лучше скрывает истинную сущность.

Разве Жан-Лу не пригласил ее на ужин при свечах, который встанет

ему в ползарплаты? Он просто лицемернее других. Единственный вопрос – как заманить его в ловушку? Она намеренно положила руку на стол, но он не сделал попытки накрыть ее ладонью. Жана-Лу трудно будет приручить. Такой целуется на десятом свидании и сбежит, ломая ноги, если девушка, которую он желает, проявит излишнюю смелость. Но она не может ждать долго. У нее всего один шанс. Один вечер. Этот вечер.

– У меня для вас подарок, Фалина.

Жан-Лу совсем разнервничался, окончательно порушил красоту в своей тарелке, положил нож на вилку, давая понять официанту (тот не стесняясь глазел на красотку), что закончил, и достал из сумки коробочку, размером и формой похожую на ювелирную.

Она улыбнулась: наконец-то Жан-Лу играет по правилам! Дорогой подарок красноречивее слов — он ее покупает. Все продается и все покупается. Красота. Женщины. Любовь.

Из всех моих любовников Жан-Лу самый щедрый.

Он часто дарит мне цветы. Только они меня и радуют.

Адиль никогда не приносит букетов.

Иногда я говорю себе, что могла бы довериться Жану-Лу.

– Открой ее, Фалина. Это не бог весть что. Так, сувенир, купил вчера в аэропорту.

Она открыла коробочку. Развернула папиросную бумагу и увидела украшение. Вот так сюрприз. Жан-Лу преподнес девушке стеклянную подвеску. Дешевку за пять франков!

По телу Фалины побежали мурашки. Этот идиот растрогал ее пустяковым подарочком, простым и детским. Сделал именно то, о чем она втайне мечтала, — чтобы однажды мужчина выиграл для нее плюшевого медведя в ярмарочном тире, угостил леденцом, украденным в булочной, преподнес нелепую Эйфелеву башню с пайетками, купленную из жалости у торговца-нелегала. В голову на мгновение пришла мысль, которую она тут же изгнала, забаррикадировав двери и ставни.

Отпустить его?

Ужин затягивался.

Полосатая барабулька, морской петух, миндальные ракушки и кокочас $^{[73]}$.

Она понимала только каждое второе слово в перечисленной тарабарщине, хотя дикция у официанта была безупречная (несмотря на нахальный раздевающий взгляд).

Копченый тунец-бонито и теша синеперого тунца.

Ну это уж точно не на французском!

Сабайон с каламондином, настойкой из лимона и листьев каффирлайма $^{[74]}$.

Жан-Лу почти не пил. Фалина в основном молчала и слушала. Жан-Лу талдычил про свою ассоциацию, ну чисто проповедник, да и только. Не отследи она его биографию в сети, решила бы, что он блефует, рядится в одежды аббата Пьера, чтобы ее соблазнить. Но нет, он без устали сражается за права детей с синдромом Дауна и собирает деньги весь год, а не только в день телемарафона.

Святой.

Как заставить святого совершить грех? Да не абы какой, а плотский...

30

20:22

Жюло проклинал себя за глупость. Вспоминал, как любовался постером с изображением озера Ваккарес, грезил о розовых камаргских фламинго, хотел уехать из города, чтобы понаблюдать за перелетными птицами. Уже через полчаса он сидел на скамейке в природном парке, с потрясающим видом на пруд. В нем отражались розовые птицы, напоминающие гениальное творение импрессиониста. Но очарование быстро разрушили тысячи комаров, не меньше очарованные ночью и стоячей водой. Несмотря на жару, Жюло пришлось надеть толстовку и натянуть на голову капюшон.

Впрочем, кровососов интересовал не он сам, а светящийся в сумерках экран планшета. Все насекомые ринулись на приступ. Жюло отгонял их, но они неизменно возвращались на этот идеальный «аэродром подскока», который к тому же не обжигал крылышки.

Лейтенант клял на чем свет стоит сенсорное чудо и его изобретателя: работал, гад, в стерильных условиях лаборатории и думать не думал о том, что экрану плевать, кто его коснулся — один палец или сто камариных лапок! Жюло уже час сражался с полчищами невидимых врагов, пытался писать, а дети ночи развлекались, то добавляя, то удаляя буквы, кликали по виртуальным кнопкам, отдавая команды и открывая ненужные меню.

Он постарался сосредоточиться. Петар написал, что будет на встрече, назначенной Мохамедом Туфиком у мечети Аль-Ислах. Завтра профессор африканской истории расскажет им о знаменитых каури, раковинах с Мальдивских островов, чьи горельефы украшают стены банков черного континента. В качестве завуалированного извинения майор приписал, что

не успеет – увы! – отрастить к утру бороду.

Когда пришел ответ от шефа, Жюло был на сайте «Вогельзуг». Странное название с немецким звучанием наконец обрело смысл. Из всех путешественников на планете только перелетным птицам неведомы границы.

У ассоциации есть филиалы повсюду в Средиземноморском бассейне. Она занимается расселением беженцев, поиском работы, оказывает юридическую помощь, представляет их интересы в разных инстанциях. На «Вогельзуг» работают сотни людей, и власти не могут не сотрудничать с ней. Через два дня в Марселе под ее эгидой состоится большой симпозиум агентства Европейского союза по безопасности внешних «Фронтекс». Жюло пытался читать между строк, но пока не понимал, как именно позиционирует себя «Вогельзуг». Гарант для государств, буфер, позволяющий социальную цену им СМЯГЧИТЬ мальтузианской миграционной политики, или по-настоящему неудобный независимый участник процесса, действующий помимо «Международной амнистии» и всяких там «Хьюман Райтс Вотч»?

Он остановился на разделе «Основатель» бессменного председателя, Журдена Блан-Мартена. Родился в Пор-де-Буке, в квартале Эг Дус. И все данные! Глава ассоциации явно не склонен к культу личности.

Комары немного поутихли. Наверное, половина вампирчиков пошла на корм лягушкам — те так расквакались, что перебудили дремлющих в камышах голенастых птиц.

Лейтенант Флор перебрался на фейсбук к *Bambi13*. Он читал под гудение майского жука, который очень заинтересовался сексапильной псевдостуденткой в бикини на экране компьютера.

Итак, вопрос: *Bambi13* — это Бэмби Мааль? Перед уходом из комиссариата Жюло попытался поделиться догадкой с майором. У мальчишки, пробивающегося в проводники («Ну, вы взяли его сегодня утром!»), есть сестра по имени Бэмби, живет в Пор-де-Буке. В квартале Эг Дус.

- Многовато совпадений, а, патрон?
- Обсудим завтра, дружок... Петар надел куртку его ждала парикмахерша! Все просто. Сличим фотографии и все выясним. Может, сестра нашего загорелого Аполлона и впрямь окажется твоей... малышкой. Ладно, ты же все равно просидишь тут всю ночь, упрямая башка.
 - Все просто... буркнул лейтенант, перебив лягушек. Все просто.

Он не нашел в интернете фотографий Бэмби Мааль, но даже если завтра они что-нибудь нароют, не факт, что появится определенность,

слишком нечеткое изображение дала камера наблюдения.

На странице *Bambi13* на фейсбуке Жюло прыгал из Бодрума в Санто-Доминго, из Нгапали на Лансароте и сам не понимал зачем: прекрасная незнакомка нигде и никогда не показывала лица.

«Да ты влюбился!» – посмеялся бы над ним Петар.

«Еще чего! Мне не дает покоя одна деталь...» – убеждал себя лейтенант.

Профиль *Bambi13* на фейсбуке не соответствовал социальной среде, к которой относилась Бэмби Мааль. Квартал Эг Дус — неблагополучная городская зона, Лейли Мааль — мать-одиночка, которая, по словам сына, перебивается временной работой. Как девчушка из предместья ухитрилась путешествовать по миру, жить в роскошных отелях, один дороже другого? «В конце концов, прозвище Бэмби ничего не доказывает, — рассуждал лейтенант. — Настоящая убийца могла взять этот псевдоним, чтобы навести подозрение на обитательницу Пор-де-Бука. Она не предполагала, что сыщики проведут параллель. Но зачем использовать настоящее имя? Бессмыслица какая-то...»

– Хороша, верно? – спросил вслух Жюло, обращаясь то ли к майскому жуку с комарами, то ли к вернувшимся из тропиков фламинго.

Мааль. Альфа. Бэмби. Лейли.

Типичные пёльские имена и фамилия. Еще одно странное совпадение – сегодня утром профессор Вакнин упоминал эту народность в разговоре о крови.

Лейтенант достал из кармана таблицу невозможностей «сыновней» крови и развернул листок, вспоминая замечание гематолога: в отличие от других африканских этносов, пёль преобладают в группе А, представляющей 40 % человечества. Треть только для группы А+. Значит, у Бэмби, Лейли, Альфа́ группа крови предположительно А. Пока он не видит, куда это ведет, но связь точно есть.

31

20:55

Тидиан не спал. Хотя лег рано.

«Олимпик» в первом тайме пропустил два мяча и третий – перед перерывом. Румыны быстро отстрелялись, так что конец матча можно было не смотреть. Мальчик видел в окно бывшей комнаты матери, как за стеклом танцуют тени веток старого апельсина.

Он никак не мог заснуть, все думал об аресте Альфа́. О том, что почти мог дотронуться до солнца, когда залез на дерево. О легавых. Почему старший брат не услышал свиста? Ведь он свистел! Взрослые странно себя ведут. Мама, Бэмби, дед с бабушкой не говорят при нем об Альфа́, не отвечают на вопросы, шепчутся, как будто тот сделал ужасную глупость. Тидиан не любил, когда его *отстраняли*, он не малыш! Нечего врать ребенку «ради его же блага».

В квартире было жарко, несмотря на приоткрытое окно. Слишком жарко, чтобы заснуть. Тидиан смотрел на огоньки ароматических пирамидок, отгонявших комаров на балконе. Он лег головой в другую сторону, но тени никуда не делись.

Мальчик дремал, но тут нахлынули пугающие мысли о мужчине, который заявился вечером к ним домой. Он чмокнул маму в щеку, сказал «Привет...» – и его голос прозвучал как воплощенный ужас. Тидиану не нравился сосед. Ему пришлось уйти с дедом, оставив маму с ним одну. Она называла его Ги, а похож он был на Фредди Крюгера – один старшеклассник пересказывал на перемене содержание фильма ужасов про этого убийцу детей. Нет, Тиди решительно не одобрял общение мамы с другими, кроме них с Альфа, мужчинами!

Он крепко зажмурился, отгораживаясь от холодного черного огня теней на простыне. Ему крепко-накрепко запомнился рассказ деда Муссы о том, как мама ослепла в хижине на берегу реки из-за того, что смотрела на солнце, а потом стала сильнее, красивей, умнее и превратилась в самую лучшую маму. В маму, которая все чувствует, обо всем догадывается и читает мысли. Значит, побыть слепым – все равно что пройти испытание.

Тидиан свернулся в клубок. Он тоже должен тренироваться. Дедуля рассказал, как мама научилась ориентироваться на слух, как восстанавливала в памяти окружающий мир, каким видела его при свете ясного дня.

Он поднялся, не открывая глаз, и попытался вспомнить, где находятся шкаф, дверь, окно. Продвинулся вперед на метр и стукнулся об стену, открыл глаза и тут же снова зажмурился.

Он посоветуется с дедом и бабушкой, начнет упражняться по ночам, и днем тоже, будет играть в футбол с повязкой на глазах, находить дорогу в школу, ориентируясь на звуки улицы, узнавать друзей по голосам.

Он станет стремительным – как Зидан и Баррада. Заставит работать все инстинкты и чувства.

Тидиан вытянул руки и двинулся по комнате. Легкое дуновение воздуха подсказало, что рядом окно. Ноги немножко дрожали, но он

подталкивал себя в пустоту. Никакой опасности нет, окно высоко... ну, не очень, но выпасть не выпадешь. Во всяком случае, Тидиан на это рассчитывал. Нужно вспоминать окно с закрытыми глазами и шагать. Стать храбрым, как мама, чтобы спасти ее от опасности, когда потребуется.

Ветерок холодил лицо, а тело заливал пот. До чего же он нежный, этот вечерний ветер, так и манит к себе, так и манит.

Подала голос сова, живущая на апельсиновом дереве.

Тидиан слушал крик птицы, предупреждающий об опасности. Вспоминал дедулины истории и сказки – больше всего ему запомнился миф об Афине. Мальчику нравилось представлять, что совой, как в «Гарри Поттере», обернулась его мама.

Он остановился.

Встал перед окном и заговорил тихим голосом.

Ночь, совы все видят, все слышат, все понимают.

– Скажи мне, раз ты такая всемогущая. Скажи, Альфа отпустят? Скажи, почему он не сбежал? Скажи, мама влюбится во Фредди? Скажи, у меня однажды будет девушка... такая же красивая, как Бэмби? Скажи, раз все видела. Скажи, куда деваются мячи, когда попадают в ад? Скажи, где спрятано мамино сокровище? Обещаю, я его не украду, не притронусь к нему, просто хочу знать, существует оно или нет, это проклятое сокровище! Я буду его стеречь. Можешь мне верить. С закрытыми глазами.

32

21:07

Лейли стояла под душем с закрытыми глазами. В ванной пахло плесенью, краска на стенах облупилась, швы расходились, трубы проржавели, но вода текла такая же горячая, как из золоченых кранов в мраморном особняке.

Две бутылки пива в руке.

На лестничной площадке терзал барабанные перепонки рэп Камилы. Первым побуждением Лейли было захлопнуть дверь у него перед носом или – в крайнем случае – вежливо отфутболить.

Не сейчас, Ги. Потом. Возвращайтесь позже.

Странно, но она не решилась. Впустила его.

И сразу пожалела. Тидиан не должен был видеть Ги. А тот его. Мусса почти сразу забрал внука, но несколько минут Лейли не находила себе

места от душной тревоги. Ги не выглядит слишком сообразительным, но он мог разгадать ее секрет — во всяком случае, кое-что заподозрить, хотя ни о чем не спросил мальчика, только поздоровался. «Никогда, — с содроганием думала Лейли, — никогда раньше ты не позволяла чужаку подобраться так близко к правде...»

Почему? Что такого есть в Ги? Красивым его не назовешь, хороши разве что голубые глаза, большие и задумчивые. Как у плюшевого медведя. Он совсем не забавный. После ухода Тидиана посмотрел на маленький телевизор двадцати лет от роду, размером не больше терминала минителя^[75], и сказал:

— Не беспокойтесь, я не попрошу вас включить ящик — игра «Олимпика» вгоняет меня в депрессию. Не представляете, сколько времени я провел перед экраном, глядя матчи Еврокубков в надежде, что хоть какаянибудь французская команда выйдет в финал... — Ги издал мрачный смешок. — Я хотел подняться во время перерыва, но подумал, что не успею.

Он снова хохотнул. Дребезжащий, как голос механической игрушки, смех заменял в его речи знаки препинания.

– Я пошутил, Лейли. Это была шутка. Вы для меня слишком красивая. На сей раз он остался серьезным, а она не возразила.

Ги исправил положение, отсалютовав Лейли пивными бутылками:

– Я принес две, но не обижусь, если откажетесь. Мне больше достанется...

Еще одно ржавое «ха-ха». «Ги стоило бы предложить свои услуги создателям ситкомов», – подумала Лейли и улыбнулась. Ей очень хотелось чаю, но она не решалась оставить гостя одного: сосед оглядывал ее жилище таким изумленным взглядом, как если бы искал парижский тотализатор, а попал на базар. Книги, разноцветные совы, закат солнца над рекой Нигер на стене...

– Интересный у вас декор, – высказался он, привычным движением открыв бутылку. – Честно говоря, мне вся эта экзотика...

Он посмотрел на Лейли и не закончил фразу, завороженный эбеновой кожей, бусинками в косичках, яркими тапками-бабушами.

На сей раз Ги не засмеялся – выругался:

– Ну я и придурок!

Лейли хихикнула. Этот мужчина умилял ее.

У него траченное годами лицо и рыхлое тело. Он расист. И как пить дать алкаш. Но нравится ей, несмотря на все эти недостатки. Больше того – ее к нему тянет. Нет, о любви с первого взгляда речь не идет. Тут другое. Непонятно что, но другое. Старинное, покрытое патиной времени,

обтершееся, износившееся, но несомненное.

Лейли хотелось обольстить Ги и самой поддаться соблазну.

Ни больше ни меньше.

Она выключила чайник и неожиданно для себя предложила Ги располагаться:

– Можете курить на балконе, включите телевизор, если хотите, или почитайте, а я пойду в душ.

После работы в «Ибисе» от нее пахло пачулями и жавелевой водой, нужно было срочно отмыться, привести себя в порядок. Лейли оставила Ги в гостиной, заперлась в ванной, разделась и посмотрела на свое отражение в мутном от старости зеркале.

Она лучше этого зеркала! Лучше заплесневелой ванной, лучше старой квартиры и выморочного квартала. Лейли коснулась кончиками пальцев груди, такой же высокой и упругой, как раньше, в те времена, когда мужчины ласкали и целовали эти темные холмики. Талия осталась тонкой, живот – плоским. Во всяком случае, на первый взгляд.

Она все еще хороша. И желанна, если сама того захочет.

Лейли закрутила кран, намазалась аргановым маслом, подкрасилась, уложила волосы в искусно-небрежную корону и надела на голое тело длинное малийское платье из бумазеи в сине-лиловых тонах. Оно не обтягивало тело, но красиво облегало, как подарочная бумага, которая позволяет лишь угадать форму сюрприза и предоставляет воображению домыслить детали.

Бросила последний взгляд в зеркало, подмигнула и произнесла с вызовом в голосе:

– Сейчас проверим, как сильно ты не любишь «экзотические штучки»! Лейли сидела на диванчике. От полбутылки пива у нее закружилась голова.

Ги пожирал ее взглядом, и она пожалела, что выбрала слишком откровенный наряд. Пришлось подогнуть под себя ноги и скрестить руки на груди, спрятавшись за кошачьей позой. В квартире Камилы стало тихо, словно хозяйка устала от рэпа или ушла. Лейли вставила в плеер диск Сезарии Эворы.

Тоже экзотика! Комментариев от Ги не последовало.

Он говорил – обо всем и ни о чем, она слушала рассеянно и думала о своем, лишь изредка вставляя слово-другое. Как странно чувствовать себя красивой и желанной...

Забытое состояние. Сегодня она ощутила его дважды: вечером – с Ги, днем – с Рубеном в «Ибисе». А если считается многозначительная улыбка

Патрика – или Патриса? – неважно, – вчера в Бюро, то трижды.

Закон серии? Как принцип «беда не приходит одна»? Воздыхатели решили не ждать очереди и лезут без билета? Жизнь ни в чем не знает меры, выдает счастье и несчастье скопом, одной доставкой, а мы разгребаем.

Ги сидел на другом краю дивана и неловко пытался приблизиться, как будто играл в «Раз, два, три — замри!». Стоило Лейли отвернуться, передвигал задницу на несколько миллиметров. Подкрадывался, как крокодил, бегемот, слон.

Ги преодолевал сантиметр, Лейли отодвигалась на пять, ясно давая понять, что сегодня вечером ему больше ничего не обломится. Не так быстро. Да, вечер «идеальный»: Альфа́ в полиции, Тидиан у дедушки с бабушкой, Бэмби дома не ночует (а где ночует – неизвестно!).

Ги смешил ее. Этого было достаточно для сегодняшнего вечера. Даже более чем достаточно.

Ги любил и чувствовал каламбуры. «Я завзятый каламбурщик...» — так он сказал и прокомментировал жизнь квартала, обыгрывая название Порде-Бук на все лады.

Порт Козел отпущения^[76] кругом арабы, итальянцы, португальцы и прочие поляки, заявились сорок лет назад, чтобы стать безработными на берегах лагунного озера Бер.

*Вежливый смех.

Порт Рвотный порошок^[77]— идешь в бар сделать ставку, а вокруг никто не говорит по-французски.

*Смущенный смех.

Ги продолжил театр одного актера, взяв с этажерки книгу сказок и мифов.

Порт Дешевый ужастик [78].

*Его лучший номер!

Единственный зритель оценил мастерство. Лейли прекрасно себя чувствовала. Ей было спокойно. Алкоголь подействовал, и, когда Ги исчерпал свои шутки, ей захотелось довериться этому мужчине.

Ги был не мастер говорить.

Зато умел слушать – когда молчал. Что да, то да.

История Лейли

Надеюсь, вас не шокирует, Ги, что я была проституткой. Потому что я ею была. Мы с Адилем никогда не использовали слово «клиенты» – только «друзья» и «встречи». Даже когда все закончилось и Надия дописала под

мою диктовку последнюю страницу дневника, у меня осталось три постоянных любовника, плативших за секс. Да, я спала с ними ради того, чтобы вернуть зрение, из любви к Адилю или страха перед ним, но это ничего не меняет.

Я была шлюхой.

Не хочу, чтобы мои дети узнали. Пусть никто, кроме меня, не прочтет эту тетрадь. Я не скажу вам, где она спрятана, Ги, даже не надейтесь. Вам и так слишком многое известно. Намного больше, чем кому бы то ни было.

Я узнала, что беременна, 25 июля 1994 года, в День Тунисской республики. На улице взрывались петарды, и я — вот ведь идиотка! — боялась, что ребенок испугается, ему же всего три недели.

Адилю я сказала не сразу. Все считала и пересчитывала в уме. Не недели до родов – деньги. Число встреч и полученных подарков – мне не всегда платили в динарах, франках или долларах, иногда это были часы, золотые украшения, драгоценности. Адиль хранил все.

Однажды вечером, примерно через месяц (мы все еще занимались любовью) я наконец решилась.

– Мне кажется, у нас достаточно денег. На операцию. Можно больше не встречаться с друзьями. Уехать отсюда. Найти хирурга.

Адиль отвечал мягким тоном, лаская мое тело, ноги и все еще плоский живот, говорил, что не хочет рисковать, что нужно найти лучшего врача, лучшую больницу, ведь время еще есть, зачем торопиться? И тогда я призналась. Все объяснила одной фразой.

– Я тороплюсь, Адиль. Хочу прооперироваться до апреля. В ближайшие семь месяцев. Я хочу... хочу увидеть рождение моего ребенка.

Адиль ничего не сказал. Но напрягся. Рука у него как будто одеревенела. Сердце стучало... Стучало...

На следующий день он уснул, не задав ни одного вопроса. Проснулся – и ни о чем не спросил, даже о моих догадках насчет отца ребенка (разве я могла знать?), поцеловал как ни в чем не бывало и сообщил:

– Франсуа хочет встретиться вечером...

Я ответила:

– Не пойду!

И пощечина отправила меня в нокаут.

Потом он плакал, просил прощения, умолял:

– Думаешь, мне легко, Лейли? Легко знать, что ты каждый вечер спишь с другими мужчинами? Я терплю – ради тебя. Ради тебя!

Он не заговорил о ребенке. А я думала только о нем.

Адиль бил меня каждый раз, когда я отказывалась от встреч. По

щекам. По рукам. Любовники замечали следы. Ни один ничего не сказал. Даже Жан-Лу. Самый милый из всех. Он тоже закрыл глаза. Как остальные.

Однажды Адиль ударил меня по спине ногой в тяжелом ботинке – я лежала в кухне на полу, защищала руками живот, – потом сел напротив. Он давно не плакал, отлупив меня, зато гладил по волосам.

- На что ты будешь жить, дорогая, если прекратишь продаваться? Думаешь, когда зрение вернется, тебе понравится смотреть в глаза клиентам?
 - Я жду ребенка, Адиль! Ребенка.
- И что с того, Лейли? Что с того? Пока наши друзья не в курсе, это ничего не меняет, верно?

Прошло три месяца. Адиль больше меня не бил. Незачем было. Я снова стала покорной. Мой живот округлился, и я верила, что все устроится само собой. Когда беременность станет невозможно скрывать, когда никто не захочет свиданий с женщиной на шестом, седьмом, восьмом месяце... Я считала в уме недели и думала: «Ребенок спасет меня».

Надия, официантка из «Ганнибала», которой я диктовала дневник, пришла однажды вечером предупредить меня. Она закрыла дверь бара и убедилась, что мы одни. Ее годовалая дочка играла на полу с пластмассовым жирафом. Она была пухленькая, кудрявая, ужасно мне нравилась, и я просила небеса послать мне такую же чудесную девочку. Надия коснулась моего живота и поделилась секретом, перевернувшим мою жизнь.

– Адиль собирается бросить тебя, Лейли. Он виделся с Яном и Франсуа. Сказал, что взял на субботу билет на паром до Марселя и хочет нанять двух вооруженных телохранителей. Наверное, повезет деньги. И вряд ли оставит половину тебе.

Все рухнуло.

Я наконец осознала то, что мозг понимал много лет, но отказывался принимать. Адиль торговал мной, чтобы обогатиться. История с глазной операцией была приманкой, он знал, что желание прозреть окажется сильнее стыда. Ребенок нарушал его планы, и он решил вовремя смыться.

Полагаю, вы почти сразу все поняли и почувствовали досадливую жалость к той недотепе, которой я тогда была.

Любовь ослепляет. Я была слепа изначально.

- Спасибо, сказала я Надие.
- Если тебе что-нибудь понадобится...

Вспоминая день, когда все рухнуло, я говорю себе: «Доказательств ты так и не получила, а потому не избавилась от навязчивой привычки ко

всепрощению». Думаю: вдруг он не собирался бросать меня одну без денег и Надия все придумала? Или я сама все это спровоцировала?

В пятницу вечером мы лежали в постели, я обняла его и объявила:

– Все, Адиль. Хватит с меня любовников. Я хочу быть только с тобой.

Мои слова удивили его, как и моя нежность. Я подумала: если он намерен уйти завтра, обязательно займется со мной любовью, захочет потешить гордыню жалкого испорченного самца: «Пусть дурища насладиться в последний раз!» Это его и погубит! Я повторяла, сидя на нем верхом:

- Только с тобой. Я все решила. Заказала билет в Танжер. Нашла место в клинике Дю Солей в Марракеше. (Я не врала, такая клиника существовала!) Поговорила по телефону с врачом, он прислал факсом смету, конторщик мне ее прочел и...
 - Как тебе удалось?

Я не собиралась признаваться, что мне помогла Надия. Он мог бы и сам сообразить, но ему было плевать.

– Завтра поговорим...

Адиль поднялся среди ночи. Я несколько часов ждала этого момента и не спала. Все, что я наговорила вечером, должно было спровоцировать его, заставить действовать в спешке, чтобы контролировать события.

Адиль беззвучно двигался в темноте, но я знала наизусть каждый шорох дома. Снаружи — в городе, на улице — я была бы уязвима, вмиг бы потерялась, а здесь мне зрение не требовалось.

Хватало слуха.

Я знала, что он прячет деньги и все подарки в доме, где-то на кухне, под одной из половиц. Я десятки раз слышала, как он ее поднимает, но найти на ощупь не сумела. Нужно было заставить Адиля достать клад из тайника и только потом действовать. Он начал собирать сумку, большой черный баул с надписью «Адидас» (мы покупали его вместе). Складывал туда наши воспоминания и все, что имело хоть какую-то ценность. Без спешки, аккуратно. Гордясь собой. Адиль начал осуществлять свой идеальный план в день нашей встречи. Я принесла ему целое состояние, десятки тысяч франков, – и понятия не имела, кто он такой. Не знала, как выглядит его лицо. Он мог бросить меня и ничего не бояться – я бы не сумела его опознать.

Я поднялась.

Сделала шаг. Еще один. Еще. Одеваться не стала. Это была часть моего плана. Пусть считает меня совсем слабой, не опасной, несмотря на нож в правой руке. Нож дала мне Надия, я прятала его под матрасом.

Старый берберский кинжал, немного проржавевший, с роговой ручкой.

Я приближалась. Он молчал. Я ударила – трижды, в пустоту, как безумная, сражающаяся с призраками.

Он разразился циничным смехом и отпрянул, чтобы насладиться моей нелепой пантомимой — охотой на комаров с бесполезным дротиком. Он понятия не имел, что я по звуку шагов определяю его местонахождение. Что знаю каждый сантиметр комнаты, понимаю наши позиции, а мой внутренний радар работает, как у летучей мыши. Ему бы в голову не пришло, что я мысленно соразмеряю длину моей руки и расстояние до его шеи, что я часами атаковала невидимые цели, как оса — апельсины или яблоки на буфете.

Я сделала еще несколько судорожных выпадов, как сомнамбула, потом стремительно шагнула раз, другой и вонзила нож в горло Адиля. Не знаю, попала я в сонную артерию или нет, но он беззвучно рухнул на пол.

Дальше все происходило очень быстро. Я оделась, схватила адидасовскую сумку (ужасно тяжелую!) и кинулась к Надие. Она несколько часов прятала меня у себя, потом отвезла в порт, к танжерскому парому.

Я до сих пор не знаю, умер Адиль, моя первая любовь, или остался жив. Я не только не знаю, стала ли убийцей, я не ведаю, как он выглядел.

33

21:29

Жюло дремал перед экраном и видел во сне перелет розовых фламинго с райских пляжей, где наслаждалась жизнью Bambi13. Жара и лягушачий концерт убаюкивали его. Он шел по берегу лагуны к незнакомой красавице без лица, которая несла под мышкой свою голову, напечатанную на 3D-принтере. Пассаты раздували накидку, оживляя сов.

Прозвучал резкий сигнал. Лейтенант выругался, заметив «нарушителя»: на экран приземлилась павлиноглазка (а может, какая-то другая ночная бабочка, черт их разберет!).

Плавные изгибы тела *Bambi13* исчезли, вытесненные рекламой сайта знакомств на грани порнофола, перечеркнутой жирным красным крестом. Жюло чертыхнулся и закрыл планшет. «Проклятые мошки не сдаются, значит, вернемся к традиционным методам, заодно носом клевать перестану», — решил он. Перевернул листок с выкладками профессора Вакнина и взял ручку. Луна лила слабый свет на поверхность пруда, обращая камыши в длинные черные перья. Ночные насекомые уносили

лапки. «Ну просто гики – как только гаснет экран и открывается книга, их как ветром сдувает...»

Он открыл блокнот и попытался восстановить ход мыслей, крутя пазлы в голове и убеждаясь, что на клубок вопросов существует единственный ответ.

Сыщик начал торопливо записывать.

Зачем убили Франсуа Валиони?

Что Валиони делал в Эс-Сувейре за несколько часов до смерти?

Как связано его убийство и ассоциация «Вогельзуг»?

Почему Петар Велика не хочет это обсуждать? (Едва написав, он решительно зачеркнул строчку – не дай бог попадется на глаза патрону.)

Как связаны Маали (в особенности мать семейства Лейли) с председателем Журденом Блан-Мартеном, их соседом по Пор-де-Бук, уроженцем Эг Дус?

Он продолжил составлять вопросы непосредственно об убийстве.

Убийца взял кровь на анализ у Франсуа Валиони для установления отцовства?

Как и почему в кармане Валиони оказались ракушки? (Тот факт, что это не просто ракушки, а каури, только добавлял тумана.)

Что означает красный браслет (еще есть зеленые и голубые) на запястьях некоторых нелегалов?

У Жюло набралось восемь вопросов без ответов, но интуиция подсказывала: главное – разобраться с последними. О Бэмби Мааль и *Bambi13*.

Бэмби Мааль и Bambi13 – одно и то же лицо?

Почему ее брат Альфа́ так легко дал себя задержать, словно рвался в тюрьму?

Как Bambi13 удается перемещаться по миру?

Зачем Bambi13 фактически показала лицо в камеру наблюдения над входом в «Ред Корнер»?

Ватbi13 убила Франсуа Валиони?

Bambi13 убьет снова?

Когда?

Где?

Последний вопрос – и сыщик закрыл глаза. В темноте надрывался лягушачий хор. Жюло завораживала красота *Bambi13* и интриговала судьба Бэмби Мааль.

Одна и та же женщина? Или две, запутавшиеся в хитросплетении интриг? Две или больше?

34

22:01

– Замечательный получился вечер, Фалина.

Официант мишленовского ресторана подал кофе полчаса назад, мазнув восхищенным взглядом по телу девушки. Жан-Лу насладился густым напитком, поклевал сладости с таитянской ванилью, лакричником и цукатами, съел несколько фиников, еще немного поговорил о длинных скучных встречах, которые назначены на завтрашний день, и наконец иссяк.

Они помолчали – не дольше минуты. Он посмотрел на часы и решительно поднялся, отодвинув стул.

Замечательный получился вечер, Фалина.

«Он не сказал: "Ну, пошли", – анализировала девушка. – Прошедшее время – *получился* – ясно дает понять, что для него вечер окончен…»

Фалина встала, одернула юбку и набросила кожаную курточку, стоя в трех шагах от спутника. Жан-Лу галантно пропустил ее вперед, и она прошла мимо, не сомневаясь, что любезный кавалер провожает взглядом задницу и ноги «дочери солнца».

Фалина вышла на улицу и закурила, наблюдая через витрину за Жаном-Лу, который расплачивался у стойки. Брюки коротковаты, рубашка мятая, в пятнах. С прической тоже беда.

Жан-Лу – самый неловкий из моих любовников.

Ласкает слишком напористо, целуется плохо, кончает почти сразу.

Он это знает и чувствует себя несчастным. Иногда даже плачет.

Фалина выдохнула дым в звездную ночь и попыталась подвести итог. Какую стратегию выбрать?

Она поняла, что Жан-Лу не проявит инициативу, то есть рискнуть придется ей. Но он только того и ждет, чтобы остаться чистеньким, а ей снова отвести роль «плохой девочки». Скажет с нежностью в голосе: «Ты очень красивая и сексапильная, но я люблю жену и сына, кстати, вы

ровесники!» Ограничится поцелуем в щечку и отвалит в ореоле святости. Может, помастурбирует в номере отеля, думая о ней, а вернувшись домой, отдаст должное жене с удесятеренным желанием. Фантазмы без осложнений – куда как удобно! Взбодренное либидо по цене ужина в гастрономическом ресторане.

Фалина сделала последнюю затяжку, стоя у кирпичной стены на погруженной в темноту улочке. В сумбуре чувств превалировало разочарование. Ничего общего с оскорбленным эго соблазнительницы: один неудавшийся вечер не мог заронить сомнение в душу женщины, укрощающей самцов одним взглядом. И все-таки от предчувствия провала к горлу подступала тошнота. Провал ее плана. Неужели все было напрасно? Проделать долгую и тщательную подготовительную работу и остановиться на полпути?

Она выбросила окурок.

Хотелось плакать, как из-за неуда на экзамене, к которому долго готовился...

И все-таки крошечная надежда оставалась. Шевелилась на дне души. Как будто Жан-Лу, не поддавшись соблазну, спасал заодно со своей жизнью всех остальных мужчин.

Фалина затоптала тлеющий окурок носком туфельки, придумывая самые приземленные объяснения. Любовница ждет Жана-Лу в его номере в «Рэдиссон Блю». Или он сексуально неполноценен. Или предпочитает мужчин... Тем хуже, придется идти ва-банк. Взять его за руку, поймать уголок губ, когда он чмокнет ее на прощанье. Чего ради? Ну вырвет она у него поцелуй, но в «Ред Корнер» этой ночью они все равно не попадут.

Занятая своими мыслями Фалина не увидела, как Жан-Лу вышел из ресторана.

Не услышала его шагов.

Заметила лишь тень. Они были одни на темной улице.

Жан-Лу не произнес ни слова. Не дал ей времени отреагировать. Оглянулся – нет ли свидетелей? – и навалился всем телом.

Впился губами в ее рот. Положил правую ладонь на грудь, сжал со звериной страстью. Левая рука пробралась под стринги.

Она не воспротивилась. Ответила на поцелуй. Пустила его.

Успокоилась. Она победила.

Жан-Лу заслуживает смерти. Как те, другие.

Доведенный до исступления Жерар Кутюрье вскочил с кровати.

Сначала он решил, что сосед включил $France\ \hat{O}^{[79]}$, RFO или $France\ Culture\$ и слетевший с катушек диджей врубил африканский джаз. Но музыка доносилась не из комнаты за стеной. Гитара и тамтам звучали так громко, как будто кто-то колотил по переборке, но играли в другом месте.

Жерар вышел в коридор, пошел в другой конец, к буфету, где накрывали завтрак. Гитарный дуэт соперничал с женским голосом, певшим на незнакомом языке. Крики, шаги танцующих и аплодисменты аккомпанировали музыкантам.

Концерт?

В полночь? В отеле «Ибис» в Пор-де-Буке?

Жерар Кутюрье не верил своим ушам.

Между прочим, девушка хорошо поет. Он зевнул. Почесал живот под зеленой футболкой цвета франшизы его магазина садового инвентаря. Директор по продажам назначил встречу на восемь утра, и разговор предстоял неприятный. Цифры не радуют. По газонокосилкам падение продаж на 30 %. Глобальное потепление, засуха, трава выгорела по всему югу, трава растет медленно... Замкнутый адский круг. Жерар чувствовал себя, как Уголино перед иссякшим источником.

Он обулся и через минуту оказался у двери запасного выхода. Закрыто. Постучал, начиная злиться, и через две секунды на пороге появился управляющий Рубен Либерос.

– Что за бардак? – поинтересовался Кутюрье.

Рубен сделал большие глаза.

– Бардак? Этот концерт – бардак?! Входите, друг мой, входите. «Вендо» – лучший биг-бэнд Африканского континента. Мы познакомились в девяносто четвертом году, они играли на церемонии вступления в должность президента Нельсона Манделы. Двадцать семь лет в камере на острове Роббен – это чего-то да стоит! «Вендо» – друзья Франции. Когда Миттеран произносил речь в Ла Боль, они исполняли «Марсельезу». Говорят, Жак Ширак хочет, чтобы они играли на его похоронах, даже распорядился в завещании...

Постоялец в замешательстве смотрел на управляющего и уже изготовился рявкнуть: «За идиота меня держите?!» — но тут дверь снова открылась. Ответственный за продажи газонокосилок успел увидеть гитариста с дредами, гиганта, склонившегося над джембе^[81], и человек тридцать слушателей!

Вышла девушка. Высокая. Стройная. Сильно накрашенная. В короткой юбочке и кожаной куртке. Потрясающе красивая. Наверняка певица.

- Уже уходишь, Нура? спросил Рубен.
- Меня ждут. Завтра буду к девяти. Надеюсь, твоя старуха справится. Она чмокнула его в щеку и исчезла.

Управляющий распахнул дверь:

– Входите же, друг мой, прошу вас.

Жерар Кутюрье колебался и вдруг увидел бутылки с ромом на месте мисочек для корнфлекса. Великан подошел и дружески хлопнул его по спине:

– Выпей с нами, брат. Я – Саворньян. У тебя есть дети?

Жерар окончательно растерялся и кивнул.

– Наверное, редко их видишь при такой безумной работе? А мои завтра приезжают. Жена Бабила, сын Кейван и дочь Сафи. Пойдем отпразднуем.

Музыка зазвучала громче. К микрофону приблизилась другая певица, такая же красавица, как Нура. Плевать на директора по продажам! От газонокосилок не убудет, если он выпьет стаканчик перед сном. А завтра поставит пять звездочек отелю на $Trip\ Advisor^{[82]}$.

Жерар Кутюрье гостевал в половине европейских «Ибисов», и нигде ему не оказывали такого приема.

36

23:56

Тип на верхней койке храпел так громко, что вниз сыпалась пыль.

Альфа посмотрел на часы, подождал несколько минут, встал и потряс сокамерника за плечо. Тот мгновенно проснулся и резко дернулся, как будто на него обрушилась тюремная стена. Вытаращил глаза и с изумлением посмотрел на юного чернокожего гиганта:

– Оборзел, парень?

Оружия у него не было, но в глазах плескалась угроза.

– Ты мне нужен, – ответил Альфа́.

Заключенный прищурился, как прицелился.

– Что за бред? Ты для этого меня разбудил? Сейчас я научу тебя правилам тюремного этикета! Мало того, что днем изводят все кому не лень, так теперь и ночью не отдохнешь из-за какого-то придурка...

Арестант напоминал американского комика Дэнни Де Вито. Волосы у

дерганого коротышки росли только по бокам черепа, и уши из-за этого казались громадными.

- Мне нужно увидеться с Казначеем, спокойно сказал Альфа.
- «Де Вито» потер виски, и волосы встали дыбом, как белый гребень.
- С казначеем? Только и всего? Надеюсь для твоего же блага! что ты убил легавого или зарубил мачете свою бабу, потому что к Казначею требуется пропуск. Быстро такие дела не делаются.
- Я выхожу завтра и должен повидаться с ним до того. Завтра утром. Пораньше.
- А может, хочешь еще и автограф Мерина^[83] в качестве бонуса? Или фото с Бонни и Клайдом?

Альфа резко выбросил руку, схватил «Де Вито» за ворот пижамы, оторвал от подушки и встряхнул. Сползшая простыня заголила жирный живот.

– Ты не понял? Я хочу предложить Казначею дело! Для того и дал легавым себя схватить. Не спрашивай почему, но я знал, что они приготовили мне воспитательную трепку. Так что уж постарайся и сделай все, чтобы на прогулке я оказался рядом с Казначеем!

Альфа отпустил коротышку. Тот откашлялся, одернул куртку, зевнул.

– И не надейся. Я не стану морочить голову *самому* из-за твоих бредней.

Альфа захотелось вцепиться соседу в глотку. Сжать покрепче, чтобы круглая рожа побагровела. Этот болван пообещает все что угодно, а потом улучит момент и нанесет удар в спину. О, разумеется, не сам — наймет шестерку... Ладно, проявим дипломатичность.

– Слушай, хитрован, я предложу Казначею сделку века. Если не сведешь нас и все провалится по твоей вине, он узнает, и мало тебе не покажется. Знаешь, что случилось с генералами, которые не осмелились разбудить Гитлера, когда американцы высаживались в Нормандии? Он приказал их расстрелять! Сто восемнадцать человек. А может, не расстрелять, а отрубить головы – историки не уверены.

Доморощенный «Де Вито» не впечатлился.

– Никогда ничего ни о каком Гитлере не слышал. И о наркоте, которую янки ввозят через Нормандию, тоже.

Альфа попался самый тупой заключенный тюрьмы!

Он положил руки жирному соседу на плечи, вздохнул и попробовал иначе:

– Ну вот скажи, какую крупную ставку ты можешь сделать? Год назад в Японии один инженер послал «Сони» план новой игры «Покемон Гоу».

Секретарь потерял папку, и изобретатель обратился в «Нинтендо». «Сони» потеряла триста миллиардов, сто сотрудников сделали харакири.

Судя по всему, покемоны показались французскому арестанту страшнее эсэсовцев. Он медленно высвободился из цепких объятий Альфа и сказал:

– Ты меня достал, парень! Черт с тобой, это не мои проблемы. Ты поговоришь с Казначеем. А теперь – спать. Подоткнешь мне простынку, поцелуешь в лобик, как папочка, и вернешься на свою койку.

37

00:25

– Алло, это вы, патрон? Не спите? – изумился Жюло.

В телефоне раздался недовольный голос Петара:

- Представь себе, я тоже беру работу на дом! Пришлось покинуть супружеское ложе и искать ответ на вопрос, который не дает мне покоя.
 - Один-единственный? Вам везет!
- Не шути, малыш. Только не после полуночи. Тем более что сам же и вверг меня в сомнения.
- Я или мой профессор, который завтра утром прочтет нам лекцию о каури в мечети?
- Ни то ни другое. Дело в семье Мааль. Я, как и ты, не очень-то верю в совпадения. Бэмби + *Bambi13* на одной поляне это перебор!

Жюло вспомнил разговор, состоявшийся сразу после задержания Альфа́ Мааля. *Ватві13*. Бэмби Мааль. Майор наконец-то отреагировал.

- Простите, что лишил вас сна.
- Ничего, завтра отосплюсь. Торопиться на работу не буду, а то Надеж разозлится. Ты не первый, кому я звоню. Надеялся разобраться и за четверть часа растормошил приятелей-компьютерщиков, но они не нашли в интернете следов Бэмби Мааль. Ни одной фотографии.
 - Знаю, я тоже все обшарил, патрон.

Жюло прикусил язык, но Петар промолчал, и лейтенант представил, как начальник чешет затылок или толстый живот под пижамной курткой, а то и промежность – если штанов на нем нет.

– Ну и какие мысли, гений? – лениво процедил Велика.

Жюло ответил через секунду, как будто предчувствовал вопрос:

– Расспросим завтра ее мать. В деле есть адрес Лейли. Вызовем к нам, попросим захватить альбом с семейными фотографиями.

- Ты что, досье не читал? удивился майор. Или невнимательно читал?
 - А в чем дело?
 - Не заметил неувязочки?
- Все преодолимо, патрон! Мы представители министерства внутренних дел, так? У нас длинные руки... Решение всегда есть, и не одно!
- Легко сказать... Придется повозиться. Нужен точный план... Думаешь, я сумею убедить Центральное управление судебной полиции?
- У вас вся ночь на обдумывание найдете аргументы. Я в вас верю, шеф.

Голос Велики в трубке стал глуше – он представил грозящие ему заморочки и неприятности.

- Ну... Тезки Бэмби и *Bambi13* или нет, погоды не делает. Боюсь, придется обойтись без личной встречи с Лейли Мааль. Чтобы убедить управление, потребуется еще одно, а то и два убийства.
- Ясное дело, шеф, но ведь бригадир Талеб сторожит у входа в «Ред Корнер», так?
 - Так, черт возьми!

38

00:47

Жан-Лу никогда не бывал в отеле «Ред Корнер», но был наслышан о нем. В такси, по дороге в отель, он подумал: «Нелепо устраивать любовное гнездышко посреди торгового центра, между магазинами садового инвентаря, "Сделай сам" и супермаркетом! Рядом только окружная дорога, сплошь заасфальтированные автостоянки и череда красных огней, напоминающих восходящие солнца...»

И все-таки он последовал за Фалиной. Держась за руки, они молча пересекли пустой холл с автомат-баром, поднялись по тускло освещенный лестнице. Жан-Лу оплатил кредиткой в банкомате номер «Караван-сарай» и пропустил девушку вперед.

Время остановилось.

Их встретила тихая берберская мелодия. Густой соломенно-желтый ковер напоминал зыбучие пески. В комнате не было ни стен, ни потолка, она представляла собой просторную палатку караванщика. Полотняные полы с золотыми подхватами были откинуты, перед ними горели факелы.

Искусная игра зеркал до бесконечности множила ковры и шелковые занавески, а сквозь фальшотверстия проглядывали звездное небо, дюны и оазис.

Декорация к «Тысяче и одной ночи».

Тысяча ночей для фантазий. И всего одна, чтобы воплотить их в реальность.

В узком шкафу хранились одежда и аксессуары для клиентов. Платья, накидки, маски, тюрбаны, пояса, веера. Жан-Лу лег на подушки – ему не хотелось наряжаться восточным принцем. Фалина не настаивала, но всетаки решила поиграть: закрылась на несколько минут в ванной и вышла... закутанная-замотанная с головы до пят. Длинный лиловый с пурпурно-золотыми проблесками тюрбан почти закрывал лицо девушки, видны были только черные глаза и кармин губ. Шея, плечи, грудь и талия прятались под тканью, а концы ее, заканчиваясь у лодыжек, напоминали хвост сирены.

Мумия принцессы. Ждущая, чтобы ее вернули к жизни.

Жан-Лу зажмурился, желая убедиться, что это не сон. Мысли разбегались, он больше ничего не контролировал. Выходя из «Бликов», он клялся себе, что вечер закончится поцелуем. Нежным прощальным поцелуем. Язык и руки не послушались голоса рассудка, а Фалина не воспротивилась. Простое «нет» прогнало бы змея-искусителя, окопавшегося в мозгу и нашептывавшего: «Узнай, каковы на вкус эти свежие губы, ощути в ладонях тяжесть ее грудей, проникни во влажное лоно...»

Он мог бы остановиться.

Мумия приближалась мелкими шажками, покачиваясь, как кегля в боулинге.

Жан-Лу проклинал себя. Проклинал мужскую слабость. Проклинал мерзавца Всевышнего и весь сонм его ангелов-инженеров-творцов. Ну почему мы перестаем думать головой при виде аппетитной бабенки и моментально забываем моральные табу?!

Естественно, поцелуем дело не ограничилось. Он позвал Фалину к себе в номер в «Рэдиссон Блю», но она ответила, что есть другая идея. Получше.

Правой, свободной, рукой Фалина стянула с головы тюрбан, волосы дождем заструились по плечам и спине, а из-под шелка медленно возникали подбородок, затылок, плечи...

– Покрути меня, – шепнула она.

Жан-Лу ухватился за край тюрбана, поняв ее замысел. Он будет тянуть за лиловую накидку, красавица завертится, как юла, и обнажится. Однако

действие пошло по иному сценарию. Фалина решила добавить игре остроты и привязала руку любовника к одному из шестов, поддерживающих палатку.

– Теперь мы оба связаны.

Она выпрямилась и обернулась вертящимся дервишем. Темп восточной музыки ускорился. «Плейлист, – подумал Жан-Лу. – Ритм запрограммирован на движения любовников...» Голова кружилась все сильнее...

«Бландина ничего не узнает, не узнает, не узнает...» – билась в голове мысль, а пальцы цеплялись за ткань, как за веревку бездонного колодца, в котором он тонул.

Приоткрылась верхняя часть груди. Каждый сантиметр, отвоеванный Жаном-Лу, высвобождал восхитительные холмики, и он, едва дыша от волнения, смотрел, как они распрямляются.

«Бландина ничего не узнает...»

Наполовину обнажившийся живот девушки — плоская темная равнина со впадиной пупка — придвинулся к Жану-Лу.

– Держишь меня ты, но и сам ускользнуть не сможешь.

Она привязала левое запястье любовника ко второму шесту палатки.

– Продолжай, мой маленький принц, я хочу потанцевать еще.

И Жан-Лу продолжил — кончиками пальцев, с трудом, неуклюже. Фалина расчетливо медленно кружилась под скрипичное крещендо, и лиловый шелк, на мгновение задержавшись на талии, достиг линии лобка, расстался с округлостью ягодиц.

Жан-Лу никогда еще так не возбуждался и все-таки не мог справиться с чувством вины.

Бландина узнает. Бландина догадается.

Нечистая совесть не отстанет, даже когда он займется любовью с этой потрясающей девушкой. Безупречный двойник отделится от тела жены и явится ему в виде голограммы, демонстрируя ее, любящую и одинокую в супружеской постели или баюкающую Жонатана. Наваждение испортит все удовольствие, и остаток дней он не сможет любить Бландину, не вспоминая волшебную ночь с Фалиной.

Девушка чуть отодвинулась, и ткань натянулась.

Жан-Лу заставлял себя думать, что случится обратное: бархатная подушка задавит угрызения совести, завтра он проснется в безмятежном настроении и забудет эту продажную девку. Позвонит Бландине и Жонатану, небо над головой прояснится, и эта ночь останется прекраснейшим деревом его тайного сада.

В это мгновение полог палатки упал, и несколько секунд Жан-Лу видел лишь свет факелов, тень – или тени? – потом пламя погасло.

Наступила полная темнота.

– Фалина? Фалина? Ты здесь?

Нет ответа. Новая игра? Западня? Его решили подловить? Будут снимать на камеру, фотографировать? Хотят шантажировать, чтобы разрушить семью? Кто? Зачем? В этом нет никакого смысла.

– Фалина! Фалина!

Он дернулся, но запястья были привязаны крепко.

Кто мог на него ополчиться? Он никогда не обманывал Бландину. Во всяком случае, в последние двадцать лет, после ухода из «Вогельзуг» и рождения Жонатана. До этого, отбывая на другой, далекий берег Средиземного моря, он встречался с проститутками.

Жан-Лу судорожно дернул шелковые кандалы.

Я думала, Жан-Лу поможет мне.

Он знал – понял, что я ношу ребенка.

Он сомневался. Неужели готов был взять на себя ответственность? Полюбить нас? Хотя бы из жалости?

Несколько недель я верила, а потом его жена — настоящая жена — забеременела. Неполноценным ребенком.

И он поступил, как другие, даже еще трусливее – бросил меня. Нас. Меня и моего ребенка.

Жан-Лу не знал, сколько прошло времени. Он различил скользившую в темноте тень, ночное создание, кошку, летучую мышь. Сумел слегка ослабить узлы. Напрягся в ожидании.

Тень подобралась совсем близко.

Уколола его в предплечье.

Неожиданно. Резко. Жан-Лу, не размышляя, отчаянно рванулся и вслепую укусил руку, вогнавшую иглу ему в вену.

Раздался вопль, Жан-Лу закричал в ответ, рука выдернула шприц, и тень отпрянула. Раздался звон бьющегося стекла, и Жан-Лу вспомнил подаренную девушке подвеску.

Фалина?

Он припомнил последние образы, которые глаза запечатлели через полотно палатки, прежде чем погасли факелы. Ему почудились две тени, но это мог быть оптический обман. Напала на него Фалина, кто же еще? Разум отказывался верить. Наверное, в номер проник неизвестный. Ревнивый любовник. Ударил Фалину, потом взялся за него.

Жан-Лу ждал, считая секунды. По его прикидкам, прошло минут

шесть. Привкус крови во рту почти исчез.

И вдруг он почувствовал боль сначала в правом, потом в левом запястье, по рукам потекли теплые струйки.

Убийца приблизился совершенно бесшумно. Ночной призрак с острым ножом или опасной бритвой перерезал ему вены.

– Фалина? Умоляю тебя, Фалина...

Никто не ответил. Через несколько минут дверь номера «Каравансарай» открылась и тихо захлопнулась.

Все кончено.

Он умрет здесь.

Некоторые раскаявшиеся любовники признаются на смертном одре, что вели двойную, даже тройную жизнь, полную лжи, и никогда не попадались. Его обрекли на смерть за первую же ошибку. Ирония судьбы.

Рано утром его найдут в этой комнате. Горничная. Или следующая пара клиентов. Обнаружат в кармане мобильник, сообщат Бландине, она не поверит – ни в смерть, ни в предательство.

Полицейские обыщут номер в «Рэдиссон Блю», перетряхнут вещи в чемодане. Найдут самолетик, макет АЗ80, отдадут его Бландине, а она подарит игрушку Жонатану и скажет, что папа улетел на небо.

Сын грустить не станет. При виде самолетика его лицо осветится невинной улыбкой, он подумает: «Папа хороший, всегда привозит мне подарки...» – и побежит в сад, вскинув руку с самолетиком, изображая шум мотора и глядя вверх, чтобы найти отца и сказать спасибо.

А потом – очень скоро – забудет его.

07:03

Казначей был похож на знаменитого актера Бена Кингсли.

Вытянутый лысый череп. Маленькие круглые очки. Улыбка все-зубынавыпуск. И морщины на лбу, тонкие, как строчки в гроссбухе. Альфа, кстати, казалось, что все заключенные напоминают американских актеров. Он видел, как Брюс Уиллис выходил из сортира, старик Де Ниро говорил сам с собой на прогулке во дворе, а Роберт Дауни-младший и Хью Джекман отжимались.

Бен-Казначей подошел к Альфа́ сам – у стены, где не было ветра. Произнес два слова, глядя в сторону:

– Слушаю тебя.

Альфа́ выдохнул, взвесил в уме слова. Он знал, что Казначей по собственной воле сел в каталажку — на несколько лет! Внутри всегда необходим человек, чтобы «вести дела», ведь посылают же транснациональные компании своих эмиссаров в дебри Маньчжурии или в Арли^[84], что в самом сердце Сахары. Некоторые, в том числе Казначей, соглашаются: работа временная, и платят хорошо. Альфа́ коротко изложил свой план, назвал пароль доступа к папке в облаке «Дропбокс».

– Там все детали, финансовый план, контакты, сроки платежей. Все подготовлено и предусмотрено...

Потом Альфа заговорил о прибылях: «Колоссальные, если будем действовать быстро!»

В противоположность «Де Вито» Бен-Казначей сразу проявил интерес, одарил собеседника банкирской улыбкой, руку, правда, не пожал.

– Я передам. Тему изучат.

Альфа решил поддать жару.

– Пусть не канителятся. Лодка сейчас свободна, но это ненадолго, – сказал он и тут же пожалел, что не сдержался.

Казначей постарался оставить последнее слово за собой:

– Мы не имеем привычки канителиться. Информация распространяется быстро. Сведения уже ушли. Все решится сегодня утром.

07:04

Спасибо.

Простое, произнесенное шепотом, на выдохе, слово звучало в подсознании Журдена Блан-Мартена. В семь утра он включил компьютер и увидел на экране не привычную заставку – яхта «Марите» в открытом море у полуострова рядом с Пор-де-Буком, – а лицо матери. Потребовалось несколько секунд, прежде чем он вспомнил, что пару месяцев назад сам поставил «напоминалку».

Ровно десять лет назад мать упокоилась у него на руках в Соссэ-ле-Пен, в большом доме на улице Синего Берега с видом на Фриульские острова. Умерла спокойно. Угасла, как звездочка, что по утрам уступает место солнечному свету. Счастливая как никогда.

Спасибо, прошептала она и навсегда закрыла глаза.

Спасибо, Жорди.

«Два последних слова моей матери», – подумал Блан-Мартен. В тот день его последний раз назвали настоящим именем.

Жорди.

После ухода матери все вокруг зовут его только Журденом. Шестьсот служащих, пятнадцать членов административного совета, трое сыновей и жена.

Блан-Мартен третий раз отправил инструкцию секретарше. Не забыть послать венок на кладбище Сен-Рош и еще один – к одиннадцатичасовой мессе в церкви Сен-Сезер.

У него почти не осталось воспоминаний о годах, проведенных в юности с матерью. Несколько образов да гул голосов манифестантов: она брала маленького Жорди на Ла Канебьер [85], где проходили митинги, и он шагал под знаменем Всеобщей конфедерации труда. Аннетт Блан была активисткой, бойцом, пассионарией, ее нес по жизни мистраль социального протеста. Она была «красной»! Настолько же красной, насколько бесцветным оставался отец Жорди — Бернар Мартен. Нейтральный. Аполитичный. Абстенционист [86]. Он никого не агитировал и отказался от борьбы после закрытия доков Пор-де-Бука. Мальчик рос между морем и домами Эг Дус, учился в школе Виктора Гюго, потом в коллеже Фредерика Мистраля [87]. На встречи преподавателей с родителями ходила только мать. Во время ожесточенных перепалок на этих собраниях о ее сыне разговор не заходил. Жорди? Какой Жорди? Жорди Мартен? Погодите... Ну что же,

отметки неплохие... Как звучит голос мальчика, учитель вряд ли помнил.

Несколько долгих секунд Журден смотрел на портрет матери, потом открыл текстовый файл. На вилле «Ла Лавера» царила тишина. У него есть немного времени до завтрака. Если собраться, можно набросать завтрашнюю речь на открытии симпозиума «Фронтекса» во дворце Фаро. В борьбе за девственно чистую репутацию Европейское агентство выбрало рискованную стратегию – доверить открытие ассоциациям.

Карт-бланш.

Блан-Мартен их не разочарует.

Набирать текст он начал не сразу — отвлекся сначала на бассейн, потом на тиковую террасу и вид на порт. Журдену нравилось сравнивать рейд Пор-де-Бука с челюстью хищника. С высоты виллы иллюзия была ошеломляющая: край изогнутого мола образовывал идеальный клык, а доки причалов, пристани к северу и нефтеналивные танкеры на юге вдавались в море на манер острых резцов. Утром поднялся ветер. Журден остался сидеть, борясь с желанием пойти и проверить, прочно ли пришвартованы «Эскайон», «Марибор» и другие суда в порту.

Ладно, пора заняться делом.

Его вступительное слово будет классическим, примиряющим и основанным на консенсусе. Речь порадует местные организации и успокоит зарубежных гостей. Журден напомнит им эпизод лета 1947-го. Четыре с половиной тысячи еврейских беженцев-нелегалов, чудом переживших Холокост и плывших в Палестину на судне «Исход-1947», были принудительно депортированы назад во Францию. Они провели три недели в нечеловеческих условиях на английских транспортных корабляхтюрьмах, пришвартованных в Пор-де-Буке, в железных каютах без окон и элементарного проветривания. Ситуация скандализировала общественность, мировая пресса описывала события на первых полосах.

Нет, Блан-Мартен не будет педалировать эту страницу истории. Он сделает упор на чувстве солидарности, которую стихийно проявили жители Пор-де-Бука. Его мать была среди самых активных, тех, кого не интересовало, по какой причине власти двух стран затягивают решение проблемы. Возможно, Блан-Мартен основал «Вогельзуг» именно в Пор-де-Буке в память о событии, потрясшем коллективную память. Он сделает упор на чуть наивных моральных постулатах — политики, доверяющие опросам общественного мнения, это оценят. Часто, скажет он, мужчины и женщины заявляют о нежелании пускать на «свою» территорию мигрантов и беженцев, но — вспомните рядовой героизм обитателей Пор-де-Бука! — первыми приходят на помощь чужакам, потерявшим надежду вблизи Земли

обетованной. Показной расизм напоминает броню против собственного великодушия. Да, урок человечности для начала будет очень кстати. В восторг придут все — от мэра Пор-де-Бука до турецких, киприотских и венгерских делегатов.

Журден перечитал написанное, улыбнулся, поморщился на слове «расизм». Нужно найти другое, точнее выражающее страх перед беженцами. Ему было трудно сконцентрироваться. Годовщина смерти матери навевала мысли о прошлом.

Жорди Мартен.

В сентябре 1971-го он записался на факультет права в Экс-Марсель. На первой лекции по конституционному праву среди двухсот студентов не оказалось ни одного парня, ни одной девушки из Пор-де-Бука. Судя по всему, однокурсники Жорди были обитателями богатых кварталов и шикарных коммун Экса или Южного Марселя. Он тогда подумал, что имя и происхождение никогда не позволят ему войти в число пятнадцати счастливчиков, которые через пять лет получат степень магистра международного права и пройдут конкурс на замещение должностей сотрудников старшего звена. Когда профессор объявил набор на практические занятия, первокурсник Мартен вписал только имя, причем неразборчивым почерком.

Жорди превратился в Журдена.

В том же списке он соединил фамилии родителей (они никогда не были женаты), Анны Блан и Бернара Мартена, и – вот ведь странность! – два банальных патронима обеспечили ему династическо-дворянскую фамилию.

С того дня он для всех стал Журденом Блан-Мартеном.

Больше всего его интересовали права детей, права жертв войн и конфликтов, природных катастроф и людей без документов. Журден быстро убедил себя, что сумеет разбогатеть, специализируясь на нищете, и несколько лет спустя основал свою ассоциацию.

Блан-Мартен бросил последний взгляд на воображаемую точку в море и вернулся к ноутбуку. Выслушав чопорно-пафосное вступление, гости «Фронтекса» решат, что докладчик обрушится на проводников, упомянет десятки миллиардов, которые приносит новая работорговля, «всплакнет» над тысячами утонувших в Средиземном море.

Нет, эту старую песню он не затянет! В папках делегатов лежат таблицы с осточертевшими цифрами. Евросоюз по какой-то непонятной причине наделил «Фронтекс» привилегией — взвешивать миграционные проблемы и... решать их. Иначе говоря, агентство определяло уровень

риска, от которого зависел бюджет. Раз в десять лет его увеличивали в семь раз, чтобы закупить несколько дополнительных самолетов и вертолетов. Он поостережется от лобовой атаки на «Фронтекс»: в зале будут сидеть десятки активистов, найдется кому разоблачить полувоенный дрейф и узурпаторско-приватизаторскую тенденцию. А он в приветственной речи процитирует Стефана Цвейга – это произведет должное впечатление.

«Возможно, ничто не делает более наглядным чудовищный шаг назад, пережитый миром с начала Первой мировой войны, чем ограничения свободы передвижения. До 1914 года земля принадлежала всем. Каждый отправлялся куда хотел и жил так долго, как ему вздумается».

Потом он напомнит, что человечество всегда было беспаспортным. Клочок бумаги придумали, когда началась Великая война, пообещав отказаться от документа, как только будет восстановлен мир. «Клятву» долго обсуждали: в 1930-е — в Лиге Наций, в 1950-е — в ООН, а в 1960-е благополучно и окончательно похоронили. Свободное перемещение людей по планете, это фундаментальное историческое тысячелетнее право, всего пятьдесят лет назад превратилось в утопию, в которую не верят даже самые отчаянные идеалисты.

Увесистая оплеуха устоявшимся взглядам! Он забьет гвоздь, уточнив, что мигранты много лет составляют 3 % от численности населения планеты, то есть в три раза меньше, чем в XIX веке. Парадокс для глобализированного общества, где все происходит намного быстрее и заходит глубже, чем в прошлые столетия: деньги, информация, энергия, культура. Все. Все, кроме людей. Кроме большинства людей. Демократии теперь возводят стены. После 11 сентября 2001 года это стало всеобщим поветрием, заразой. Стены не ограждают, они фильтруют. Сортируют, просеивают людей через сито, делят на угодных и неугодных. Самая военизированная, дорогая и смертельно опасная граница проходит между США и Мексикой, и все-таки каждый год из Тихуаны в Сан-Диего приезжают десятки миллионов автомобилей.

Журден перечитал текст и остался доволен. Этим утром он был настроен... лирично и даже спросил себя, не пойти ли дальше, предложив просто взять и отменить все границы. Нет границ — нет и нелегалов. Проблема решена! Надобность во «Фронтексе» отпала. Падение Берлинской стены и создание Шенгенской зоны подтвердили непреложную истину: чем больше у людей свободы передвижения, тем реже они снимаются с места.

Блан-Мартен поднял глаза. Он один мог позволить себе зайти так далеко. Основав «Вогельзуг», Журден построил свою империю – столь же

«двусмысленную», как «Фронтекс». Сотни его служащих, административный совет и семья жили – и очень хорошо жили! – за счет нелегальной миграции.

На горизонте, за мысом Карро, виднелись бухты Синего Берега и лесистые холмы, приютившие хутор Соссэ-ле-Пен. Блан-Мартен подарил его родителям в 1995 году.

Особняк на скальном карнизе, где одна только ванная превосходила размерами их квартиру в Эг Дус. Мать с трудом согласилась на подобную роскошь и плохо к ней привыкала, но малыш Жорди так гордился своим подарком... Отказ был бы равносилен неприятию успеха ее дорогого мальчика. После смерти мужа (с ним случился обширный инфаркт, когда он рыбачил с понтона) женщина девять лет жила в доме одна.

Когда не стало родителей, исчез и мальчик Жорди.

Начал с нуля и забрался на самый верх.

Блан-Мартен скользнул взглядом по домам квартала Эг Дус, они стояли лицом к морю, но были отделены от остального города лабиринтом тупиков.

Дети никогда не узнают, каким был путь отца в высшее общество, хотя через несколько месяцев — или лет? — Жоффруа станет председателем ассоциации «Вогельзуг».

Журден выпрямился и, не вставая со стула, прикинул высоту ограды, защищавшей виллу, и забора вокруг сада. Точно так же были обустроены владения его сыновей в Эгийе, Кабриесе и Кэрри-ле-Руэ. Они родились «наверху». Там и забаррикадировались на всю оставшуюся жизнь.

Журден посмотрел на часы. У него есть полчаса на уточнение некоторых моментов. Разминирование спорных сюжетов. Дестабилизирует или нет французское общество появление нескольких сотен тысяч беженцев? Четыре миллиона ливанцев приняли на крошечной территории своей страны, населенной в шесть раз плотнее Франции, полтора миллиона сирийцев. И что же? Рухнула финансовая система? Все экономисты сходятся во мнении, что приток иностранных рабочих дал экономике шанс подняться. Хорошо обученные, опытные, не достигшие пенсионного возраста люди принесли дохода больше, чем сами стоили государству.

Журден Блан-Мартен готовился свернуть шею очередной фальшивой истине, но тут зазвучало «Адажио» Барбера, и он полез в карман за телефоном.

Петар. Петар Велика.

От дурного предчувствия запершило в горле. Полицейский майор вряд ли звонил так рано, чтобы сообщить об аресте убийцы Франсуа Валиони.

Журден встал и устремил взгляд на порт Ренессанс: неутомимый мистраль атаковал яхты, и они рыскали по воде.

- Блан-Мартен?
- Он самый.
- Не стану ходить вокруг да около. Мы... У нас еще один труп. Жан-Лу Куртуа. Та же схема, что с Валиони. Привязан. Вены перерезаны. Найден в «Ред Корнер». На этот раз номер «Караван-сарай».
- Вы не приказали вашим людям наблюдать за отелем? удивился Блан-Мартен.
 - Естественно, приказал! Это может показаться невероятным, но...
- Неважно, перебил сыщика председатель, плевать хотевший на извинения Велики. Жан-Луи Куртуа около двадцати лет назад покинул «Вогельзуг». Веская причина, чтобы не вмешивать в дело мою ассоциацию. Я рассчитываю на вас, майор.

41

08:21

Петар Велика, чтобы не чувствовать себя пленником пустыни, оставил открытым окно в номере, пусть даже окружная дорога и торговая зона — не самый красивый вид. Петар вернулся под полотняный потолок, к песчаным стенам. Серж Тисран, управляющий в безупречном галстуке, напоминал колониального чиновника, которому поручили объявить бедуинам, что на их землях нашли нефть. Так что отвалите...

– Во всех отелях сети «Ред Корнер» в любой стране номера совершенно одинаковые, это так? – спросил Петар.

Тисран кивнул.

– Покажите мне все комнаты. Раз мы имеем дело с серийной убийцей, которая каждое утро оставляет нам по трупу в разных концах планеты каждый вечер в другом номере я должен понимать, куда она завтра отправится на охоту.

Он повернулся к лейтенанту. Жюло сидел на декоративной табуретке и как умненький-благоразумненький отличник ждал инструкций начальства.

– Пока я делаю обход, составь подробный отчет.

Приунывший Жюло смотрел в спину шефу и задавался риторическим вопросом: «За что?!» Петар приобнял управляющего за плечи. Со стороны могло показаться, что он беседует с агентом по недвижимости.

– Итак, Серж... В номере «Розовый лотос» на стенах висят японские

эротические эстампы и ящики заполнены *шариками гейши*? А в «Кариоке» в изобилии стринги, танга и другие бразильские трусики? Ну показывайте ваши богатства, друг мой.

Петар вернулся через полчаса, один. Подсел к лейтенанту в баре, и тот поставил перед ним стакан и бутылку воды.

– Ну, и..?

Жюло доложил сжато и точно, в режиме реального времени. Жертва, Жан-Лу Куртуа, – отец семейства, без криминальной истории; председатель ассоциации поддержки родителей детей-трисомиков. С Франсуа Валиони его связывает только «Вогельзуг»: он проработал в ассоциации около десяти лет, потом ушел в отставку.

Велика слушал молча.

– Сценарий убийства аналогичный, – продолжил лейтенант. – Судебные медики пришлют предварительный отчет утром. Мы проверяем записи с камер, пытаемся выяснить, та же это девушка или другая.

В глазах майора появился интерес. Он посмотрел на вход в «Ред Корнер», где дремал бригадир Талеб. Он всю ночь сторожил отель. Тянул пустышку. Откуда им было знать, что убийца прикончит свою жертву в номере «Караван-сарай» и попадет в гостиницу, миновав единственный (он же центральный) вход?

- Майор... Жюло повысил голос. На месте преступления обнаружены два отличия по сравнению с номером «Шахерезада». Уточнить?
 - Вперед.
- Во-первых, куски разбитого стекла на ковре, рядом с телом Куртуа. Эксперты говорят, это осколки небольшого украшения, безделушки, но форму они пока не восстановили.
 - Ладно, позвонят, когда соберут пазл. А второе отличие?
- Кровь. Жан-Лу Куртуа укусил своего палача. Палачку. В руку, если верить экспертам. Кровь обнаружена на одежде, губах и резцах жертвы. Чужая и его собственная. Мы, конечно, зашлем все, что собрали, в национальную картотеку генетических отпечатков, но лично я не надеюсь, что к загадочной девушке нас приведет ее ДНК.
 - Вот как. А на что ты рассчитываешь, хитрец?
 - На ее группу крови, которую определили за пять минут.
 - И?..
- AB. Одна из самых редких. Течет в венах четырех процентов населения планеты.
 - Гениально! Всего-то несколько миллионов подозреваемых.

Лейтенант посмотрел на часы, допил воду, взял бутылку и поднялся.

- Не хочется торопить вас, патрон, но у нас через пятнадцать минут встреча в центре Аль-Ислах, так что я не успею взять вам кофе в «Старбаксе».
- Черт. И как мне продержаться день без моего эфиопского *Kati Blend*?!

Жюло улыбнулся. Велика тащился за ним с неохотой, его явно не грела мысль о свидании со специалистом по древней Африке и раздражал тот факт, что место назначил не он. Не хватает, чтобы университетские преподаватели начали изображать перегруженных работой звезд. Они молча шли к «Рено Сафрану», и Жюло воспользовался моментом, чтобы выдать шефу последнюю информацию.

- Мы успели проверить мобильный Куртуа. Его подцепили в точности, как Валиони. Он много месяцев общался в личке на фейсбуке с предполагаемой убийцей. Инициативу проявила она.
 - Надеюсь, не под ником *Bambi13*?
 - Нет. На сей раз девица назвалась Faline95.
 - 95? Валь-д'Уаз? Не дверь в дверь с Марселем.
- A если 95 не номер департамента, а год рождения? 21 год. Все совпадает.

Петар остановился перед машиной цвета «голубой металлик».

– С чем именно? Почему ты так уверен, что *Faline95* и милая крошка *Bambi13* – одно и то же лицо?

Жюло посмотрел на начальника в упор:

- Вам известно, кто такая Фалина, майор?
- Нет... Певица?
- Лань, патрон.

Велика переспросил, как будто не расслышал, и выражение лица у него сделалось странное.

- Лань?
- В книге Зальтена^[89] Фалина кузина и подруга Бэмби.
- Дьявольщина...

Майор на секунду замер, потом вдруг кинул ключи помощнику:

– За руль, Шерлок! Начнем большую игру. Позвоню Риану, пусть объявит в розыск Бэмби Мааль, задержит у нас ее младшего братца Альфа́ и – главное – устроит нам свидание с Лейли, матерью двух ангелочков. На сей раз Центральное управление судебной полиции раскатает перед нами красную дорожку.

08:27

- Открой глаза, Тидиан!
- Незачем, дедуля.

Мальчик зажмурился, когда они проехали круглую площадь и он понял, что сумеет добраться до школы вслепую. Его мозг фиксировал все, с самого детства: звук шагов по гравию, когда идешь по дорожке через парк, пение птиц в оливах на улице Жана Жореса, запах хлеба из булочной на углу улицы Пастера. Подождать на светофоре. Услышать, как останавливаются машины. Перейти на другую сторону.

– Открой глаза, Тидиан!

Он не захотел, чтобы дед держал его ладонь в своей. Одной рукой мальчик прижимал к себе бесценный мяч, другую вытянул вперед, прощупывая темноту. Но когда Мусса положил руку ему на плечо, он не воспротивился.

– Осторожнее, милый, тротуар!

Тидиан шагнул, высоко подняв одну ногу, потом другую. Передвигаться во мраке не составляло труда: слушай внимательно – и все дела. Тидиан уже уловил крики на школьном дворе, оставалось добраться до школы по прямой улице. Дед шел рядом, готовый подхватить, не дать упасть, – так сторожат первые шаги ребенка.

Тидиану не очень-то хотелось, чтобы приятели увидели его с закрытыми глазами. Когда по его ощущениям до входа осталось несколько десятков метров, он решил «прозреть».

Победа! Перед ним дом № 12 с птичьей клеткой на балконе.

Мусса сжал запястье внука:

- Маленький негодник! Не стоило рассказывать тебе историю о солнце, ослепившем твою маму!
- Благодаря тебе, дедушка, я стану таким же сильным, как она. Буду тренироваться, научусь различать запахи как пастушья собака, видеть по ночам как кот, бегать в темноте как мышь.

Мусса поправил Тидиану воротник рубашки.

- И зачем тебе все это?
- Чтобы найти мамино сокровище. И хранить его...

Из-за стены доносились возбужденные вопли и звук ударов по мячу. Тидиану не терпелось присоединиться к ребятам, но дед не отпускал его.

– Я был таким же, как ты, малыш. В детстве. Мечтал о сокровищах.

- У твоей мамы тоже был клад? изумился Тидиан.
- Не у мамы. У деда. Его украли, отсюда все наши несчастья.

Судя по восторженным возгласам, одна из команд забила гол, и Тидиан со всех ног побежал ко входу. Разумеется, с открытыми глазами. Обернулся и крикнул:

– Расскажешь сегодня вечером!

43

09:17

Нура стояла перед Рубеном в позе классической субретки, уперев кулаки в бока.

– Ты удвоишь мне жалованье?

Управляющий отелем «Ибис» с изумлением уставился на молодую африканку. Она явилась в девять утра, как и предупреждала, выглядела усталой, помятой, посуетилась четверть часа и вернулась к стойке в образе фурии.

– Божественная моя, что-то не так?

Нура была странным созданием. Функционировала как робот на батарейках. По ночам пела и танцевала, к вящему удовольствию тайных постояльцев, а днем бродила по коридорам и номерам, надев наушники, и напоминала бытовой электроприбор на подзарядке. Этим утром наушники висели на шее.

– Конечно, не так, Рубен! Теоретически мы тут убираемся вдвоем!

Удивительное существо! Завистлива, все время ноет, жалуется, что в «Ибисе» слишком много работы, а теперь, когда он нанял Лейли, злится. Еще меньше ей понравилось, что новенькая опытнее, энергичнее, шустрее и вообще все делает отлично. Кроме того, Лейли оказалась хорошенькой и очень веселой, такие, как она, способны растопить мужское сердце без малейших усилий. Солнечная женщина.

- Сладкая моя, Лейли на посту с шести утра. Добиралась на своих двоих автобусы еще не ходили, так что дорога заняла целый час и между прочим успела отвести сына к родителям. Она...
- Меня чужая личная жизнь не интересует. Работаешь, так работай, и точка!

Нура судорожно вздохнула, снова надела наушники (могло показаться, что мозг получил сигнал: батарея разряжена!) и удалилась, держа швабру наперевес.

Лейли сидела на кровати в номере 23 и плакала. На полу у ее ног кучей валялись простыни и белые полотенца, как будто она использовала их вместо бумажных носовых платков. Рубен не успел задать вопрос — Лейли заговорила первой:

- Меня вызывают в комиссариат Пор-де-Бука. Сегодня. К четырем.
- Зачем?
- Теперь из-за Бэмби. Они... Они ее ищут...
- А что с Альфа́?
- Он прислал сообщение. Его отпустили. Сегодня рано утром. Раньше, чем должны были по правилам.
 - Ваша дочь... Бэмби. Где она?

Глаза женщины снова наполнились слезами. Они текли по щекам, падали крупными каплями на синий пластиковый фартук и разбивались, как стеклянные горошины. Рубен решил не настаивать. Сказал только:

– Если у девочки проблемы, я могу помочь.

Лейли показывала ему фотографии детей. Бэмби была такой же красавицей, как Нура. Тоненькая, стройная, изгибы бедер созданы для танца, шея длинная, волосы медно-рыжие, губы чувственные и бархатистые, словно персик.

Рубен сел рядом с Лейли:

– У нас есть шесть часов... хотите кофе?

Она кивнула.

– Индонезийский, с острова Хальмахера^[90]. Борцы за независимость подарили мне целых три тележки за то, что я тридцать шесть месяцев укрывал их лидера Йохана Тетериссу^[91]. Этого инсургента искали все секретные службы Джакарты.

Лейли улыбнулась, и Рубен отправился в свой кабинет за обещанным молуккским нектаром, обернулся в дверях и постановил:

– Когда вернусь, вы все мне расскажете. Ваша жизнь гораздо интереснее моей.

Лейли промолчала, не уверенная в его правоте. Рубен поймал ее взгляд и сказал с оттенком меланхолии в голосе:

– Вы хотя бы ничего не выдумываете.

История Лейли

Я сошла на берег Танжера в сентябре 1994-го. Надия связала меня с *Caritas Maroc*, ассоциацией помощи беременным женщинам. Многие эмигрантки из стран Южной Сахары зачинали еще до отплытия в Европу. Большинство – в результате изнасилования, другие намеренно занимались

сексом во время овуляции, чтобы на девять месяцев уберечься от посягательств. Было еще одно преимущество: когда власти Марокко или Алжира ликвидировали гетто нелегалов, заботу о женщинах брали на себя социальные службы, и они избегали обысков, побоев и нового насилия в приграничных тюрьмах. Лист ожидания в *Caritas Maroc* для будущих матерей-одиночек был очень длинным, но слепые и ампутанты имели приоритет.

Я рассказала свою историю, опустив одну «маленькую» деталь о содержимом адидасовской сумки, с которой не расставалась. Там лежали деньги, много денег, мои деньги. Но не только. Об остальной части добычи, принадлежавшей Адилю, не узнает никто, даже вы. Скажу одно: я не могла это ни потратить, ни выбросить. Так-то вот, Рубен. На любом сокровище лежит проклятие.

Я как заведенная твердила медсестрам, что хочу сделать операцию. Пересадку роговицы. Объясняла: моя семья экономила и собрала деньги. Думаю, люди из *Caritas* кое-что проверили, и я узнала, что Адиль Заири не был ни прекрасным принцем, ни идеальным возлюбленным. Его хорошо знали в эмигрантских кругах: он вел двойную игру в своей ассоциации помощи беженцам, переправлял нелегалов и наживался на них. Все девушки, попадавшие в его сети, становились проститутками, а потом отверженными, но ни одна не прожила с этим сутенером дольше меня. Возможно, он и правда любил свою Лейли сильнее остальных? Или все дело в том, что я столько времени не понимала очевидных вещей? Никто не знал, что случилось с Адилем. Выжил он или подельники утопили его труп в гавани Суса?

Я судьбой Адиля не интересовалась. У меня была одна-единственная навязчивая идея — прозреть до родов. Увидеть, как появится на свет мой ребенок. Я умоляла хирурга — у него был визгливый, как у шпица, фальцет и высокомерный тон, — плакала, ругалась, но он переубедил меня одной фразой:

– Это слишком опасно для ребенка.

Офтальмолог рассказал об анестезии, риске выкидыша, инфекции, кровотечении.

Я запомнила одно.

Это слишком опасно для ребенка.

Я родила 27 марта 1995 года в клинике «Бу-Регрег» в Рабате. Доктор Роке согласился прооперировать мои глаза через четыре недели, тоже в Рабате. Вся процедура заняла чуть больше часа, по сорок минут на каждый глаз. Не представляете, как я орала на врача, когда все прошло! Никакого

общего наркоза, меньше недели в больнице. 90 000 дирхамов за два движения скальпелем!

А он утверждал, что это слишком опасно для ребенка.

Я ужасно злилась на доктора Роке. С первого дня девочка спала в кроватке рядом со мной, а я не знала, как она выглядит. Давала ей грудь, переодевала, купала, целовала, умирала от счастья, вдыхая запах нежной кожи, но... понятия не имела, какого она цвета.

И все-таки хирург был прав, я осознала это, открыв глаза после операции и увидев Бэмби.

Бэмби, мое сокровище, мою красавицу, мое чудо. Мою любимую дочь.

Я запомнила ее лицо с первой секунды и на всю оставшуюся жизнь.

Прошло несколько недель, и я вернулась в Сегу и поселилась рядом с родителями, кузенами и прежними соседями. Часть оставшихся денег пошла на покупку домика у реки.

Бэмби подрастала. Бэмби, нежный цветок Африки. Светлая кожа метиски делала ее более хрупкой, чем другие дети. Девочке словно недоставало эбеновой брони. Она брезговала речной водой цвета охры, огорчалась, если на платьице попадала глина, и ужасно боялась верблюдов. Полная противоположность мальчишке-сорванцу, каким была в детстве я.

А вот школу Бэмби полюбила сразу. В единственный класс набивались пятьдесят учеников, и старенькая учительница, лучше говорившая на бамбара, чем по-французски, давала им по утрам уроки. Другой школы на расстоянии тридцати километров не было. У меня появилась и созрела безумная идея.

Уехать снова. Добраться до Европы. Устроиться. И вызвать к себе дочь.

Я была знакома со Старым Светом – в Марсале, Марселе, Алмерии, – правда, ничего не увидела с противоположного берега Средиземного моря. В Сегу приходили письма и немного денег от кузин, устроившихся в Монтрёе, восточном пригороде Парижа. Я их почти не помнила, хотя в детстве играла с этими простушками. Они писали, что работают в мэрии, зарабатывают много тысяч франков в месяц (мне даже не хотелось считать, сколько это будет в африканских франках!), ходят с членами семьи в библиотеку и в кино.

Если преуспели тупицы Нало и Бинету, если они обеспечили лучшее будущее своим детям, так почему бы не попытаться и мне? Я добралась до Европы один раз, когда была слепа, доберусь и второй — зрячая! Денег хватит, можно оставить Бэмби с родителями и через несколько недель быть на месте. Найду работу, обустроюсь и заберу дочь. Во Франции у нее

появится шанс. Моя детка — слишком хрупкое создание, чтобы расти в пустыне. Здесь она превратится в кактус, а во Франции будет розой, ирисом, орхидеей.

Чем дольше я думала о переезде, тем очевиднее выглядело решение.

Я должна попытаться — ради малышки. Остаться — значит обречь ее на горькую судьбу, что непростительно. Возможно, мои рассуждения кажутся нелепыми, но вы много путешествовали и наверняка знаете, что тысячи и тысячи мам в мире, в Африке и других местах, не смиряются, а идут на ту же жертву, что и я. Оставляют своих детей, чтобы дать им шанс на лучшую жизнь. Другую жизнь. Дать жизнь второй раз.

Путешествие стоило три тысячи франков. Отправление из Томбукту. Переход через Сахару в Надор, ожидание в лагере в лесу Гуругу, на горе с видом на Мелилью, автономный город-порт, город-крепость, город-анклав Испании в Марокко у Средиземного моря. В то время высокие заборы еще не были построены и испанских военных было меньше. Во всяком случае, так уверяли проводники. Сеута и Гибралтар были закрыты, но через Мелилью доступ оставался [92]. Добрался – попал в Европу – спасен.

Не поверите, Рубен, родители даже не попытались меня отговорить. Они понимали, что я собираюсь рискнуть ради всех нас. Ради денег, которые смогу посылать из Франции. Ради того, чтобы в один прекрасный день забрать их к себе.

Я бы хотела избавить вас от деталей путешествия через пустыню, Рубен, уж слишком тяжелые это воспоминания. Четыре тысячи километров на «буханках», машинах, заменяющих дромадеров, по двенадцать человек под брезентовым навесом, ночью при нуле градусов, днем — при жаре в пятьдесят. Несколько глотков воды в день, поиски зарытых в песок канистр с бензином, бесконечное ожидание в Гао, у ворот пустыни, потом отправление в Кидаль. Машина то и дело ломается, и до Адрара-Ифораса приходится идти пешком, оставляя товарищей, если они заболевают малярией или страдают диареей. В путь нас отправилось тридцать пять, до Тинзаутена в Алжире добралось девятнадцать.

Тинза — республика нелегалов, пограничный город, где собираются мигранты из стран Западной Сахары. Прибывающие сталкиваются с высылаемыми, которых сотнями отлавливает алжирская полиция. Ждешь много дней между машинами, снова платишь — другим проводникам, прячешься от военных, патрулирующих на вертолетах. Бежишь в Таманрассет, столицу пустыни, там ночуешь несколько ночей под брезентовым навесом, меняешь машину на еще более дряхлую, зато с

алжирскими номерами. Торгуешься на каждом пропускном пункте, чтобы выбраться из города, платишь, пока встречаются патрули. Потом следуешь по пустыне на север, две тысячи километров без остановки, не ешь, не пьешь, только облегчаешься, водители меняются несколько раз за сутки. Еще четыре дня чистого ужаса, выживают сильнейшие, Рубен, только сильнейшие. Ах, если бы французы могли понять... Четыре дня пытки, спина разламывается, шея не держит голову, ветер, будь он благословен, уносит прочь вонь немытых тел, мочи и желчи. И вот наконец Ужда у ворот Марокко.

Здесь ожидание длится еще дольше, чем в Тинзе. Отдаешь деньги незнакомцам, по ночам спишь вполглаза, но будят тебя неожиданно. Подкупленные военные ведут нас, пятнадцать нелегалов, в Надор, к югу от Мелильи, в ста пятидесяти километрах от Тинзы. Шестидневный переход через Эр-Риф (1941), живот сводит от страха, что проводники выстрелят в спину на краю балки или встретишь джип марокканской жандармерии и все закончится. Усталость достигает крайней степени, но безумие заставляет жить, надеяться, и вот он – лес Гуругу. Мигранты называют его отелем для нелегалов. Лес-дортуар. Врата рая. До Европы меньше километра, нужно всего лишь преодолеть три семиметровых забора, ждущих во всеоружии, но беженцы в лесу по многу дней готовятся к штурму, затачивают шесты, собирают лестницы. Нельзя провалиться, оказавшись так близко. Тысячи мигрантов из Нигерии, Берега Слоновой Кости, Конго, Габона ищут брешь. Ждут нужного момента, как армия, полная решимости победить.

Врата рая, Рубен. Да, рая. Но рай – анклав в аду.

Женщин в лесу было гораздо меньше, чем мужчин. Ко мне уже вернулось зрение, Рубен, и я видела, как женщины уходили из леса, чтобы вымыться или облегчиться, и за ними следовали мужчины. Те и другие раздевались. Женщины уступали, чтобы избежать побоев, отдавались одному, другому, третьему — без презервативов.

Однажды июньским вечером за мной пошли пятеро и окружили в километре от ближайшей палатки, как львы антилопу. Первый, ивуариец, заговорил по-французски.

– Мы не хотим тебе зла. Не станешь сопротивляться, все пройдет как надо.

Четверо других уже расстегивали штаны.

– Тебе повезло, – продолжил он. – Мы джентльмены.

Этот человек не врал, Рубен. Его товарищи успели спустить брюки до лодыжек, и тут он достал из кармана пачку из десяти резинок.

09:25

Тридцатиметровая яхта «Севастополь» когда-то принадлежала украинскому миллиардеру. Она долго скучала на приколе в Монако и была выставлена на продажу, когда бизнесмен решил вложить деньги в болгарскую футбольную команду. Цена — 2 500 000 евро, говорилось в объявлении на www.pleasance.fr. Гавриле Букину платили 70 евро в день, он следил за отливом, запускал двигатель, понемногу полировал корпус и начищал иллюминаторы, показывал яхту потенциальным покупателям и получал 150 евро премиальных, если клиент хотел выйти в море.

Гаврила удивился, заметив утренних посетителей. Чернокожий гигант в джинсах, грязной футболке и мятой ветровке был небрит, как будто только что вышел из тюрьмы и завязывал шнурки кроссовок впопыхах. Компанию ему составлял гном в галстуке, бледный, как какашка молочника, с идеально причесанными седыми волосами. Лорел и Харди в версии Блэк & Уайт.

Гаврила повел их на экскурсию, они заглянули в машинное отделение, морозильную камеру, на камбуз и надолго задержались в большом, 80 квадратных метров, трюме. Великан делал мысленные подсчеты, глядя на потолок, как будто хотел выяснить высоту, чтобы не удариться макушкой.

– Прекрасно. Теперь можете нас оставить, – наконец сказал он, и Гаврила подчинился не моргнув глазом.

Он поднялся на палубу и встал так, чтобы приглядывать за Лорелом и Харди. Не то чтобы ему очень хотелось шпионить — он улавливал только обрывки фраз, — но указания ему дали самые ясные: пока денежки не заплачены, клиенты не должны оставаться на судне одни! Гаврила плохо представлял, что можно украсть на посудине, с которой хозяин и так все вывез. Сторож ухватился за леер и бросил взгляд на слоисто-кучевые облака, напоминающие паруса «Летучего Голландца». Поднялся ветер, и Гаврила мысленно взмолился, чтобы клиенты не попросились на морскую прогулку.

- * * *
- Два с половиной миллиона евро значительная сумма.
- Инвестиция, уточнил Альфа. Надежная инвестиция.

Собеседник размышлял, а он думал о цепи событий, случившихся с утра. Казначей действовал очень эффективно. Альфа не знал,

поспособствовал ли «Бен Кингсли» его освобождению, но, как только вышел, увидел на противоположной стороне такси. В машине сидел некий Макс-Оливье — коллега Казначея на воле. Они поехали в порт. Симпатичный пятидесятилетней Макс-Оливье походил на банкира, с которым встречаешься, придя за кредитом. Такой внимательно вникает в ваши нужды и подробно объясняет условия и последствия, ведь выплачивать займ с процентами придется тридцать лет. Этот «понимающий» тип не задумываясь напомнит, как только вы окажетесь на улице: «А я предупреждал...»

Гном оглядывал пыльный трюм, паутину, изъеденные жучком деревянные панели, и на его лице явственно читался скептицизм.

– Господин Мааль, я детально изучил ваш финансовый план и – буду честен – все еще сомневаюсь.

Его голос звучно резонировал в пустом помещении, и, отвечая, Альфа́ взял на тон выше.

– Вам не хуже моего известны расценки. От трех до пяти тысяч евро с мигранта за плавание на одном из «Зодиаков», готовых в любой момент потонуть или нарваться на береговую охрану. Три тысячи евро, помноженные на пятьдесят, это сто пятьдесят тысяч с надувной лодки. Никаких налогов. Самоубийственное предприятие. Я предлагаю другую экономическую модель.

Банкир присвистнул:

- Ни много ни мало.
- Вам прекрасно известно, о чем я хочу говорить. Рынок мигрантов похож на все остальные рынки, он зависит от предложения и спроса. Чем лучше «Фронтекс» делает свою работу, тем меньше он пропускает нелегалов, и цены растут. Не мне вас учить, Макс-Оливье. Контрабандиста делает таможня, а не наоборот. Власти США обогатили бутлегеров, введя сухой закон. Не будь его, не было бы и Аль Капоне.

Альфа очень гордился этой максимой, он неделями ее шлифовал, но собеседник не впечатлился.

– Я знаю приграничный бизнес, Мааль, он выгоден всем. Таможенникам и контрабандистам. Но меня интересует другое: каким образом вы надеетесь зарабатывать больше других?

Альфа взял паузу, выдохнул. Огромный корпус судна почему-то вдруг напомнил ему собор.

– Я исходил из простой идеи. Дать мигрантам три гарантии. Безопасность, удобство и максимальная вероятность доставки. То, чего не обещают рядовые проводники. Многие согласятся платить дорого, намного

дороже, чем на нынешнем рынке.

- Сколько?
- Десять-пятнадцать тысяч евро. Вообразите: берем мигрантов на борт яхты ночью, у берегов Африки, подальше от любопытных глаз, они спускаются в трюм. Если кое-что переоборудовать, можно поставить здесь пятьдесят кроватей, туалеты и душевые, запасти еду-питье, а на палубе на случай встречи с береговой охраной посадим несколько блондинок в бикини топлес, чернокожий официант будет разносить мохито, капитана нарядим в шикарный пуловер. Никакого риска. Не будет ни течей, ни досмотров. Становимся на якорь в порту любого европейского курортного города Аяччо, Сан-Тропе или Сан-Ремо, дожидаемся ночи, нанимаем охрану, эмигранты исчезают, как бродячие коты. Как невидимки.
 - Долго такая комбинация в секрете не сохранится.
- Согласен. Но подсчитайте, Макс-Оливье. Пятнадцать тысяч евро с пятидесяти пассажиров равняется семистам пятидесяти тысячам евро за рейс. Яхта окупится за три раза!
- Пятнадцать тысяч с человека? А вы найдете платежеспособных клиентов?

Альфа возликовал: у банкира не осталось аргументов против!

– Вы прочли досье? – спросил он еще громче. – А декларации о намерениях? Семьи из Мали, Кот-д'Ивуар, Ганы готовы влезать в долги, если результат будет гарантирован. У меня есть сети по обе стороны Средиземного моря, есть идея, люди, судно. Не хватает только денег.

Банкир долго молчал, потом сказал, понизив тон, чтобы остудить пыл Альфа́:

- Конечно, это ваша идея. Ваши сети. Но если мы согласимся вас финансировать, вы станете нашим служащим. Назовем это франшизой, если хотите. Выплатите заем станете совершенно независимым.
- Не беспокойтесь! с вызовом произнес Альфа. Выплачу и не ракушками!

Банкир криво усмехнулся:

– Буду откровенен, Мааль: не уверен, что мы можем вам доверять. Слишком самонадеянно. Интуиция подсказывает – вы что-то скрываете, но ваше досье изучено и одобрено. Браво! На сем мои прерогативы заканчиваются. Я сделаю все, чтобы до конца недели вы стали владельцем судна.

Он поднялся на палубу и минут пятнадцать разговаривал со сторожем «Севастополя». У Гаврилы была длинная борода, редкие волосы, во рту недоставало двух зубов, правый глаз дергался, и Альфа́ подумал: «Мужик

копит на деревянную ногу и железный крюк!»^[95]

Когда гном удалился, Альфа подошел к редкозубому рулевому, обвел взглядом затемненные стекла, крышу кабины и спросил:

– Ну что, теперь мы можем прокатиться?

45

10:05

Петар Велика сидел на террасе ресторана «Дар Заки» лицом к Аль-Ислаху и недовольно бурчал: профессор опаздывал на пять минут. Майор смотрел на мужчин в белых одеяниях, входивших и выходивших из исламского центра, и пытался определить, кто из них мог бы прогуливаться в очках, с рюкзаком или даже в европейском костюме. Ему никак не удавалось понять, что такое Аль-Ислах — мечеть, медресе, учебный центр или три в одном.

Жюло смотрел на экран смартфона и как будто совсем не интересовался окружающими. Перенесись он в китайский квартал – и тогда не оторвался бы от интернета, воспринимая окружающий мир как виртуальную декорацию, не имеющую к нему ни малейшего отношения. Риан позвонил в бригаду и выяснил – в довершение всех неприятностей, – что Бэмби Мааль исчезла, ее брата Альфа выпустили рано утром, до того как поступил приказ притормозить арестанта, и только их мать Лейли Мааль подтвердила, что явится в комиссариат Пор-де-Бука к 16:00. Ну хоть что-то! Риан проделал сумасшедшую работу, чтобы все организовать, убедить министерство, Центральное управление судебной полиции и следователя Мадлена, которого утром назначили на дело. Петар надеялся, что день будет спокойным, без очередного трупа, что Жюло не достанет ему нового свидетеля, как фокусник – кролика из цилиндра, и встречу не придется переносить.

Петар щелкнул по мобильнику подчиненного:

- Алло, алло, говорит Мекка. Что конкретно ты знаешь о профессоре?
- Ничего! Читал его статьи. Три клика и ты понимаешь, что он лучший специалист по теме...
 - Я не потрачу утро на ожидание, будь он хоть трижды специалист!

Петар начал подниматься, и тут у тротуара затормозил мотоцикл. Ездок слез, опустил подножку и снял шлем. Лет тридцати, спортивный, улыбчивый, он встряхнул длинными черными волосами и протянул руку:

– Мохамед Туфик. Простите за опоздание, утром у меня были

практические занятия на факультете, а на одиннадцать утра назначена лекция – арабская докораническая литература.

Петар с изумлением смотрел на профессора. Никаких следов бороды. Огромный бриллиант в правом ухе. Он бы не удивился, обнаружив, что Туфик красит ресницы.

- Значит, вы лучший специалист по каури? с иронией в голосе спросил майор.
- Я всего лишь аспирант третьего года, но если сегодня вы до защиты не публикуете пять статей в год, не написали одну книгу на английском, другую на французском и третью на арабском, можете не надеяться получить интересную работу.

Он расхохотался, сверкнув белыми зубами. Неприятная физиономия. Взгляд, как у Омара Шарифа.

– Очень удачно, – процедил Велика сквозь зубы, – мы тоже торопимся, так что рассказывайте, что вы там знаете о пресловутых каури.

Мохамед понял, что ему не позволят заказать чаю, выкурить сигарету и поинтересоваться, зачем сыщикам эти сведения. Жюло примиряющим жестом выложил на стол раковины, идентичные тем, что были найдены в кармане Франсуа Валиони. Араб посмотрел на полицейских, перевел взгляд на ракушки и начал долгий монолог. Блестящий, точный, назидательный. Даже Велика забыл о криках муэдзина и звучавшей вокруг речи на чужом языке.

– Каури – особая разновидность раковин, встречаются они только на Мальдивах, что делает их редкими и легко распознаваемыми. Их очень давно начали использовать в качестве инструмента торговли между народами. Можно считать каури древнейшей в мире валютой. Чтобы вас сориентировать, назову тысячный год до Рождества Христова. Именно тогда возникла международная торговля, в том числе между Западной Африкой и Азией при посредстве арабских коммерсантов. Каури межконтинентальной разменной валютой. становятся главной невозможно подделать, легко перевозить и взвешивать. Идеальная валюта. Она ходит во времена работорговли – есть упоминания о десятках миллиардов раковин, которые голландцы, французы и англичане перевезли в виде браслетов, ожерелий и корзинами по десять тысяч штук!

В колониальную эпоху европейцы постепенно вводят национальные денежные системы, существующие доныне, но каури остаются крайне популярными в Западной Африке. Раковины – символ плодородия, по ним гадают, ими украшают одежду и ритуальные маски. Мало-помалу каури превращаются для европейцев в символ сопротивления колонизации.

Неожиданно, между тысяча восемьсот девяностым и тысяча девятисотым, французы, британцы и португальцы договариваются и просто-напросто запрещают хождение каури – принимают закон и обесценивают раковины! Радикальный способ установления нового общественного порядка, не находите? Рухнуло целое общество. Пострадали и самые бедные – они могли выплачивать минимальные суммы несколькими раковинами, и самые богатые, завоевавшие положение и всю жизнь копившие состояния в тоннах каури. Продавцы, коммерсанты, ремесленники, привыкшие взвешивать и пересчитывать тысячи каури в мешках, вазах, глиняных кувшинах, не сумели приспособиться к новым деньгам. Отныне налоги, проценты, штрафы следовало платить во франках, ливрах или реалах. Европейский капитализм мог торжествовать победу.

– Сегодня каури совсем вышли из употребления? – спросил Жюло.

Тофик проводил взглядом двух девушек, входивших в центр Аль-Ислах, этаких мусульманских Мэрилин. Гулявший по эспланаде ветер играл с платками, раздувал джеллабы.

– Нет. Денежной стоимости они не имеют уже сто лет, но сопротивление международного рынка организовалось иным способом. Принцип неофициальной валюты никогда не был актуальнее, чем сегодня.

На этот раз Петар отреагировал первым:

- Объясните...
- Все просто. Мировые миграции, рассеянные по миру диаспоры и финансовые операции между сообществами повсюду существуют неформальные, нелегальные, тайные механизмы перевода средств: «хавала» в Индии и на Ближнем Востоке, «хунди» в Пакистане и Бангладеш, «падала» на Филиппинах... Системы обмена капиталами без физического оборота денег, без участия официальных банков и, кстати, с куда более низкой процентной ставкой. Такие механизмы перевода средств составляют до половины мирового денежного обмена, не подвластного никакому контролю... Любая система покоится на доверии между маклерами и посредниками, на чести и этнической солидарности. Никакой юридической базы! Как и каури, это современные аватары очень древних практик, позволявших уберечься от опасностей, что подстерегали караваны с золотом на дорогах Африки или Азии.
- Вы уж меня извините, язвительно бросил Петар, наверное, я так же туп в экономике, как ваши предки, не сумевшие перейти с каури на франк, но мне непонятен механизм.

Туфик взвесил на ладони раковины, принесенные полицейскими.

– Все очень просто, сейчас поймете. Легко представить, что каури

сто́ит, скажем, сто долларов, но в закрытой системе, известной лишь посвященным. Если вам предстоит пересечь Африку – без багажа и имея при себе пятьсот долларов, – риск быть убитым очень велик. Но кто пойдет на преступление из-за пяти ракушек?

Туфик бросил последний взгляд на каури, как будто каждая раковина и впрямь стоила сто долларов, и встал:

– Мне пора на лекцию.

Майор и лейтенант смотрели вслед профессору. Как только он переступил порог центра, стайка молодых девушек с ранцами или рюкзаками последовала за ним, как рой возбужденных пчел.

- Возьму себе чай... Жюло встал.
- Спроси, нет ли у них пива...

Когда подчиненный вернулся с серебряным чайником и хрустальным стаканом, Велика сообщил ему новость:

- Звонил Риан. Они составили-таки пазл из кусочков стекла, найденных в номере «Караван-сарай». Знаешь, что получилось? Держись за стул!
 - Дельфин? Сова? Каури? перечислил Жюло.
- Башня! Бурдж-Халифа^[96], самый высокий небоскреб в мире, безделушка, которую можно купить только в аэропорту Дубая. Ребята проверили.

Жюло лихорадочно размышлял. Эта деталь согласовывалась с макетом A380 «Эмиратских авиалиний», найденным в чемодане Жана-Лу Куртуа. Еще одна загадка. Уйдя из ассоциации «Вогельзуг», Куртуа почти перестал ездить, чтобы не оставлять надолго сына- трисомика. Дубай — один из параметров, которые следует добавить к уравнению. Новая головоломка, куда более трудная, чем стеклянный пазл. Лейтенант подул на чай (патрону не предложил — поостерегся), обжег язык и решился.

– У меня тоже есть информация...

Петар с завистью смотрел на людей, сидевших на террасе отеляресторана на другой стороне улицы и пивших пиво и коктейли.

- Я провел рутинное расследование насчет Лейли Мааль работа, досье о гражданском состоянии, соседи, друзья, а еще выяснил ее группу крови. Ничего сложного, достаточно было позвонить в единственную лабораторию Пор-де-Бука. На нее там есть досье. Как я и ожидал, у Лейли группа А плюс.
- А плюс? И это вся твоя информация? Да у 40 % жителей планеты та же группа!

Лейтенант сделал глоток чая и достал из кармана планшет с таблицей

кровяных невозможностей профессора Вакнина.

– Все гораздо изощренней, патрон. Мы знаем, что у Лейли Мааль группа А плюс, а у *Faline95* — предполагаемой убийцы Жана-Лу Куртуа – В плюс. Предположим, что эта убийца – Бэмби Мааль, дочь Лейли. Тогда... – его пальцы скользнули по таблице, – тогда у отца может быть только АВ или В и ни в коем случае нулевая или А.

Петар обреченно пялился на таблицу, как ученик на чертеж на доске на уроке тригонометрии.

- Прости, парень, я сегодня плохо соображаю с утра и никак не въеду, к чему ты ведешь.
- Я веду вернее, возвращаюсь к первоначальной гипотезе. Девушка назовем ее *Bambi13*, Бэмби Мааль или *Faline95* ищет отца. Если тип, у которого она берет кровь, а потом перерезает вены, имеет нулевую группу или А, он никак не может быть ее папашей. А поскольку две эти группы имеют девяносто процентов населения, поле возможностей предельно сужается. Предположим, у *Bambi13* составила список из трех-четырех потенциальных отцов. В таком случае есть все шансы идентифицировать его с помощью обычного анализа крови.

46

11:03

– Флёр?

Она подтвердила улыбкой, ничем не дав понять, что ждет уже полчаса. Ян Сегален сделал опоздания философией жизни. Девушка оглядела его с головы до ног, пока он усаживался рядом с ней на террасе «Гордонс Кафе». Холщовые штаны и куртка-сафари охрового цвета, белая рубашка с воротником-стойкой, короче — джентльменский набор «Извините, я только что с охоты...». Дорогущие тряпки шикарного мачо. Ян, не спуская с нее синих, как море в тропиках, бесстыжих глаз, провел ладонями по светлым седеющим волосам. Трехдневная щетина выглядела идеально небрежной. На вид ему под пятьдесят, подвижный, энергичный, держит себя в форме, хотя под просторной рубахой угадывается намек на живот начальника отдела логистики ассоциации «Вогельзуг». Matin abdos, midi resto. Утром — пресс, днем — обед.

– Сожалею, Флёр, времени у меня немного, – нахально сообщил Сегален.

Она промолчала, потому что не заметила, как пролетели полчаса в

ожидании ответственного лица, пригласившего ее побеседовать насчет работы. Сидела, задумавшись, над стаканом перье с лимоном и только посматривала время от времени в сторону улицы Моно и площади Мартир. Она обожала города-космополиты. Смешение народов. Джеллабы, чадры, галстуки, бейсболки, мини-шорты, бубу^[97], шальвары, сари, кипы, ципао ^[98]. Это было первое, что очаровало ее, когда она прибыла в Марсель. С тех пор она, конечно же, поняла, что с наступлением ночи каждый отправляется в «свой» район, но первая прогулка по Ла Канебьер, этому развеселому многонациональному борделю, покорила ее навсегда.

– Предупреждаю, – продолжил Ян Сегален, – обычной беседы «наниматель – кандидат» у нас не будет. Мне начхать на причины, по которым вы хотите работать в сфере гуманитарной помощи, я не желаю в энный раз выслушивать лепет в стиле послушниц сестры Эммануэль [99]. Ответьте на один-единственный вопрос: с чего бы мне брать вас на службу? Именно вас, а не кого-то другого?

Ян всегда опаздывает.

Но наверстывает, когда появляется.

Быстро раздевается. Ему нравится, когда я трогаю его тело.

Он уверен, что мне тоже.

Надия говорит, я и вообразить не смогу, до чего он хорош.

Мне и правда знакома только его мускулатура, когда он возбуждается.

Она притворилась, что размышляет над услышанным. Ей льстило, что Ян повел серьезный разговор из-за временной — всего на три месяца! — работы в своем отделе логистики. Тоже мне *сфера* — упаковывать на складе коробки, которые потом рассылают в «горячие точки»! Шеф отдела явился на встречу сам только потому, что его впечатлила фотография на резюме, та, где у нее белокурая челка, загорелое лицо и дерзкие зеленые глаза за круглыми стеклами маленьких очков.

Одеваясь перед выходом решила укрепить дома, она образа. Выбрала строгую блузку, двусмысленность оставила НО расстегнутыми три пуговицы, чтобы Ян видел белый кружевной лифчик каждый раз, когда она будет тянуться за водой. Юбку надела прямую, чинную, до колена, но стоило ей скрестить ноги, и та задиралась до середины бедра.

– Ладно, – жеманно протянула она, – причин много. В мире столько несправедливости, так что...

Девушка нервно потыкала соломинкой дольку лимона в стакане, и Ян

вдруг схватил ее за запястье:

– Стоп-стоп! Именно такого ответа я и хотел избежать.

Он отпустил ее руку и махнул гарсону. Не поинтересовавшись мнением Флёр, заказал два бокала белого шато-мюзар, потом залез в рюкзак тисненой кожи с африканскими мотивами и вынул два листа бумаги.

Она узнала свое резюме. Ян быстро прочел характеристику, рекомендации (фальшивые от и до) и поднял глаза на Флёр. Теперь он пытался заглянуть ей в душу. Этот мужчина – хищник. Самый опасный из всех, раз пытается понять сидящую напротив женщину. Как будто важнее этого нет ничего на свете. Ян хочет вывернуть ее наизнанку, прежде чем раздеть. «Интересно, он так себя ведет со всеми, кого соблазняет, или инстинктивно чувствует, что в curriculum vitae слишком красивой девицы что-то не стыкуется?»

– Жаль вас разочаровывать, Флёр, но на мать Терезу вы не похожи, а жизнеописаний высокообразованных полиглоток я получаю по десять в день. Чтобы меня убедить, требуется нечто большее.

Официант принес вино. Ян подал бокал собеседнице, взял свой и предложил тост:

– За приключение, Флёр! Ваш ход. Соблазните меня. Очаруйте. Обворожите. – Он взглянул на часы: – Даю пять минут.

Она – по наитию – произнесла:

– За неведомое, Ян. За чудесные встречи. Думаю, это меня и влечет в гуманитарную сферу. Встречи. С женщинами. С мужчинами. Разными. Умеющими растревожить душу. Харизматичными.

Ян лизнул край бокала. Теперь он пожирал ее глазами.

– Уже лучше, Флёр. Но недостаточно вдохновенно. Мне нужны факты. Доказательства. Поступки.

Он потянулся за рюкзаком, чтобы убрать резюме, и она воскликнула с решимостью отчаяния:

– Подождите, Ян! Дайте мне шанс! Что еще я могу сделать – разве только умолять поверить мне? Поверить, что я храбрее, чем кажусь. И что на мир смотрю не холодным взглядом. Что готова рисковать. – Она сделала паузу, попыталась поймать его взгляд. – Чем угодно...

Он уже встал и готов был уйти, как будто едва слушал. «Опасный хищник», – снова подумала она.

— Мне пора, Флёр. Но вы победили и получите еще один шанс. Найдете время для второй беседы? — Он даже не дал себе труда заглянуть в «поминальник». — Здесь. Сегодня вечером. Договорились?

– Да.

Она не смутилась. Ян произнес «Сегодня вечером...» особым, многозначительным тоном, она ответила «да» полузадушенным голосом.

Он вдруг перестал торопиться. Вгляделся в ее лицо, словно пытаясь решить, какая методика поможет уложить в койку красавицу на тридцать лет моложе его. Могло показаться, что он и себе удивляется, – и это было главным оружием, делавшим его неотразимым.

- Предупреждаю, Флёр, я буду до конца дня думать о нашей новой встрече. И возможно, размечтаюсь, чтобы она приобрела иной, более интимный оборот.
 - Я сказала, что готова на любой риск, и не откажусь от своих слов.

Девушка ответила без колебаний, и Ян решил закрепить преимущество.

– Предпочитаю честность, Флёр. Не хочу, чтобы между нами возникло недопонимание. Этот разговор – личный и частный – идет как по маслу, но это не значит, что вы получите работу. Я устроен иначе...

Флёр взяла бокал, выпила до дна, посмотрела с вызовом.

– Идите, Ян, не то опоздаете. Хочу предупредить: даже если наша... интимная беседа пройдет замечательно – а я вам это обещаю! – не уверена, что соглашусь занять место, которое вы мне предложите.

Он расхохотался. Победа! И через секунду исчез в пестрой толпе на площади Мартир.

Выждав несколько мгновений, девушка достала из сумочки телефон, вибрировавший все время, пока длился разговор с работодателем.

Как прошла встреча?

Я в порту, уплываю.

Береги себя, моя козочка.

Шерин

Флёр улыбнулась.

Общение с Яном Сегаленом заняло четверть часа. Соблазнение оказалось плевым делом, простой формальностью по сравнению с долгой подготовительной работой.

Ян Сегален был легкой добычей.

Слишком легкой.

В мозгу раздался тревожный сигнал: все получилось так просто, что времени на раздумье не осталось.

Тем хуже...

Или тем лучше. Время вышло, полицейские вот-вот соберут пазл и раскинут сети.

Флёр допила перье, чтобы перебить вкус вина, одернула юбку и поправила парик.

Сегодня вечером, сегодня ночью, завтра утром все закончится.

Для нее.

И для Альфа.

47

12:18

Вдыхай полной грудью зарождающийся ветер!

Мы побежим по волне и вернемся живыми!

Гаврила с изумлением смотрел на чернокожего гиганта, изображавшего Ди Каприо на носу «Севастополя». Кого хочет впечатлить этот парень, стоя лицом к морю? Или он репетирует? Хочет быть готов, когда придет время провожать девок в трюм?

Гаврила цепко держался за штурвал. Они еще не вышли в открытое море, но берега уже не видно. А пассажир бросал вызов пустынному горизонту.

Поднимается ветер! Нужно пробовать жить!

Воздушный поток листает мою книгу.

Кстати, о ветре – пожалуй, нужно возвращаться. Если Лорел и Харди хотят купить старое корыто, они увидели достаточно. Темнокожий – Лорел – подтвердит своему дружку с чековой книжкой, что все в порядке, «Севастополь» держится на плаву!

Но прежде Гаврила хотел разыграть собственную карту. Он повысил голос, перекрывая шум двигателя, и спросил:

- Чтение стихов на борту станет частью программы будущих круизов? Альфа подошел ближе, держа руки в карманах, и прислонился плечом к рубке.
 - Нет, это я для собственного удовольствия.

Удовольствия?

Гаврила не поверил, ухмыльнулся, продемонстрировав отсутствие зубов, и пассажир уточнил:

– Я читал «Морское кладбище» Поля Валери. Выучил в школе, в младших классах. Вам не кажется, что море похоже на бескрайнее кладбище?

Гаврила в ответ пожал плечами, сбросил обороты, чтобы начать

торможение, кашлянул, будто тоже готовился к декламации. «Севастополь» покачивался на волнах, двигатель рычал.

– То, что вы тогда обсуждали с партнером... в трюме... ну, насчет голых блондинок... Это не шутка?

Альфа́ так удивился, что едва не потерял равновесие и ухватился за ближайший буй на леере.

– Да я не подслушивал, – начал оправдываться Гаврила. – Так, обрывки фраз сами влетели в уши... наподобие хлопьев тумана... если понимаете, о чем я... Вы трепались про баб топлес на палубе, официанте с коктейлями на подносе и рулевом в морском джемпере. Если покупаете судно для таких дел, я участвую. Сколько плавал по Средиземному морю, вожу одно старичье! Курсируют между фабрикой, где разливают оливковое масло, ресторанами и тремя греческими храмами. Я умею держать рот на замке и, если захотите, даже к дантисту схожу, чтобы клиентов не распугать.

Ветер хлестал Альфа́ по щекам, и он надел вязаную шапочку, снова спрятал руки в карманы и подошел вплотную к рулевому.

– Можете не отвечать сейчас, – не унимался Гаврила. – Я пятнадцать лет хожу на тридцатиметровых яхтах и ни разу не видел на палубе даже кусочка голой сиськи! Я так понял, вы хотите переоборудовать трюм, чтобы были кровати, души и все такое прочее... – Он заговорщицки подмигнул Альфа́: – Если откроете шикарный плавучий бордель или порнушку будете снимать – тоже хорошее дело. Я могила, слово моряка! Кладбищенского моряка!

«Севастополь» не двигался, как будто Гаврила решил дождаться ответа, прежде чем вернуться в порт.

- Солярка кончилась? встревожился Альфа.
- Хватит на кругосветное плавание!

Мааль вернулся к созерцанию волн.

Великое море, знающее исступленный восторг,

Тысяч и тысяч идолов солнца,

Абсолютная гидра, опьяненная твоей синюшной плотью,

В смятении, подобном тишине.

«Да он издевается!» — решил моряк и закричал, изобразив замах кнутом:

– Галопом, лошадки! Домой! Будем у причала через час, убедитесь, на что способен «Севастополь»!

Гаврила наклонился, потянул за рычаг управления, а когда поднял

глаза...

- ...увидел наставленный на него пистолет.
- Я... я пошутил насчет шлюх... промямлил он. Я... ничего не слышал... Я...
- Спокойно, дружище! Если ты и впрямь хороший рулевой, все будет нормально. А теперь сменим курс.

Мирный тон парня, цитирующего Поля Валери и вооруженного пушкой, никого бы не успокоил. Прямо Тарантино какой-то! Гаврила запаниковал, как будто оказался на борту «Боинга-747», захваченного джихадистами. Пялился на воду, воображая, что на траверзе вот-вот появится остров и ему прикажут выброситься...

- Ку... куда мы плывем?
- Прямо. На ту сторону Средиземного моря.

48

16:01

Жюло был околдован.

Лейли Мааль вошла в комиссариат Пор-де-Бука и направилась к трем сыщикам, похожая на взволнованную, но уверенную в своем таланте актрису, закаленную нелегкой жизнью на сцене, и Жюло ее полюбил.

Нет, это не была любовь с первого взгляда, Лейли Мааль по возрасту годилась ему в матери, но от этой женщины исходила невероятная сила. Такие женщины непотопляемы, могут навязать свою волю метким словцом, а целеустремленностью напоминают муравьев, упорно ползущих вперед, огибающих препятствия и всегда добирающихся до места назначения – даже с грузом, превышающим собственный вес.

А еще эта муравьишка не забыла, что значит быть красивой. Пахнуть медом и одеваться в лепесток первоцвета. Выбранные ею тона – лиловые тени на веках, красные бусины в волосах, мандариново-оранжевая туника – выглядели оберегами против серости жизни.

Они допрашивали Лейли втроем – Петар, Жюло и майор Тони Фредиани, хорошо знавший марсельскую криминальную среду, в частности мафиозные сети, наживающиеся на иммиграции. На его участии настоял следователь Мадлен, после того как утром нашли второй труп и дело Валиони – Куртуа перешло под юрисдикцию центра. Все проявляли активность, так что понадобится несколько часов, чтобы утихли страсти между министерством и Центральным управлением судебной полиции, и

все договорились со всеми, кто что будет делать и сколько ответственности на себя возьмет.

Лейли села напротив полицейских.

– У меня все в порядке с документами, – сразу сказала она. – Я получила статус резидента на десять лет, работаю по договору и...

Петар перебил ее, не повысив голоса:

– Мы знаем, мадам Мааль, мы все знаем.

Жюло кивнул, подтверждая слова шефа. Он быстро прочел досье Лейли Мааль, из которого следовало, что, попав во Францию, она несколько лет оставалась нелегалкой, но все время работала и даже платила налоги. (У лейтенанта в голове не укладывалось, как такое возможно!) Три года назад она узаконила свой статус. Работает. Получила бессрочный трудовой контракт. Образцовый жизненный путь.

– Вы принесли фотографии дочери? – спросил майор.

Лейли полезла в большую сумку-торбу, и Жюло отвлекся на страницу *Faline*95 в фейсбуке. В ее аккаунте, как и у *Bambi13*, имелось несколько вызывающих фотографий «без лица», но все снимки были сделаны в окрестностях Марселя: на пляже Эстак, на фоне Фриульских островов, среди белых скал в каланках у деревушки Ле Гуд, в городском бассейне Пуэн-Руж...

И все-таки, при некоторых различиях, Жана-Лу Куртуа завлекли аналогичным способом — с помощью виртуального секс-парада, ставшего теперь банальным оружием самоуверенных красоток. Фотографии в купальнике, игра теней на выпуклостях и изгибах обнаженного силуэта, крупные планы анатомически эротичных деталей, иногда на грани. Два тела, похожих как две капли воды, две юные метиски.

Жюло и Петар час играли в «Найди семь отличий». Не нашли.

Все заставляло думать, что *Bambi13* и *Faline95* — одна и та же девушка, но стопроцентной уверенности у сыщиков не было, и снимки отослали в лабораторию. Жюло не знал, сумеют ли эксперты, опираясь на снимки, сделанные смартфоном, определить тождество родинки, рассчитать точный объем и длину бедер или асимптоту округлости груди. Впрочем, даже если у ІТ-волшебников получится, фотографии в фейсбуке могут быть фотошопом. Сегодня это не проблема.

Лейли Мааль отдала полицейским снимки дочери. По странному контрасту с *Bambi13* и *Faline95*, Бэмби Мааль оказалась девушкой в кроссовках, джинсах и объемном свитере. Накрашена она была более чем скромно. Петар и Тони долго разглядывали карточки, потом передали их лейтенанту. Он навсегда запомнил лицо девушки в шарфе с совами, которая

дерзко посмотрела в объектив камеры слежения над входом в «Ред Корнер». Не лицо – только глаза и рот, но интуиция подсказывала: *это она*.

Это Бэмби Мааль. Та же бездонная глубина глаз, тот же вызывающий и одновременно печальный взгляд. Встретишь такой и обязательно влюбишься.

Это она.

Жюло смотрел на три фотографии и медленно, но верно уступал сомнениям.

Разве можно говорить об удивительном сходстве, основываясь только на взгляде? Даже не на форме носа, не на овале лица? Что, если это иллюзия, искусный грим, имитация?

Петар оставался внешне невозмутимым, как будто не он много часов сравнивал лицо на мутноватом снимке с фотопортретами всех городских проституток и не нашел даже намека на совпадение.

Неужели майор пришел к тому же заключению, что и он сам? Это Бэмби Мааль! Жюло был уверен в этом на восемьдесят, нет, на девяносто процентов. Но уверенность – не доказательство и не дает ответа на главный вопрос: как девушка из «проблемного» района Марселя могла превращаться в *Bambi13*, путешествующую по всему миру?

Петар заговорил – мягко, только что не извиняясь за доставленное Лейли неудобство. Это было совсем на него не похоже. Может, подействовало присутствие Тони Фредиани.

– Если позволите, эти фотографии пока останутся у нас. Мы с утра пытаемся связаться с ней по номеру мобильного телефона, который вы нам дали, но пока безуспешно. Когда вы видели Бэмби последний раз, мадам Мааль?

Женщина ответила не задумываясь:

– Вчера вечером. В половине восьмого... Если совсем точно – между половиной восьмого и восемью вечера.

Столь четкий ответ разочаровал сыщиков. Если это правда, у них возникает несоответствие фактическим и запротоколированным обстоятельствам дела.

А если Лейли лжет, то делает это мастерски.

- Почему вы так уверены, мадам Мааль?
- Дочь ужинала со мной. Мы каждый день садимся за стол в 19:30. Говорите прямо, майор, в чем ее обвиняют?

Полицейские переглянулись, и Велика принял решение. Не говоря ни слова, достал папки с делами Валиони и Куртуа и придвинул их к Лейли. Показать снимки мест преступлений и обескровленных тел – прямой и

грубый способ объяснить матери, что инкриминируют ее дочери!

Жюло внимательно следил за каждым жестом Лейли, караулил выражение ее лица. Вот она открыла первую папку, начала одну за другой рассматривать фотографии, напряглась, дрожащей рукой опустила обложку и застыла. Удивление, даже отвращение стало бы естественной реакцией, но лицо Лейли всего на миг окаменело от ужаса, потом она взяла себя в руки.

Петар извинился и забрал досье.

– Сожалею, что пришлось подвергнуть вас жестокому испытанию, мадам. У нас пока нет объективных оснований утверждать, что эти преступления совершила ваша дочь.

Прокручивая в голове неожиданные в своей утонченной вежливости витиеватые выражения шефа, Жюло восстановил в памяти сцену, развернувшуюся у него перед глазами. Панический ужас за секунду исчез с лица Лейли Мааль, она практически сразу взяла себя в руки, но вот что странно: женщину потрясли не фотографии тел Франсуа Валиони и Жана-Лу Куртуа. Она испугалась, когда прочла их имена!

Как будто не узнала лиц, но знала, кто они.

Интересно, Петар заметил или его отвлекло якобы естественное для женщины волнение? Лейтенант возгордился – он один уловил важнейшую деталь!

– Я не идиотка, майор, – спокойным голосом произнесла Лейли. – Если бы вы думали, что моя дочь не имеет ничего общего с этими преступлениями, не предъявили бы мне этих снимков. Но вы ошибаетесь. На прошлую ночь у девочки есть алиби.

Да неужели? Ну-ну, пусть говорит, а мы проверим... Эта мысль ясно читалась на лицах сыщиков.

– Скажу честно: я не знаю, где моя дочь была с половины девятого вечера до полуночи. Сказала, что ходила в *KFC* с подругой, но доказательств у меня нет. А вот в полночь она пришла в отель «Ибис», я там работаю. Это рядом с «Экополисом».

Петар почесал затылок. Разговор принял непредвиденный оборот.

- И что же ваша дочь делала там в такое время, мадам Мааль?
- Пела.
- Что-что?

Пальцы Лейли судорожно сжали сумку. Она сделала глубокий вдох и объяснила:

– Будет... проще всего, если вы свяжетесь с управляющим. Его зовут Рубен Либерос. Вряд ли вас убедят слова матери, которая защищает дочь, а

мсье Либерос все подтвердит.

- В разговор наконец-то вступил майор Тони Фредиани. Сочный марсельский акцент подчеркивал звучавшую в голосе иронию.
- Вряд ли ваша дочурка пела-распевала в полночь для вашего шефа в гордом одиночестве. Свидетели были?
 - Да, Лейли кивнула, целый десяток. Может, больше.

Велика достал платок и отер пот со лба. Записал координаты «Ибиса», для проформы задал еще несколько вопросов и поблагодарил Лейли за сотрудничество.

Она взяла сумку, и Жюло поторопился сказать:

– Я вас провожу.

Он вышел из кабинета первым, не оглянувшись на коллег, плотно прикрыл за собой дверь и обратился к женщине, понизив голос:

– Что бы вам ни понадобилось, звоните мне. – Он протянул ей визитку, сам не понимая, почему так поступает. – Звоните, если просто захочется поговорить. О ваших детях. Об этих убитых мужчинах. О... Об ассоциации, где они работали. О «Вогельзуг».

Лейли взяла визитку, долго ее рассматривала, как будто решала, может ли доверять странному легавому, и пошла прочь, не промолвил ни слова, перед дверью надела очки в ярко-красный оправе, украшенной пунцовой розой с шипами.

Странная женщина...

Она уходила, как пришла, с прямой спиной и гордо поднятой головой, и была расстроена вряд ли больше мамочки, которую вызвали в полицейский участок, чтобы пожурить за то, что ее сын зайцем проехал в трамвае. Лейтенант понял, на чем основана его уверенность в том, что Бэмби Мааль, Bambi13 и Faline95 — одна и та же женщина. Дело было не только в размытом изображении с камеры. Свирепая решимость, сквозившая в каждом движении, каждом слове Лейли Мааль, убеждала безоговорочно. У таинственной убийцы была та же пластика. Инстинкт выживания. Как у человека, чудом уцелевшего во время катастрофы. Или вернувшегося из ада. Таких ничто не способно вывести из равновесия.

Через несколько секунд Жюло вернулся в допросную.

– Итак? – с оттенком нетерпения в голосе поинтересовался Тони.

Петар не дал подчиненному ответить – решил сам сделать некоторые выводы:

– Итак, все ясно как божий день. Девица – наша клиентка! Никаких сомнений. Сходство между малышкой Бэмби и нашей убийцей поразительное. И – вишенка на торте – Лейли Мааль знала имена обеих

жертв!

Жюло от досады аж губу прикусил. Надо же патрону быть таким приметливым. Чертов профессионал.

– Один маленький нюанс, – продолжил майор. – Из-за алиби мы в полной заднице. – Он посмотрел на часы: – У нас есть полчаса на этого Рубена Либероса. До «Ибиса» – два километра.

Жюло позволил себе реплику от двери:

- Если Лейли Мааль знала жертв, как она связана с «Вогельзуг»?
- Услышав название ассоциации, Тони Фредиани сделал стойку.
- О чем ты? раздраженно спросил Велика.
- Черт, патрон, это же просто как дважды два! Много лет назад Лейли оказалась во Франции. Все сводится к нелегалам-невидимкам. В кармане Валиони мы нашли браслет и ракушки, служившие африканской валютой. Альфа, сын Лейли, хотел заделаться проводником. Мы в Пор-де-Буке, этот город был основан одной из самых могущественных ассоциаций помощи беженцам. Франсуа Валиони и Жан-Лу Куртуа работали на нее. Здесь, на полпути между комиссариатом и отелем «Ибис», живет глава «Вогельзуг» Журден Блан-Мартен.

Петар обошел лейтенанта и взялся за ручку двери:

– Это нужно обмозговать, малыш. Сначала выясним кто, потом постараемся понять зачем.

Петар открыл дверь. Фредиани следил за пикировкой коллег, но вмешиваться не собирался.

– Вам не кажется, что стоит нанести короткий визит Блан-Мартену? – упорствовал Жюло.

Майор вышел, не ответив. Лейтенант смотрел ему вслед, как несколько минут назад смотрел в спину Лейли. Он понял, почему не сказал шефу о визитке, которую дал женщине, — Петар не задал правильных вопросов, не поинтересовался ее прошлым.

Она не стала бы отвечать.

Потому что боялась его.

Лейтенант кинулся догонять шефа.

Мозг сформулировал гипотезу: Лейли, Бэмби, а может, и Альфа нуждаются в тебе. Сформулировал и бросил хозяина в глубокую шизофреническую бездну.

16:15

– Дедушка, дедааа! – отчаянно кричал Тидиан из-под апельсинового дерева. – Дедуууля...

Взлохмаченный, как со сна, Мусса появился в окне третьего этажа:

- Что стряслось, дорогой?
- Мой мяч. Мой марокканский мяч... Он укатился! Вниз...

Тидиан показал на отверстие водостока, которым заканчивался желоб, шедший вокруг двора.

Его дед потер глаза.

- Как же ты так оплошал?
- Я... Я играл... С закрытыми глазами... Тренировал себя... И не заметил, как он ускакал.

Мусса издал тяжелый вздох.

– Жди, сейчас приду.

Две минуты спустя дед и внук склонились над темным отверстием. Мусса просунул вниз руку. Потом взял палку, попытался нашарить мяч, но ничего не вышло.

- Твой любимец в аду, дорогой.
- Тогда мы пойдем и найдем его!
- Это непросто, Тиди. Адом называют все подземелье городка, километры коридоров, подвалы по одному на квартиру, парковочные места, канализацию и водостоки.
- Ты сказал, что мама сегодня вечером занята и вернется поздно. Мы успеем!
- Завтра, Тиди. Завтра у тебя нет уроков. Мяч никуда не денется, а нам нужно подготовиться. Экипироваться. Взять фонари, один тебе, другой мне.
 - Ничего нам не нужно, я теперь вижу в темноте как мама!

Мусса погладил внука по голове. Дед обожал, когда у внука разыгрывалась фантазия. Именно в ней он черпал свою безграничную решимость. Выиграть чемпионат мира, освободить Луну Эндора вернуться в прошлое, к индейцам, и спасти бизонов! Беспечная удаль делает всех детей десяти лет невероятно трогательными.

- Я возьму моток веревки, сказал Мусса, такой же, как Ариадна дала Персею, чтобы он не потерялся в адском лабиринте.
 - Мамино сокровище спрятано в аду?

Старик посмотрел в черный зев, поглотивший мяч.

Возможно...

Тидиан вскочил и запрыгал на двух ногах.

- А клад твоего дедушки? Ты обещал, что расскажешь сегодня утром.
- Ладно, Тиди, так и быть.

Они устроились под апельсиновым деревом. Тидиан обожал посиделки с дедом. Ветер так быстро гнал по небу облака, что они напоминали конфетти, но во дворе было тихо. Тидиану вдруг показалось, что дед задремал, но Мусса просто задумался, словно заново загружал в голову историю, которую столько раз рассказывал мальчику. Получалось не быстро – мозги-то старые.

Мусса начал неспешный рассказ. Он поступал так намеренно, надеясь усыпить внука где-нибудь на половине, но Тидиан и в детстве не поддавался на эту уловку, а теперь и подавно.

– Моего деда звали Гали. Он делал глиняные кувшины. Но не горшки и не вазы для огромных цветков – сосуды твоего прапрадеда предназначались для хранения ракушек. В те времена они заменяли деньги. В каждую вазу входили тысячи раковин, а Гали мог сказать, скольких не хватает, просто взвесив сосуд, не пересчитывая. Тоха, твоя прапрабабушка, тоже была очень сильной и считала раковины быстрее всех. Это было их ремеслом – считать раковины, хранить их, обменивать на разные предметы. Твои родственники были очень богаты, но главное – все их уважали за честность. Нередко они давали несколько раковин беднякам – просто так, по доброте душевной. А потом в один несчастный день явился некий господин и объяснил, что ракушки больше не деньги, а обычные ракушки.

Эта часть истории была не совсем ясна Тидиану, и Мусса старался объяснить, что у некоторых людей бывают странные права и возможности. Например, решать, стоит раковина много денег или она дешевле песчинки или камешка, подобранного во дворе.

- В тот день Гали потерял все. Он взял палатку, коров, семью и стал скотоводом. Годами Гали бродил по пустыне с детьми и внуками и наконец остановился в Сегу, на берегу великой реки Нигер. Там родился я. И твоя мама.
 - Сокровища больше нет? спросил Тидиан.

Мусса поудобнее прислонился к стволу апельсинового дерева.

– Конечно, есть! Слушай меня, слушай внимательно, Тиди, и запомни эти слова. Ты найдешь сокровище, истинное сокровище, там, где наши корни.

Щит расписания под козырьком остановки «Литтораль» ходил ходуном. Мистраль весь день набирал силу. Как только Лейли вышла из автобуса, он проник ей под тунику, но она была готова противостоять стихии — по тяжеленной сумке в каждой руке. Молоко, апельсины, цыпленок, картошка...

Чуть прихрамывая от усталости, она шла по тротуару к корпусам G и H квартала Эг Дус, мимо закрытых магазинов с железными ставнями на витринах. Владельцы не опасались неожиданного сильного прилива, просто закончился рабочий день. Серые фасады зданий были разрисованы граффити. Их теплые цвета и примитивные формы напоминали наскальную живопись догонов в пещерах нагорья Бандиагара, что на севере Мали. Лейли нравилось и самовыражение рисовальщиков, и широкое игровое пространство, которое мэрия обустроила между морем и домами. Фонтаны, подвесные мостики, качели, боксерские мини-ринги, мини-бассейны... Дети могут играть у моря в полной безопасности — с каждого балкона за ними наблюдают. Восемь корпусов по восемь квартир на восьми этажах.

Хорошее место для взросления. Изнутри дома разъедал рак старения – домофоны сломаны, почтовые ящики выпотрошены, – никто не согласится переехать сюда добровольно.

Лейли свернула за угол корпуса *G14*, и ее едва не сбил с ног порыв ветра. У земли мистраль изображал взбесившегося мусорщика, залетал в баки, взметал в воздух пустые пакеты, коробки, окурки, стаканчики и раскидывал в разные стороны. Генеральная уборка, затеянная природным Кёрхером. Скоро вся эта дрянь будет сметена в море, и наутро бетонные плиты в квартале окажутся чистыми. Лейли брела, согнувшись под весом сумок, смотрела в землю и не заметила, как чуть впереди остановился «мерседес» класса *С* и из него вышел мужчина. Лет шестьдесят. Высокий. Элегантный. В безупречном костюме. Подобные типы появляются здесь разве что перед выборами. Депутат? Чиновник? Бизнесмен? Она никогда прежде его не встречала.

– Вы Лейли Мааль?

А вот он ее знает...

– Журден Блан-Мартен.

Лейли остановилась. Он подошел и естественным, как рукопожатие, жестом, предложил отдать ему сумки. Она согласилась.

Журден Блан-Мартен.

Патрон «Вогельзуг». Вундеркинд квартала Эг Дус. Естественно, она

знала, кто он такой, этот человек.

- Я много о вас слышал, мадам Мааль.
- Неужели? В ее голосе прозвучала ирония.
- Могу я проводить вас до подъезда?
- Вы даже можете занести мои покупки на восьмой этаж!

Ответ она дала удачный, но не расслабилась. Встреча не случайна, так чего же он тянет? Блан-Мартен шел рядом — симпатичный, улыбающийся, галантный, — но Лейли давно научилась не доверять протянутой руке.

Блан-Мартен поднял глаза, посмотрел на балкон с провисшей бельевой веревкой и дребезжащей тарелкой антенны.

- Я здесь вырос, сказал он. Корпус *G12*. Школа Виктора Гюго, коллеж Мистраль. За пятьдесят лет мало что изменилось.
- Откуда вам знать? резким тоном поинтересовалась Лейли. Разве вы способны понять наши проблемы?

Блан-Мартен долго молчал, глядя на разъярившееся море.

– Ваша правда, Лейли. Я живу в километре отсюда и был здесь последний раз, когда забирал мать, с тех пор прошло два десятилетия. Я поселил ее на вилле, на холмах Соссэ-ле-Пен. Я все решил сам. Мама никогда не признавалась, но она скучала по старому месту. Ее не интересовало богатство. Она владела абсолютной роскошью – была так счастлива, что презирала деньги.

Они остановились.

– Что вам нужно, Блан-Мартен?

Председатель ассоциации облегченно вздохнул: слава богу, она сделала первый шаг!

– Хочу предупредить вас, помочь. Мне известна ваша история – все ее этапы. Я знаю, сколько вы вынесли, чтобы попасть во Францию, на какие жертвы пошли. Ваша жизнь – путь воительницы, Лейли. – Он сделал паузу. – И для меня не тайна, сколько мертвецов осталось у вас за спиной.

Лейли не удавалось поймать взгляд собеседника, он по-прежнему смотрел на балконы, и она не знала, как поступить. Забрать сумки и уйти? Но предупреждение об опасности чаще всего – замаскированная угроза.

– Мне не нужна ваша помощь.

Блан-Мартен уставился на корпус *H*9. На балкон Лейли на восьмом этаже. Он знает, где она живет! Мужчина продолжил вкрадчивым тоном, с оттенком иронии, как будто беседовал сам с собой:

– Вы любите рассказывать свою историю, Лейли. Кто осудит вас за это? Она такая поучительная. Такая увлекательная. Потрясающее мужество! Достойный пример! Кто останется безучастным к подобной

судьбе?

Лейли решительным шагом направилась к двери. Ветер пихал ее в спину, Блан-Мартен шел в метре позади, с продуктами. Она подняла глаза – может, Ги курит на балконе или хоть Камила стоит? Никого! Все забаррикадировались от мистраля.

Она обернулась:

- Спрашиваю еще раз: что вам нужно, Блан-Мартен?
- Берегите ваших детей.
- Да как вы смеете?!
- Я ничего не имею против вас, Лейли, но помогите нам найти Бэмби и Альфа́.

Она не отвечала. «Господи, пусть кто-нибудь из соседей выйдет на лестницу!» Слова Блан-Мартена хлестали по щекам больнее ветра.

- Я спешу, Блан-Мартен. Лейли протянула руки за своими пакетами. Мне нужно забрать младшего сына.
- Поймите меня правильно, мадам, ваши сын и дочь в большой опасности.
- Моя дочь не имеет никакого отношения к убийствам. Мой сын не бандит. А вы не легавый! И я не понимаю, на что вы намекаете.

Блан-Мартен не дал ей уйти, схватив за запястье:

- Выражусь яснее. Я знаю ваш секрет. Знаю, что вы не та, за кого себя выдаете. Вам доверяют, ваши слова никто не ставит под сомнение. Вами восхищаются. Жалеют. Любят. Вы очаровываете. Соблазняете. Соседей. Начальников. Родителей. Детей. Квартирных хозяев. Кредиторов. Даже полицейских... Все эти люди не подозревают, что вы ими манипулируете.
 - Да вы больной!
- Нет, Лейли. Мы оба совершенно нормальные. И вы это знаете не хуже меня. Вы считаете, что умело дозируете ложь, но она заразила ваших детей безумием.
 - Вы бредите!

Лейли ринулась на темную лестницу. В укрытие. Но все-таки услышала последние слова Блан-Мартена:

– Подумайте хорошенько, Лейли. Мне достаточно произнести одно слово – и все, что вы так терпеливо строили, рухнет.

– Прошу вас, господа, располагайтесь на этом скромном диванчике – другого все равно нет, а из напитков могу предложить только те, что выдает наш автомат. Он с характером, сахар насыпает через раз.

Майор Петар Велика и лейтенант Жюло Флор озадаченно посмотрели на управляющего отелем «Ибис» Пор-де-Бука, заняли места на ярко-красном диване и сразу ошалели от вылившегося на них потока слов.

– Вы напоминаете мне Дэвида Брауна и Фреда Йейтса, двух инспекторов из Данвуди, северного пригорода Атланты, которым поручили защиту Голди, несчастной афроамериканки, скрывавшейся в моем мотеле после убийства белого фермера. Мотель «Аламо» окружили две сотни типов в белых капюшонах с горящими крестами в руках. Мы продержались ночь, и Браун с Йейтсом обелили имя Голди. Кажется, младший из двоих, инспектор Фредди, влюбился в нее, и они до сих пор живут вместе где-то там...

Рубен Либерос долго смотрел на Жюло, точно и впрямь считал его реинкарнацией американского копа, потом достал из кармана монеты и подошел к кофейному автомату.

Отправляясь в «Ибис», Петар дал себе труд убедиться, что мужчина, вырядившийся в танцора танго, не сбежавший псих, а законный управляющий заштатного отеля на окраине Пор-де-Бука.

- Перейдем к делу, мсье Либерос, у нас не очень много времени. Вы можете подтвердить, что Бэмби Мааль, дочь вашей служащей, находилась здесь прошлой ночью, около полуночи?
 - Подтверждаю. Категорически.

Он сунул монеты в щель и сильно стукнул ладонью по автомату, чтобы упал стаканчик.

- Извините, мсье Либерос, но что она здесь делала среди ночи? Ваша служащая ее мать Лейли сообщила нам, что девушка... пела.
 - Могу я рассчитывать на вашу сдержанность, майор?

Петар что-то пробурчал. Ни да ни нет. Рубен продолжил:

– Вы человек чести, инспектор, поверьте, я с первого взгляда узнаю солдат, подчиняющихся лишь велениям своего сердца.

Он вернулся к полицейским и в нескольких словах, сдержанно и точно, объяснил, что иногда дает приют людям без документов и устраивает с ними и для них музыкальные вечера, куда часто забредают случайные постояльцы.

- И ваши фиесты стартуют в полночь? поинтересовался Петар. Либерос протянул ему стаканчик:
- Держите, майор. Капучино. Поверьте в мою долгую историю любви

с этой капризной машиной: приготовить более-менее прилично она может только его.

Всучив Петару обжигающе горячий пластиковый стаканчик, Рубен продолжил повествование:

– Наши маленькие вечера начинаются с наступлением ночи. Скажу честно – у меня есть дива. Ее зовут Нура. Эта прелестная девушка будет появляться и исчезать то со шваброй, то с метелкой из перьев. Она подает завтрак путешественникам, которые покидают нас на рассвете. Золушка с соловьиным голосом исчезает, когда часы бьют полночь, и на сцене появляется Бэмби, хотя тембр ее голоса далеко не так нежен. – Он наклонился к сыщикам, подмигнул и шепотом произнес последнюю фразу: – Только не говорите этого ее матери.

Жюло не удержался и оглянулся. Золушка и впрямь вернулась к работе в ожидании следующего бала. Хорошенькая метиска решила использовать ветреную погоду, чтобы вытряхнуть покрывала.

Нура.

Мозг лейтенанта сработал прежде, чем он успел дать себе совет: «Опасайся совпадений!»

Нура удивительным образом напоминала Бэмби! Тот же гибкий силуэт. Тот же цвет кожи. То же изящество движений и поз – слегка нарочитое, ведь спесивица чувствует себя желанной.

Петара слишком расстроили убийственные для следствия показания управляющего, чтобы интересоваться доморощенной певичкой-уборщицей. Он опасно крепко сжимал в пальцах стаканчик, до краев заполненный химически-шоколадной жижей с шапкой белой пены.

Либерос подошел к автомату за капучино для Жюло.

Петар посмотрел на часы и решил ускорить процесс.

– В таком случае ваши слова могут подтвердить многочисленные свидетели, верно?

Рубен хлопнул по автомату и получил второй стаканчик.

- Их не слишком много, майор... Я бы даже сказал мало... Человек двадцать, не больше... Да будет вам известно, что в восемьдесят восьмом я собрал сто пятьдесят слушателей в «Ибисе», что в Тырговиште^[102], на концерт цыганского скрипача, за которым охотилась Секуритате^[103] Николае Чаушеску. Незабываемое было мероприятие...
- Двадцати свидетелей вполне хватит, перебил управляющего Велика. Где я могу с ними пообщаться?

Майор прилагал неимоверные усилия, чтобы сохранять спокойствие, и

это начало забавлять Жюло. Либерос отдал ему кофе, отошел к стойке и вернулся со стопкой листков:

– Держите, майор. Заявления всех свидетелей, утверждающих, что слушали пение Бэмби Мааль в моем скромном зальчике между полуночью и шестью утра. Здесь есть фамилии, имена, подписи. Всего девятнадцать.

Петар едва взглянул на исписанные страницы.

– Полагаю, у вас есть адреса всех этих достойных граждан или номера телефонов, чтобы мы могли вызвать их в комиссариат?

У Жюло едва не случилась кривошея. Он шпионил за Нурой, пытаясь ничего не упустить из шоу управляющего.

– Вы всерьез считаете, майор, что гражданин мира, который находится во Франции на нелегальном положении и которому в любой момент грозит высылка, добровольно явится в комиссариат давать показания? Попросите у меня видео или аудиозапись, если уж вам не хватает документов.

Петар отставил нетронутый капучино, поняв, что они могут часами ходить по кругу. Рубен Либерос тянул кота за хвост, чтобы выиграть время, морочил их. Этакий метод новой городской герильи. Так активисты солидарности, скрываясь среди местного населения, противостоят слепому правосудию.

– Если заявления слишком приблизительны, майор, я попрошу благодарных слушателей все для вас уточнить: список исполненных отрывков, точное время начала и завершения концерта. Когда человека обвиняют в убийстве, думаю...

Петар Велика был на грани срыва.

- Не трудитесь, мсье Либерос! рявкнул он.
- Надеюсь, вы не считаете, что я сфабриковал показания? Все свидетели важные сановники... на своей родине, опальные депутаты от оппозиции, судьи, учителя, врачи.

Велика почувствовал, что больше не может вести себя благопристойно. Нужно заткнуть управляющего и положить конец этому фарсу.

– Мы проверим ваши показания – каждое слово, можете быть уверены, но для нас важно одно: была ли мадемуазель Бэмби Мааль в Пор-де-Буке прошлой ночью, как утверждаете вы и ее мать. Известно ли вам, где произошло преступление, в котором обвиняется девушка?

Жюло подобрался. Он тоже отставил стаканчик с гадким пойлом, и ему показалось, что Нура замерла у него за спиной и прислушивается к разговору.

– Не имею понятия, – признал Либерос. – Лейли только сказала, что...

- Жана-Лу Куртуа это имя жертвы убили в номере «Караван-сарай» отеля «Ред Корнер». Между пятью и шестью часами утра, если верить судебным медикам.
- Я... Я понял, куда вы клоните, майор, промямлил управляющий. «Ред Корнер»! Боже упаси оказаться однажды во главе подобного заведения! Отель находится в двух километрах отсюда, это двадцать минут пешком. Вы полагаете, Бэмби Мааль могла отлучиться на полчаса и...
- Я не полагаю ничего подобного, Либерос. На несколько долгих секунд «Ибис» погрузился в гробовую тишину, потом Петар Велика закончил: Жана-Лу Куртуа не убивали в Пор-де-Буке. В мире существуют сотни отелей «Ред Корнер». Они сетевые, как и ваша гостиница.

Майор сделал паузу, и Рубен Либерос повернулся к карте Франции, где были отмечены все «Ибисы». Только в марсельском районе их было десять. Последняя фраза майора оторвала его от земли, взволновала сердце, оросила слезами душу и лишила уверенности.

– Жан-Лу Куртуа был убит в дубайском «Ред Корнер». В пяти тысячах километров отсюда!

Рубен Либерос недоверчиво округлил глаза и... онемел. Велика кашлянул, почувствовав, что внезапно выдохся, и посмотрел на подчиненного:

– Расскажи ему все в деталях, Жюло.

Лейтенант заговорил спокойным вкрадчивым тоном:

– Куртуа приехал в Дубай на конгресс первых лиц международной ассоциации, в которой работал, SoliC@re.Две ночи он провел в отеле «Рэдиссон Блю», напротив старого порта, в красивом районе Дейра-Крик, всего в семи километрах от международного аэропорта. В день прилета он приобрел в дьюти фри косметику Occitane en Provence для жены, модель военного самолета для сына и стеклянный кулон «Башня Халифа», который, вне всяких сомнений, подарил своей убийце – Faline95, таков ее ник на фейсбуке. В первый вечер они выпили по бокалу вина в холле отеля, во второй вечер поужинали в мишленовском ресторане «Блики» – одном из десяти заведений Пьера Ганьера. Около полуночи Куртуа вышел из ресторана вместе с девушкой, они взяли такси и поехали в «Ред Корнер». Водитель-дубаец последним видел Жана-Лу живым – если не считать Faline95, разумеется. Мы с этого утра сотрудничаем с полицией Дубая и представителями международному полицейскому Дирекции ПО сотрудничеству при посольстве Франции в Объединенных Арабских Эмиратах. Мы побывали в номере «Караван-сарай» нашего «Ред Корнера», чтобы изучить обстановку, и получили от коллег фотографии места

преступления, анализы крови, приблизительный фоторобот девушки. Она метиска.

Рубен встал, подхватил стаканчики и, даже не вылив, уронил в ближайшую урну.

– Господа дознаватели, – произнес он веселым голосом, – надеюсь, вы не торопитесь и выпьете со мной шампанского очень хорошего года. Раз место преступления отделяют от моей скромной гостиницы пять тысяч километров, это окончательно реабилитирует нашу милую Бэмби Мааль!

19:30

«Одиночество на двоих, – думала Лейли. – Мы с Тидианом остались одни».

- Когда вернутся Альфа́ и Бэмби?
- Не знаю, дорогой.

Лейли не обманывала мальчика. У нее не было новостей от старших детей. Она звонила, оставляла длинные голосовые сообщения, набирала коротенькие эсэмэски – знаков вопроса в них было больше, чем букв.

Все они остались без ответа.

Тидиан гонял по тарелке холодные макароны, накалывал на вилку сосисочные кружочки, макал их в кетчуп, жевал без всякого удовольствия. Лейли всеми силами пыталась успокоить метавшиеся в голове мысли, загнать их в дальний уголок сознания, чтобы спокойно поговорить с сыном, расспросить его с улыбкой на лице: «Ну как дела в школе? Что было на перемене? У друзей все в порядке?» В каждой семье младших ежевечерне подвергают допросу, а вот взрослые ничего о себе не рассказывают.

Берегите ваших детей.

Этим вечером у нее плохо получалось. Угроза Журдена Блан-Мартена звучала в ушах.

Мне достаточно произнести одно слово – и все, что вы так терпеливо строили, рухнет.

Блефовал ли он?

Помогите нам найти вашу дочь Бэмби.

Судя по всему, Блан-Мартен считает, что Бэмби убила двух мужчин. Как и те трое легавых в комиссариате. Смешно! Лейли вспомнила, как Бэмби вчера вечером вышла из-за стола, не поев, и сказала, что идет в КFС с Шерин. В бумагах, которые ей дали прочесть в комиссариате, было зафиксировано, что убийца Жана-Лу Куртуа в это самое время ужинала с ним в гастрономическом ресторане в Дубае. Эта женщина не могла быть Бэмби, но кто поверит свидетельству матери? Чего стоят ложные показания Рубена? Почему дочь не дает о себе знать? Обычно дня не проходит, чтобы они не поговорили. Смутные догадки терзали душу Лейли. Нужно их

прогнать. Заняться Тиди.

- Что не так, дорогой?
- Я потерял мяч... Мяч Альфа.
- Твой талисман?
- Никакой он не талисман! обиделся мальчик.

Лейли мысленно обругала себя за глупость. Тидиан вырастет и покинет ее, как Альфа́, как Бэмби. Она все сделала неправильно. Быть матерью – не ее стезя.

- Он... он упал в яму, мама.
- Завтра дедушка Мусса поможет тебе найти его. Ешь. Ешь, милый.

Тидиан заснул. Лейли прочла ему любимую историю о двенадцати подвигах Геракла. На четвертом он тихонько засопел, на седьмом первый раз закрыл глаза, на девятом — путешествии к амазонкам — проснулся, продержался до одиннадцатого о золотых яблоках Гесперид и окончательно погрузился в сон, когда Геракл отправился в ад на встречу с Цербером.

Лейли долго смотрела, как дышит ее мальчик, измученный противоречивыми чувствами. Одеяло сползло, ей хотелось укрыть сына, чтобы не замерз, осторожно, чтобы не разбудить. И в конце концов неслышно поднялась, выключила свет и вышла.

Оказавшись за дверью, Лейли проверила телефон. Ни одного сообщения!

Как всегда в подобной ситуации, на сердце стало тяжело. Ей бы тоже хотелось крепко заснуть и расслабиться. Она вышла на балкон. Молчание Бэмби и Альфа́ вернуло ее мысли к угрозам Блан-Мартена. Лейли ощущала беспомощность — как все те матери, которым объявляют, что они перестанут получать социальную помощь, если их дети не будут посещать школу. Нет, сейчас ей было еще хуже. Гораздо хуже.

Она закурила. Нужно забыть Блан-Мартена. Выкинуть из головы два имени – Франсуа Валиони и Жан-Лу Куртуа, двух старинных друзей Адиля, двух бывших *клиентов* (сегодня ей было противно произносить это слово даже мысленно). Оба убиты в номере отеля.

И все-таки это совпадение, ведь она никому не рассказывала о мужчинах, с которыми спала. Кроме Рубена и Ги. Но в детали не вдавалась, разве что называла имена. Подробности есть только в красный тетради, той самой, которую писала под ее диктовку Надия. Применимо ли слово «подробности» к рассказу слепой девушки? Конечно, нет! Да и вообще, тетрадь много лет покоится под матрасом.

«Со-впа-де-ни-е, – повторила Лейли, убеждая себя. – Полиция топчется на месте, у легавых нет мотива, нет подозреваемого, вот и

копаются в прошлом жертв, ищут хоть какой-нибудь след».

Что у нее общего с этими мужчинами? Все, кто много ездит и останавливается в гостиницах, имеют дело с проститутками. Она долго была одной из них. Много месяцев. Больше двадцати лет назад. В другой жизни.

Она щелкнула зажигалкой и удивилась, как уверенно пламя противостоит ветру. Между башнями Эг Дус мистраль смирил нрав и усвистел в открытое море. В свете луны, прожектора маяка и фонарей на набережной черный бархат моря волновался, как будто всем его обитателям пришла охота заняться любовью со вздохами и ворчанием, а потом развлечься с кораблями, входящими в порт Фос-сюр-Мер.

Лейли почувствовала запах светлого табака. Этажом ниже Ги курил легкую сигарету. Она наклонилась и спросила:

- Перерыв?
- Нет. Решаю, что смотреть чемпионат мира по дартсу или панамериканский чемпионат по бейсболу среди женщин.

Хриплый голос соседа едва перекрывал шум волн. Лейли перегнулась через перила, чтобы лучше слышать. Она была в платье из набивного хлопка – широком, длиной до колена, с глубоким вырезом. Неизвестно, что сумеет разглядеть в темноте Ги. Ничего. Или почти все. Плевать. Смирившийся мистраль ласкал кожу.

- И чем вы заняты?
- Тоже смотрю на море. Он помолчал, давая Лейли время охватить взглядом бесконечную панораму. Плазменного экрана больше этого еще не придумали!

В воздухе пахло йодом.

Лейли внезапно захотелось нежности.

- Отсюда лучше видно. Поднимайтесь!
- Возьму пиво.
- Нет, вина. И побольше.

Лейли жаждала любви.

Ги был похож на нее. Жизнь и его помяла. Изжевала, но не проглотила.

Лейли сразу поцеловала гостя. Он снял куртку, поставил на подзеркальник бутылку кото-дю-либрон и собрался что-то рассказать о лозе, танине, цвете винограда, но она снова закрыла ему рот поцелуем.

– Пойдем.

Она тянула его к кровати, думая, что в такой одежде — пуловер из крученой шерсти, рубашка, майка, вельветовые брюки, носки, грубые ботинки «Мустанг» — хорошо играть в стрип-покер. Дай бог к концу ночи

останешься голым. Руки Ги скользнули под платье Лейли, губы коснулись ямки на шее.

Мужские ладони мнут ее груди... губы обцеловывают плечи... пальцы ласкают живот...

Желание было таким острым, что Лейли заторопилась, выгнула спину.

– Раздевайся...

Ги устроился на краешке кровати и бесконечно долго развязывал шнурки. Он нервничал и напоминал шестилетку, забывшего, как это делается.

Лейли сидела, подтянув колени к груди. Проверила взглядом, хорошо ли закрыта дверь в комнату Тидиана, выключен ли компьютер, стоящий на этажерке, слава богу, все в порядке. Она с нежностью посмотрела на Ги.

Он справился с одним ботинком. Отдышался и взялся за второй. Может, он не спешит раздеваться? Не хочет, чтобы она видела его голым? Тело Лейли трепетало, кожа хранила следы почти болезненных ласк и слишком глубоких поцелуев, требовала продолжения. Она много месяцев не занималась любовью. Да что там месяцев – последние десять лет!

Ботинок полетел в сторону. Теперь все пойдет быстрее. Штаны. Кальсоны. Носки.

У большинства ее любовников не было лиц... До сегодняшнего дня. Лейли вспомнила, как увидела в комиссариате фотографии Франсуа Валиони и Жана-Лу Куртуа. Словно призраки сбросили саваны и открылись ей. Оказалось, она все угадала правильно: Франсуа был хорош собой и слишком самоуверен, Жан-Лу выглядел хрупким и трогательным.

Ги снял три слоя одежды – джинсу, шерсть, хлопок – и сложил руки на животе, извиняясь, что не сумел избавиться от последнего слоя – жирка.

Толстый. Неловкий.

Я хочу прочесть по твоим глазам, что ты меня любишь.

Почему она вспомнила эти слова Адиля? Он произнес их перед тем, как пустить в ход гнусный эмоциональный шантаж.

«И я согласилась продавать себя. А потом убила его».

Лица Жана-Лу и Франсуа стирались, уступая место трупам. Возбуждение сменилось отвращением. Чувства предавали ее. Тело Ги больше не внушало желания. Потухшее лицо не звало к поцелуям. Согнутая спина и поникший затылок не будили страсть. Он был опечален. Уже готов снова одеться.

Лейли встала, чтобы попытаться спасти любовь или то, что от нее осталось. Скрестила руки, взялась за подол платья, стянула через голову и бросила на кровать, как змея старую кожу.

Она стояла перед ним обнаженная и знала, что все еще желанна. У нее медовые груди. Тонкая талия. Упругий живот.

Такая, как она, недостижима для такого, как он.

Лейли прочла желание в глазах Ги — неуправляемое желание маленького мальчика. Обожание.

Она чувствовала себя красивой – как никогда.

Из светлых глаз лились слезы.

И он показался ей красивым.

Ги встал. Обнял Лейли. Он понял.

Жизнь не пощадила их обоих.

Она последний раз посмотрела на дверь детской – закрыта – и шепнула:

Идем...

Несколько часов, даже не всю ночь, но они будут вместе.

Лейли завернулась в одеяло и вышла покурить на балкон.

Ги лежал на кровати, накрывшись простыней. Все произошло слишком быстро, и ему хотелось продолжить, сделать все как следует, доказать Лейли, что он способен на большее.

Женщина плакала, и, утешая ее, он почему-то перешел на «вы».

- Что не так, Лейли? Вы красивая. У вас чудесные дети. Бэмби, Альфа́, Тидиан. Вы справились.
- Справилась? Все это видимость. Ветер. Нет, о нет, у нас совсем не образцовая семья. Нам недостает главного.
 - Папы?

Лейли издала сухой смешок.

- Ответ отрицательный. Без папы, одного или нескольких, мы можем обойтись все четверо.
 - Так чего же не хватает?

Глаза Лейли стали огромными, и Ги почудилось, что солнечный луч осветил темную комнату, превратив пыль в звезды.

– Вы очень самонадеянны, дорогой мсье. Мы едва знакомы, так с чего бы мне открывать вам мой главный секрет?

Он не ответил. Глаза Лейли потускнели, и альков погрузился во мрак. Она повернулась лицом к морю, затянулась и выдохнула дым. Пусть и облака станут черными.

- Это больше чем секрет, мой любопытный малыш. Это проклятие. Я дурная мать. Все мои дети обречены. Я могу лишь надеяться, что хоть один из них ускользнет от чар. Лейли закрыла глаза.
 - Кто навел чары? спросил Ги.

За закрытыми ставнями век сверкнула молния.

– Вы. Я. Весь мир. В этом деле невинных нет.

Больше Лейли ничего не сказала. Она легла рядом с Ги, прижалась к нему, погладила по плечу.

– Ты не можешь остаться. Тиди не должен тебя увидеть.

Ги понял, но попросил продолжения истории – поступил как султан, требовавший от Шахерезады новую сказку, чтобы задержать восход. Ги.

Ее истории.

Лейли мягко отвела мужскую руку:

– Веди себя хорошо, тогда расскажу.

В памяти всплыли слова Журдена Блан-Мартена, которые он произнес вечером, стоя у подножия лестницы.

Вы любите рассказывать свою историю, Лейли. Кто осудит вас за это?

Вам доверяют, ваши слова никто не ставит под сомнение.

Вы очаровываете. Соседей. Детей. Даже полицейских. И все эти люди не подозревают, что вы ими манипулируете.

Она повернулась к Ги, и его участливая улыбка придала ей мужества.

– Я ничего не выдумала. Верь мне. Слушай повесть о моей жизни нелегалки. В ней все – правда, каждая деталь.

История Лейли

Я была обречена.

Окружена.

Кричать, умолять бесполезно – никто не придет на помощь. В лесу Гуругу мы превратились в животных. Время от времени один из нас покидал стадо, чтобы умереть. Остальные еще теснее сбивались в кучу.

Итак, главарь — тот, что из Кот-д'Ивуара, — надвигался на меня с пачкой презервативов в руке, как хирург со шприцем обезболивающего. Я ничего не почувствую. Они тоже. Забудут. Сделают то же самое с другой отбившейся от своих самкой.

Я вспомнила Сус, ночи любви с незнакомцами в отеле «Ганнибал». Меня собирались изнасиловать не в первый раз, но я впервые видела лицо насильника.

Он был в метре от меня и не казался слишком уверенным в себе.

– Если хочешь, мы заплатим.

Четверо остальных (они так и стояли со спущенными штанами) удивились – видимо, он с ними не посоветовался. Я чувствовала запах их пота, страха, стыда и отвращения. К себе и ко мне. Но ни один не передумал. Когда кто-то из волков дает слабину, другие хищники

разрывают его на куски.

– Платить нужно не мне.

Я вложила в ответ всю дерзость, на какую была способна. Этот боров до меня не дотронется!

- Не тебе? А кому?
- Виржилу.

Интуиция. Безумие. Имя выскочило само собой. Я ночи напролет слушала рассказы женщин, особенно нигериек, советовавших друг другу найти жениха или «друга» — для защиты. Крепкого. Жестокого. Ради собственного спокойствия. Стать его рабой, покорной и полезной, стирать, готовить еду, собирать хворост, носить воду и добровольно заниматься сексом. Обезумев от ужаса, я по наитию произнесла имя самого опасного человека в лагере. Виржил был из Нигерии. Все почитали этого великана, покрытого татуировками и шрамами.

Они окаменели.

- Ты с ним? спросил главарь.
- Узнай у него. Может, он сам назначит цену.

Они колебались, угрожали: «Если врешь, дорого за это заплатишь!» – но отступились, решили подкараулить меня в лагере. Выбора не осталось – пришлось идти в палатку Виржила.

Он спал, но секундой позже навалился всем телом, приставил нож к горлу:

- Что тебе нужно?
- Защити меня.

Я все ему объяснила. Он слушал и смотрел на меня. Я знала, что красива, но Виржил мог получить любую женщину в любой момент.

- У меня уже есть жена в Бьюкенене. И дети...
- Она приедет к тебе в Лондон если доберешься туда. У вас будут еще дети, а я стану заботиться о тебе, пока не окажемся по ту сторону заборов Мелильи.

Виржил спрятал нож. Он искал такую, как я.

- Я не намерен месяцами гнить в этом лесу.
- Так не тяни. Пользуйся, Виржил. Пользуйся, пока мы здесь.

Я сбросила грязную одежду и легла на него. Мы занялись любовью. Я испытала наслаждение и закричала — громко, на весь лагерь, чтобы волки услышали и поняли, кому я принадлежу. Окончательно и бесповоротно.

Надеюсь, вы не будете шокированы, Ги, но я не симулировала. Думаю, Виржил — единственный мужчина, которого я любила. Между нами не было чувства, мы ничего друг другу не обещали, просто заключили

договор. Без лишних нежностей. Две заблудшие, измученные души нашли друг друга – это должно быть вам понятно, Ги. Виржил сражался в Либерии против войск президента Тейлора, то была самая кровавая гражданская война в Западной Африке. Виржил был настоящим политическим беженцем. За его голову назначили высокую цену. Он точно знал, что будет делать, оказавшись в Англии. Начнет охранником склада, потом устроится в ночной клуб. Виржил-Охранник – прозвище для героя фильма студии «Марвел». Но заветной мечтой моего друга было стать телохранителем звезды. Он собирал фотографии, как мальчишка, и взял их с собой, зашив в подкладку куртки. Мадонна, Пола Абдул, Кайли Миноуг, Джулия Робертс... У Виржила была величественная осанка и сила, он бы точно преуспел. Я гордилась ролью его женщины. Другие мужчины-каиды продавали своих женщин, сдавали их тела внаем на час или на ночь. У выживания своя цена. Но Виржил никогда не поступал так со мной. Мы провели в Гуругу четыре месяца. Марокканская полиция регулярно устраивала рейды, все сжигала, но мы не сдавались, готовили большое наступление. И начали его 3 октября 1998 года. Многие сотни беженцев в едином порыве атаковали заборы Мелильи. Зомби выбрались из могил, чтобы захватить живых. Армия нищих пыталась взять приступом крепость. В ответ нас только что кипящим маслом не поливали.

Военные и полицейские были вооружены новейшими технологиями, мы брали числом.

Почти всех отловят, но некоторые преуспеют.

Другие через несколько месяцев попытаются снова. Их будет больше, но прорвутся снова немногие.

Мы с Виржилом не надеялись, что оба преодолеем границу, но верили, что кто-то один сможет. Если окажемся по разные стороны, даже проститься не успеем.

Мы пробежали несколько метров, держась за руки.

В тот день никто не добился цели.

Марокканскую полицию предупредили, они были настороже и удвоили количество патрулей. Ни один из нас не оказался ближе чем на десять метров к решетке. Вход охраняли собаки, джипы, люди, вооруженные и готовые стрелять. Самые сильные представители босоногой армии, которые несли таранные бревна, в ярости бросали их на землю, выкрикивали ругательства на всех возможных языках, плевались и поворачивали назад.

Виржил был среди тех, кто оскорблял охрану.

Я увидела, как трое полицейских взвели курки и выпустили не меньше

двадцати пуль, хладнокровно убив пятерых беженцев, в том числе Виржила.

Я не знаю зачем.

Решили на его примере научить остальных? Убрать самых сильных, вожаков, чтобы не пришлось стрелять в стадо?

А может, все дело было в награде, объявленной за голову Виржила? Адиль не умер, Адиль нашел меня. Адиль заказал Виржила из ревности. Да, Ги, какой бы глупой ни была эта мысль, она пришла мне в голову, и я продолжаю жить, боясь, что призрак Адиля преследует меня, чтобы лишить зрения.

Я вернулась в лагерь одна, без моего защитника, и хищники воспрянули духом. Таких волков нельзя было отпугнуть, ночуя у костра. Они выждали несколько недель. На этот раз я подпустила их достаточно близко и задрала платье, чтобы они увидели голый живот.

Мой округлившийся живот.

Я носила ребенка Виржила и знала, что никто не посмеет меня тронуть. Время от времени, по пятницам, в Гуругу приходил имам, чтобы передать беженцам деньги, собранные правоверными в мечетях по соседству. Он напоминал, что Коран велит отвечать на милосердие благочестивым поведением, заботиться о больных, самых слабых и будущих матерях. В одну из пятниц, когда насильники забыли страх перед Всевышним, имам забрал меня с собой, и я провела последние месяцы беременности в амбулатории на алжирской границе. Больная. Истощенная. Ребенок отнимал у меня все силы.

Он родился в Ужде.

Черный, очень крупный. Нервный и сильный, мой сын мог, по примеру Геракла, задушить голыми руками змей в своей колыбели.

Я знала, что мальчик уподобится природной стихии, как отец, которого он никогда не увидит.

И назвала его Альфа́.

53

20:32

– На судне есть Wi-Fi?

Альфа сунул свой ТТ-33 за пояс — он и кулаками мог заставить Гаврилу не геройствовать. Рулевой «Севастополя» понял, что гигант, приказавший изменить курс, не пристрелит его и не выбросит за борт. Во

всяком случае, сразу. Бледность сошла с лица Гаврилы, к нему вернулась толика уверенности в себе.

- Wi-Fi? Зачем? Вы что, собираетесь крутить на этом корыте порнуху, когда переделаете его в плавучий бордель? Как водилы в прицепах своих грузовиков?
 - А мобильник здесь ловит?
- Да он и на луне сегодня поймает сигнал! Даже на краю света, в тысяче миль от острова Пасхи можно позвонить куда захочешь.

В этом Гаврила был прав. Альфа́ крепко зажал телефон в ладони — на «Севастополе» он представлял бо́льшую ценность, чем спасательный круг или якорь. Сегодня у тысяч молодых мигрантов нет крыши над головой, они не знают, в каком городе или порту будут ночевать на следующий день или через месяц, ни одному не ведома судьба близких, но у всех есть адрес.

Электронный адрес! Так они оставляли след.

Он поднял глаза к Большой Медведице, Веге, Андромеде.

Так они становились маленькой звездочкой. В сети.

Альфа́ нашел в «Контактах» $Бразза^{[104]}$ и позвонил.

- Саворньян? Это я. Он плотнее прижал трубку к уху мешал шум волн, а на той стороне кто-то смеялся и кричал. Слышишь меня, Саворньян?
 - Подожди, сейчас отойду в сторонку...

Альфа, не выпускавший Гаврилу из поля зрения, сделал ему знак сбросить скорость.

- Я в пути, все идет по плану. Пересекаю Средиземное море, буду завтра на той стороне. Там мне понадобятся твои друзья.
- Альфа́... Саворньян надолго замолчал, и Альфа́ даже решил, что связь прервалась. – Война окончена.
 - Что... Как? Почему?
- Бабила, Сафи и Кейван прошли! Вчера их взяли на борт. Возможно, ты их встретишь, завтра утром они будут в Лампедузе.
 - Что это меняет?
- Все! Это меняет все. Я поеду за ними. Даже если будет трудно, мы справимся. Бабила самая нежная и неутомимая медсестра на свете, и рано или поздно ее возьмут на работу в больницу. Я поведу Кейвана на вокзал Сен-Шарль смотреть поезда, а однажды он станет машинистом. Моя малышка Сафи вырастет во Франции и будет самой красивой, на зависть жительницам Марселя, а потом откроет свой салон красоты. Наступит день, и мы поднимемся до Пра-Лу, чтобы увидеть снег, и я буду весь год работать как каторжный, чтобы всей семьей побывать в Диснейленде. И у

нас с Бабилой родится ребенок, который будет настоящим французом, как и наши внуки, и никто у них этого не отнимет, и мы пойдем смотреть парад 14 июля, в День взятия Бастилии, и салют, и фейерверк, а потом приготовим для французских друзей рыбные или овощные котлеты во фритюре. Вот что это меняет!

Голос Саворньяна звучал очень громко. «Он, наверное, выпил...» – подумал Альфа.

- Не бросай меня, друг. Мы на войне и должны думать о наших братьях.
- Нет, Альфа, прости, но нет. Я должен думать о своих. Я за них отвечаю. Они наконец-то свободны, и мне нужно получше принять их. Я не сяду в тюрьму, как это случилось со многими из тех, кто приложил немало сил, чтобы вырваться из ада.
 - Мы должны выиграть войну, Саворньян, повторил Альфа.

Он услышал, как запела женщина, ее поддержали, раздались аплодисменты.

Это больше не моя война, Альфа. Счастливые не воюют.

54

20:54

Большинство мужчин, проходивших по улице Моно мимо «Гордонс Кафе», оборачивались, чтобы посмотреть на нее еще раз. Взгляды были сдержанные и настойчивые, взгляды украдкой и виноватые взгляды «занятых» самцов, не забывших охоту в стае.

Бэмби ставила нахалов на место презрительной гримаской. Она сидела, скрестив ноги под слишкой короткой юбкой, набросив кофточку, чтобы прикрыть декольте, и злилась на Яна за опоздание. Непонятно, правильно ли она поступила, одевшись сексуальнее, чем для ланча. Могла прийти в парандже, даже это не умерило бы аппетитов главного логиста ассоциации «Вогельзуг». Вспомнилась его жалкая «кадрежная» стратегия.

Второе кадровое собеседование. Оно примет... более интимный оборот.

Чудовищный лицемер!

Не хочу, чтобы между нами возникло непонимание, это не значит, что я вас возьму.

Бедный маленький козлик! Хочет облегчить совесть, застраховаться от обвинения в харассменте, но так, чтобы и гордость его мужская не

пострадала. Она спит со мной из-за меня, а не ради работы. Бэмби дописывала сообщение Шерин, когда появился Сегален. Она ждала его со стороны улицы Моно или площади Мартир, а он пришел из ливанского ресторана «У Шерифа», расположенного напротив «Гордонс Кафе».

- Извини за опоздание, красавица. Я заказал меззе́ $^{[105]}$, чтобы искупить вину. У шефа «У Шерифа» они лучшие в городе.

Бэмби успокоилась. Даже хорошо, что Ян задержался. Нужно тянуть время, отодвигая момент, когда отступать будет некуда, ему надоест игра и он накинется на нее. Она должна контролировать ход событий! В хорошем ливанском ресторане в меззе входит как минимум пятнадцать блюд. Она изобразит волчий аппетит, будет смаковать еду, если потребуется – вылижет мисочки из-под хумусов и баклажанной икры. Потом спросит: «Не хотите проводить меня?» Отличный план.

– Замечательно, Ян, – похвалила Бэмби и похлопала ресницами – браво-браво...

Она встала и посмотрела в сторону ливанского ресторана, не решаясь сойти с тротуара. Юбка, сволочь, узкая, а каблуки высоченные — поди попробуй изобразить изящную походку! Она чувствовала, как мужской взгляд скользнул по ее спине и опустился ниже, — такой же липкий, как капли пота, стекавшие вдоль позвоночника.

Дело выгорело! Сегодня ночью Ян Сегален последует за ней куда угодно, как слон на веревочке. Только не в «Ред Корнер», это слишком рискованно. За входами во все отели сети следят строже, чем за Пентагоном, да и Ян наверняка слышал об убийствах Франсуа Валиони и Жана-Лу Куртуа.

- Пошли? Он взял Бэмби за руку и повел к входу в «Гордонс Кафе».
- Разве мы не идем к «Шерифу»? Вы же заказали...
- Для начала я забронировал номер в «Гордонс». Аппартаменты люкс для VIP-персон, с панорамным видом на город.

Она совладала с чувствами – не вырвалась, только пролепетала:

– А как же меззе?

И сразу поняла, как глупо это прозвучало. Ян все предусмотрел...

– Мы приятели с шеф-поваром. Через полчаса еду доставят в номер, а шампанское уже там.

Бэмби последовала за ним.

Контролировать? Как бы не так! Вечер толком не начался, а ее план уже полетел к черту. Через несколько минут она окажется наедине с Сегаленом. Слишком легко все получалось. И слишком быстро. Она не насторожилась. Плохо подготовилась. Легавые обложили ее, пришлось

неоправданно рисковать.

Лифт пошел вниз. На электронном табло в золоченой рамке на мраморной панели над дверями высветилась цифра VIII.

VII, VI, V, IV.

Еще несколько секунд.

III, II, I.

И еще несколько на то, чтобы подняться в номер с шампанским и панорамным видом.

Несколько секунд на размышление.

Остается одно – импровизировать.

Не станет же он ее насиловать.

Она ничем не рискует.

Как и Ян Сегален.

В худшем случае монстр уйдет живым.

55

21:15

Жюло смотрел на снопы искр, освещавших ночь. Они взлетали в небо, цеплялись за темный бархат и падали на край бетонного пирса. Лейтенант различал тени трех рабочих с газовыми резаками, железный корпус эллинга, портовые краны. Полуночники, влюбленные в корабли, могут каждый вечер, семь раз на неделе, выбирать для прогулок новый порт: в понедельник — рыболовецкий, во вторник — яхтенный, в среду — пассажирский, в четверг — военный. Пусть сегодня будет торговый. Жюло предпочитал его остальным по очень простой причине: больше никому не нравилось бродить рядом с нефтеперерабатывающими заводами, вдыхая дым и запахи масла, нефти и газа. Кроме того, ему не хотелось ни слушать ржание подростков на пляже, ни любоваться грациозными силуэтами девушек в купальниках. Фотографии Bambi13 и Faline95 на экране планшета уступили место острову.

Лампедуза.

Итальянский остров, находящийся ближе других к побережью Туниса и к Сицилии.

Он машинально набрал девять букв названия и кликнул по поиску картинок.

ЛАМПЕДУЗА.

Контраст ошеломлял. Глазам Жюло открылось слайд-шоу мировой

трагикомедии: бирюзовое море и чернокожие люди, хрустальнопрозрачные бухты и трупы, загорелые тела на полумесяцах пляжей и в трюмах ветхих суденышек. Та же скученность, только одна – райская, а другая – адская.

Ладно, о Бэмби и Фалине он подумает позже. После того как утром стало известно об убийстве в дубайском «Ред Корнере», он ни в чем не был уверен. Все указывало на виновность Бэмби Мааль, в том числе полное сходство рисунка брызг крови, найденных в номере «Караван-сарай». Но она физически не могла совершить это преступление, потому что находилась за пять тысяч километров от него.

Подождем, – буркнул лейтенант. – ДНК заговорит.

Жюло перешел от картинок к информации об острове. ЛАМПЕДУЗА. Туристические предложения вперемешку с рассказами о трагедиях.

- * 95 отелей. Воспользуйтесь нашими специальными предложениями! Booking.com.
 - * Кораблекрушение 3 октября 2013 года на Лампедузе Wikipedia.
 - * Лампедуза, посетить город до 55 % экономии. www.routard.com
 - * Лампедуза, смертельные ворота в Европу, BFMTV.

Начиная с 2002 года в акватории острова утонуло больше трех тысяч человек. Вдвое больше, чем на «Титанике», половина населения Лампедузы.

Тихий ветер играл с огоньками стоявших у причала яхт, искры взлетали и, потанцевав над морем, гасли в волнах, недолговечные, как мыльные пузыри. Учась в лицее, Жюло ездил с классом в Берлин и видел КПП «Чарли» Безумцы из ГДР, пытавшиеся перебраться на Запад, стали героями, резистантами, мучениками! Те, кто сегодня пытался перейти границу с юга на север, чтобы оказаться на том же Западе, в объятиях тех же демократий, в лучшем случае объявлялись вне закона, в худшем – террористами.

Разница в числе попыток? Дело в моде? В цвете кожи? В вероисповедании?

Или рехнулся компас планеты?

Их смерть – признание в любви.

Жюло обхватил голову руками. Эту фразу он прочел на сайте «Вогельзуг».

Их смерть – признание в любви.

Иллюстрировали пафосное высказывание фотографии: лодки, набитые мигрантами, в нескольких километрах от побережья.

«Вогельзуг».

Ассоциация Пор-де-Бука, где работали Валиони и Куртуа. Лейтенант бродил по лабиринту сайта, где на десятке языков объяснялся феномен миграции. Он надеялся чудом наткнуться на следы цветного браслета на запястье или ракушки в горсти. Ему нужна связь. Любая.

Поиск ничего не давал, и он разделил экран на два окна, решив вернуться на страницы *Bambi13* и *Faline95* в фейсбуке и сравнить их еще раз. Если эта девушка не Бэмби Мааль, значит, она пыталась подставить ее, заманить в ловушку. Другими словами, они знакомы...

В кармане завибрировал мобильный.

Сообщение.

От Петара.

Прочесть? Лейтенант колебался. Они сцепились на обратном пути из «Ибиса», когда Жюло снова предложил вызвать на беседу Журдена Блан-Мартена. Велика отказался. Наотрез. Страсти разгорелись, и майор увеличил громкость магнитолы, чтобы прервать неприятный разговор. «Не человек покоряет море, – пел Рено, – море забирает человека».

Как только подует ветер...

Они ехали вдоль пляжа, недалеко от Эг Дус. Мальчишки купались, весело перекрикиваясь. Петар бросил на них брезгливый взгляд и процедил сквозь зубы:

- Море помойка, мигрантская могила.
- В молчании миновали «Карфур», мультиплекс, где их третировал управляющий Джек Спэрроу, «Старбакс», «Ред Корнер». Было начало шестого, и на парковке отеля с красными стенами и пирамидальной крышей стояло штук десять машин. Видимо, с пяти до семи вечера клиентов здесь больше, чем среди ночи.
- Чего ты хочешь? раздраженно спросил Петар. Мы не можем следить за всеми отелями этой сети в мире. У принципа игры на опережение есть границы, вундеркинд!
 - Не за всеми, упрямо возразил Жюло. Но в Пор-де-Буке...
 - Да что в нем особенного?! В нем никого не убили!

Жюло молчал, ошеломленный логикой патрона.

На миг у него возникло сюрреалистичное ощущение, что они работают над одним и тем же расследованием в двух параллельных мирах и у преступления есть два решения, а истин великое множество.

Разговор возобновился не сразу, словно каждому требовалось проделать свой путь, чтобы вернуться в физические тела. Сидя рядом в «Рено Сафране», они миновали мост через канал Каронте и пастельные дома квартала Иль-де-Мартиг, Жюло – за рулем, Петар – на пассажирском

сиденье.

Прошло несколько часов – и Велика вдруг присылает смс. Что такого невероятного могло случиться?

Не справившись с любопытством, он открыл сообщение.

Мы нашли девку.

Твою драгоценную малышку Бэмби.

Ей не уйти.

56

21:17

Ты чувствуешь себя пришельцем в этом мире

Ты один знаешь свое одиночество

Нура пела. Концерт шел уже больше часа. На этот раз двойные двери пожарного выхода из буфетной отеля «Ибис» были открыты для всех постояльцев. Низким чарующим голосом девушка исполняла репертуар бенинской дивы Анжелики Киджо.

Idje-Idje, *We We*, *Batonga*.

Мешая языки и музыкальные стили, госпел и английский, зук 107 и французский, регги и фоновую музыку, румбу и бамбара, музыку из игр Sega 108. Нура импровизировала в каждом куплете, затягивала припевы. Дариус старался держать ритм на джембе, Уисли позволял себе долгие соло на гитаре, которые певица сопровождала эротичными телодвижениями. Человек тридцать слушателей аплодировали, танцевали, подпевали, сумасшедше счастливые и веселые.

Старик Захерин рассказывал разбуженным соседям, что приезжают его кузены из Джуго: «Мы не виделись двадцать лет!» Уисли сунул под струны второй гитары снимок своей невесты Найи, севшей на то же судно. «Она – звезда, ради нее я выучился играть, Нура будет ревновать, но я уговорю их спеть дуэтом. Получится отпадно!» Дариус, единственный чужак в маленькой бенинской компании, надел поношенный серый костюм, объяснив, что будет встречать дядю Рами, бывшего старейшину деревни Догбо-Тата, и свою жену Фатиму.

Рубен Либерос подавал фруктовые соки, содовую и шампанское. «Эти ящики – подарок внука царя Николая (он живет изгнанником в Эпернэ) в благодарность за одну тайную миссию, о которой и сегодня нельзя рассказывать!» Саворньян приобнял управляющего за плечи и отвел в

сторону:

- Спасибо, Рубен. Спасибо.
- Я счастлив. За вас. Пройдет несколько дней или недель, и все вы наконец-то воссоединитесь с родными.
 - А у тебя нет семьи, брат мой?

Либерос залпом допил шампанское. Нура извивалась, словно в трансе, пожирала Саворньяна глазами и пела, повторяя одну и ту же фразу:

Я чувствую себя чужим в этом мире

– Нет... Но не печалься обо мне, я сам так захотел. Я камень, качусь по дороге задом наперед. Под такими ничего не растет.

Саворньян разлил шампанское по стаканчикам.

– Выпьем за ваши семьи, братья. Разлученные и готовые снова объединиться. В детстве мать с отцом отправили меня учиться в пансион в Саламанку, в пятидесяти километрах от дома. Мы виделись трижды в год – на Рождество, Пасху и летом. Как же я их ненавидел! Меня выгнали собственные родители. Будь они живы, я бы не сумел воздать им полной мерой. Поступи они иначе, я бы застрял в деревне, как мои ровесники, откармливал бы свиней и растил детей, чтобы они стали свиноводами после моей смерти. Сегодня вы поняли, братья, что мир – большая деревня, так рассеивайтесь по планете, собирайте все цветы, какие найдете. И тогда день воссоединения станет праздником.

Все снова выпили до дна.

– Я пополню твои запасы, Рубен, – пообещал Саворньян. – Когда получу Гонкуровскую премию.

Рубен махнул рукой, отказываясь от предложения, и спросил:

- Сколько ты заплатил?
- Немного.
- А поточнее?
- Три миллиона африканских франков. Чуть меньше пяти тысяч евро за каждого пассажира.

Рубен обвел взглядом танцующих. У всех этих мужчин и женщин вряд ли было больше десяти евро в кармане и ста — на счете в банке.

- Мы справляемся, сказал Саворньян. Иногда скидывается вся деревня. Некоторые занимают у ростовщиков, закабаляясь до конца жизни.
 - А ты?
- Взял кредит на тридцать лет. Погасим через десять благодаря моему преподавательскому жалованью, авторским правам и зарплате медсестры, которую будет получать Бабила. Мы умеем экономить. Потом оплатим Кейвану курсы железнодорожных машинистов, а Сафи купим

салон красоты. Кое-кому обходится намного дороже, а у моих браслеты зеленые.

Рубен Либерос вздернул брови, выражая удивление. От шампанского у него слегка кружилась голова. Нура сделала перерыв, а гитара Уисли и джембе Дариуса затеяли бешеную гонку.

– Наша сеть проводников использует браслеты трех разных цветов, – объяснил Саворньян. – Цвет определяется суммой, уплаченной за переход. Такие же пластиковые браслеты носят постояльцы клубных отелей «все включено». Их нельзя подделать или поменять, а срезать и выбросить разрешается только в последний день. Зеленый – 5000 евро, синий – 7000, красный – 10 000.

Рубен неверной рукой поставил пустой стаканчик на подоконник, тот покатился и упал на пол.

- Зачем платить десять тысяч евро за переправу на другой берег Средиземного моря?
- В зависимости от цвета плывешь в трюме или сидишь на палубе, в темноте машинного отделения или возле иллюминатора. Сможешь в любой момент утолить жажду или будешь страдать без воды. Отправишься в путь или останешься ждать, если не хватит места на всех или вдруг испортится погода. Ты шокирован, Рубен? Саворньян хохотнул, он тоже выпил лишнего. Вначале я тоже негодовал, потом задумался. Любой вид транспорта функционирует по этому принципу, так? Любой! Бизнес-класс или эконом-класс. По-скотски или по-королевски. С чего бы нелегалам лишаться подобного выбора?

Управляющий кряхтя наклонился и поднял стаканчик.

- Разноцветные браслетики для сортировки людей, прошептал он. То еще изобретение.
- Не говори, друг! Миллионы мигрантов, заселивших Америку, тоже были разделены уже в дороге. Одни платили целое состояние за невероятную роскошь на плавучих городах, а другие сотнями мерли на нижней палубе, как жалкие псы.

Саворньян похлопал Рубена по плечу, и они подошли ближе к танцующим. Нура сменила репертуар и теперь исполняла поп-шлягеры пёльской певицы Инны Моджа.

Мы собираемся потратить некоторое время на празднование.

Из Рио-де-Жанейро в Сан-Диего,

А потом поедем в Бамако.

– Расскажу тебе мой секрет. – Саворньян приблизил губы к уху Рубена: – Я выбрал проводника не из-за браслетов. Все дело в каури.

- Каури?
- Плату вносишь ракушками, шепнул бенинец.

Его глаза сверкали от возбуждения, совсем как у Нуры на импровизированной сцене.

- Редкими ракушками, уточнил Саворньян. Особыми каури. Внутри сети одна каури стоит сто евро. Воссоединение с семьей обошлось мне в сто пятьдесят каури. Их отдают постепенно на каждом этапе, каждой границе, каждому посреднику. Я не хотел, чтобы Бабила, Кейван и Сафи пересекали Африку с пятнадцатью тысячами евро за подкладкой. А каури вне сети ничего не стоят.
 - Хитро, одобрил Рубен. Очень хитро.

Нура в упор смотрела на Саворньяна, ее голос околдовывал, вызывал сладкую истому.

Сидней, Токио, Париж, Бамако – и снова

Поедем в Бамако. О! О! О!

У запасного выхода появились новые постояльцы в пижамах. Мать, отец и двое детей. Взъерошенные, плохо соображающие со сна. Их принялись угощать пуншем, соком, золотистой акрой – жареными шариками из трески и хрустящими самосами – чудесными мясными пирожками. Они пили и ели, не задавая вопросов, в полном обалдении, как будто легли спать в «Ибисе», а проснулись на другом континенте.

Рубен оставил Саворньяна, подошел вплотную к Нуре и едва слышно попросил:

– Пой. Пой всю ночь, красавица, твоя соперница сегодня не придет.

57

21:19

Бэмби застыла в дверях представительского люкса, почувствовав, что внутри кто-то есть, но Сегален не оставил ей выбора, чуть подтолкнув в спину.

Она шагнула в комнату.

Пусто... но их опередили: лампы на тумбочках отбрасывают на стены апельсиновый свет, тихо играет джаз, кровать усыпана лепестками роз. Да уж, Ян не поскупился ради обычного собеседования!

Дверь в ванную оставлена открытой. Намеренно. Из джакузи за стеклянной перегородкой поднимается пар — горничная открыла кран, чтобы вода набралась к указанному Яном часу. На бортике ждут два бокала

шампанского. Бутылка стоит в ведерке со льдом.

Ян бросил рюкзак и куртку на столик у двери и подошел, собираясь поцеловать ее. Бэмби отпрянула, изобразив восторженную инженю:

– Боже, Ян... я и подумать не могла, что собеседование включает пробный заплыв.

«Нужно выиграть время! – Мысли лихорадочно метались в голове. – Держать его на расстоянии, чтобы избежать поцелуев. Уложить на кровать. Нейтрализовать. Чем? Достать шарф из сумки? Использовать ремень Яна?» Увы, логист «Вогельзуг» в точности следовал собственному сценарию, и первый этап предполагал, что они разденутся раньше, чем остынет пена в джакузи и согреется шампанское.

– Следовало предупредить меня, Ян, я бы захватила купальник.

Ответ она прочла в его глазах. Он тебе не нужен, красавица.

Сегален внаглую рассматривал Бэмби, и вульгарность взгляда противоречила романтической мизансцене. Темная и светлая сторона желания.

Овладеть женщиной. Обладать ею. Нимало не стесняясь, Ян прошел в ванную и начал раздеваться. Проверил термометр, давая понять: кончай валандаться, не нарушай идеальный расчет времени.

Идеальный расчет! Во всем антураже было нечто фальшивое, и Бэмби вдруг поняла это совершенно отчетливо. Ян Сегален вел себя неестественно — слишком уж торопился избавиться от одежды и не разливался соловьем. Будь на его месте другой мужчина, она отнесла бы это на счет смущения, но он не таков...

– Ты идешь?

Ян повесил белую льняную рубашку на крючок, уверенный в своей привлекательности, несмотря на располневшее тело. Он был из тех, кто, родившись красавцем, убеждает себя, что возраст над ним не властен. Подобные самцы отказывают в этой привилегии женщинам и охотятся только на молоденьких.

Бэмби села на кровать, рассеяно погладила кроваво-красные лепестки. Неужели Ян вычислил ее?

За несколько последних дней были убиты два сотрудника, ну или бывших сотрудника ассоциации «Вогельзуг». И сделала это женщина. Да, они давно во всех деталях продумали, как подберутся к Яну, и на этот раз их план не имел ничего общего со случаем Франсуа или Жана-Лу. И да, она ответила на реальное предложение работы, а Ян сам ей позвонил, но... Но совершенно логично, что он не доверяет молодой красотке... очаровательной куколке, которая так легко позволила себя закадрить.

Ян очень скрытный. И самый хитрый из всех.

Он любит женщин, как охотник – дичь.

Они верят, что интересны этому мужчине, а он их изучает.

Я думала, он слушает и понимает меня, а он наблюдал.

Всегда держался настороже.

Прикидывался зачарованным, но был собран.

Чтобы ударить точно в сердце, когда решит, что пора.

- Так идешь? повторил Ян. Поздновато изображать робость.
- А как же официант?
- Наденем халаты.

Бэмби поднялась. Сделала несколько шагов.

Выиграть время. Хоть чуть-чуть. Она почувствовала – сейчас все резко переменится. Расстегнула блузку, сбросила туфли на шпильках и пошла к нему, босая, со вздымающейся над кружевным лифчиком грудью. На последнем шаге Бэмби вынула заколку, и волосы рассыпались по золотистым плечам, как сноп колосьев.

Я должна вернуть преимущество. Усыпить его подозрительность.

Она была уже совсем рядом с Яном, когда в дверь постучали.

- Ресторан «У Шерифа», крикнул мужской голос. Заказ для мсье Сегалена.
 - Поставьте на кровать, ответил Ян, повысив голос.

Бэмби услышала, как открылась и закрылась дверь, Сегален повернулся, собираясь выйти из ванной.

Она его удержала.

Инстинктивно.

Все не так. Все фальшивка. Театр. Постановка, причем плохая.

Бэмби положила ладонь на грудь мужчине, шепнула:

– Оставь, пусть пофантазирует, чем мы тут занимаемся.

Он удивился, воспротивился, но девушка прижалась к нему грудью, погладила выпуклость в штанах, начала расстегивать ремень.

Дальнейшее произошло почти молниеносно.

Бэмби рванула за пряжку, брюки упали вниз, она резко качнулась в сторону, не выпуская из кулака ремень, и обездвиженный Ян заорал:

– Она идет!

Бэмби выскочила в комнату и увидела амбала с дубинкой. Легавый! Ловушка. Ян ее разоблачил.

Амбал допустил секундную задержку, увидев, что на него летит полуголая Барби. Он плотоядно улыбнулся, предвкушая, как поймает ее за талию, сожмет, а она будет брыкаться и дергаться в его крепких

татуированных руках.

Пряжка ремня ударила в висок так стремительно, что он не успел увернуться. Бэмби на ходу намотала оружие на руку. Дубинка полетела на ковер, детина рухнул на кровать. Уже взявшись за ручку, девушка заметила свое отражение в зеркале, схватила сумку, куртку, портфель Яна и ринулась в коридор. В спину ей несся вопль громилы «Сссу-ка!», а из ванной нелепой походкой пингвина, путаясь в спущенных штанах, ковылял Ян.

VIII, VII, VI, V, IV, III, II, I.

Она натянула куртку в лифте, пытаясь успокоиться, чтобы сердце не выскочило из груди, вихрем миновала холл «Гордонс Кафе» и со спринтерской скоростью промчалась по улице Моно к площади Мартир. Прохожие оборачивались вслед безумной девице в куртке на голое тело. Бэмби подтянула юбку, чтобы делать шаги пошире, соблюдение приличий сейчас не главное, на кону стояла ее свобода, а может, и жизнь.

Правоверные мусульманки в длинных платьях и платках прикрывали глаза детям, чтобы те не видели «этого позора».

Бэмби проскользнула между двумя колясками и полетела к бульвару. Трое полицейских, дежуривших у ювелирного магазина, решили не покидать свой пост.

Тебе повезло, так беги быстрее!

Шершавый тротуар ранил босые ноги. На смену новым домам пришли развалины разбомбленных зданий. Бэмби прижимала портфель к груди в отчаянной попытке прикрыть наготу. Пересекла улицу, подталкиваемая в спину страхом.

Пропустите меня!

Машины во всех четырех рядах резко затормозили. Женщина, сидевшая за рулем белого пежо-504, грубо обругала Бэмби, молоденький водитель феррари-458 засвистел ей вслед. Она сбросила скорость и побежала по широкой эспланаде; слева ехали машины, справа сверкало море.

Навстречу Бэмби попадались джоггеры. Четыре усача, сидевшие на скамейке, проводили девушку взглядами, весело скалясь. Она почти выдохлась и поглядывала налево, молясь, чтобы рядом притормозило такси, а не полицейская машина.

Но все же остановиться пришлось. Сумка оттягивала плечо, портфель прилип к потной груди, юбка задралась так высоко, что были видны белые трусики. Бэмби в последнем порыве целомудрия поправила одежду, сорвала, отшвырнула в сторону белокурый парик и откинула назад мокрые от пота волосы. Линзы невыносимо жгли глаза, но тут небо услышало ее

молитвы: в крайнем ряду, метрах в ста, ехал бело-желтый «мерседес». Наконец-то! Бэмби выскочила на мостовую. Такси вильнуло.

Не дав водителю опомниться, она залезла на заднее сиденье.

- Говорите по-французски?
- Мало-мало...
- Тогда гоните.

Бэмби заметила флажок на магнитоле.

– В аэропорт Бейрута, – уточнила она. – Я должна там быть через четверть часа!

58

21:24

Журден Блан-Мартен беседовал с Аньезе де Кастро, аппетитной каталонской вдовушкой, владелицей десятка квартир на побережье Средиземного моря, от Барселоны до Пизы. Квартиры пустовали, и она соглашалась вселить в половину из них богатых беженцев. В левом кармане завибрировал телефон, раздались первые такты «Адажио» Барбера в исполнении Нью-Йоркского филармонического оркестра под управлением Леонарда Бернстайна (отличие от классической версии – рингтона его рабочего телефона, лежащего в правом кармане, – улавливал только сам Журден).

Он извинился перед вдовой. Его верные компаньоны сумеют выторговать хорошую цену за пустующие резиденции, необходимые всего на несколько недель в году. Подбор жилья для обеспеченных беженцев тешил эго Журдена даже сильнее, чем ежемесячный доход от *Airbnb* – онлайн-платформы для аренды жилья.

Блан-Мартен ушел подальше от большого зала приемов замка Калисан, украшенного гобеленами. Богатые дарители подписывали здесь чеки, и чем лучше было поданное вино, тем крупнее оказывались суммы. Журден дошел до пустынной парковой аллеи и взглянул на экран.

Звонил Макс-Оливье. Его Банкир.

- У меня совещание, Макс-О.
- Официальное?
- Да. Но ты можешь говорить, я сейчас один.
- Проблема с «Кенитрой». Они должны были отчалить из Сайдии ровно в двадцать один, взяв на борт тридцать пять пассажиров с браслетами красного цвета, но двигатель вышел из строя. Ничего

удивительного – семь лет ходит по морю, груженый как мул.

- Где ты?
- В порту Сайдии. Меня вызвал капитан.
- Другое судно у причала есть?
- Ни одного! А люди скандалят. Кроме того, на несколько следующих недель плохой прогноз, обещают штормовую погоду. Уже сегодня море неспокойное.
 - Утихомирь их, другого решения нет.
 - Они устроят бучу, Журден! Представляешь последствия?

Он представлял. Еще бы ему не представлять! До него им не добраться, а диким слухам о том, что великий патрон «Вогельзуг» наживается на мигрантах, мало кто поверит.

- Когда ушел последний корабль?
- Час назад. «Эль Беркан». Сто пятьдесят клиентов на борту. Они прибавят ходу из-за метеосводки.

Журден присел напротив фонтана, лицом к прелестной статуе Дианыохотницы с тремя ланями. Выход есть. Неприятный, но единственный.

- Сколько зеленых браслетов среди пассажиров «Эль Беркана»?
- Думаю, человек тридцать.

До чего же эффективно трудится Банкир! Так же эффективно, как его альтер эго за решеткой – Казначей. Ничего удивительного, обоим хорошо неукоснительное соблюдение непреложных платят за правил, установленных хозяином. В том числе правила о том, что при погрузке на зеленые браслеты никогда любое СУДНО не должны составлять большинство.

– О'кей, свяжись с рулевым. Пусть пересадит тридцать человек в шлюпку и вернется в Сайдию за «богатенькими».

Журден почувствовал, что Макс-Оливье колеблется.

- На высокой волне они и десяти минут не продержатся.
- А ты что предлагаешь?! повысил голос Блан-Мартен.

Диана смотрела на верхушки деревьев, лаская одну из ланей.

– Полагаешь, удастся вернуть тридцать мигрантов в порт и обойтись без потасовки? Думаю, марокканская полиция очень заинтересуется, откуда взялись эти пассажиры лоукоста! Поверь, море сохранит тайну, мы тысячи раз такое проделывали. Пусть капитан найдет любой, самый идиотский предлог – двигатель заглох, таможенный патруль на горизонте – и натравит сине- и краснобраслетников на остальных, чтобы освободить тридцать мест.

В трубке раздался тяжелый вздох.

- Мы никого не принуждаем садиться на корабль, Макс-O! Блан-Мартен решил надавить на Банкира. Не будь наших судов, они поплыли бы в Европу на спасательных кругах.
- Ладно, Журден, избавь меня от нотаций. Капитан хороший солдат. Он выполнит приказ и глазом не моргнет.
- Зеленые браслеты знают, что рискуют, кипятился Журден. Как и мы. Если повезет, патруль их подберет. А нет будет урок остальным на будущее. Слухи в этой среде расходятся быстро, и люди поймут: за путешествие выгоднее заплатить подороже. Сообщи, когда дело будет сделано.

– Конечно.

Макс-О не отключился, как будто хотел сказать что-то еще. Что-то, не имеющее никакого отношения к тридцати мигрантам, которые будут брошены посреди Средиземного моря на ореховой скорлупке и почти наверняка погибнут. Десятки людей тонут каждый месяц, и если Блан-Мартен прикроет свой бизнес, то его место займут любители и процент жертв будет выше.

- В чем дело, Макс-О?
- Вчерашний парень. Альфа́ Мааль. Тот, что хотел продавать «пятизвездные круизы»...
 - Ну и?..
 - Со вчерашнего дня о нем ни слуху ни духу.
- Вот дерьмо! Я ведь просил присматривать за ним. Ищи и найди мерзавца до завтрашнего утра!

Журден закончил разговор. Он был обеспокоен.

Не «разменом» пассажиров. Дело быстро уладится, а разницу в прибыли – тридцать раз по 5000 евро минус 2000 каури – можно в расчет не брать. Все его мысли были о семейке Мааль. Мать, Лейли, рыпаться не посмеет. Он знает ее маленький секрет и готовит сюрприз: судя по сообщениям Яна Сегалена и Петара Велики, они загнали дичь — Бэмби. Давно пора! Осталось рассчитаться с мелким негодяем, ее братцем Альфа́.

Журден бросил последний взгляд на каменные статуи, убрал телефон в левый карман и пошел назад, к огням зала приемов замка Калисан, отличному вину и приятной компании.

05:47

Стартуй!

Жалкие четыре часа сна. Сообщение от Петара. Без объяснений. Приказ.

Стартуй!

Нет необходимости уточнять, что дело срочное. Жюло начал привыкать к немногословности патрона. Полчаса спустя он вошел в общий зал бригады — плохо выбритый, взъерошенный, кое-как одетый. Встреченные в коридоре коллеги тоже выглядели помятыми, как отпускники после ночного рейва.

Зато Велика казался совершенно бодрым. Он встретил подчиненного сияющей улыбкой, которую приберегал для особых случаев.

– Прости, что вытащил из постели, дружок, но у нас новости.

Жюло потер глаза. Петар повернул свой ноутбук экраном к заместителю, но тот не смог разобрать ни слова.

- Наша убийца нанесла новый удар, сообщил майор. Как минимум попыталась.
 - Кто? коротко спросил Жюло.
 - Ян Сегален. Главный логист «Вогельзуг».

Снова «Вогельзуг»... Возникла напряженная пауза. Жюло молча ждал продолжения.

- Ян Сегален работает в Бейруте. Он вошел в контакт с девушкой чуточку слишком красивой и чуточку, скажем так, слишком доступной, и у него возникли сомнения. Он назначил ей свидание в месте по собственному выбору и вызвал на подмогу начальника службы безопасности, чтобы захватить девицу. Лучше бы предупредил нас! Сегалену повезло он жив, в отличие от Валиони и Куртуа, но преступница в бегах.
 - Сегален ее опознал? Это Бэмби? Бэмби Мааль?

Петар позволил себе ироничную ухмылку. Он явно сказал не все и от души забавлялся, играя в кошки-мышки с лейтенантом, чьи шарики-ролики в кои-то веки крутились медленнее его собственных.

– Беспокоишься о своей любимой малышке? Потерпи, в Ливане скоро

взойдет солнце, мы разбудим тамошних легавых и все узнаем. По свидетельству логиста, девушка была белокурая, с зелеными глазами и матовой кожей, жутко соблазнительная... Парик, линзы, умелый макияж – все сходится. Соответствует образам Бэмби, Фалины, Флёр – это новое имя, которое она выбрала. Удивлен? Да, я тоже могу набрать четыре буквы и выяснить благодаря Википедии, что так звали вонючую подружку оленьей Бэмби – скунсиху. Впрочем, под описание подходит куча других девушек...

Лейтенант никак не мог привести мысли в порядок, голова гудела как котел. «Как же я ненавижу утро!» В комнате запахло кофе — Жюло видел, как Риан заправлял машину. «Поторопись, старина, если не хочешь иметь дело с моим хладным трупом!»

Майор наверняка выхлебал уже не один литр, пребывал в страшном возбуждении и радовался просто по-детски, мешая помощнику размышлять.

— Так вот, умник, пока ты с упорством идиота часами пытался нарыть компромат на «Вогельзуг» и Блан-Мартена — не отпирайся, я влез в твой компьютер! — старший по званию разрабатывал эту девицу... И не только разглядывал снимки в бикини. Со вчерашнего дня, из-за показаний Лейли Мааль и припадочного Рубена Либероса с его анонимными свидетелями, у нас проблемка: как доказать, что позавчера вечером Бэмби Мааль была в Дубае? Бейрут — это уже теплее, учитывая, что у нас нет новостей о таинственной студентке-певице со вчерашнего утра, когда полиция начала проявлять к ней пристальный интерес.

Петар Велика был циничен не меньше и не больше обычного, но лейтенанту почему-то не понравился его тон. Жюло не оставлял попыток сосредоточиться, несмотря на слишком громко бурлящую кофемашину и трещащий радиоприемник (неизвестно, что хуже – песенки или новости).

- Утром будут готовы анализы ДНК, устало произнес Жюло, и мы получим доказательства благодаря крови из дубайского «Ред Корнер».
- Очнись, черт тебя подери! У нас подозреваемая в бегах. Преступница, зарезавшая двух отцов семейства и пытавшаяся укокошить третьего. Она наверняка добралась до бейрутского аэропорта и села в самолет. Мы шерстим списки пассажиров всех рейсов и возьмем ее, как только приземлится. Не будем ждать у камина результатов из лаборатории.

Жюло сглотнул горькую слюну. У него появилось тошнотворное чувство, что начинается травля зверя. Петар Велика был человеком действия, когда ход следствия ускорялся, он оказывался в любимой стихии. Не требовалось разбираться в том, как и зачем девушка убивала, нужно было предотвратить следующую попытку. Нейтрализовать преступницу. И

обо всем забыть.

– Я предполагаю, – продолжил майор, немного успокоившись, – что она, возможно, действовала не одна, и вот тут мне понадобятся твои мозги.

Жюло встряхнулся, пытаясь собраться с мыслями.

– Мы не бездельничали. За вечер нашли трех потенциальных кандидатов на роль двойников Бэмби Мааль, – сообщил майор.

«Пока я часами бился над неразрешимыми головоломками, патрон действовал. Он в тыщу раз эффективнее, прагматичней и сообразительней меня!» – уныло думал лейтенант.

– Первую зовут Нура Бенхадда. Эту красивую ме- тиску мы с тобой видели в «Ибисе». Она убирается в отеле и поет как богиня, живет в стране легально. Подозревать ее мы можем из-за потрясающей пластики и того обстоятельства, что мать Бэмби работает в том же отеле.

«Ничего нового...» – подумал Жюло.

– Вторую обнаружил Тони. Камила Саади живет этажом ниже, прямо под квартирой Лейли Мааль. Она учится на одном факультете и курсе с Бэмби Мааль. Они близко дружили, потом рассорились. Тони считает, что виной всему зависть и ревность: Камила не выдерживает сравнения с Бэмби. Но ты сам говорил – фотошоп творит чудеса. Не обязательно быть Холли Берри, чтобы заманить пятидесятилетнего женатого мужика в ближайший «Ред Корнер».

«Ложный след...» – подсказала Жюло интуиция.

– Третья заинтересует тебя больше, – пообещал Велика. – В контактах Бэмби Мааль нашлась некая Шерин Мёнье. Она на два года старше, познакомились они на курсах зумбы в марсельской ассоциации любителей танца «Исадора». Две красотки, одинаково тоненькие и гибкие, как тропические лианы. Девицы остались близкими подругами, хотя видятся нечасто. Шерин Мёнье – бортпроводница в «Ройяль Эйр Марок».

Жюло вздрогнул. Бортпроводница! Недостающее звено в его рассуждениях. Девушка, которая может фотографироваться в разных концах планеты, вот откуда фотографии *Bambi13* на фейсбуке. Одной загадкой меньше...

«И одним вопросом больше...» – осадил себя лейтенант. Кто такая Шерин Мёнье – убийца, присвоившая личность подруги, или всего лишь сообщница? Впервые за утро Петар замолчал, утихла и кофеварка.

Прозвучала отбивка новостей, и в тот же момент вошел Риан:

– Жюло и Петар. Два кофе? Заказ готов!

Лейтенант Флор не откликнулся. Завеса исчезла. Все вокруг вдруг расплылось и замедлилось: Петар, встающий, чтобы взять чашку; голос

журналиста, вещающего по радио; Риан, изображающий баристу.

Жюло и Петар. Два кофе? Заказ готов!

Он наконец ухватил за хвост воспоминание, за которым охотился три дня. Не картинка, не ощущение — фраза! Простая, отфильтрованная, засунутая в дальний угол мозга и ждущая, чтобы ее достали.

Бэмби и Альфа́. Два кофе? Заказ готов!

Лейтенант молниеносно соединил фразу с местом, датой и точным временем: «Старбакс» рядом с «Ред Корнером», три дня назад, через несколько минут после обнаружения тела Франсуа Валиони.

Жюло Флор как сомнамбула протянул руку и взял горячий кофе. Бэмби и Альфа́.

Два связанных друг с другом имени. Никаких сомнений — он находился рядом с братом и сестрой Мааль, в ста метрах от места преступления. Мысли уподобились взбесившемуся табуну. Как только одна улика обеляла Бэмби, немедленно появлялась другая и указывала на нее. Как пазл, части которого не желают складываться. Именно по этой причине он сконцентрировался не на идентификации девушки, а на ассоциации «Вогельзуг», незримо присутствовавшей во всех ответвлениях расследования.

Когда Жюло вернулся к реальности и решил поделиться с шефом этим странным совпадением, он осознал, что в комнате установилась мертвая тишина. Диктор сообщил результаты футбольного матча и удручающие цифры роста безработицы, а потом рассказал о новой, но уже такой привычный драме в Средиземном море.

У островов Чафари'нас (суверенные территории Испании), в трех с половиной километрах от побережья Марокко, неподалеку от границы с Алжиром.

Лодка в штормовом море.

Испанские пограничники засекли сигнал SOS. Слишком поздно.

Из воды подняли пятнадцать тел, остальные найти не удалось.

А теперь переходим к прогнозу погоды.

60

06:11

Лейли вышла на балкон и закурила. Солнце вставало исподтишка, прячась за кучевыми облаками, стирающими линию горизонта. Сигаретный дымок замер на уровне ее носа, как крошечная зловредная

тучка-осквернитель. Ни ветра, ни волн, ни пены, только холодный влажный и соленый туман. Даже море казалось заспанным.

С восьмого этажа Лейли видела, как несколько теней двигались вдоль домов, и узнала Ги. Воротник куртки поднят, шапочка натянута до ушей.

Она провожала его взглядом, смотрела, как он пересек стоянку и на авеню Мистраль присоединился к утренним призракам, стоявшим на остановке автобуса № 22 в сторону Мартиг-Фигероль. Очень скоро она в него тоже сядет.

Возможно, однажды они проделают весь этот путь вместе: встанут, по очереди примут душ, позавтракают, закроют дверь, спустятся по лестнице, в молчании дождутся автобуса, поцелуются, перед тем как он выйдет на Каравель, а она проедет еще пять остановок. Лейли чувствовала печаль, глядя, как люди прощаются у подножки общественного транспорта или на стоянке возле школы, чтобы вечером испытать радость встречи.

Возможно, однажды. Но не этим утром. Ги ушел к себе около двух ночи. Лейли объяснила, что должна будет отвести Тидиана в школу, он понял и не обиделся. «У меня впереди тоже длинный рабочий день».

Подошедший автобус заглотил Ги, человек десять работяг, две коляски, нескольких учеников коллежа и скрылся из виду.

Лейли опаздывала, но никак не могла стряхнуть с себя утреннее оцепенение, когда мысленно ходишь по кругу. Она снова проверила телефон: никаких сообщений – ни от Бэмби, ни от Альфа, а ведь она написала обоим, как только проснулась. Лейли было страшно. Из головы не шли угрозы Журдена Блан-Мартена. Инстинкт подсказывал: она – жертвенная пешка в обширной империи этого человека, построенной по принципу салонной игры. Кому она может доверять? В левом кармане встреченного лежала молодого инспектора, накануне визитка искренним начинающий комиссариате. Он показался ей (как преподаватель) и не похожим на коллег: один смахивал на бульдога, у другого был типичный марсельский выговор.

Лейли затушила сигарету. Надо пошевеливаться, через час начинается ее смена в «Ибисе», не хватает только опоздать. Не терпится поскорее попасть на работу, послушать невероятные рассказы Рубена и пообщаться с Саворньяном и остальными беженцами из тайных комнат.

Лейли надела кофту, висевшую на одном из стульев в гостиной. Телевизор работал, но слабый звук заглушали взрывы хохота с Fan Radio, которое врубила этажом ниже Камила. Судя по застывшим в неподвижности машинам за спиной комментатора, он рассказывал об утреннем трафике в городе. Двигалась по экрану только новостная лента.

Взгляд Лейли выхватил случайную фразу, и она успела прочесть каждое слово, прежде чем на ее место въехало следующее сообщение.

Новая драма в Средиземном море. Двадцать шесть мигрантов-бенинцев утонули у берегов Марокко.

Новости сменяли одна другую. Мир замер. Земной шар остановился.

Рубен сидел в большой буфетной «Ибиса». Один. Как брошенный всеми постоялец. Забытый. Ожидающий, чтобы у него забрали вещи и проводили в номер.

Лейли поймала отсутствующий взгляд покрасневших глаз, увидела, как дрожат у него руки. Управляющий постарел на десять лет. Нура за соседним столиком судорожно сжимала телефон, она была в прострации.

Ничто не нарушало гнетущую тишину. Клиенты подходили к стойке, чтобы оплатить счет, ждали минуту-другую и молча исчезали. Так, встречая похоронную процессию, мгновенно умолкаешь и переходишь на цыпочках на другую сторону. Видя, что ни Нура, ни Рубен не обращают на них внимания, постояльцы брали круассаны, пакетики каши и эспрессо в стаканчиках. Никто не оставался завтракать на месте, неловкость пересиливала голод.

Когда ушли последние, Лейли подошла к Рубену, невольно повторяя про себя фразу из новостей.

Новая драма в Средиземном море. Двадцать шесть мигрантов-бенинцев утонули у берегов Марокко.

Всю дорогу она твердила себе: «Вряд ли несчастье коснулось Саворньяна, Захерина и остальных... В Бенине десять миллионов жителей, тысяча беженцев, диаспора, рассеянная по всей Европе. Зачем воображать худшее? Ну почему, узнав об очередной драме, мы поддаемся мрачному эгоцентризму и всегда боимся, что пострадал кто-нибудь из знакомых?»

Лейли села напротив Рубена. Он был не в состоянии промолвить ни слова, и она решила его не трогать. Огляделась, ища глазами Саворньяна, Захерина или Уисли... К ней подошла Нура. Положила на стол телефон, открыла почту и кликнула прикрепленный аудиофайл. Звук был отвратительный, с посторонними шумами, слабый голос прерывался. Каждое слово, каждая фраза произносились через долгую паузу — так читают молитву. Последнюю, безнадежную.

Рами... я Рами... бывший староста деревни Догбо-Тота... передайте всем это сообщение... они нас подобрали... в военном госпитале... Остров Изабеллы II... кажется...

Шлюпка перевернулась... почти сразу... как ушел «Эль Беркан»... мы

не продержались и пяти минут... слишком высокие волны... сигнал проходил... мы сразу начали вызывать... видели берег... Острова Чафари'нас закричал Кейван... этот мальчик знал наизусть карту мира... испанская военная база... некоторые цеплялись за перевернувшуюся лодку... остальным было не за что держаться, только друг за друга... потом волны нас разметали...

Испанцы говорят, что прибыли быстро... так быстро, как смогли... lomás rápido... rápido... rápido... Они все время это повторяют... они тоже потрясены... они втаскивали нас на катер и считали... раз... два... три... четыре... они давали каждому номер... они перекрикивались... сиántos? cuántos?.. светили прожекторами и обшаривали море... я получил номер 5... Фатима — номер 8... cuántos? сиántos? Они кричали все громче... treinta у cinco, я ответил... после Фатимы они выловили юношу... номер 9... последний... они искали еще час... потом перестали...

Спасли девятерых из тридцати пяти... Думаю, они сделали, что могли... Я им благодарен... за себя... за жену... для вас они навеки проклятые... когда море успокоилось, они вернулись... сразу как взошло солнце... вернулись за телами... которые уже пошли на дно... утром показалось, что берег еще ближе... всего в километре... я знаю, уточнять — еще большая жестокость... простите меня... я слишком много говорю... нанизываю слово на слово... чтобы оттянуть момент, когда придется назвать имена... все мы были знакомы... прожили вместе три месяца, пока ждали перехода... сообщество... до самого конца... верьте мне... мы все мечтали об одном... жребий бросило море... не испанские военные... море...

Голос прерывался, стал совсем невнятным. Слова напоминали выстрелы. Слышались плач, испанская речь, кто-то говорил на языке *fon*. Продолжила женщина. Скорее всего, Фатима. Спокойно, участливо.

Друзья мои. Дорогие мои друзья. Не знаю, простите ли вы меня когданибудь за то, что стала вестницей смерти.

Она перечислила двадцать шесть имен. Тех, кто пропал. Говорила медленно, почти по складам, чтобы избежать любого трагического недоразумения.

Лейли вздрагивала, и всякий раз боль проникала все глубже в сердце.

Кэмиль и Ифрах.

Два кузена Захерина.

Найя.

Невеста Уисли.

Бабила, Кейван и Сафи.

Жена и дети Саворньяна.

- Где они? почти беззвучно спросила Лейли у Рубена. Где Саворньян, Захерин, Дариус, Уисли?
 - Не знаю.

Фатима назвала еще несколько имен и замолчала. Даже не добавила: «Да пребудет с вами Аллах...» Прозвучало еще несколько слов на испанском. Военные.

Uno... dos... tres... cuatro...

Кого они считали? Живых или мертвых? Бог весть...

Лейли вернула телефон Нуре. Никогда раньше ее взгляд не выражал бездонного отчаяния — только ревность, желание и гнев. Из всех чувств осталась только ненависть.

– Пой, – шепнула Лейли. – Пой, Нура. Пой для них.

После секундной паузы девушка едва слышно затянула успокаивающую мелодию на незнакомом языке. Нежную колыбельную.

Лейли показалось, что это продлилось часы.

Это могло бы продлиться часы.

Мягкий голос Нуры осушил слезы Рубена. Магия оказалась всесильной – даже клиенты останавливались послушать и замирали, как загипнотизированные.

Телефон Лейли ожил, пронзительно заверещал, она вскинулась, сердце оборвалось от страха.

Кто это? Альфа́? Бэмби? Может, Саворньян?

Нура открыла глаза и «убила» ее взглядом. Лейли было не до уязвленных чувств певицы, она ответила, хотя на экране высветился незнакомый номер.

– Мадам Мааль, это Камила! Ваша соседка снизу. Они у вас в квартире и все громят! Выбили дверь, я поднялась посмотреть, но их двое, и они с пушками. Я... Я не хотела звонить в полицию и закрылась у себя. Кажется, они уходят... Мне страшно, мадам Мааль!.. Возвращайтесь скорее... Я боюсь...

Девушка так кричала, что Рубен слышал весь истерический монолог. Он встал.

– Я с вами, Лейли. Идемте.

Когда они добрались до Эг Дус, бандиты уже исчезли. Квартал выглядел как обычно. Почтовые ящики не взломаны. Лестничная клетка загажена, но умеренно.

Камила ждала у своей квартиры.

– Они пробыли тут минут пять. Чтоб...

Девушка явно собиралась выругаться, но подавилась словами – ее впечатлил внешний вид Рубена: длинное пальто, черная фетровая шляпа, покрасневшие глаза спрятаны за темными очками.

Камила пришла в ужас. Сначала два «грузчика», теперь вот «чистильщик».

– Я у вас не была, мадам Мааль, клянусь! Они бы меня не пустили.

Рубен и Лейли молча поднялись на один этаж, вошли в квартиру, и она сразу поняла: ничего не украли. Да и что взять, кроме телевизора и компьютера? Незваные гости их не тронули, зато все остальное расшвыряли – коллекцию сов, книги, очки, матрасы. Детские вещи выкинули из чемоданов на пол...

– Кажется... у меня все на месте.

Несколько гипсовых птичек разлетелось на куски, но большая часть осталась цела, погромщики даже не потрудились растоптать их. Можно подумать, пронесся ураганный ветер.

– Запугивают, – устало промолвила Лейли. – Обычное дело.

Она вспомнила шантаж Блан-Мартена. Скорее всего, заказчик он. Велел подручным напугать «упрямую бабу». Дать понять, что его терпение на исходе. Напомнить свой... приказ: «Перезвоните, если Бэмби или Альфа́ объявятся».

Кому? Ему или в полицию?

Или они повязаны?

Рубен сел, похлопал ладонью по дивану.

– Что они ищут, Лейли? – мягко спросил он.

Она была благодарна за то, что управляющий не рассказал очередную байку о взломе квартиры в Бирме или Полинезии, а приготовился слушать.

- Моих детей. Моих старших детей.
- Они ушли, Лейли. Все кончено. Негодяи ушли.

Лейли долго молчала. Подобрала с пола стеклянную сову, странным образом не разбившуюся при падении.

- Они вернутся. Не сразу, но вернутся.
- Зачем?

Она улыбнулась. Подняла другую птичку, вырезанную из дерева, и поставила к первой.

– Время терпит, Рубен. Хотите узнать, чем кончилась моя история? История Лейли

Родился Альфа. Его отца Виржила убили во время атаки на колючую проволоку Мелильи. Моя попытка добраться до Европы провалилась. Я слышала рассказы о женщинах, которые так сильно хотели оказаться в

волшебной счастливой стране вместе с детьми, что это превращалось в манию, и они сходили с ума посреди пустыни или в открытом море, укачивая мертвого ребенка.

Я вернулась в Сегу. Мне не терпелось снова увидеть Бэмби, познакомить Альфа с бабушкой и дедушкой. Я смертельно устала, Рубен. Пережила две попытки исхода, едва не погибла, едва не оказалась в Европе. У меня не было сил продолжать борьбу.

Приезд в Сегу стал крахом надежд. Поражением. Несмотря на доброту и нежность отца и матери, веселые игры Бэмби с кузенами и разглагольствования соседей.

Отец рассказывал мне много волшебных историй и сказок, чтобы я убеждала детей, что река — никакая не река, а вовсе даже океан. Что за ней ничего нет. Что радио, книги и телевизор врут. Понимаете, Рубен? Конечно, понимаете! Я должна была подарить им другую жизнь. Законными способами, как поется в песне. Унеси меня, унеси меня...

Я была привлекательнее других. И умнее. Любила книги. Это нравилось городским парням — самым честолюбивым, тем, кто собирался вырваться и добиться успеха. Любой ценой. Я встретила Ваила во время президентской кампании 2002 года. Он агитировал в Сегу за партию Ибрагима Бубакара Кейты^[109]. Ваил учился на факультете права, писал диплом о демократии и был уверен, что ИБК однажды станет президентом, потому и работал на него. Семья Ваила — торговцы из Каеса — была гораздо богаче моей.

Ваил носил очки — маленькие, очень модные, одевался по западной моде и всегда имел при себе книгу по философии или экономике. Меня он называл маленькой принцессой, или Симоной [110] — когда воображал себя Сартром, или Колетт — если думал о Сенгоре [111], или Винни [112] — если вспоминал Манделу.

Мне это нравилось.

Ваил был муниципальным советником, но много времени проводил в Бамако, в штаб-квартире партии. Он мечтал стать депутатом. Хотел, чтобы мы с Бэмби жили с ним, чтобы я училась. Ваил любил мою дочь. Для своего возраста она была взрослой девочкой, через три-четыре года мы могли бы записать ее в столичный женский лицей и поселиться в квартале у ипподрома.

Сказка могла стать явью, но... без Альфа. Задиры Альфа. Ужасного Альфа. Ваил не скрывал, что ему не нравится мой сын, ребенок, родившийся от человека, которого сын никогда не видел. Я протестовала,

он приходил в бешенство, не желал ничего слышать о Виржиле, хотя тот давно умер. Ваил был претенциозным карьеристом, но не дураком и понимал, что из всех защищавших меня мужчин дорожила я только Виржилом и все ему отдала. Ваилом я восхищалась, но страсти с моей стороны не было – один голый расчет.

Я забеременела, когда Ваил был на четвертом курсе. Мы жили на два дома — в Сегу и Бамако, я присоединялась к нему так часто, как только могла, иногда работала для центра Джолиба — сортировала газеты. Тидиан родился в 2006-м. Надежда не покидала нас. Ваил скоро закончит диссертацию, скоро получит место в университете, скоро станет депутатом, родители скоро дадут ему деньги на квартиру.

Скоро, скоро, скоро, Рубен. В Бамако целые жизни строятся на таких вот «скоро». Африка – страна бесконечных «скоро», но там, как и везде, люди все равно торопятся. Однажды Ваил сообщил, что получил канадский грант и поедет дописывать свою работу в Квебек. От подобных предложений не отказываются. Такой шанс выпадает раз в жизни! Ваил обнимал меня, шептал дрожащими губами: «Это всего на несколько месяцев!» Канада, Канада – он повторял это название, как открыватель новых земель. «Я вызову тебя. Скоро».

Думаю, нет необходимости в подробностях рассказывать, что было дальше, Рубен. Первые недели мы часами общались в соцсетях, он скучал по Мали, по Бэмби, по малышу Тиди. Он мерз, у него кружилась голова, ему снился Нигер. Постепенно мы стали писать друг другу реже, но я следила за жизнью Ваила в фейсбуке, рассматривала фотографии его друзей и подружек, учившихся в Квебеке. На этих снимках Ваил уже не выглядел замерзшим, он ходил на вечеринки, пил, танцевал и веселился.

Первые слова Тиди, поступление Бэмби в коллеж интересовали его уже не так сильно. В фейсбуке Ваила окружали одни и те же лица. Он собирал новую семью. Очень скоро на фото осталась только девушка Грейс. На снимках она сидела у него на коленях. Обнимала за шею. Ваил не размещал фотографий подруги-антропологини на своей странице, а вот она себе не отказывала и комменты писала очень откровенные. Ваил и Грейс вместе. Мы – пара. Я набралась храбрости и попросилась к ней в друзья.

Лейли Мааль хочет стать твоим другом.

Грейс согласилась, и я поняла, что она ничего не знает. Понятия не имеет о моем существовании. И вдруг подумала: «А ведь Ваил ни разу не упомянул Тиди в своих постах!»

В тот же вечер я послала Грейс и Ваилу поздравление и свою фотографию с Тидианом на руках. Они так и не ответили. Наверное,

ссорились всю ночь. Грейс с ума сходила от ревности, Ваил защищался, оправдывался – и оправдался. На следующий день меня выбросили из «друзей».

Я еще недели, нет – месяцы заходила на их страницу, иногда делаю это и сейчас, Рубен, – подсела на несчастливость. Они поженились, живут в Монреале, их сын младше Тиди на два года. Если мы с Ваилом случайно встретимся, я должна буду поблагодарить его. Не понимаете? Сейчас объясню.

Как-то раз октябрьским вечером, на следующий после Хэллоуина день, я вошла в сеть. Натану исполнилось три года, и ему устроили веселый праздник, пригласили друзей – и белых и черных. Главным цветом был оранжевый – цвет тыквы, фонариков, детских костюмов, конфетного дождя. Закончилось празднование в «Макдоналдсе» и парке развлечений Ла Ронд. Счастливые родители запостили целый альбом снимков. Тидиан отпраздновал свой день рождения на несколько месяцев раньше. Я смогла подарить ему только улыбки. Сколько пожелаешь, малыш. Улыбки – как худший, самый горький стыд на свете.

Я знала, что никогда не попаду в Европу нелегальным путем вместе с Тиди, Альфа и Бэмби, и придумала другой план. Продала несколько украшений из добычи Адиля – проклятых трофеев, к которым поклялась не прикасаться, – взяла родителей, детей, и мы уехали в Марокко. В Рабат, где у дальних кузенов был ресторан. Мы получили официальное разрешение на работу. Марокко – не Европа, но первая ступенька. У моей матери болела спина, отец страдал от артроза и больше не мог зарабатывать гончарным ремеслом, и я убедила их, что столица чужой страны станет для нас раем с врачами, больницами и настоящими зарплатами.

Так все и получилось. Я ничего не рассказывала о моем плане, чтобы не пугать их. Признаюсь вам, Рубен: в глубине души я никогда не отказывалась от намерения переехать в Европу. Во Францию. Легально!

В Рабате ресторан наших родственников находился в старинном арабском квартале Удайас, второй они открыли в Марракеше, третий – в Эс-Сувейре и последний – в Марселе. Сделаю вам еще одно признание, Рубен. Я – худшая кухарка во всей Западной Африке, что ужасно огорчало мою мать.

Считается, что у слепых сильнее развиваются остальные чувства. Со мной все иначе! Я терпеть не могу запахи. Мне не хватает терпения часами нарезать овощи и пряности, вид сырого мяса — халяльного или нет — вызывает тошноту. Я предпочитаю убираться по ночам в супермаркетах размером с футбольное поле, но не подчиняться на кухне приказам су-

шефа. Понимаете? И все-таки я предложила свои услуги кузенам. Сказала, что согласна работать в «Берберской кубышке» в Марселе.

«Мы не нуждаемся в персонале. И меньше всего – в тебе».

Тогда я объяснила, что сама себя проспонсирую, то есть зарплата пойдет из моего собственного кармана. Я последний раз залезла в проклятое сокровище и заплатила им пятнадцать тысяч евро за временный трудовой договор [113] которые они обязались на год, консульство ежемесячно Оставалось В виде зарплаты. подать В приглашение, заявив, что я – лучшая кулинарка на всем южном берегу Нигера и никто во Франции не сумеет так приготовить куриную яссу – цыпленка по-сенегальски. Заведению необходима Лейли Мааль. Она, и только она. На двенадцать месяцев.

«А что потом? – спросил кузен. – Я не смогу платить тебе. Рабочая виза закончится. Придется вернуться в Марокко. Останешься – превратишься в нелегалку!»

«Я решу проблему, не волнуйся за меня!» – таким был мой ответ.

Я знала свои права. Условие получения законного статуса было простым, я много раз перечитывала его в формуляре префектуры Буш-дю-Рон. Три года безвыездного пребывания во Франции, подтверждение 24 месяцев работы, 8 из которых в последние двенадцать месяцев.

Нужно продержаться три года. Не попасться. Работать, платить налоги и подтверждать выплату аренды. Это может казаться абсурдным, Рубен, но таковы правила игры. Нелегалы коллекционируют их, суммируют – как баллы надежности.

Работать нетрудно, если согласен на любые условия.

Три года сносить унижения, преследования, обман, шантаж, рабское положение. Я держалась, месяц за месяцем, и копила семестры. Соглашалась работать задарма, за клочок бумаги. Поняла, почему государство не трогает невидимок. Мы вносим деньги в бюджет, потребляем, выполняем гражданские обязанности и не требуем прав. Никаких.

В течение трех лет.

Три года не видеть детей.

Я зачеркивала клеточки в календаре, Рубен. Пряталась. Считала месяцы – до тридцати шести, когда превращусь в иностранку с законным статусом.

Все будет легально!

И просто.

Я вызову детей к себе в рамках процедуры воссоединения семьи.

Легально!

Легально, Рубен. Слышите? Легально! За мной больше не охотились. Мы победили – не мошенничая. Больше ничто не могло разлучить нас. Никто не мог.

61

09:42

Бэмби сидела в кресле у иллюминатора. Куртка Сегалена была ей велика, но из-за отсутствия пуговиц или молнии все время распахивалась. Приходилось придерживать полы рукой. Ей было холодно – кондиционер работал на полную мощность и студил кожу, а может, падало давление.

Она успела!

В последний момент, но успела. Улетела утренним рейсом. Фальшивый паспорт был при ней, Шерин выручила – как всегда. Бэмби отсиделась в отеле для летного состава «Ройяль Эйр Марок», в двухстах метрах от бейрутского аэропорта, заказала билеты и дождалась вылета. А вот переодеться не удалось, и она тряслась от страха до самого взлета: во всех аэропортах понатыкали камер, так что она не осталась незамеченной. Слава богу, агентам службы безопасности аэропорта платят только за «укрощение» пассажиров.

Бэмби прижалась лбом к иллюминатору. Аэробус летел над архипелагом, который она не опознала. Скорее всего – греческие острова. В соседнем кресле, на коленях у отца, без устали подпрыгивал малыш полутора лет. Папаша то и дело подмигивал соседке, его жена дремала в третьем кресле ряда.

Бэмби на мгновение прикрыла глаза и постаралась собраться с мыслями. Время она выиграла. Немного. Если Ян Сегален предупредил полицейских, им не составит труда обнаружить ее лицо на камерах и идентифицировать, пусть даже она зарегистрировалась под чужой фамилией. У легавых достаточно времени, они будут ждать ее в зале прилета.

Чем дольше Бэмби размышляла, тем яснее видела, как все закончится. Сесть в самолет было нелепейшим решением, но что еще она могла сделать? Ничего, разве что использовать последние минуты свободы.

Бэмби разложила столик, достала из портфеля ноутбук Сегалена, включила и удивилась отсутствию пароля. На экране появились десятки разных иконок и папок. Бэмби кликнула на файл *Excel*, появилась

бесконечная череда таблиц со строчками фамилий, колонками пунктов назначения и суммами в клеточках. Различались таблицы только датой. Бэмби кинуло в жар. Если ее арестуют, будет что предложить в качестве разменной монеты — тайные счета «Вогельзуг»... пусть даже она мечтала не о такой мести.

Внизу, под крылом, крошечные порты и остроконечные пики небольших гор какого-то острова играли в прятки с облаками. «Крит, – решила Бэмби, – а сверху напоминает Австралию». Малыш в соседнем кресле устал и приник к отцовской груди.

Бэмби несколько минут анализировала ситуацию. Она совершенно успокоилась и сосредоточилась. Сегален разгуливал с незапароленным ноутбуком, так что вряд ли получится обрушить «Вогельзуг», открыв наугад одну из папок. Эти типы – профессионалы! Ян подозрителен, как гиена, в ноутбуке наверняка нет никакого компромата. Во всяком случае, такого, который она могла бы найти без посторонней помощи.

Она одна. Отрезана от мира на высоте десяти тысячи метров, без интернета. На то, чтобы попросить помощи, у нее будет всего несколько минут, потом ее задержат.

Кому звонить? Шерин? Альфа́? Маме?

Бэмби наугад тыкала в иконки, сосредоточившись на файлах PDF и Jpeg. Она оставила на время рабочий стол и углубилась во вложенные папки, выбирая файлы, созданные много лет назад. Взгляд задержался на снимке, сделанном в октябре 2011 года: Ян Сегален стоит с коктейлем в руке на залитой солнцем террасе, рядом с ним стройный мужчина — из тех, кого старость облагораживает, а седина делает еще сексуальней.

Бэмби пробрала дрожь, она снова коснулась лбом стекла, леденящего мозг.

Журден Блан-Мартен.

На несколько лет моложе.

Бэмби никогда не видела президента «Вогельзуг», но гугл показал ей всех ракурсах. Шерин находила такую ЛИЦО внешность его мужественной. Бедняжка Шерин... От потного лба на стекле иллюминатора остался влажный след. Мысли, скакавшие, как блохи, перекинулись на Альфа. Ее младший брат плывет сейчас по синему морю, по преграде, которую самолет оставлял позади за два часа.

Малыш уже безмятежно спал на одеялке, мать гладила его по спине, муж держал ее за другую руку.

Любопытство снедало Бэмби, и она полезла глубже в архивы Сегалена, уверенная, что никаких секретов не найдет. Мерзавец слишком осторожен и методичен. Открыв альбомы 2007, потом 2003 года, девушка узнала на многих снимках Франсуа Валиони, тот позировал на фоне логотипа «Вогельзуг», сидел в костюме и при галстуке за круглым столом или инспектировал — в шароварах! — хижины в африканских деревнях. Жан-Лу не появлялся ни разу. Стерли?

1994-й. Одно название, обычное название файла с расширением *IMG*, наэлектризовало затылок, она дернулась, как от удара. Указательный палец замер над клавишей *Enter*.

Адиль Заири.

Бэмби наклонилась вперед, куртка распахнулась, и молодой отец покосился на ее грудь, не переставая поглаживать пальцы спящей жены. Не покосился — уставился с вожделением, как горнолыжник на сверкающие вечные снега.

Адиль Заири.

Как же часто она читала эту фамилию. И это имя. Пять букв, написанных круглым почерком Надии. Имя легендарного существа, злого гения из волшебной сказки, чудовища без лица. Итак, Адиль Заири существовал. Двадцать лет назад он работал на «Вогельзуг». Ян Сегален, Журден Блан-Мартен, Франсуа Валиони, Жан-Лу Куртуа и все, кто в 1996 году был в штате ассоциации, знали его. На висках выступали капли горячего пота, стекали по шее на грудь, и кондиционер превращал их в ледяные слезы. Бэмби дрожала, так и не коснувшись клавиши. «Чудовище без лица...» – повторила она про себя. Ни она сама, ни Лейли не знали, как выглядит Адиль.

Бэмби последний раз повернула голову к иллюминатору. Лайнер летел над Тунисом. Тонкая линия черных и белых домов напоминала шов между пустыней и морем.

Она открыла папку с фотографиями.

62

09:44

Лейли встала и продолжила подбирать очки в ярких оправах и сов – пластмассовых, тряпичных, деревянных, шерстяных, стеклянных, разлетевшихся по полу. Она бережно протирала фигурки и методично расставляла их на полках, понимая, как глупо это выглядит. Квартира напоминала поле битвы. Придется все вычистить, что-то выбросить, что можно – починить.

Рубен остался сидеть.

- Идите сюда, Лейли, и расскажите мне продолжение.
- Нет никакого продолжения. История окончена.

Она все-таки вернулась, села рядом, и управляющий положил руку ей на плечо. Очки он убрал в карман, и в его глазах плескалась бесконечная печаль. Обычно Рубен маскировал ее невероятными выдумками, но этим утром играть не хотелось. Ну разве что в игру, где сбрасывают маски и доспехи.

Рубен притянул Лейли к себе. От него легко, ненавязчиво пахло табаком и одеколоном.

– Нет, Рубен.

Трудно отказывать человеку, излучающему нежность, но она высвободилась, повторила: «Нет, Рубен» – и поняла, что он не будет настаивать. Есть люди, умеющие скрывать чувства.

- Я спала с мужчиной, Рубен. Несколько часов назад. Здесь.
- Ты его любишь?

Он впервые обратился к ней на «ты», и она нашла это естественным.

– Не знаю... Ты ревнуешь?

Рубен не ответил. Вернее, ответил – вопросом на вопрос:

- Ты когда-нибудь любила мужчину?
- Не знаю.

Либерос крепче сжал ее плечо.

- Конечно, знаешь, Лейли. Ты любила не Виржила, отца Альфа, к нему ты испытывала физическую страсть, а подпитывал ее адреналин, ведь тогда рядом с вами бродила смерть. Я говорю об Адиле... Твоем спасителе. Ты его любила. Очень сильно. На все пошла ради этой любви.
 - А потом убила.

Рубен улыбнулся:

– Решающее доказательство любви.

Он обвел взглядом разгромленную квартиру, валяющиеся на полу книги в смятых суперобложках, с загнутыми уголками страниц. Томики напоминали птиц с подрезанными крыльями.

– Ты все помнишь, Лейли. Ты призналась, что сохранила тетрадку, которую под твою диктовку писала Надия, и прячешь ее под матрасом.

Лейли удивилась – к чему это он? – и Либерос пояснил:

– Ты не проверила, на месте ли она. Возможно, ее-то громилы и искали?

Они поднялись.

Вдруг Рубен прав? Лейли сунула руку под матрас в попытке нашарить

бесценную тетрадь.

Ничего!

Она занервничала, начала переворачивать подушки, сбросила на пол белье.

Тетрадь исчезла.

Лейли не успела задуматься о том, кто мог ее взять: на пружинном матрасе лежал конверт. Она схватила его. Рубен отступил на шаг, чтобы побороть искушение читать из-за плеча.

На конверте была надпись.

Лейли

От Ги

Дорогая Лейли!

Пишу наспех, пока ты принимаешь душ. Закончу и суну под матрас, прежде чем ты выйдешь. В конце концов ты его обнаружишь. Так всегда случается. Вещам доверять легче, чем людям.

Спасибо, Лейли.

Спасибо, что раскрыла мне объятия. Приняла таким, каков я сейчас. Нужно быть красавицей, Лейли, чтобы суметь полюбить меня сегодняшнего. Видеть сердцем, как говорил герой одной книги на своем астероиде. Хотел бы я, чтобы ты увидела меня лет двадцать назад. Когда годы еще не состарили меня. Когда я весил на двадцать пять кило меньше и говорил красивым голосом.

Уже слышу твои слова, моя храбрая фаталистка: такова жизнь, одно утро сменяет другое, завод, истощение...

О нет, Лейли, о нет... Некоторые стареют красиво. Другие успевают разбогатеть. Большинство все теряет по дороге, постепенно, по капельке, по крошечке, и их сердца становятся сухими, как камень. Не мой случай, Лейли. Я утратил все одним махом.

Однажды утром. Я не был готов. Лишился всего. Остался на обочине. Знаешь, кто украл мою жизнь, Лейли? Женщина.

Женщина, которую я подобрал, женщина, которую я спас, женщина, которую без меня съели бы крысы. Женщина, которую я любил. А она меня предала. Начинаешь понимать, Лейли?

Не асбест на стройках так повредил мою трахею, что голос превратился в ржавый смычок, застревающий на металлических струнах. Это сделала женщина, всадив нож мне в шею.

Припоминаешь, Лейли?

Бедняком я стал не из-за кризиса и не потому что потерял работу. Женщина украла сокровища, которые я терпеливо копил. Я был слеп.

Знаю, Лейли, ты скажешь, что письмо слишком длинное и не могло быть написано «на скорую руку». Представляешь, сколько лет я сочинял текст? Как долго тебя искал? Подбирался к тебе? Осторожно, чтобы не спугнуть. Двадцать лет назад маленькая проныра Надия ничего мне не сказала, хотя я до смерти избил ее. Не выдала тебя. Это стоило мне работы в ассоциации — Адиль стал недостаточно чистеньким для «Вогельзуг». Я не слишком расстроился, организовал собственное небольшое предприятие, иногда брал подработку у прежних хозяев. Хорошие мошенники — те же умелые ремесленники, для них всегда найдется дело.

В глубине души мне было плевать. Ты удивишься, Лейли, но я хотел одного — выиграть пари. Я заключил его в тот день, когда согласился, чтобы ты спала с другими мужчинами. Помнишь? Не забыла, что я тогда сказал тебе? «Сделай это для меня. Сделай это для нас». И добавил как идиот: «Хочу, чтобы однажды ты увидела мое лицо. Хочу прочесть по твоим глазам: "Ты красивый!"»

Я говорил так, чтобы придать тебе мужества, а сам трясся от страха. Я ведь не шутил в тот первый вечер, когда забрал тебя из тайника в Агридженто. «Если прозреешь, бросишь меня». Ты была настолько красивее меня! Я разрывался между желанием, чтобы к тебе вернулось зрение, и страхом потери. Все было еще хуже, еще подлее. Я боялся увидеть в твоих глазах разочарование, презрение, даже отвращение. Если это не любовь, то что тогда?

Я продолжал сводничать, прятал от тебя наши сокровища. А ты поверила россказням шлюхи Надии и словам тех, кто потом называл Адиля Заири жалким проводником нелегалов, мелким сутенером, чудовищем. Вот кем я был в твоих глазах все эти годы. Чудовищем. Так ты описала меня — здесь, в этой комнате, на этой кровати, — когда рассказывала свою историю. Как видишь, ты была не права. Я молча проглотил твою версию событий. Потребовал смехотворного реванша.

Единственного, имевшего значение.

Прочесть по твоим глазам, что ты находишь меня красивым.

Я выиграл, Лейли. Выиграл мое пари. Ты впервые разглядела мое лицо, и оно тебе так понравилось, что мы занялись любовью.

Такова моя месть, Лейли. Сладкая месть. Моя гордая, моя свободолюбивая, моя непокорная Лейли добровольно отдалась своему палачу. И получила удовольствие.

Что равносильно жесточайшему изнасилованию.

Хотел бы я увидеть в твоих глазах эту маленькую смерть, раскрыть секрет не в письме, а в постели. Я ночи напролет воображал себе этот момент: вот ты кричишь от наслаждения в моих объятиях, а вот я тебе все выкладываю, а на заре душу — до смерти. Или закалываю ножом. Планы изменились вчера вечером, когда я пересекся с Тидианом. Ты была недостаточно быстра, а может, слишком доверилась мне.

И я понял. Насчет твоего младшего сына, насчет Альфа́ и Бэмби. Я узнал твой секрет. Догадался, где ты прячешь мое сокровище.

Оставляю тебя, Лейли. Прячу конверт под матрас. Мы займемся любовью. Потом ты меня выставишь. А через несколько часов будешь стоять у окна. Или выйдешь покурить на балкон, проводишь меня взглядом и представишь, какая жизнь могла бы быть у нас двоих, увидишь, как я сажусь в автобус и еду на работу.

He зная, что я отправляюсь не на завод, а за украденным у меня богатством.

Что я заберу его у твоего сына.

Целую тебя последний раз.

Адиль.

Письмо выпало из руки Лейли и медленно спланировало на пол. Рубен обнял ее – как друг, без малейшей двусмысленности.

– Что он имеет в виду, дорогая? Твой сын в опасности? О чем догадался этот человек?

Лейли поняла, что может довериться Рубену. Рассказать ему все без утайки, немедленно, иначе Тидиана не спасти.

63

03:47

Корпус «Севастополя» коснулся бетонного пирса и причалил так мягко, что Альфа́ даже не заметил. Холодный туман обволакивал порт, пропуская только робкий мигающий свет маяка. Над белесой ватой возвышался странный лес мачт, светлых теней, неподвижных флагов и выцветших фасадов с закрытыми ставнями.

Оранжевые буйки смягчили удар, Гаврила бросил якорь уверенным движением, не попросив единственного пассажира помочь. Альфа́ был изумлен: неужели он и правда пересек Средиземное море на средней скорости 25 узлов и всю ночь сопротивлялся колыбельной волн на раскачивающейся яхте? Время от времени Альфа́ засыпал — на несколько

секунд, а может, минут, — сжимая в руке свой ТТ 33. Гаврила не попытался напасть на него, отнять оружие. Остался у руля. Зачем? Не возвращаться же назад с полпути! Предупредить полицию? От них одни неприятности, а вот с негром и его приятелем в галстуке, который хочет купить судно, точно удастся договориться.

– Конечная... – Гаврила свистнул, изобразив пароходный сигнал.

Альфа наставил на него пистолет, а когда тот протянул руку, решил, что это инстинктивный жест: моряк всегда помогает пассажирам сойти на берег. Оказалось, что Гаврила всего лишь хотел передать ему листок с именем, фамилией и номером телефона.

– Вспомните обо мне, когда соберетесь выйти в море. Сами видели – я могу не спать всю ночь, как бармен за стойкой в клубе. – Гаврила подмигнул (или это снова был тик?).

Альфа прошел несколько метров по причалу, перечитал бумажку, пожал плечами, скатал шарик и щелчком отправил его в воду. Сделал еще несколько шагов и засунул пистолет за пояс.

Из тумана вынырнули четыре силуэта. Они шли в ряд, как в вестернах, молча, только звук шагов разносился вокруг.

Альфа ждал, соблюдая уговор.

«Пятьдесят на пятьдесят», – подумал он.

Четыре тени поприветствуют его.

Или убьют.

64

09:49

Лейли встала, взяла Рубена за руку, потянула за собой в детскую, повернулась и сказала, не заметив, что снова обращается к нему на «вы»:

– Смотрите, Рубен.

Двумя руками подхватила с пола майки и кучу футбольных трусов Тидиана, огромные футболки Альфа и белье Бэмби, кивком указала на старые кеды, мяч, постеры, книги, диски... Следы жизни троих детей, собранные в одной комнате. Визитеры ничего не порвали и не испачкали, обыскали только кровати и гардероб.

– Смотрите, Рубен, смотрите внимательно. Семья. Прекрасная дружная семья. Воссоединившаяся. По закону. Конец истории? – Глаза Лейли наполнились слезами. – Как бы не так! Даже не начало.

Либерос молчал, предчувствуя, что признание женщины все

перевернет с ног на голову.

– Слушайте, Рубен. Слушайте внимательно. – Она надолго замолчала. – Мои дети никогда здесь не жили! (Майка с логотипом «Олимпика» полетела на пол.) Все это инсценировка, Рубен. Кровати, игрушки, одежда. Все ложь. Я живу одна. Слышите? Одна! Мне так и не удалось переправить сюда детей. Я проиграла, Рубен, понимаете? Проиграла!

Лейли махала руками, как будто отбивалась от призраков. Призраков детей, навещающих эту забитую вещами комнату. Эту пустую комнату. И плакала, размазывая по щекам тушь.

– Я наткнулась на стеклянную стену. Невидимую. Непробиваемую. Таков мир, Рубен, таков мир для обычных людей, родившихся не в том месте планеты Земля. Ты можешь все видеть, все слышать – для этого хватает экранов, тарелок, спутников. Все со всем связано, все так близко, что кажется: протяни руку – и прикоснешься. Все станет твоим. Но нет. Вы протягиваете руку – и упираетесь в стену. Тянетесь губами – и целуете прозрачную перегородку. Иллюзия реальности. Еще более жестокой, чем отсутствие новостей. Виртуальная семья. Находящаяся на связи друг с другом, но разделенная. Мир стал стеклянным дворцом, Рубен. Перед некоторыми двери открываются сами, как в больших магазинах. Другие остаются на улице, обреченные попрошайничать. Я пять лет не целовала Тидиана. Не прижимала сына к себе, не чувствовала, как бьется его сердце. Не поправляла простынку на ночь. Не вытирала ему пот со лба после игры в футбол. Альфа было двенадцать, когда я его оставила. С тех пор он наделал немало глупостей. Последнюю пощечину он получил от меня тоже в двенадцать. Я тогда была на голову выше сына, а сегодня он перерос меня на целых три! Так я думаю. Только Бэмби удалось приехать – по студенческой визе. В прошлом году. На двенадцать месяцев. Всего на двенадцать месяцев. Потом она уехала. Вы поняли, Рубен, и попытались помочь мне чем могли, подтвердив легавым, что прошлой ночью она пела в «Ибисе». – Лейли бросила взгляд на перевернутый стол, валяющиеся на полу тарелки и приборы. – Бэмби вчера вечером не ужинала тут, как и во все остальные вечера. Как и Тидиан, и Альфа. Я живу одна, Рубен. Одна, как самка, которая ушла добыть еду для своих малышей, потерялась и не вернулась. Одна. То есть у моей дочери нет алиби. Ни на время убийства Жана-Лу Куртуа в «Ред Корнер» в Дубае, ни на час смерти Франсуа Валиони в Рабате.

03:51

Аэробус А 320 летел над Атласскими горами. Линии хребта Амура задерживали облака, чтобы пассажиры могли насладиться лесистыми вершинами, пастбищами на склонах и фруктовыми садами в вади Великолепный вид не интересовал Бэмби. Она смотрела на фотографию Адиля Заири на экране чужого ноутбука. Последнее изменение 19/04/1994. Старый забытый файл. Банальный портрет элегантного мужчины, позирующего на крепостной стене старой части города Сус. Ничего компрометирующего.

И все-таки, открыв файл, Бэмби с трудом подавила рвавшийся из горла крик.

Она знала Адиля!

Мама его не убила. Адиль выжил. Адиль нашел их. Адиль рыскает вокруг них. Рядом с мамой.

Бэмби наклонилась ближе, чтобы рассмотреть каждую деталь. С 1994 года Адиль растолстел, облысел, сменил джинсы в обтяжку и льняную сиреневую рубашку на явно не новый спортивный костюм и лишился надменной уверенности, но сомнений у девушки не осталось. Она его узнала. Учась на психфаке в университете Экс-Марсель, Бэмби часто встречала его на лестнице дома в Эг Дус. Он жил этажом ниже матери. Незаметный такой мужичок, Бэмби даже имени его не помнила. Тьерри? Анри? Одиночка, молчун... пока не начнет выступать против арабов, коммунистической мэрии и мелких дилеров. О таких говорят: «Да нет, он не злобный. Слегка придурковатый, но не злобный».

Бэмби прикрыла глаза, вспоминая фамилию на почтовом ящике, на посылке в руках почтальона. Ги! *Ги Лера*. Сволочь проклятая, даже псевдоним себе придумал помоечный [115]. Умный подлец! Умный и очень злой. Что он искал? Что задумал? Чего ждал?

По узкому проходу шла стюардесса, толкая перед собой тележку с напитками. Пассажиры зашевелились, разбудили ребенка, спавшего на груди у матери, она отдала его отцу, и тот попросил кока-колу.

– Спасибо, я ничего не буду... – Голос Бэмби прозвучал едва слышно.

Кислая горечь жгла внутренности, подкатывала к горлу. Бэмби думала о матери, которая одна дома, Адиль Заири двадцатью ступеньками ниже. Она сама еще полчаса будет заперта в салоне самолета, еще полчаса не сможет ее предупредить, полчаса, за которые все может случиться. Да,

Адиль уже много месяцев живет в Эг Дус под именем Ги Лера и пока ничего не предпринял, но девушку терзало дурное предчувствие.

Мама... одна... Позавчера вечером Бэмби наврала, что идет в *KFC* с Шерин, и встала из-за стола, не съев ни кусочка. Слиняла с ужина. Нарушила священный ритуал. А ведь им только оно и осталось — это ежедневное маленькое счастье обычных семей, за которое цепляется мама. Так она бросает вызов силам, разбросавшим их по четырем концам света. Вечерняя трапеза — навязчивая идея Лейли Мааль: семья собирается, и за едой все рассказывают, как прошел день. Не имеет значения, куда людей заносит днем, на деревенские улицы или площади мегаполисов, ужин всегда начинается в 19:30!

Где бы ни путешествовали Бэмби с Шерин, чем бы ни был занят Альфа в Марокко, какие бы вкусности ни приготовила бабуля Марем для Тидиана в «Олимпе», что в Рабате, в 19:30 каждый садился перед ноутбуком, включал веб-камеру и настраивал скайп на режим конференции. Час в день они говорили обо всем и ни о чем, «сидя за столом».

Пропустить ужин было все равно что убить маму.

Между 20:15 и 20:30 можно было — не слишком торопясь — встать, убрать посуду и выключить компьютер. Оставался только Тидиан. Малыш забирал ноутбук в свою комнату и пристраивал его на тумбочку рядом с кроватью, чтобы мама рассказала ему историю. Длинную. Чаще всего Тиди засыпал не дослушав, и бабушка или дед все выключали и гасили свет.

Маленькая пухлая ручонка потянула Бэмби за куртку. Малышу было скучно. Папаша извинился и залпом допил газировку, чтобы ребенок не опрокинул стакан. Девочка или мальчик? Поди знай... Ярко-зеленые ползунки, круглая мордашка, большие черные глаза, едва наметившийся пух волос и невинная улыбка, разрывающая вам сердце. Бэмби отвернулась. Ее затошнило, легкие сдавило тисками, не давая дышать.

Мама. Одна. В Эг Дус, в Пор-де-Буке. Адиль, ее мучитель, ее палач, ее темный ангел, выжил. Выследил ее.

Что из этого следует?

Все сведения об Адиле Заири Бэмби почерпнула из маминой красной тетради. Ее он ищет? Поселился этажом ниже, чтобы под каким-нибудь предлогом проникнуть в дом и украсть заветные записи?

«Хрен тебе, крыса! – Бэмби мысленно скрипнула зубами. – Опоздал!»

Она нагнулась, придерживая полу куртки левой рукой, пошарила в стоявшей на полу сумке и достала тетрадь в яркой обложке, которая заинтересовала малыша гораздо больше его собственной книжки.

Бэмби нашла тетрадь год назад. Наткнулась на нее случайно однажды

вечером — искала, куда спрятать травку, и приподняла матрас (других тайников в крошечной квартире не было). Мама тогда работала по ночам, убирала помещения Народного прованского банка. Бэмби читала, пока не рассвело. До этой бессонной ночи она знала о прошлом матери только то, что рассказывал дед. История о слепоте стала почти легендой, о ней напоминали коллекции очков и сов.

Прочитанное потрясло ее. Бэмби наконец-то поняла природу гнева, жившего в ней с самого детства. Тетрадь все объяснила. Так бывает, когда случается засор в трубе: застрянет какая-нибудь дрянь и воняет, пока не прочистишь. Находка все разблокировала, сорвала задвижки, сдерживающие ненависть.

Голос пилота заставил ее вздрогнуть. Аэробус начал снижаться. Рабат. «Рабат», – повторила про себя девушка. Там все началось.

Мысли перескочили на марокканскую столицу, полетели по белым улицам, где она так много гуляла, притормозили в западных кварталах, которые в юности завораживали ее, проскользнули между вывесками торговых центров, алкогольных баров, ресторанов и наконец замерли перед отелем «Ред Корнер». Сделали короткую паузу, сыграли в прятки с камерой наблюдения, проникли в номер «Шахерезада», остановились на трупе Франсуа Валиони, метнулись прочь, бегом спустились по лестнице, заскочили, пытаясь отдышаться, в «Старбакс» по соседству, тот самый, где она встретила молодого сыщика, где ее ждал Альфа, где они дали клятву и сложили эбеновые треугольники в черную звезду. Где они решили идти до конца. Что бы ни случилось.

Бэмби остановилась на середине пути. Бэмби не преуспела.

Ян Сегален выкрутился. Адиль Заири гуляет на свободе.

«Рабат, – прошептала Бэмби. И повторила по слогам: – Ра-бат».

Там, где все началось. Там, где все должно было закончиться?

Если полиция ждет ее на земле, она проиграет окончательно и бесповоротно.

66

09:53

Прибытие рейса Бейрут – Рабат ожидалось по расписанию. Терминал *В.* Выход 14.

В международном аэропорту тридцать вооруженных автоматами полицейских стояли, подняв глаза к табло, как будто ждали плохих

новостей: самолет опаздывает, взяты заложники, аэробус летит в Бамако, в Дубай, в Марсель...

«Гипертрофированное дурное предчувствие, – думал Жюло, глядя на настороженных коллег. – Бэмби Мааль одна в самолете, безоружная. Ливанские полицейские безостановочно крутили пленки с камер наблюдения и не сомневались в опознании, несмотря на фальшивые документы. Это не помешало марокканской полиции организовать задержание по полной форме: несколько десятков легавых на одну двадцатилетнюю девчонку!»

Жюло держался чуть в стороне, рядом с галереей магазинов дьюти фри. Петар что-то обсуждал с лейтенантом марокканской полиции. Майор это обожал: раз уж нельзя приказывать чужим агентам, будем им советовать. Велика сотрудничал — а что еще остается? — но ясно давал понять коллегам, у кого лучшие эксперты, самые полные базы данных и самые современные научные лаборатории.

«В конце концов, это и есть официальная обязанность патрона», – думал Жюло.

Атташе по вопросам внутренней безопасности.

Сокращенно АПВВБ. Сам он всего лишь ЗАПВВБ. Заместитель атташе по вопросам внутренней безопасности.

Служба внутренней безопасности Франции в Марокко была представлена в Рабате майором Петаром Великой, лейтенантом Жюло Флором и еще тремя офицерами в Танжере, Касабланке и Марракеше.

Дирекции международному Жюло было известно, ПО ЧТО полицейскому сотрудничеству (ДМС) были созданы в конце 2000-х из офицеров полиции и жандармерии, около ста человек распределили по ста посольствам. Их главной задачей было предотвращение угроз Франции: терроризма, киберпреступности, торговли оружием и наркотиками и, конечно же, незаконной иммиграции. К классическим причинам головной боли для Министерства внутренних дел добавлялась – куда же без этого! – защита интересов диаспоры. Убийство Франсуа Валиони, таким образом, трижды относилось к прерогативе ДМС в Рабате: французский гражданин, самом сердце марокканской столицы, занимался убит транссредиземноморских мигрантов.

Ключевым словом было «сотрудничество». Сотрудничество с другими дирекциями (в Дубае и Бейруте) и, главное, с местными властями. Петар старался — по минимуму, — не нарушая субординацию, хоть и считал рабатских полицейских низкооплачиваемыми чиновниками, не заинтересованными в расследовании. Следовательно, именно ему

предстоит проделать основную часть работы, щадя самолюбие местных.

Пассажиры в аэропорту ежились, замечая непривычно большое количество полицейских в зале. Страх перед терактом стал привычным, превратился в психоз. Агенты успокаивали людей, Петар хохотал, хлопал коллег-марокканцев по спине, стараясь разрядить обстановку.

Лейтенант Флор следил за суетой в зеркалах бутиков. Совершенно одинаковых во всех аэропортах мира.

Когда он возвращался мыслями к расследованию, впечатление одинаковости усиливалось, становилось навязчивым до зубовного скрежета. Одни и те же места и магазины повсюду на планете. Трансграничные компании, заведения и названия: «Старбакс», L'Occitane, «Ред Корнер» и многие другие... В самолетах показывают одни и те же фильмы, радиостанции крутят одну и ту же музыку, люди болеют за одни и те же футбольные клубы, мальчишки, живущие в странах Западной Африки, носят футболки Unicef du Barca, а марокканские становятся фанатами «Манчестер Юнайтед» или «Олимпик Марсель».

Жюло попытался отмотать назад события последних трех дней, восстановив в памяти ход расследования. Меньше чем через полчаса Бэмби Мааль выйдет из самолета и будет арестована, а он не может избавиться от назойливого ощущения, что упустил главное.

Ладно, начнем с самого начала. «Ред Корнер» в Рабате; «Старбакс», где он встретил – не заметив их! – Бэмби и Альфа Мааль; квартал Апельсинового дерева в северной части марокканской столицы и арест Альфа между проспектами Пастера и Жореса. Названия некоторых улиц тоже универсальны – во всяком случае, в бывших французских колониях. Так, что было дальше?.. Встреча с гематологом Вакнином в госпитале Авиценны, университетской клинике Рабата, носящей имя самого знаменитого мусульманского врача в истории ислама; центр Аль-Ислах, престижное место обучения французскому языку и культуре в нескольких километрах от Рабата, тезка марсельской мечети Аль-Ислах, самой большой на юге Франции. Вчера они ускорили дело, когда с согласия и при участии майора Тони Фредиани из комиссариата Пор-де-Бука допросили Лейли Мааль. Риан урегулировал административные детали и логистику, и они полетели прямым утренним рейсом Рабат – Марсель, выслушали бредовые свидетельские показания Рубена Либероса в отеле «Ибис» и во второй половине дня улетели обратно. Вечером он бродил по огромному морскому порту Рабат-Сале и думал о расследовании. Накануне Жюло был в Национальном зоологическом саду, ходил вокруг знаменитого озера с розовыми фламинго, а в первый день спустился по улицам 11 Января и 2

Марта на пляж Сале. Кстати, теперь он знал, что в январе 1944-го была провозглашена независимость Марокко, а в марте 1956-го пришел конец французскому протекторату. «Национальный праздник, — уточнил Риан, пытаясь втолковать Петару, что страна Марокко никогда не была французской колонией. — Протекторат — это простой договор о защите и сотрудничестве».

Самолет должен был вот-вот сесть, и полицейские начали стягиваться к выходу. «Они что, на летное поле собрались? – изумился Жюло. – Вообразили, что Бэмби Мааль сбежит от них по взлетной полосе?»

Лейтенант Флор почувствовал себя посторонним. Он успел мысленно выстроить схему: Лейли Мааль, ее приезд в неблагополучную городскую зону Пор-де-Бука; ее сыновья Альфа и Тидиан, оставшиеся в Марокко; ее дочь Бэмби, курсирующая между двумя континентами. Петар и марокканцы успели обсудить опасную преступницу, которая совершила два убийства и одно покушение на убийство.

Жюло Флор придерживался иного мнения: семья Мааль защищалась – всеми доступными способами – от гораздо более опасного и куда лучше организованного криминального замысла неприкасаемых персон. Доказательств у лейтенанта не было, а когда он пытался обсудить свою версию с патроном, Велика отпускал шуточки о «прекрасных глазах Бэмби, покоривших сердце романтичного легавого, и очах ее матери Лейли, куда более опасной в роли мамаши Кураж, которая вкалывает из последних сил, но продолжает одеваться, как экзотический цветок». Все свидетельствовало в пользу правоты майора. Вроде бы. Прямо Велика этого не сказал, но осуждал своего подчиненного за «мягкотелость».

Жюло вспомнил, как дал Лейли Мааль свою визитку в коридоре комиссариата Пор-де-Бука.

Позвоните, если вам что-нибудь понадобится.

Жалкое, нелепое предложение, попытка облегчить свою совесть. Что еще он мог предложить этой женщине?

67

09:58

Лейли взяла сигареты и вышла на балкон. Она никогда так много не курила. Солнце встало несколько часов назад, а пачка уже ополовинена. Море успокоилось, волны не набегали на берег напротив Эг Дус. Вдалеке, под портальными кранами Пор-Сен-Луи-дю-Рон, медленно полз

контейнеровоз. Казалось, машина устала от слишком тяжелого груза и уподобилась настороженной улитке, которая дождалась под листком, когда кончится ливень, и опасливо перебирает ножками по земле, оставляя за собой слюнявый след.

Рубен присоединился к Лейли. Он надел пальто и шляпу, хотя холодно не было, и она подумала, что ее патрон собирается покинуть Пор-де-Бук. Такой уж он человек: перестал рассказывать истории — значит, готов к отъезду. Либерос проводил взглядом тихоходные контейнеровозы.

– Зачем? – участливо спросил он. – Зачем вся эта... постановка?

Банные полотенца, детские шорты, спортивные носки сушились на веревке, раскачиваясь на ветру.

– Зачем? Все очень просто, Рубен. Я не отвечаю требованиям! Не соответствую. – Лейли глубоко затянулась. – Я должна поселиться в большой квартире, чтобы получить право воссоединиться с детьми. Норма – десять квадратных метров на человека, значит, нам нужно как минимум сорок. Таков закон. Минимальная зарплата и приличное жилье. Я пытаюсь получить его три года и сначала думала, что это будет легко. Подумаешь, простая формальность! – Она издала нервный смешок.

Рубен не отрывал взгляда от разноцветных кубиков – контейнеров на палубе судна.

- Я не соответствую. Не замужем. Получаю мизерную зарплату. Муниципальные службы предлагают мне студии, в лучшем случае - F1. «Вы же понимаете, мадам Мааль, F2, F3 и F4 мы оставляем для полных семей...» Такой вот идиотизм, Рубен. Без детей я не могу претендовать на нормальную квартиру, а без нее не могу вызвать детей! - В голосе Лейли прозвучало отчаяние. - Тот, кто это придумал, - гений. Волшебный пас, что-то вроде бесконечной ленты Мёбиуса. Чиновники могут до скончания века гонять просителей по кругу: окошко A, окошко B, окошко C, социальные арендодатели, мэрия, префектура, Французское бюро по делам беженцев, иммиграции и интеграции... И у всех свои формуляры, все одержимы заполнением анкет.

Лейли выдохнула дым. Лицо ее осунулось, глаза лихорадочно блестели.

– Идея пришла мне в голову три месяца назад, когда я в очередной раз заполняла бумаги для бюро по предоставлению социального жилья. Совсем простая идея. – Она сделала паузу. – Нужно всем говорить, что дети уже здесь.

Рубен повернул голову. Моргнул под тенью полей шляпы. Первые робкие лучи солнца отразились в его темных глазах. Лейли не снимала

очки в виде черно-желтой бабочки.

– Закон требует, чтобы у моих детей была пристойная квартира, то есть мне ее предоставят, раз уж они здесь? Я не сделала ничего плохого – всего лишь приблизила их появление на несколько месяцев. Обустроила мою двушку так, как будто они живут в ней, развесила на веревке белье, держала дверь открытой, врубала рэп и диско, иногда говорила начальникам, что мне не с кем оставить младшего сына, сделала много фотографий нашей вопиющей тесноты, составила досье для комиссии и из кожи вон вылезла, чтобы умаслить Патриса... или Патрика... да какая разница! Кажется, я его убедила. Он переложит папку с моими документами на самый верх, и дело пойдет быстрее. Блеф, Рубен, вот что мне поможет. Вряд ли Патрис будет проверять в префектуре или где-то еще, действительно ли мои дети живут во Φ ранции. Окошки A и B не сообщаются, это мне приходится каждый раз выстаивать очередь. Я была достаточно хитра и подготовилась к неожиданным визитам агентов бюро или служащих мэрии. Они иногда заглядывают. Нет, за порядком эти люди не следят, являются, чтобы кого-нибудь выкинуть, но до моего этажа, слава богу, ни разу не добрались.

Глаза Лейли заволоклись слезами, и в этот самый момент солнце ускользнуло из-под надзора облаков.

- План был великолепный, Рубен. Представьте: через несколько недель Патрис находит для меня F3. Я подписываю. Переезжаю. И никто не свете не выгонит меня на улицу. Оставалось дождаться человека из мэрии и его благоприятного отзыва.

Лейли так вцепилась в перила, что побелели костяшки, и Рубен накрыл ее руку ладонью.

– Забудь о прошедшем времени, дорогая. Используй только будущее, ведь твой план идеален. Все получится.

Она сняла очки. Красные от слез глаза напоминали два сгоревших уголька.

– Что получится, Рубен? Что именно получится? У меня два дня нет новостей от Бэмби и Альфа. Я уже час без конца набираю номер родителей, но никто не отвечает. И я жду и рассказываю вам... тебе мою жизнь, а...

Она обернулась и с ужасом посмотрела на письмо Адиля, лежавшее на столе в гостиной.

...Увидишь, как я сажусь в автобус и еду на работу.

He зная, что я отправляюсь не на завод, а за украденным у меня богатством.

Что я заберу его у твоего сына.

Рубен коснулся ее плеча:

- Где Тидиан?
- У моих родителей. Квартал «Олимп». В Рабате. Я никак не могу с ними связаться, предупредить, потому что знаю только их телефон. Мы разговариваем каждый день... Они воспитывают Тиди с тех пор, как я уехала... а теперь... теперь не отвечают! Сегодня суббота, сейчас десять утра, а к телефону никто не подходит.

Рубен крепче сжал дрожащие пальцы Лейли:

– Не тревожься, твой сын в безопасности. Он на другом берегу Средиземного моря и...

Лейли отшатнулась, очки взлетели в воздух и, как слишком тяжелая бабочка, шлепнулись на асфальт восемью этажами ниже. Она даже не посмотрела им вслед. Пусть солнце, которое ласкается к волнам, отражается от крыш автомобилей и крышек мусорных баков, снова отправит ее во мрак, теперь это не имеет значения.

– Вы сами знаете, что это не так! – закричала она. – Адиль Заири покинул Эг Дус на рассвете и мог успеть на прямой рейс Марсель – Рабат. Может, он уже там. Он найдет их, Рубен. Найдет – и я не могу ему помешать.

68

10:04

Бэмби была так сосредоточена на красной тетради, что не замечала, как вздрагивает идущий на посадку самолет. Она читала тетрадку много раз и выучила наизусть описание всех встреч матери с мужчинами, о которых теперь знала почти все, каждое движение их душ, самые постыдные тайны и подлости.

Малыш хотел общаться. Существо полутора лет от роду цепкими пальчиками тянуло к себе куртку девушки, чтобы она прочла ему историю, пусть даже без картинок.

Бэмби нравилась малышу.

Его папе она тоже нравилась. Ничего удивительного: матовая кожа, белоснежный кружевной лифчик, а сверху куртка без застежки!

Маме соседка по креслу нравилась явно меньше.

- Оставь мадам в покое, милая.
- «Девочка! подумала Бэмби. Маленькая девочка и уже тянется к книгам!» Крошка насупилась, но пальчики разжала, ее отец погрузился в

журнал, а Бэмби представила себе ужас благородного семейства при ее аресте. Им объяснят, что они сидели рядом с преступницей, а их крошка даже гладила серийную убийцу...

Легавые наверняка ждут в зале прилета, а она сама кинулась волку в пасть, улетев из Рабата.

Аэробус медленно снижался. Во время первых полетов с Шерин у Бэмби при взлете и посадке чудовищно болели уши, так что хотелось биться головой о столик. Постепенно она привыкла. Даже самая сильная боль может стать привычкой, которую сначала клянешь, потом принимаешь как данность и наконец забываешь о ней. В детстве, разбив коленку или тяжело заболев, на вопрос матери «Очень больно?» — она отвечала: «Только когда я об этом думаю». Так оно и было! Стоило открыть книгу, и боль забывалась.

Лежавшая на коленях тетрадь разбередила раны. Бэмби казалось, что строчки разговаривают, что голос матери сливается с ее собственным.

У него южный голос, он любит поговорить. Больше всего любит слушать себя.

Его жену зовут Сален. У него есть годовалая дочка Мелани.

И маленький шрам в форме запятой под левым соском.

Дневник повествовал о ее рождении. Чтобы быть точной – о зачатии.

Об изнасиловании!

Изнасилованиях. Они совершались месяцами, по нескольку раз в день. Пока мама не беременела. И после этого. Один из мужчин, детально описанных в дневнике, – ее отец.

Франсуа. Жан-Лу. Ян.

Один из трех мерзавцев — ее отец. Она прочла дневник много раз, но не привыкла к боли, не приняла ее и не забыла. Она долго размышляла и пришла к очевидному выводу: чтобы приручить первородное зло, терзавшее ее душу, нужно сделать три вещи.

Найти их.

Выбить признание.

Заставить заплатить.

Рядом горько плакала девочка, зажимая уши пухлыми ручками. Она еще не научилась терпеть боль. Мать баюкала бедняжку, отец держал ее ладошку в своей. Ты научишься, милая, — мысленно пообещала Бэмби. — Научишься, когда кончится детство, научишься страдать молча. И узнаешь, что единственное лекарство от страдания — месть.

Чуть меньше года назад Бэмби прочла тетрадь, сделала несколько фотокопий и послала их Альфа. Брат подметил, что все клиенты матери

связаны с ассоциацией «Вогельзуг», где работал ее мучитель Адиль. Альфа́ навел справки. У ассоциации была хорошая репутация, сотни служащих, тысячи добровольцев со всего Средиземноморья, но имелось и несколько паршивых овец, озабоченных личным обогащением. Среди них были Адель Заири и его друзья. Увязшие – кто в большей, кто в меньшей степени. Коррумпированные. Темные делишки не могли бы твориться без соучастия – как минимум пассивного – людей из министерств иностранных дел, юстиции и полиции. Чиновники просто закрывали глаза. Кто станет искать причину смерти нескольких мигрантов, чьи тела нашли в пустыне? Беженцев, зарезанных в лесу? Утопленных в море? Люди без документов. Утратившие личность. Нелегалы из стран Магриба с сожженными пальцами. «Идеальное преступление существует, – подумал Альфа́. – К черту коварные планы – можно просто убивать невидимок!»

Однажды вечером, в квартале «Олимп», Бэмби и Альфа поклялись отомстить.

Она – за поруганную честь матери.

Он – за попранную честь своих братьев.

Они соединили свои кулоны, два эбеновых треугольника, образующих черную звезду мщения, похожую на звезду на марокканском флаге. Каждый будет носить треугольник на шее до самого конца. Альфа́ не понравилось слово «мщение» – он говорил о справедливости. Проводники работают на сети, объяснял он сестре, сети – это гигантский спрут. Чтобы щупальца не отрастали, нужно отрубить чудовищу голову. Вдвоем мы справимся, нашим врагам не придет в голову опасаться неизвестных дилетантов, Саурон ведь не снисходил до Фродо и Сэма.

Бэмби отвлечет внимание, Альфа нанесет удар в голову.

Внизу простиралось Атлантическое побережье. Аэробус летел вдоль лимана Бу-Регрега, разделяющего два города-побратима, Рабат и Сале. Широченный пляж, где она так часто тусовалась, вдруг показался ей нелепым ящиком с песком, зарытым под кладбищем Лаалу. Она на мгновение закрыла глаза. Найти Франсуа, Жана-Лу и Яна оказалось не так трудно, хотя у Бэмби не было ни фамилий, ни физических примет. В красной тетради описывались привычки мужчин, их семьи, их пристрастия. Был и детальный психологический профиль, именно он оказался самым полезным. Опираясь на него, Бэмби создала три фальшивые личности: *Ватву13*, решительную безбашенную активистку; *Faline95*, юную перепуганную мать-одиночку; Флёр, бесстыжую стажерку.

Отвлечь внимание придумал Альфа́. Он обеспечил ее фальшивыми документами. Подруга Бэмби Шерин, бортпроводница «Ройял Эйр Марок»,

помогла с билетами на самолет. Ее фотографии, сделанные в разных частях света и умело подретушированные, пригодились для фейсбука. Шерин не задавала вопросов, не пыталась ничего выяснить, когда Бэмби попросила помочь ей найти отца, отсеяв самозванцев.

Она ни разу даже не намекнула на возможность физической расправы.

Когда это пришло ей в голову? В какой момент отвращение зашкалило и смерть этих свиней показалась единственно возможным выходом? Во время чтения того места в дневнике, где мама все еще верит, что один из них способен помочь ей, полюбить и спасти? Все ее бросили! Ни один из них, даже Жан-Лу, не попытался вырвать слепую девушку из когтей Адиля. Все трое продолжили пользоваться ее телом, чувствуя полную безнаказанность: она никогда их не опознает!

Или она приговорила их к смерти позже, когда Франсуа Валиони попытался изнасиловать ее на пустынной улочке крепости Эс-Сувейра? Когда он пригласил ее поужинать, не отказался пойти в «Ред Корнер», целовал, ласкал, терся об нее? А ведь она ровесница его дочери, могла бы быть его дочерью. Возможно, она и есть его дочь!

Но что, если Бэмби убила, подчинившись инстинкту? Узнала по результатам анализа, что он не ее отец, увидела каплю крови на запястье голого мужика и подумала: эта сволочь продолжает насиловать и попустительствовать смертям мигрантов, он — одно из щупалец спрута, которое отрастет, если его не отрубить, так сделай это!

Нужно отвлечь внимание, сказал Альфа. Она не разочарует младшего брата.

Бэмби убила Франсуа Валиони и сбежала. Следующей ночью она надеялась, что Жан-Лу Куртуа окажется ее отцом и будет жить. Надеялась – пока он не прижал ее к кирпичной кладке на выходе из «Бликов» Ганьера.

Он тоже бросил ее мать на произвол судьбы.

Она взяла кровь на анализ.

Жан-Лу тоже не был ее отцом.

И тоже не имел права жить, хотя давно ушел от спрута.

Бэмби рефлекторно пощупала карман. Бикс с набором для экспрессанализа, за шесть минут определяющего группу крови человека, была на месте. Она брала это для Яна Сегалена, но не успела использовать. Может ли он быть ее отцом? Обаятельный, живой, решительный, хитрый. Внутренний голос отвечал: нет. Шансов у него не больше, чем у двух других.

Красные камни башни Хасана доминировали в пейзаже, создавая иллюзию посадочной полосы на эспланаде мавзолея со средневековой

башней контроля. Через несколько минут аэробус приземлится чуть севернее. Девчушка успокоилась и мирно чмокала соской, а молодой папаша собирал детские книжки, отложив свой планшет.

Полицейские наверняка будут ждать у трапа.

Она не выполнила свою миссию до конца, но внимание отвлекла. Ее самопожертвование поможет Альфа́ ускользнуть из сети. Она залезла во внутренний карман холщовой сумки и, наплевав на голодный взгляд соседа и гневное фыркание его жены, достала кулон на кожаном шнурке и надела его.

Жест воительницы.

Самолет развернулся, лег на крыло, заходя на посадку. Бэмби выдернула из кармана телефон. 4G еще нет, но сеть появилась! Она наплевала на призыв не пользоваться электронной аппаратурой и нажала на первый из контактов.

Мама.

Бэмби показалось, что Лейли ответила, прежде чем прошел первый звонок.

– Это ты, доченька?

69

10:05

По молу навстречу Альфа́ двигались четыре силуэта. Он остановился. Из порта наплывал густой туман, как будто подводный огонь кипятил воду, чтобы сварить шлюпки и яхты. Пар притягивался к стенкам кирпичных ангаров как раз в том месте, где причалил «Севастополь».

Ноги у Альфа́ подкашивались. Он убедил себя, что страх тут ни при чем, что это нормальная реакция после суток на корабле. Альфа́ впервые ступил на другой континент. Шатало не его – дрожала Франция!

Над туманом, там, где начинался канал, стоял форт Бук. Массивные белокаменные стены цитадели напоминали пиратскую крепость Удая^[117] в Рабате (ее возвели в устье долины Бу-Регрег, лицом к океану) и крепость Касбу в Танжере, возвышающуюся над мединой, где двадцать четыре часа назад Альфа́ поднялся на борт «Севастополя».

Четверо остановились в нескольких метрах от Альфа́. Окутанные последними клочьями тумана, они напоминали насекомых, застрявших в коконе.

Легавые? Подручные Банкира или Казначея?

«Севастополь» могли засечь, он не корабль-невидимка. Альфа́ постарался незаметно принять стойку поудобнее, суеверным жестом коснулся рукоятки ТТ. Мужчины в тумане замерли: ни улыбки, ни дружеского приветствия, ни единого слова.

Холодны, как камень. Немы, как смерть. Бледны, как траур.

Альфа забыл о пистолете, поднял руки, шагнул вперед и обнял самого высокого из мужчин:

– Спасибо, что пришел, брат.

Саворньян не ответил, и он повернулся к остальным, молча поприветствовал каждого. Захерин, агроном-философ; Уисли-гитарист; Дариус, виртуоз дженбе. Саворньяну удалось убедить трех нелегалов, добравшихся из Марокко до Франции на два дня раньше, чем он.

А может, все решила судьба. За несколько минут до прибытия в Порде-Бук Альфа получил сообщение о трагедии у побережья Марокко. Бабила, Кейван, Сафи, Кэмиль, Ифрах, Найя... Возможно, Средиземное море уже поглотило их тела, когда он ночью звонил Саворньяну, а тот с друзьями пел и танцевал на празднике в честь скорой встречи с родными.

«Счастливые не воюют», – сказал ему Саворньян на прощанье.

Сегодня утром он здесь.

Молчаливые объятия затянулись, судорожные, причиняющие боль. Альфа не торопился нарушить молчание, не зная, какие слова утешения выбрать. Любые прозвучат нелепо. Какое уж тут утешение... Но поддержку выразить необходимо. Альфа открыл было рот, но Захерин опередил его:

– Саворньян убедил меня прийти. Уисли и Дариуса тоже. Не будем терять время. Наших мертвых мы оплачем потом. Сегодня нужно спасать других.

Они оставили туман за спиной и пошли к порту Ренессанс. Завсегдатаи, сидевшие на террасах баров и ресторанов, провожали их взглядами и возвращались к чтению газет и горячему кофе.

Альфа и его спутники остановились на углу улицы Папен. Наверху, за каменными оградами с решетчатыми воротами, стояли виллы, одна богаче другой, и открывался панорамный вид на Камарг.

Нужно было определить порядок действий, решить, куда идти. Альфа́ проверил телефон. Со вчерашнего дня мать звонила каждые пятнадцать минут. Она живет совсем близко, в доме, похожем на сторожевую вышку. Переехала, когда ему было двенадцать, чуть больше, чем сейчас Тиди, и все время обещала забрать их к себе. Неделю назад она сказала: «У меня появилась идея, скоро все уладится, я получу визы…»

Альфа убрал мобильник. Незачем маме знать, что он был так близко от

нее, – вдруг не доведется вернуться.

Он приплыл не ради нее. Вернее, не только ради нее. Сначала нужно сдержать клятву.

Альфа бросил последний взгляд на крыши домов, медленно достал из кармана черный треугольник на кожаном шнурке и повесил на шею.

Жест воителя.

– Вперед!

Бенинцы смотрели на него, как будто ждали, чтобы он сделал первый шаг.

– Готовы?

Они кивнули.

– Оружие есть?

Ответил Захерин:

– Я пойду, Альфа. Последую за тобой. Но с голыми руками, босой и с открытым сердцем. Те, кто отнял у нас самое дорогое, не испачкались в крови, у них на коже нет пороховой гари. Пусть же погибнут так, чтобы и мы не замарались.

Альфа постарался скрыть тревогу. Захерин и трое других сумасшедших понимают, какая опасность им грозит? Ему нужны решительные люди, солдаты, а не изувеченные жизнью калеки, которых жажда мщения лишила инстинкта самосохранения! Особняк Журдена Блан-Мартена «Ла Лавера» днем и ночью стерегут двое вооруженных людей. Профессионалы, обученные убивать.

Их пятеро, но действовать, судя по всему, способен только он. Захерин и Дариус слишком старые. Уисли слишком хрупкий. Помочь способен только Саворньян. Может быть.

– А ты что скажешь? – спросил он.

Взгляд бенинца был полон смертной муки.

– Несчастные должны воевать, Альфа. Таков закон. Воевать, чтобы другие жили в мире.

70

10:07

– Бэмби, это ты? Где ты, Бэмби? – кричала в телефон Лейли.

Ей ответил далекий, чуть приглушенный голос:

- У меня мало времени, мама... Не могу говорить громко... Я в самолете...

- В самолете? Почему? Что еще за самолет?!
- Я почти выбралась, мама. Мы скоро приземлимся. В Рабате.

Лейли вскрикнула, закусила губу.

Рабат? Она не ослышалась?

Стоявший рядом Рубен напряженно вслушивался в разговор, пытаясь понять, что происходит.

- Это чудо, Бэмби. Беги, как только сядете. Беги со всех ног. К нам. В «Олимп». Тиди в опасности. Ты должна...
 - Послушай меня, мама! Это ты в опасности! Ты!

Бэмби забыла об осторожности, и ее крик услышали все пассажиры.

Через несколько секунд Лейли поняла главное: дочь нашла красную тетрадь и опознала по фотографии Адиля Заири... Ее соседа... Ги...

- Я все знаю, сухо оборвала она Бэмби. Я уже все знаю. Но Адиля здесь нет. Он… Не теряй времени, ты должна успеть к Тиди раньше!
- Я не смогу, мама! Голос Бэмби сорвался. Меня не выпустят. Задержат на таможне, даже в зал не выпустят.

Лейли пошатнулась, вцепилась в перила балкона, и Рубену на секунду показалось, что она сейчас упадет.

- Объясни им! Скажи, пусть пошлют патрульную машину в квартал Апельсиновой рощи, это в нескольких километрах от аэропорта.
- Мама, они даже слушать не станут! Я... Меня разыскивают. За убийство... Меня заберут. Понадобятся часы, чтобы оправдаться.

Девушка понизила голос до шепота – наверное, мимо нее шла стюардесса или соседи выразили недовольство, – и Лейли воспользовалась тишиной в трубке, чтобы достать из кармана визитку. Последний козырь.

- Тогда свяжись с полицейским. Не с любым. Его зовут Жюло Флор. Используй последние минуты на свободе. Я сейчас пришлю тебе номер телефона и мейл. Расскажи ему все, что знаешь.
 - Почему мы должны ему доверять?
 - У нас нет выбора, дорогая, ничего другого не остается.

Резкий удар помешал Бэмби задать очередной вопрос. Ее бросило вперед, ремень безопасности впился в живот. Самолет сел! Связь прервалась.

Стюардесса попросила всех оставаться на местах.

Бэмби рывком расстегнула пряжку и снова поставила на колени ноутбук Яна Сегалена. Сигнал 4G был идеальным. Она вошла в почту в тот самый момент, когда ее мать прислала адрес сыщика. Девушка дрожащими пальцами набрала juloflores@gmail.com, прикрепила все фотографии, тексты, таблицы, отбрасывая слишком тяжелые файлы, кликнула

«Отослать» и чертыхнулась. Сообщение не ушло! На экране появился вопрос: «Хотите отослать сообщение без вложений?» Близкая к истерике, она напечатала три буквы в качестве заголовка.

SOS

Отправила. На это раз получилось.

Она наугад выбирала из папок снимки, в основном те, на которых фигурировали Валиони, Сегален, Журден Блан-Мартен, Заири и неизвестные – неизвестные с внешностью чиновников, неизвестные с лицами полицейских.

Скопировать, прикрепить, отослать.

SOS

SOS

SOS

Самолет замер. Люди начали дружно вставать. Мать с малышкой на руках все пропускали вперед. Бэмби осталась одна.

Еще несколько секунд.

Выйти последней.

SOS

SOS

Отвлеки, попросил Альфа.

Отошли всю информацию, все, что сможешь, велела мама.

Она подчинилась им обоим.

Не понимая зачем.

71

10:10

Тидиан возвращался из булочной. Бежал между оливами, изображал дриблинг и пасы обеими ногами вдоль улицы Пастера. Дед пообещал: «Если быстро пообедаешь, пойдешь со мной в ад». Они будут искать его любимца, мяч «Марокко Кубок Африки 2015», его амулет, улетевший в черную дыру.

Тидиан запыхался, остановился во дворе, прислонился к стволу апельсинового дерева и поднял голову к домику на ветке и тросу, соединяющему его с окном на третьем этаже. Иногда, в хорошую погоду, мальчик грыз орешки или семечки в своем укрытии, глядя на бабулю с дедулей, но сегодня кухонное окно было закрыто. Да и времени нет – надо успеть найти мяч к вечерней тренировке.

Мальчик вошел в подъезд корпуса «Посейдон», взлетел на третий этаж, прыгая через ступеньку. Его личный рекорд составлял 8 секунд. Он улучшал его каждый месяц, и бабушка Марем говорила: «Это нормально, ты ведь растешь».

Он коснулся двери квартиры и остановил хронометр своих часов. 9 секунд. Тидиан скривился, тут же утешился, сообразив, что бежал с хлебом и дедулиной газетой, а воскресный результат установил с пустыми руками. Пожалуй, ему стоит вычислить рекорд на каждый день, в зависимости от уроков, веса школьного рюкзака и даже бега вслепую. Ладно, хватит мечтать! Быстро за стол, проглотить кукурузные хлопья с молоком, схватить деда за рукав — и в ад! Тиди ужасно торопился, но не только из-за мяча. Он повернул ручку и толкнул дверь:

– Я пришел!

Ему никто не ответил. Молчала даже радиостанция «Марокко Ностальжи», которую бабушка Марем слушала целый день. Мальчик сделал несколько шагов по коридору и увидел деда и бабушку. Они сидели на диване. Такого с ними никогда не бывало! Только не вместе. Марем ходила немного, и всегда с палкой, но присаживалась, только чтобы поесть, а еще... Они даже не включили телевизор. Что про...

– Беги, Тиди!

Вопль деда разбудил мальчика. Он увидел в гостиной чужака. Тот залепил Муссе оплеуху, и старик сплюнул кровь. Тидиан окаменел. Он узнал обидчика.

Фредди.

Позавчера вечером этот человек пришел в гости — Тиди еще не спал, поцеловал маму и поздоровался. Человек ответил таким жутким голосом, что мальчик сразу окрестил его Фредди. Сейчас монстр держал в руке длинный нож, так что отсутствие когтей не делало его менее страшным.

Дед Мусса кашлянул, сплюнул и снова крикнул:

– Беги, милый!

Тидиан колебался. Дверь в квартиру у него за спиной осталась открытой, на лестнице он точно обгонит это брюхастое чудище. Фредди даже не попытался схватить мальчика. Вместо этого он потянул бабулю за длинные седые косы и приставил ей к горлу нож.

– Бе... – попыталась произнести Марем.

Кончик лезвия почти проколол кожу на шее.

– Нееет! – крикнул Тидиан и рванулся вперед, как горный баран. Фредди не причинит зла бабушке с дедушкой. Он пока не такой сильный, как Альфа, зато быстрый и...

Для человека его комплекции Фредди действовал стремительно: отпустил женщину, выскочил из-за дивана, поймал мальчика и вздернул его вверх. Ноги Тидиана на мгновение повисли в пустоте, потом его швырнули на ковер, как старое пальто. Он почувствовал резкую боль в лодыжке. Фредди бесшумно подобрался к двери, закрыл ее, вернулся за спину старой женщины и принялся гладить ее по волосам. Выдержал театральную паузу и произнес замогильным голосом, обращаясь к Муссе и Тидиану:

– Ты шустрее меня, малыш. Не сомневаюсь, что твой дед вспомнит молодость и ненадолго соберется с силами, но если хоть один из вас дернется, то я испытаю свой замечательный берберский ножик на вашей любимой Марем. Знаете, кто мне его преподнес? – Еще одна пауза, взгляд в сторону Тидиана. – Твоя мать! Это был ее прощальный подарок – в некотором смысле. Я бережно хранил его много лет.

Он потер шею под бородой, как будто там скрывался глубокий шрам, превративший его голос в змеиное шипение.

– Я не сразу вас нашел. Маалей много – тысячи... Но у меня остались друзья в полиции. Сначала мы встретились у твоей мамы – не лично, через компьютер. Альфа́ любезно позволил арестовать себя здесь. Мне оставалось только сопоставить факты. Кстати, позволь представиться: я старинный друг твоей мамы. Адиль. Адиль Заири. И новый друг тоже. Ги. Видишь, как мы близки.

Тидиан отползал от Фредди по оранжевому, с геометрическими узорами, ковру, не переставая потирать ногу. Выиграть несколько сантиметров, еще чуть-чуть, ромб за ромбом. Фредди, или Адиль, или Ги – у чудовищ всегда много имен, по одному на кошмар, – уперся взглядом в футболку Тиди. Его любимую. Обережную. Счастливую. Принадлежавшую Абдельазизу Барраде.

– Любишь «Олимпик», Тиди? Я ведь могу тебя так называть? Мальчик съежился от страха. Фредди шагнул к нему, наслаждаясь своей властью.

– Вот и хорошо. Значит, мы подружимся. Я тоже за них болею. Ты их любишь, потому что твоя мама живет рядом с Марселем, так ведь? Одно только название навевает тебе сладкие мечты. Прямо к цели. Стадион «Велодром» – домашний стадион «Олимпика»... Мама столько раз обещала, что ты обязательно будешь жить с ней в этом городе. Понимаю. – Он смерил мальчика взглядом и устрашающе улыбнулся. – Скажи, он тебе и правда нравится, этот Баррада?

Тидиан не стал отвечать. Футболка была ему сильно велика, он мог бы стянуть ее вниз, до самых кроссовок, если, конечно, согнуть колени.

Исчезнуть!

— А может, ты полюбил этого игрока, потому что только он носит две футболки — Марселя и Марокко? — Фредди присел на корточки и положил руку на плечо мальчику, не забывая время от времени оглядываться на стариков. — Ты не должен меня бояться, парень. Повторяю, я друг твоей мамы. Старый друг. Мы были вместе этой ночью. — Он повернул голову и ухмыльнулся, как вампир. — Она тебя обнимает. Крепко. Теперь ты все понял? Мама рассказывает сказки, чтобы ее любимый сыночек не горевал. Ты ведь тоже не хочешь, чтобы маме было плохо?

Тидиан покачал головой.

Нет... Нет...

 – А давай повеселим твою маму, согласен? – В голосе Фредди появились свирепо-веселые нотки. – Пошлем ей фотографию. Селфи. Нас двоих. Давай?

Он извернулся, чтобы достать из кармана телефон, и зашел за спину Тидиану – так можно было держать в поле зрения диван. Дед Мусса резко выпрямился, сделал угрожающий жест:

- Если вы только...
- Все хорошо. Не бойтесь.

Фредди вытянул левую руку с мобильником, чтобы в объектив попали их с Тидианом лица. Нахмурился — свет из окна создавал легкий контражур. Медленно, правой рукой, провел ножом по телу мальчика, от низа живота к груди, и коснулся лезвием его шеи.

Тидиан пытался не дрожать, держать спину прямо, не дергать ногами, как подбитый заяц, но сердце вдруг перестало качать кровь. Руки, ноги, лицо стали белыми, как футболка. Мусса до крови искусал губы, понимая, что не может даже шевельнуться, иначе случится непоправимое. Словно сидит на мине. Марем плакала, взглядом моля Адиля Заири о пощаде.

– Ну вот, – продолжил Фредди, – так хорошо выйдет. Мама удивится, увидев нас всех вместе: верного друга, обожаемого сына и этот миленький кинжал. Он о многом ей напомнит. Об очень многом!

Безумец застыл на несколько долгих секунд. Левая рука вытянута вперед, правая удавом обнимает шею мальчика, кончик ножа упирается в его яремную вену.

Тидиан смотрел на экран широко распахнутыми глазами и как в зеркале видел лицо монстра, приклеившееся щекой к его щеке, блестящую сталь клинка и не сомневался, что Фредди отошлет снимок в тот самый момент, когда проткнет ему сонную артерию. Мама увидит последний миг жизни сына и брызнувшую из раны кровь. Плохие люди всегда так

поступают – если верить фильмам.

Фредди сделал наконец снимок и сразу отвел кинжал в сторону, набрал адрес и воскликнул, гаденько хихикнув:

– Ну вот, готово дело... Мамочке очень понравится.

Марем зарыдала в голос, и Мусса обнял ее. Сердце Тидиана колотилось изо всех сил, как будто хотело компенсировать простой.

– Вернемся к твоей маме... малыш. – Фредди завис над Тиди. – Двадцать лет назад она... позаимствовала у меня сумку. Черную, адидасовскую. Она была очень дорога мне. Я вернулся в том числе из-за нее. Полагаю, вы знаете, куда Лейли спрятала сумку?

Ответа не последовало. Адиль тяжелыми шагами топтал оранжевый ковер.

– Ну же, признавайтесь, я уверен, что ваша дочь не могла ее выбросить, здесь не Версаль. Адидасовская сумка – заметная вещь. Отдайте сумку – и расстанемся друзьями.

Тидиан посмотрел на деда. Мусса отводил глаза, как будто боялся остановить взгляд на стене или дверце шкафа и невольно выдать секрет. Фредди кружил по комнате, заводясь все сильнее.

– Будьте же благоразумны! Я всего лишь хочу вернуть то, что принадлежит мне по праву.

Он сужал круги, подбираясь к Марем на манер акулы, пальцы сжимали рукоятку ножа.

«Фредди может ударить в любой момент, неожиданно!» – с ужасом подумал мальчик.

- Ну же, я жду!
- «Может, он вонзит нож в диван, а не в бабулю? Или...»
- Спрашиваю последний раз.

Большой и указательный палец Фредди переместились ближе к лезвию.

– Я знаю! Знаю, где она!

Тидиан сорвался на крик, и Мусса попытался встать, но Фредди с силой толкнул его в грудь и повернулся к мальчику.

– Я знаю, где спрятано мамино сокровище.

В глазах Фредди сверкнул хищный огонь. Мальчишка связал сумку с сокровищем, значит, он и правда в курсе!

– Оно... оно не здесь, – пролепетал Тидиан.

Фредди сдвинул брови, выставил чуть вперед руку с кинжалом, давая понять, что не потерпит никаких выкрутасов. Тидиан поторопился объяснить:

72

10:12

Самолет остановился метрах в пятидесяти от здания аэровокзала, и его сразу плотным кольцом окружили полицейские. Пассажиры сходили по трапу один за другим, на летном поле их останавливали и обыскивали. Удивительно, но никто не возмущался, люди охотно обменивали небольшое ущемление в правах на безопасность.

Жюло наблюдал за происходящим через стеклянную стену, Петар стоял сзади, как наказанный школьник, и не сводил глаз с экрана своего телефона. Ему не позволили участвовать в задержании, предложили подождать, пока марокканская полиция возьмет Бэмби Мааль. «Не волнуйтесь, майор, допрос будет проводиться под двойной юрисдикцией!» – утешили его рабатские коллеги.

Жюло убедился, что никто из агентов не сможет заглянуть ему через плечо, и вернулся к планшету — начал открывать файлы, прикрепленные к сообщению, пришедшему три минуты назад.

bambymaal@hotmail.com

SOS

Девушка, запертая в стоящем на полосе самолете, окруженная тридцатью полицейскими, посылала лейтенанту сигнал бедствия. Ему, члену команды, которой поручено ее задержать. Что может означать этот сюрреалистический зов о помощи?

Кто-то запустил обратный отсчет? Отдал приказ об аресте, чтобы заставить девушку замолчать, и она пытается защитить себя, торгуя секретами?

Вздрагивая от малейшего звука, глядя одним глазом на экран, другим продолжая следить за холлом, Жюло открыл первые загруженные файлы — бесконечные таблицы данных. Названия строчек и колонок не оставляли ни малейших сомнений в том, что хранились они в персональном компьютере Яна Сегалена. Бейрутские сыщики подтвердили, что девушка сбежала, прихватив куртку и портфель логиста «Вогельзуг».

Жюло продолжил открывать разные страницы таблиц, но был не в силах интерпретировать цифры. Обычные счета или цифровой динамит? Да черт их знает! Лейтенант не имел ни времени, ни достаточной компетентности, чтобы проверить, а главное, считал, что есть более

срочное дело. Раз Бэмби шлет эти досье, значит, они содержат вполне определенную информацию. Откровение, которое должно броситься ему в глаза.

Флор решил сосредоточиться на фотографиях. Кликнул наугад, снимки последовали один за другим, и на всех фигурировал Сегален. Ян с Франсуа Валиони, Ян в Африке, Марселе, Рабате; Ян с незнакомыми типами, чьи лица Жюло уже встречал на сайте «Вогельзуг»; Ян рядом с Журденом Блан-Мартеном, на трибуне конференц-зала, у входа в лагерь беженцев. Ничего удивительного. Ничего компрометирующего.

Он продолжал вслепую копаться в файлах, практически утратив надежду отыскать хоть крупицу информации. Бэмби отослала все, что попало ей в руки, как беглянка, которую преследователи загнали на пляже, и она швыряется в них песком. Еще пара фотографий – и он все бросит, присоединится к Петару, а уж потом решит, что делать с досье. Может, отошлет следователю, а может, поговорит о...

Внезапно Жюло замер, глядя на невинный снимок, запечатлевший джип в пустыне. Четверо взмокших от пота мужчин вышли из машины, чтобы попозировать неизвестному фотографу. Сыщик узнал — справа налево — Яна Сегалена, Журдена Блан-Мартена, плешивого мужика, похожего на Бена Кингсли, и... Петара Велику!

Лейтенант инстинктивно поднял глаза. Майор смотрел на последних вышедших из самолета пассажиров. Бэмби Мааль так и не появилась. Девушка была в западне.

Жюло попытался справиться с возбуждением. Фотография подтвердила то, что он предполагал с самого начала расследования: его патрон знаком с шишками из «Вогельзуг»! Конечно, ничто не указывало на то, что Петар участвовал в их делах, но и сохранять беспристрастность не мог. То есть как минимум вел двойную игру. Защищал — если не друзей, то союзников. Потому и работал без особого рвения.

Лейтенант помассировал виски, подул на руки и последний раз проглядел пять полученных сообщений.

SOS

SOS

«Я никому ничего не должен. Отошлю материалы Мадлену через голову патрона. Пусть его люди прошерстят все данные. Бэмби Мааль так и так арестуют и осудят за двойное убийство, причем преднамеренное, так что адвокат даже не сможет ссылаться на смягчающие обстоятельства. Пусть ее утешит мысль, что другие все-таки поплатятся...»

SOS

SOS

Что еще он может сделать для этой девушки?

Рядом с самолетом никого не осталось, его как будто бросили на полосе. Последние полицейские поднялись на борт. Попыталась ли Бэмби спрятаться? Жюло поймал себя на нелепой надежде: пусть случится чудо, пусть она исчезнет струйкой дыма, залезет под кресло, замаскируется под другого пассажира! Он почти поверил, что его молитвы услышаны, но тут по трапу начали спускаться полицейские — один, другой, третий, и наконец показалась Бэмби Мааль — в наручниках, под конвоем.

Все было кончено.

Жюло подождал несколько секунд – растерянный, сбитый с толку, почти удивленный тем, что тридцати полицейским так легко удалось схватить девушку, – потом сделал шаг к Петару.

В этот самый момент в кармане брюк блямкнул телефон, извещая о новом сообщении.

Удивительная мстительница бросила в море последнюю бутылку?

Он опустил глаза, прочел *leylimaal@gmai.com* и подумал, что Бэмби решила попрощаться... но тут же сообразил, что неверно прочел имя.

leylimaal@gmail.com

К тексту был прикреплен один-единственный файл, который даже не понадобилось загружать, он открылся сам.

Ледяная дрожь пробежала по спине полицейского, когда он взглянул на жуткую фотографию. Ребенок с выпученными глазами смотрел в камеру, а к шее был приставлен нож. У него за спиной стоял улыбающийся мужчина.

Глупая шутка? Жюло попытался сделать блиц-анализ каждой детали снимка. Он узнал апельсиновое дерево за стеклом, здания цвета охры на заднем плане. Значит, снимали в «Олимпе», в северной части Рабата, там, где они вчера задержали Альфа́ Мааля.

Ребенок лет десяти мог быть только... его младшим братом Тидианом.

Опознать человека с ножом Жюло не мог, хотя был уверен, что всего несколько минут назад видел это лицо — более молодое, более худое, без бороды. Видел в компании Яна Сегалена и Журдена Блан-Мартена.

Над снимком Лейли Мааль написала шесть слов.

У него мой сын

Спасите его

10:26

Фредди заклеил пластырем рты старикам, связал руки и ноги одной длинной веревкой и закрепил конец на батарее, сильно натянув. Потом надел кожаную куртку и сунул нож в карман. Тидиан сидел на стуле и растирал ногу, сконцентрировавшись на меньшей из бед. Фредди наклонился к мальчику:

– Сейчас мы с тобой отправимся в подвал. Если встретим по пути кого-нибудь из соседей и ты вякнешь хоть слово, я его убью. Если попробуешь сбежать на лестнице, маленький хитрюга, я вернусь в квартиру и *позабочусь* о бабушке с дедушкой. Все ясно?

Они спустились на два этажа, никого не встретив. Слава богу... Оказавшись на площадке, Тиди указал на белую железную дверь с ржавыми штырями. Городской художник-любитель написал во всю ширину баллончиком с красной краской: Дверь в ад.

Фредди достал связку ключей, которую прихватил из прихожей, вставил № 29 в замочную скважину и толкнул тяжелую створку.

– Пойдешь первым.

Тидиан никогда не спускался в ад — дед запрещал, говорил, что это логово всяких мошенников, наркоманов и дилеров. Мальчик помнил слова Муссы над черной пастью водостока: «Километры коридора, подвалы — по одному на квартиру, парковочные места, канализация...»

Он нажал на кнопку выключателя. Несколько лампочек – по одной на каждые два метра, прикинул Тидиан – освещали крутую узкую лестницу. Тидиан осторожно поставил ногу на первую ступеньку. Он так и думал, что мамино сокровище спрятано где-то в аду.

Неужели сундук с богатствами – та самая адидасовская сумка, которую требует Фредди? Как ее найти в длиннющем коридоре? Долго морочить голову монстру не получится, а если сумка чудом отыщется, будет еще хуже. «Я стану не нужен и получу удар ножом в сердце, потом он убьет бабулю с дедулей!»

Ты что там затих? – скрипучим голосом спросил Фредди. – Не дури и поторопись!

Кончик ножа уколол в спину. Как будто кот зацепил когтем. Тидиан пытался собраться и не паниковать, как учил Альфа́.

«Представь, что бьешь пенальти. Забудь обо всем. Не торопись. Дыши медленно».

Дед рассказывал ему о сокровище своего деда – кувшинах с ракушками, которые в один миг превратились в ничто. Тидиан тогда спросил: «Но сокровище никуда не делось?» – и услышал от Муссы нечто

непонятное, но важное. Что это было?

– Шагай, сопляк!

Тидиан спустился на одну ступеньку.

«Двигайся спокойно, – учил Альфа. – Разбег в два шага, не больше. Смотри в другую сторону, чтобы отвлечь внимание».

– Я... мне страшно, – прошептал он. – Кажется, там крысы... И шприцы... Иногда туда сбрасывают покойников.

Тиди говорил с закрытыми глазами – хотел привыкнуть к темноте. Он с невероятной осторожностью шагнул на следующую ступеньку, слыша за спиной хохот Фредди, эхом отражающийся от бетонных стен. Смех перешел в хриплый кашель, нож снова коснулся спины. До конца лестницы оставалось не меньше десяти ступеней.

– Ладно, малыш, а теперь прибавь-ка шаг...

Свет погас, пространство погрузилось в темноту, и Тидиан решился – начал спускаться. Их с Фредди разделяло уже не меньше метра, и негодяй разразился бранью, боясь шевельнуться.

«Дай мне твою силу, мама, – молил Тидиан. – И глаза совы... Нога – ступенька, нога – ступенька, еще одна, дальше, дальше от него...»

Тиди выхватил из кармана платок, обмотал кулак, нашел глазами на стене более темную тень и ударил. С хрустом разбилась лампочка.

«Двигайся вперед! – приказал себе Тидиан. – Нужно разбить все лампы, которые встретятся по пути. Ты тренировался. Ты видишь в темноте. Уж точно лучше Фредди».

Он разбил следующую лампочку через секунду после того, как Фредди нажал на кнопку. Монстр с ножом успел заметить силуэт в самом низу лестницы, и все снова погрузилось во мрак. Яростный вопль. Хлопнула дверь. Чудовище покинуло ад.

Сначала мальчик испугался за бабушку и дедушку. «Попробуешь сбежать, я вернусь и позабочусь о них!» – пригрозил ему убийца. «Ничего ты не сделаешь! Тебе нужна сумка, и ты уверен, что загнал меня, как крысу в лабиринте...»

Тиди понимал, что времени у него совсем мало: Фредди сходит за фонарем и вернется.

Мальчик двигался быстро, на ощупь, ведя ладонью по холодной, липко-влажной стене, по которой тянулся электрический провод. Лодыжка распухла и жутко болела, кончики пальцев покалывало.

«Иди! – приказал он себе. – Иди и бей лампочки!»

И он шел и бил, понимая, что в этом подвале вряд ли найдется выход, совсем как в каменном гроте.

10:31

– Я должен с вами поговорить, Петар.

Майор смотрел, как марокканские коллеги ведут вниз по трапу аэробуса Бэмби Мааль. Эскорт как у голливудской дивы, ну в крайнем случае, как у старлетки студии «Атлас».

Уарзазат^[118]. И умереть...

- Тогда поторопись, ответил Велика. Как только девица окажется в здании, я включаюсь в игру. Не люблю, когда меня отодвигают усачи в каскетках, которым всего-то и нужно, что произвести арест! После того как мы сделали всю работу.
 - Не здесь, патрон. Наедине...

Петар даже не посмотрел в сторону подчиненного – первые члены группы захвата появились в зале.

 Пожалуйста, патрон. Мне нужна всего минута. Вопрос жизни и смерти.

Жюло кивком указал на дверь туалета напротив. Полицейские перекрыли зал B с 10-го по 16-й выход, так что посетителей в сортире быть не могло. Петар сдался:

– Ладно, парень. Надеюсь, ты не собираешься снова защищать твою возлюбленную. Захочешь взять ее замуж, придется подождать лет тридцать.

Они вошли, Жюло закрыл дверь, а майор решил воспользоваться писсуаром.

– Ну давай выкладывай, раз уж я здесь... – велел он и начал расстегиваться. – Чего ты ждешь?

Он повернул голову и так изумился, что забыл, чем занимается, и начал поднимать руки.

Жюло целился в него из «Зиг Зауэра».

- Ты... ты что, рехнулся?
- Мне очень жаль, патрон. Я не считаю вас мерзавцем, думаю, вы просто пытаетесь не потонуть в окружающем бардаке.
 - Ничего не понимаю, чертов ты придурок! Опусти оружие и...
- Вам не нужны неприятности и заморочки. В обмен на место под солнцем вы всего лишь отворачиваетесь, когда речь заходит о беженцах.

Смотрите в другую сторону.

Петар опустил руки, застегнул ширинку и решительно шагнул к своему лейтенанту.

- Ну все, хватит!
- Стойте на месте, патрон! Стойте, или я прострелю вам колено.

Велика замер. Этот кретин настроен решительно, он все еще свято верит в принципы.

- Что собираешься делать?
- Буду импровизировать... чтобы спасти то, что еще можно спасти. Дело срочное, но вам я его доверить не могу. Придется самому... Сага семьи Мааль не должна закончиться трагедией. Я попытаюсь выручить самого невинного из детей Лейли. Возьму ваше оружие и наручники пристегну вас к батарее. И не изображайте героя не ваш жанр. Мне нужно пять минут форы, потом начинайте орать, и дружки из королевской полиции придут и освободят вас.
- Тебя вышвырнут со службы, лейтенант. Зачем... Зачем ты это делаешь?

Жюло посмотрел патрону в глаза и ответил:

– Иногда нужно уметь выбрать правильную сторону.

Через три минуты Жюло вышел в зал B.

Никого.

Запаниковав, он бросил взгляд на летное поле.

Никого.

Он стартовал как подорванный, прыгая через несколько ступенек, спустился по эскалатору и побежал вдоль багажного транспортера, пустого и неподвижного. Дежурный таможенник у первого выхода смотрел на него не моргая, наслаждаясь тишиной после напряженной суеты.

– Девушка... Девушка из бейрутского аэробуса... Где она?

Таможенник пожал плечами и лениво процедил:

– Они ее забрали. Стояли у второго выхода, но сейчас наверняка уже уехали. Повезут в центральный комиссариат Рабата.

Жюло устремился к выходу, даже не поблагодарив, перепрыгнул через ленточный барьер безопасности, обрекающий несчастных пассажиров на бессмысленные повороты-развороты, едва не упал на скользком кафеле пола, резко свернул и увидел за стеклянной дверью силуэты полицейских, синие вращающиеся фары на крышах машин, а за ними — стоянку автобусов и такси.

Нужно успеть, пока они не тронулись с места! Жюло рванул так стремительно, что автоматические двери не успели открыться. Пришлось

резко притормозить, чтобы не пробить головой стекло. Короткая задержка позволила перевести дыхание, но, оказавшись на улице, он едва не получил тепловой удар.

Полицейский фургон с затемненными стеклами был припаркован прямо перед входом. Узнать, там ли Бэмби, не представлялось возможным. Жюло подошел к молодому офицеру-марокканцу — высокомерный вид, мундир с галунами, фуражка натянута до бровей, пытается смотреть из-под козырька и потому напоминает жирафа.

– Жюло Флор, я из АЗИЯ ДМС.

Офицер королевской полиции смерил скептическим взглядом странного типа — потный, волосы взлохмачены, мятая рубашка расстегнута, — но стоявшие на тротуаре коллеги кивком подтвердили, что тот не врет.

– У меня указания министерства внутренних дел Франции, – с апломбом заявил Жюло. – Я должен допросить подозреваемую.

Капитан Жираф махнул рукой – мол, жди своей очереди, дружок, у Франции нет привилегий, закон тут представляю я, времена изменились, это вам не эпоха протектората. Мистер Жираф сумел выразить все это жестом и презрительной гримасой.

– Меня прислал майор Велика...

В воздухе возникло напряжение. «Спасибо, Петар, у тебя талант нагонять на людей страх. Даже эти побаиваются...»

– Он... – Жюло действовал наугад, понимая, что должен играть покрупному, если хочет получить шанс. – Они обнаружили следы в соцсетях... Покушение в Марселе... – Слова нанизывались друг на друга сами собой. – Первый день конгресса «Фронтекса», двадцать восемь европейских министров, столько же африканских... Проклятье, открытие меньше чем через восемь часов, а эта девица – ключевой персонаж.

Капитан мотал головой, рискуя травмировать шейные позвонки о жесткий околышек фуражки. Он тянул время, но Жюло знал, что победил. Марокканец ничего не потеряет, если даст ему поговорить с задержанной несколько минут. А вот если откажет...

Жираф открыл дверцу фургона:

– Ладно... Залезайте.

На этот раз маску высокомерной сволочи надел Жюло. «Еще раз спасибо, Петар!» Он смерил группу марокканских коллег таким взглядом, как будто точно знал, что у каждого есть дальний кузен-исламист, потом посмотрел в глаза капитану:

– Думаю, не нужно уточнять, что все ее показания

конфиденциальны? – И покрутил на пальце ключи от дежурного «рено», запаркованного метрах в ста от фургона.

Марокканец колебался, и Жюло решил не напирать сильнее, хотя понимал, что в зале аэропорта может в любую минуту появиться Петар или один из таможенников, услышавший вопли майора. В конце концов капитан толкнул фуражку пальцем под козырек, что должно было означать согласие, и знаком приказал четырем подчиненным отконвоировать задержанную в «рено».

- Кто вы?
- Лейтенант Жюло Флор. Опустите глаза, когда я буду говорить, изображайте недоверие и отвечайте короткими фразами.
 - Во что вы играете?

Бэмби Мааль сидела на пассажирском месте. Расстегнутая куртка, длинные волосы в беспорядке. Неправдоподобно красивая. В глазах, сухих, черных, как застывшая лава, плескалась ярость пополам с отчаянием. Сила характера прикрывала бездонную скорбь.

В жизни она оказалась еще прекрасней, чем на фотографиях. Пусть его выкинут из национальной полиции, осудят, расстреляют — свидание наедине с Бэмби Мааль того стоит.

– Ваш младший брат в опасности. В «Олимпе». Мне нужна ваша помощь.

Бэмби выдержала удар, хотя была на грани слез. Лейтенант бесшумно закрыл дверцу, вставил ключ в зажигание.

- Побудьте голосом навигатора или моим штурманом, как вам больше нравится, чтобы мы как можно быстрее попали в квартал Апельсиновой рощи и квартиру ваших деда и бабушки.
- Они больше на нас не смотрят, тихо произнесла девушка. Едем, в конце дороги поверните направо!

Машина так резко рванула с места, что ни один из марокканцев, стоявших на тротуаре, не успел среагировать. Жюло до отказа вдавил в пол педаль газа, Бэмби отбросило на спинку кресла, куртка распахнулась.

– Осторожнее! – рявкнула она на лейтенанта.

Жюло старался не думать о том, что рядом, возможно, сидит девушка, совершившая два убийства.

– Налево, потом еще раз направо, так будет короче. Этой дорогой они не поедут.

Жюло подчинился, подумав, что даже Петар обращается с ним уважительней, когда он сидит за рулем.

– Дайте мне оружие!

– Чтооо?!

В конце проспекта Хасана Второго блестел синевой океан. Они будут в «Олимпе» через три минуты. Он резко свернул направо и на миг восхитился красотой воительницы Бэмби. Черт, он и правда помешался на этой девушке!

И тут она его добила.

– Между прочим, господин красавчик, я тоже умею видеть сквозь рубашку. У вас два пистолета. Дайте мне один!

75

10:37

Пробираясь по лабиринту, Тидиан кулаком разбил все лампочки, одну за другой, вырубив в аду весь свет. Он порезался, но в темноте не мог разглядеть, в крови белая ткань или нет, но на ощупь платок был мокросклизким.

Плевать. Ему не больно!

Мальчик упорно двигался вперед по темным коридорам, ориентируясь на редкие серые просветы. Глаза быстро привыкали — помогли тренировки на «жизнь вслепую». Он различал очертания закрытых дверей в подвалы и более светлые ответвления в конце длинных проходов.

Тидиан неосознанно прибавлял шагу, но ходил по кругу.

Оставшись в одиночестве, он довольно быстро заметил впереди свой драгоценный мяч, но оставил его лежать посреди коридора как вешку и отправился дальше, на поиски другого выхода. Сворачивал направо, налево, старался не пропустить ни одной развилки... и вернулся к мячу.

Ужасное подозрение подтвердилось: другого выхода не было!

Мяч он взял с собой.

Тидиан находился в конце первого длинного прохода, в который спускалась лестница, и вдруг заметил свет.

Фредди!

Мальчик вжался спиной в стену. Ужасный человек не мог его видеть, а вот Тиди ясно различал огонек антикомариной пирамидки, одной из тех, которые дед зажигал ночью на балконе. Огонек подсвечивал лицо преступника, как в историческом фильме о Средневековье, когда палачи с факелами являлись в темницу, чтобы увести заключенных в пыточную. Тидиан попятился. Фредди двигался медленно, заглядывая в каждый темный угол. Он, должно быть, изучил план и прекрасно знал, что жертве

некуда спрятаться, а бежать, даже очень быстро, глупо — конец все равно будет один.

С сокровищем или без него.

На всех решетках в аду висели замки. Тидиан по нескольку раз проверил каждый проход, повертел все ручки, толкнулся во все двери – ни одна не открылась.

И никаких следов сумки!

Тиди крался бесшумными шагами, а свет приближался, обозначая местоположение Фредди, что давало мальчику преимущество.

Надолго ли? Скоро монстр прибавит шагу, прислушается, остановится, свернет, и они неизбежно встретятся. Тидиан понимал, что обречен.

Он сжал ладонями мяч, свое единственное оружие. «Ну и как ты намерен обороняться, дурачина?» Тиди свернул в темный коридор и зашагал вперед, дрожа от страха. Вот сейчас, сейчас убийца подкрадется и схватит его за плечо.

Раздавшийся крик напугал мальчика до смерти. Он шел из стены, нет, с потолка. Тиди готов был побиться об заклад, что кричала сова.

Он сделал еще один шаг и вдруг растянулся плашмя, в последний момент выпустив мяч из рук, и тот откатился на несколько метров. Рыхлая земля смягчила падение. Вокруг было абсолютно тихо. Приподнявшись, он разгреб ладонью пыль и все понял.

Корень!

Теперь Тидиан передвигался на корточках, ведя пальцами по бугорчатой поверхности. Корень извивался по коридору, вдоль стены, потом резко уходил наверх, к потолку. Апельсиновое дерево! Это наверняка оно!

Ад тянулся под всем кварталом «Олимп». Скорее всего, подвалы оборудовали вокруг дерева, а со временем корни проросли сквозь некоторые из них. Тиди знал двор как свои пять пальцев, единственным выходом на поверхность между стволом и асфальтом были дождевые стоки. Слишком узкие для человека. Но что, если дерево проделало отверстие, как вода в гроте, и там образовалось пространство, где он сумеет затаиться?

Тидиан полз на четвереньках между корнями и – о счастье! – добрался до укрытия, невидимого из коридора, и вздохнул с облегчением: он втиснется! Фредди пока его не догнал, значит, шанс есть. Тиди почувствовал себя в безопасности, сердце утихомирилось, мысли, метавшиеся, как обезумевшие от страха бабочки, постепенно успокаивались.

Может, Фредди пройдет мимо и не заметит его? Тидиан и сам бы не заметил укрытия, если бы не споткнулся о корень. Может, он и не попадется в руки злодею? Может... Внезапно в ушах прозвучал голос дедули Муссы, разгоняя смятение. Так бывает, когда, разбирая бумаги, случайно находишь старое письмо и оно помогает успокоиться.

Теперь он вспомнил наставление деда, каждое его слово.

Ты найдешь сокровище, настоящее сокровище... там, где наши корни.

Что, если дедушка специально так сказал? *Корни*. Наверное, он не хотел, чтобы внук узнал слишком опасный секрет, потому и произнес фразу с двойным смыслом, надеясь, что Тиди все поймет только в нужный момент?

Мальчик вытянул руки вперед, в темноту, пошарил между сплетением корней, сердце ухнуло вниз, макушка едва не пробила свод пещерки.

Пальцы нащупали нечто.

Холодное. Мягкое. Сумка! Кожаная или нейлоновая.

Очень медленно, почти не дыша, Тидиан потянул ее к себе. Сумка была тяжелая, она как будто вросла в кирпичи и поддавалась с трудом. Дело заняло несколько бесконечно долгих минут, но мальчик победил: обнял сокровище, перевернулся на спину, обдирая спину и бока, пачкая заветную футболку Баррады. Он сейчас напоминал пса, защищающего сахарную косточку.

Сумка была закрыта.

Тидиан долго колебался, вслушиваясь в тишину, подтянул ноги к животу, чтобы Фредди их не заметил.

Никаких признаков жизни тот не подавал...

Тиди тихонько нажал на кнопку ручных часов, зеленый луч осветил его убежище и три маленьких синих листочка, перечеркнутых тремя горизонтальными чертами. Конечно же, он знал этот логотип – видел его на футболках «Олимпика». Adidas!

Судя по весу, сумка доверху была набита золотом.

Тидиан насторожился, прислушивался несколько секунд и потянул за молнию.

Она пошла легко, беззвучно, только сердце стучало громко-громко. «Не торопись! — скомандовал себе мальчик и расстегнул молнию до конца. — Молодец, первый этап завершен...»

Он сунул руку с часами внутрь, чтобы разглядеть сокровище, но сделать это за один раз было невозможно. Тидиан отказался от намерения взвесить в ладонях золото, как делают в кино пираты, открыв сундук с кладом. Будет много шума, слишком рискованно. А так хочется!

Лучик высвечивал золотые цепочки, кольца, браслеты, украшения с бриллиантами и другими камнями (наверное, тоже драгоценными), часы, серебряные ручки, кожаные бумажники. Пальцы тащили из глубины очки в золотой оправе, пиджачные пуговицы, мелкие безделушки из слоновой кости, зажигалки и...

Тидиана чуть не стошнило: золотые зубы! Он вспомнил урок истории, на котором мадам Обадиа рассказывала им о нацистских концлагерях, о том, как эсэсовцы отбирали у евреев, цыган и калек все ценное, а потом отправляли их в газовые камеры. Обманывали несчастных, говорили: «Получите все обратно после душа...» Сволочи!

Мальчик смотрел на свою находку и чувствовал отвращение. Неужели все это принадлежало людям, которых убили? Поэтому мамин клад проклят? Нужно повнимательнее рассмотреть каждый предмет.

И тут небеса услышали его: свет залил сотни золотых предметов. А через секунду спину Тиди обдало жаром, словно где-то рядом разгорелся адский огонь.

76

10:38

– Объясните мне, Велика.

Журден Блан-Мартен не пожелал выслушать извинения Петара. Больше всего он сейчас сожалел о том, что их с майором разделяют две тысячи километров. Не будь сыщик в Рабате, он с наслаждением вмазал бы ему по роже. И легавый стерпел бы! Кусал бы губы и просил прощения.

- Объясните, как вам удалось совершить такой... подвиг, майор. Ян Сегален заманил девку в западню, я преподнес ее вам на блюдечке, вы пригнали на летное поле рабатского аэропорта тридцать полицейских и не сумели ее задержать?
 - Я не мог знать, что мой заме...
- Слушайте внимательно, Велика. Я делаю мою работу и выполняю мою часть договора. Регулирую рынок нелегалов лучше «Фронтекса» или консульства. Избавляю вас от многих неприятностей и прошу взамен об одном: обеспечьте мне покой! Без меня вы бы остались заштатным легавым, Велика. Если хотите сохранить место под солнцем, найдите девушку. Быстро и любым способом. С семьей Мааль нужно разобраться. Окончательно. Понимаете? Я займусь матерью, вы детьми. Думаю, эта... работенка будет вам по плечу, а, Велика?

– Конечно...

Блан-Мартен закончил разговор не простившись. Этим утром он нуждался в покое. В ясности мыслей. Вечером открывается симпозиум «Фронтекса». Нужно отшлифовать речь, подготовиться к выступлению перед пятьюдесятью министрами и главами государств. Нет времени ни на проблемы ассоциации, ни на Адиля Заири, который вынырнул из ниоткуда, ни на утопленников, на которых всем плевать. Кстати, их смерть поможет сделать вступительное слово более эмоциональным. Долгая жизнь научила Журдена: публика любит свежие трупы – они вызывают сострадание.

Журден вышел босиком на согретый солнцем деревянный пол террасы. Он успеет подумать в бассейне, но сначала нужно изничтожить под корень семейство Мааль. Все приходится делать самому. Он снял трубку внутреннего телефона:

– Ибра, Бастун, поднимайтесь, вы мне нужны.

Двое телохранителей ждали у входа на стеклянную галерею между бассейном и домом. Стояли скрестив руки, похожие на тренеров по плаванию, бдительно наблюдающих за питомцами. Блан-Мартен убедился, что Сафьету нет поблизости, шагнул к ним и кивнул на высокие башни:

- Совершите небольшую прогулку, парни. В Эг Дус. Еще раз. Загляните на несколько минут и сразу возвращайтесь. Корпус H9, этаж 7, только на этот раз не проколитесь.

Ибра и Бастун ответили невыразительными (читай – тупыми) взглядами, и хозяин сделал еще один шаг, развязал пояс халата, оглянулся, нет ли чужих ушей, и не сказал – прошипел:

– Убейте ее!

77

10:41

Альфа не верил ни в чудеса, ни в амулеты – все это для легковерных болванов, – что не мешало ему носить на шее эбеновый треугольник и касаться кулона, думая о Бэмби. Казалось, так они объединяют свои силы – даже не расстоянии.

Они терпеливо ждали на перекрестке улиц Папена и Гамбетты, стояли под козырьком автобусной остановки и смотрели на виллу «Ла Лавера».

Альфа верил, что успех принесет только сила вкупе с хитростью, именно это обеспечило успех первой половины его плана в Марокко. Он досконально изучил каждое место, контролировал привычки полицейских,

проводников, сети нелегалов и справился со всеми этапами. Но здесь, во Франции, мог руководствоваться только инстинктом.

Альфа хотел действовать в три приема: позвонить в ворота виллы, наставить на охрану оружие, войти. А на деле все оказалось гораздо сложнее. У Саворньяна, Захерина и их товарищей не было оружия, охранники не утратят бдительности, да и камеры везде понатыканы. Любая попытка проникновения закончится провалом. Все старания пойдут прахом.

И тут случилось чудо!

Ворота открылись и... остались открытыми! Из них вышли два охранника. Вразвалочку, на своих двоих, как будто решили купить сигарет или выпить пива на террасе. Альфа проводил их взглядом до поворота на улицу Габриэля Пери, которая вела к Эг Дус. Неужели бугаи собрались на пробежку вдоль моря? Или решили окунуться? А может, у них встреча с одним из мелких гаденышей, работающих на их патрона?

«Сейчас!» – решил Альфа. Сделал знак бенинцам, они прокрались вдоль стены к воротам. Вошли. Камеры их, конечно, зафиксировали, но охранников нет, так что... Альфа толкнул дверь, все четверо просочились внутрь и очутились лицом к лицу с женщиной в переднике. В руках она держала тряпку.

Альфа оказался самым быстрым, он подскочил к ней и зажал рот широкой ладонью, чтобы не успела закричать, и почти нежно прошептал на ухо:

– Тсс... Нас пригласили.

Насмерть перепуганная Сафьету переводила взгляд с одного незваного гостя на другого. Все пятеро – кожа у них была такая же темная, как у нее, – сохраняли молчание и полное спокойствие.

- Мы друзья твоего хозяина, уточнил Альфа. Давние... Где он? Сафьету не отвечала, и он повторил на бамбара:
- Min kərən i patərən?

Женщина удивилась, но все еще казалась очень испуганной. Она не произнесла ни слова, только подняла глаза к верхним этажам и террасе. Альфа́ убрал руку, и Сафьету уставилась на пистолет у него за поясом.

– Мы хотим сделать ему сюрприз. Ты ведь не испортишь Журдену удовольствие?

Пятеро начали бесшумно подниматься по лестнице.

10:44

Тидиана схватили за лодыжки и потащили. Битые кирпичи до крови обдирали живот, руки, ноги. Он попробовал уцепиться за пустоту, за пыль, за тяжеленную сумку, но его рывком выдернули на голый цементный пол коридора.

Огонь лизал серые стены, растягивая каждую тень до немыслимых размеров. Самой длинной казалась тень Фредди. Воздух рядом с закутком нагрелся от горящей пирамидки, которую ужасный человек пристроил на трубу, чтобы освободить руки. Он толкнул Тиди к стене и вырвал у него сумку.

– Ты чертов маленький хитрец, я не ошибся, поверив тебе. – Он посмотрел на пещерку под корнем апельсинового дерева. – Если бы не мяч, я бы не остановился. Хорошо, что ты его забыл.

Тидиан с ужасом посмотрел на свой амулет и поднял глаза на Фредди.

– Между прочим, я не ворую, а забираю то, что... э-э... одолжила твоя мама. – Фредди прикинул вес сумки, подняв ее с пола. – Почти такая же тяжелая, как была. Она мало что взяла, так?

Мальчик попробовал встать, но Фредди толкнул его ногой.

 Я не сомневался, что твоя мать потратит деньги, а к вещам не прикоснется. Она слегка суеверна.

Фредди расстегнул молнию, проверил содержимое и гаденько ухмыльнулся:

– Сунул внутрь свой любопытный нос, а? Понимаешь, почему я хотел вернуть этот клад? Не из-за его стоимости, хотя эту копилку я собирал много лет. Все дело в призраках – бывших хозяевах этих вещей. В безликих, давным-давно сгинувших людях, которые никогда никого не смогут обвинить, потому что их прах развеял ветер пустыни. Но вещь бывает говорливее человека, малыш... Кольцо, цепочка, браслет могут спустя годы обратиться к мужу, подарившему украшение, или матери, которая его носила. Вещь не убъешь, понимаешь? Вещи можно спрятать. Или продать – далеко от того места, где их нашли.

Фредди бросил сумку на пол, и в воздух поднялась пыль, а по коридору разнеслось глухое эхо. Он повернулся к мальчику. В руке снова блеснул нож.

– Но ты, Тиди, ты ведь тоже заговоришь, да? И у тебя нет ничего ценного, такого, что я захотел бы взять на память.

Фредди сунул нож в туман, как будто решил нанести удар пыли (так психи охотятся на светлячков), но всего лишь проколол мяч, который сдулся почти мгновенно, как воздушный шарик, со зловещим змеиным

шипением.

И Тидиан не выдержал. Сил недоставало, но овладевшая им ярость не знала преград. Он вскочил на ноги, заметил лестницу в конце коридора и сказал себе: «Ты его обгонишь, ты выберешься, ты отомстишь!»

Фредди схватил мальчика, предугадав его намерение, и остановил легко, как малыша, только-только вставшего на ножки. Преступник притиснул Тиди к себе, не давая дышать, от него воняло потом и спиртным.

– И не надейся, парень... Ты никому ничего не расскажешь. Кроме того, я поклялся, что заставлю твою мать страдать так же сильно, как страдал сам. Я мог просто убить ее, но это просто и пошло... А вот украсть сына...

Тидиан больше не отбивался – сделать это с ножом у горла трудновато, и монстр слишком сильный.

– Бросьте оружие!

Пыль осела. В конце коридора, у лестницы, на которую падал свет из открытой двери, стоял человек с пистолетом в руке.

«Легавый» – подумал Адиль.

– Бросайте немедленно!

Голос дрожал. Дрожала и рука.

«Парню лет тридцать, в живую мишень никогда не стрелял... – лихорадочно думал Адиль. – Это шанс...»

Он сильнее прижал нож к шее мальчика, чуть уколол в яремную вену.

– Выстрелите, – крикнул он, – и я его убью! Пушку на землю и толкните ко мне, да посильнее.

Полицейский колебался... Адиль возликовал. Легавый не станет рисковать жизнью малолетки. Десятилетний заложник – лучшая в мире страховка.

- Мне терять нечего, сквозь зубы процедил Заири. Если что, зарежу парнишку не моргнув глазом. Не впервой...
 - Ладно, ладно, не горячись!

Полицейский поднял руку в знак согласия, наклонился и швырнул оружие в сторону Адиля.

Недостаточно сильно.

Пистолет остановился в пятнадцати метрах от хозяина и в двадцати – от Адиля.

«Хороший ход! – мысленно похвалил преступник и еще сильнее сжал рукоятку ножа. – Поиграть решил, хитрец? Надеешься опередить меня?»

Адиль принял решение: он воткнет нож в грудь мальчишке, сраный зеленый ковбой кинется на него и получит удар окровавленным лезвием.

Промахнуться просто невозможно.

Он сделал глубокий вдох. Почувствовал, как одеревенело тело мальчика, и ослабил захват. «Пусть сделает шаг в сторону, и я с ним покончу!» Адиль вздернул вверх руку с ножом, собираясь нанести удар в сердце.

Эхо выстрела прокатилось по стенам.

Прежде чем пуля вошла в легкое Адиля, он с недоумением посмотрел на пистолет на полу и подумал: «Но как...» Падая на пыльный пол, он заметил за спиной полицейского тень. Тонкую. Женскую. Такую же холодную, решительную и беспощадную, как он сам, Адиль Заири.

- Тиди!
- Бэмби!

Мальчик кинулся к сестре. Лейтенант Флор опустился на нижнюю ступеньку. Потерянный. Успокоенный. Гордый собой. Лишившийся последних сил. Не способный понять, что чувствует. Его, конечно же, выпрут из полиции. Он спас жизнь десятилетнему мальчику и стал соучастником убийства — последнего из трех, которые эта девушка совершила за три дня. Девушка, которую придется отдать в руки правосудия.

Он достал из кармана телефон:

– Комиссариат Рабата? Позовите полицейского. Любого.

Бэмби Мааль повернулась к Жюло. В ее заплаканных глазах не было ни упрека, ни страха, ни раскаяния. Лейтенант нашел в них ответ на вопрос, мучивший его с того дня, когда он впервые увидел ее лицо, зафиксированное камерой наблюдения, и удивился вызову во взгляде.

Сегодня глаза Бэмби выражали благодарность.

Она поцеловала брата в лоб, подошла к Жюло и медленно опустилась на ступеньку. Лейтенант говорил на арабском. Он переложил телефон в другую руку.

– Пожалуйста, – попросила Бэмби. – Я пойду с вами. Обещаю. Сама.
 Добровольно. Только дайте мне несколько минут.

Она долго молчала, потом уточнила:

– Ровно шесть минут.

*7*9

10:50

«Убейте ее», – сказал патрон. Хорошо, что на этот раз приказ ясен как

день.

Ибра и Бастун остановились на углу улицы – перекурить и оглядеться. Несколько редких прохожих квартала Эг Дус шагали молча, опустив головы. Между башнями не было камер наблюдения, домофоны сломаны, свидетелей никаких – даже дилеров и наблюдателей на лестничных клетках. Гофрированные металлические жалюзи на витринах магазинов опущены, машины на парковках выглядят брошенными, балконы пусты – если придется срочно уходить, даже соседей не потревожишь. Открытый и пустынный квартал – входи, убивай и исчезай безнаказанно.

Ибра прикурил от сигареты Бастуна. Они посмотрели на башню *Н*9, им даже искать не пришлось. Из всех балконов, загроможденных столами и стульями, велосипедами и скейтами, бельем и цветами в горшках, только на одном стоял человек. Это была Лейли Мааль. Женщина смотрела на море, как арестант на небо через решетку.

«И в ожидании палача...» – размечтался Ибра. Компанию Лейли составлял странный тип в шляпе. Старик. Высокий и худой, похожий на пастора-исповедника. Так выглядят исполнители последней воли. Тем хуже для него.

Ибра и Бастун сделали по три-четыре затяжки, затоптали окурки и пошли к дому, ровняя шаг.

Лейли курила.

Последнюю сигарету приговоренной к смертной казни.

80

10:51

Журден Блан-Мартен не услышал, как они появились.

Альфа, Саворньян, Захерин, Уисли и Дариус тихо поднялись по лестнице. Они были настороже, хоть Сафьету и сказала, что хозяин на террасе над городом, один – как всегда. Никто не должен его беспокоить.

Когда открылась стеклянная дверь, Журден не услышал. На большую тиковую террасу доносился единственный звук – журчание джакузи.

Председатель ассоциации «Вогельзуг» плавал в большом бассейне. От бортика до бортика и обратно, идеальным кролем.

Пятеро мужчин подошли ближе, и на сей раз Журден не мог их проигнорировать, но все-таки закончил дистанцию, прежде чем снять очки для ныряния. Если он и удивился, то мастерски это скрыл.

– Альфа́ Мааль? А я полагал, что вы еще в Марокко. Ошибся. Хорошо

сыграно. Просто великолепно. Пересекли Средиземное море тайно от меня – наверное, на «Севастополе». Кстати, яхту вы наняли на мои деньги, верно? А я думал о вашей сестре... Снимаю шляпу – характер у вас решительный.

Журден снова надел очки и поплыл в противоположную сторону, давая понять, что разговор окончен и с Альфа́ хватит этого комплимента. Саворньян положил руку на плечо другу:

– Мы обойдемся без тебя, брат.

Четверо бенинцев молча разошлись по разным сторонам, и каждый занял позицию у бортика. Блан-Мартен подплыл к железной лесенке, чтобы подняться и надеть халат, оставленный на шезлонге. Как только он взялся за перекладину, Саворньян наступил ему на пальцы. Журден взвыл.

– Псих ненормальный! На что вы рассчитываете?

Он обвел взглядом периметр бассейна. Четыре черных прямых силуэта образовывали правильный ромб, контролирующий прямоугольник воды. Достать ногами до дня Блан-Мартен не мог и поплыл к противоположному бортику, но ухватиться не успел. Африканец в дырявых кроссовках одарил его презрительным взглядом и поднял ногу.

«Смешно!» — подумал председатель. Он каждое утро плавает по тридцать минут, так что они первыми устанут от нелепой игры. Полежав на воде, Журден поплыл в другую сторону, туда, где стоял кудрявый молодой парень с печальными глазами, похожий на артиста. Выглядел он богемно, но вылезти Блан-Мартену не дал.

Подсознательно, пытаясь не подавать вида, Журден начал прикидывать, когда вернутся Ибра и Бастун. Унижаться, умолять он не желал — это было бессмысленно. Руки и ноги начали уставать. Обычно он отдыхал у стенки и плыл дальше, но к сюрплясу его еще не принуждали.

Когда он начнет тонуть? Через час? Через два? Намного раньше? Прошло уже двадцать минут, ему нужно было за что-нибудь подержаться или поставить ногу на твердую поверхность. Журден обвел взглядом пришельцев, посмотрел на Альфа. Наверное, его отстранили от дела, сочтя слишком молодым для убийства. Этот вывод напугал Блан-Мартена, и он перестал грести, хотя держать голову над водой и говорить оказалось непросто.

– Проклятье, чего вы хотите?

Нет ответа... Африканцы удостаивали его взглядом, только если он приближался к бортику, смотрели вдаль, на Средиземное море, как будто ждали появления призрака.

– Ладно... – выдохнул Журден. – Молчите дальше.

Он успокоился. Оружие они решили в ход не пускать, будут просто ждать. Чего? На случай, если усталость победит, есть надувной плавучий остров посреди бассейна. Остров сокровищ для пиратской мелюзги.

Держаться на плаву становилось все труднее. Журден насмешливо улыбнулся и в несколько гребков добрался до пластикового острова, где можно будет продержаться до возвращения телохранителей.

Но руки Блан-Мартена хватали пустоту. Остров оказался иллюзией. Недостижимый берег, сдувшаяся мечта. Блан-Мартен только теперь вспомнил, что на дне рождения мальчишки шампурчики с конфетами превратили в гарпуны и тыкали ими в надувные понтоны, так что через двадцать минут аниматорам пришлось эвакуировать всех на сушу.

Журден надеялся, что остатков воздуха хватит и он успеет передохнуть. Эта «земля» примет его, приютит, поддержит. Хотя бы ненадолго. О большем он не просит.

Остров утонул под весом его тела. Журден цеплялся за сдувшиеся кокосовые пальмы и пляжи, хватал пальцами блестящие кругляшки — шоколадные пиастры, превратившиеся в вонючую липкую массу.

Блан-Мартен продержался еще много долгих минут. Потом утратил представление о времени. Вода доходила до шеи. До подбородка. До шеи – все чаще.

Журден десятки раз пробовал добраться до бортика. Силы были на исходе. Он замерз. Каждая попытка заканчивалась одинаково: один из членов зловещей четверки наступал ему на пальцы.

Он кричал, вопил, молил. Ждал, что вернутся Бастун и Ибра, поднимется Сафьету, зазвонит телефон, появится один из сыновей. Что эти кретины телохранители до сих пор делают в Эг Дус? Журден вспоминал свое детство на берегу Средиземного моря, марши протеста на Ла Канебьер за руку с мамой, думал о конгрессе «Фронтекса», который никогда не откроет, ждал, что один из пятерых заговорит, будет оскорблять его или поблагодарит, — а почему нет, в конце концов, благодаря ему тысячи африканцев живут сегодня в Европе и рожают тут детей, маленьких цветных европейцев. Без него это поколение метисов никогда бы не появилось на свет.

81

10:53

Четыре минуты истекли.

Бэмби ждала, прислонившись лбом к плечу полицейского. Он обнял ее за талию под курткой, и она не оттолкнула его руку. Эта ласка последняя, впереди много лет тюремного заключения. Минует вечность, прежде чем старуха по имени Бэмби выйдет на свободу, а когда это случится, от ее завораживающего мужчин тела останется лишь воспоминание.

Они были одни в этом мире, сидели на последней ступеньке лестницы в ад.

Тидиан отправился освобождать деда с бабушкой и получить от них утешение. Уйти его заставила Бэмби. Валяющийся в луже собственной крови Адиль – не лучшая компания для подростка.

Пять минут.

Они переживали восхитительный миг. Идеальный. Этот человек так нежен, что она готова полюбить его. Может, он будет навещать ее время от времени, пока какая-нибудь свободная симпатичная девушка не поймает его в свои сети. Пальцы у Жюло были теплые, он гладил Бэмби, подстраиваясь под удары ее сердца, и, казалось, мог предвосхитить их и замедлить ритм. «Хорошо бы заснуть, привалившись к его плечу...» – подумала она.

Шесть минут.

Не меняя позы, даже не подняв головы, усталым, лишенным малейшего нетерпения движением Бэмби протянула руку и взглянула на результаты анализа, который сделала, обмакнув ватный тампон в лужу крови Адиля и приложив его к тест-полоскам.

AB+

9 шансов из 10.

Девять шансов из десяти, что убитый был ее отцом.

Человек, которого она застрелила.

Бэмби еще теснее прижалась к Жюло. Тепло мужского тела обволокло ее. Она чувствовала себя пустой. Нетронутой. Освободившейся.

Ее поиски окончены.

82

10:57

Ибра и Бастун стояли на парковке между машинами и смотрели на пустой балкон на восьмом этаже. Балкон квартиры Лейли Мааль с бельем на веревке.

Они честно старались выполнили работу, их не в чем упрекнуть.

Попытались выполнить приказ.

Убейте ее.

Дисциплинированные солдаты вопросов не задают.

Бастун до крови искусал губы. Ибра то и дело нервно поддавал носком ботинка камешки. Друг с другом бандиты не разговаривали.

Не их вина, что на лестничной клетке было полно легавых, потому их и взяли с поличным, то есть с оружием. Патрон будет в ярости, когда узнает. Но что они могли сделать? Только поднять руки, дать надеть браслеты и – главное – держать рот на замке.

Когда их сажали в полицейский фургон, оба в последний раз посмотрели на виллу «Ла Лавера». И все же Блан-Мартен может на них положиться: они не промолвили ни слова!

Майор Тони Фредиани дождался, когда коллеги увезут арестованных, и достал телефон.

Сигнал дошел до противоположного берега Средиземного моря за три секунды. Петар ответил через две секунды.

- Велика? Это Фредиани. Спасибо, приятель. Кавалерия прибыла вовремя! Но будь так любезен, в следующий раз предупреждай пораньше.
 - Не жалуйся. Скажи спасибо, что я вообще решился позвонить.

Тони Фредиани расхохотался.

– Сомневаюсь, Петар. Мы виделись один раз, но я записал тебя в охотники, а не в перелетные птицы. С чего это вдруг ты изменил мнение, приятель?

Велика не ответил. Майор вспомнил их вчерашнюю встречу в комиссариате Пор-де-Бука и короткий допрос Лейли Мааль. Потрясающая женщина, сгусток сексуальной энергии.

- Может, все дело в прекрасных очах Лейли? предположил он.
- Представь себе, нет! Как видишь, я еще глупее моего заместителя. Майор Фредиани рассмеялся, но тут же снова стал серьезным.
- Ты сильно рискуешь, дружище. Сказал, что нарыл информацию на Журдена Блан-Мартена, чтобы я задействовал всю бригаду, и прокуратура обязательно поинтересуется, как ты раздобыл эти сведения. Я много лет пытался прижать мерзавца и не мог!

На другом конце света, где-то под солнцем Марокко, Петар Велика молчал, обдумывая ответ. Он вспомнил, как молодой безумец Жюло Флор приковал его наручниками в сортире и устроил забег через весь аэропорт, чтобы похитить прекраснейшую девушку планеты и спасти ее младшего брата. Черт, как бы он сам хотел сделать нечто подобное! Майор вспомнил Надеж, свою парикмахершу со снежно-белыми волосами. Вечером он

поведет ее в ресторан, и они будут есть лучший тажин в Рабате. Он все расскажет и прочтет восхищение в ее взгляде. В кои веки раз.

- Ты здесь, Петар? Так что тебя подвигло на спасение этой куколки? Пауза. И ответ окончательно правдивый.
- Иногда нужно уметь выбрать правильную сторону.

83

19:30

Несколько вечеров спустя

Лейли ужинала в одиночестве. На экране ноутбука замигал синий прямоугольник.

У вас одно новое сообщение.

Странно... Она кликнула мышкой.

patrick-pellegrin@yahoo.fr

Лейли нахмурилась. Это кто еще такой?! Нет у нее ни одного знакомого Патрика... Кто-то ошибся? Она машинально открыла сообщение – так рвут, не читая адреса, конверт с чужим письмом.

Дорогая Лейли!

Пишу вам со своей личной почты, чтобы не ждать до утра с хорошей новостью. Я победил! Я сражался как лев — подробности опускаю! — и ваше досье рассмотрели первым.

Ваша просьба о новой квартире удовлетворена! Эг Дус, корпус D7, F5, 75 м², с видом на море, но на четвертом этаже, так что уж извините, но вид будет похуже. Квартира уже свободна. Я проверил по плану, при переезде вам придется преодолеть всего 250 метров: спуститься на восемь этажей и подняться на четыре.

Я очень рад за вас, Лейли. За вас и вашу большую семью. Завтра утром пришлю официальное уведомление.

Искренне ваш,

Патрик.

Жестокая ирония совпадения заставила Лейли улыбнуться.

Уже свободна.

Это может подождать. Еще чуть-чуть, Патрик.

Адвокат сказал, что Бэмби грозит от двадцати до пожизненного. В убийстве Адиля Заири юристы будет настаивать на законной самообороне, но отрицать предумышленность двух первых преступлений не получится.

Альфа́ выйдет раньше сестры, хотя с него не сняли обвинение в соучастии в убийстве Журдена Блан-Мартена. Скандал с ассоциацией «Вогельзуг» уже неделю занимал первые полосы местной прессы. Адвокаты привлекли правозащитников, но Альфа́ все равно экстрадируют, Францию он не увидит – разве что двор марсельской тюрьмы «Бометт».

Тидиана поместили в приемную семью в Мохаммедии, что в семидесяти километрах от Рабата. Дедушке с бабушкой не сказали, когда они смогут его забрать. С мальчиком все хорошо, им удалось пообщаться в соцсетях, хотя и такие контакты запрещены. Врачи настаивают на психиатрическом обследовании и категорически запрещают увозить ребенка из Марокко. Административная процедура воссоединения семьи заблокирована и останется приостановленной до тех пор, пока марокканская и французская юстиция не наведут порядок в делах. Это может занять месяцы. Даже годы, по мнению записного оптимиста Рубена.

Он иногда звонил ей.

Рубен подал в отставку с поста управляющего отелем «Ибис» в Порде-Буке за несколько часов до того, как генеральный директор группы «Аккор» подписал приказ о его увольнении. Рубен приземлился где-то в Андаманском море, на одном из Никобарских островов. Этот индийский архипелаг находится в юго-восточной части Бенгальского залива Индийского океана рядом с Таиландом. Люди в этой стране ходят голышом – даже мобильник в чехле нельзя на руку повесить.

Экран стоявшего перед Лейли ноутбука заснул.

Она подождет. Будет ужинать одна. Сколько понадобится.

Лейли налила себе чашку чая, и тут пришло новое сообщение.

patrick-pellegrin@yahoo.fr

Снова он...

Дорогая Лейли!

Вы сочтете меня навязчивым, а возможно, даже неприлично нахальным, но одна идея пришла мне в голову после того, как я отправил вам первое письмо.

А впрочем... Буду совершенно честен, идея появилась очень давно, но я не смел высказаться. И вот теперь собрал все свое мужество и кидаюсь в омут с головой. Вы согласитесь отпраздновать со мной хорошую новость? Скажем... сегодня вечером? Я с удовольствием приглашу вас на ужин. Или просто выпьем по стаканчику?

Лейли несколько раз перечитала робкие слова чиновника. Они показались ей искренними, да и сам Патрик был милым, честным, искренне увлеченным и... возможно, и правда холостым. Лейли встала –

так ей легче думалось, – вышла на балкон и закурила. Волны лизали мол, пытаясь подобраться к подножию домов. Мальчишки купались в запрещенном месте, над нефтепроводом «Средиземное море – река Рона». Корабли уходили в море. Облака развлекались, притворяясь горами.

Лейли долго стояла, опираясь на парапет. Глупо, но мысли ее ничем не отличались от тех, что с начала времен одолевают стоящего у воды человека.

Любое море можно переплыть.

Самая меланхолическая из иллюзий!

Лейли вернулась за стол, села перед своей тарелкой, своим стаканом, своей салфеткой. Одна. Взглянула на пустой экран и решилась ответить.

Дорогой Патрик!

Спасибо, но я занята. И сегодня вечером, и во все остальные вечера. Я ужинаю с детьми. Я нужна им. Знаю, вы поймете. Я должна беречь ту малую толику любви, которая осталась в моей душе. Для них.

Нежно вас обнимаю,

Лейли.

Она нажала на кнопку «отправить». И письмо улетело в параллельную вселенную, где нет границ.

Экран снова стал темным.

n	n	t	ρ	S
11	v	·	·	J

Примечания

Сегу́ — город в южной части Мали на реке Нигер. Основан в 1620 г. поселенцами народа бозо́. Сейчас является третьим в Мали по численности населения. — $3\partial ecb$ и ∂ aлее примеч. перев.

Пёль — племя, проживающее в Западной Африке, в нескольких странах. Раньше — кочевое, сейчас — практически оседлое (кроме пёльбороро). У пёль более светлая кожа. Пёль приняли ислам еще в XI веке, сохранив этнические особенности.

Мисак Манушян (1906–1944) – французский антифашист армянского происхождения, национальный герой Франции (посмертно награжден орденом Почетного легиона), рабочий-коммунист, поэт и переводчик. С августа 1943 г. «Группа Манушяна» совершила почти тридцать успешных нападений на немецких оккупантов, в том числе ликвидацию коменданта Парижа генерала фон Шамбурга, «отличившегося» массовыми расстрелами. Мисак был арестован 16 ноября 1943 г., подвергался пыткам и 21 февраля 1944 г., в возрасте 37 лет, казнен вместе с 21 членом своей группы.

Обань – город и коммуна на юго-востоке Франции в регионе Прованс – Альпы – Лазурный Берег, департамент Буш-дю-Рон, округ Марсель, кантон Обань.

Bогельзуг, нем. Vogelzug – миграция, перелет птиц.

Вусулан – порошок из измельченных ароматических сортов дерева, пропитанного смесями масел, лепестков или листьев, приправ, ароматных трав и ароматических смол.

Уд – древний безладовый музыкальный инструмент – предшественник лютни и дедушка современной гитары. Уд имеет 11 струн – пять парных и одна басовая. Родина уда – Средний Восток.

Башня CMA CGM – самый высокий офисный небоскреб в Марселе, штаб-квартира третьей по величине в мире судоходной компании контейнерных перевозок.

Бенжамен Малоссен – главный герой серии книг Даниэля Пеннака, профессиональный «козел отпущения».

Бъе́ловар – город в Хорватии, в центральной части страны. Столица и крупнейший город жупании (основной административно-территориальной единицы) Бъеловарско-Билогорска.

Big Data — Большие данные (англ., дословно) — это различные инструменты, подходы и методы обработки и использования структурированных и неструктурированных данных и методы поиска необходимой информации в больших массивах.

В классификации AB-0, в другой классификации это I группа крови.

«Фронтекс» — агентство Европейского союза по безопасности внешних границ, создано в 2004 г. Отвечает за координацию деятельности национальных пограничных служб и обеспечивает надежность внешних границ Евросоюза.

Адажио для струнных — наиболее известное музыкальное произведение американского композитора Сэмюэля Барбера (1910–1981), написанное им в 1936 г. Адажио звучало на похоронах Франклина Рузвельта, Джона Кеннеди, Альберта Эйнштейна, Грейс Келли, принцессы Дианы, в память о жертвах терактов 11 сентября и во время мемориального вечера-реквиема, посвященного 70-летию освобождения Красной армией (переименована в Советскую армию в феврале 1946 г.) узников концлагеря Освенцим и Международному дню памяти жертв Холокоста 27 января 2015 г.

Клубничные конфеты компании «Харибо», одна из популярнейших французских сладостей, похожа на зефир, обсыпанный сахаром.

Все трое – персонажи сказочной пьесы «Питер Пэн» (1904) шотландского писателя сэра Джеймса Мэтью Барри (1860–1937).

Пещера Ласко на юго-западе Франции, недалеко от деревни Монтиньяк (департамент Дордонь), – один из важнейших позднепалеолитических памятников по количеству, качеству и сохранности наскальных изображений. Иногда Ласко называют «Сикстинской капеллой первобытной живописи» XVIII–XV вв. до н. э.

Кееп'V, известный под псевдонимом Кевин Боннет (р. 1983), – популярный французский музыкант, автор танцевальных хитов. Канардо, он же Хаким Мухид (р. 1984), – французский рэпер. Сопрано, или Саид Мрумбаба (р. 1979), – также популярный рэпер, участник рэп-группы *Psy 4 De La Rime*.

Гаэль Фай (р. 1982, Бурунди) – франко-руандийский музыкант, рэпер, а с 2016 г. и писатель («Маленькая страна» – Гонкуровская премия лицеистов за дебютный роман).

Мэтр Гимс, он же Ганди Джюна́ (р. 1986, Заир), – французский рэпер, происходит из семьи музыкантов: его отец пел в группе *Papa Wemba*, братья – тоже рэперы. Сет Гуэко, он же Никля Сальвадори (р. 1980), – популярный во Франции рэпер, псевдоним взял в честь Сета Гекко, персонажа фильма Р. Родригеса «От заката до рассвета» (1996), которого играет Джордж Клуни. Жан-Жак Гольдма́н (р. 1951) – один из самых популярных французских авторов-исполнителей, его песни есть в репертуаре Селин Дион, Джонни Холлидея, Патрисии Каас и многих других. Даниэль Балавуан (1952–1986) – французский певец, композитор и автор песен. Рено, он же Рено Пьер Манюэль Сешан (р. 1952), – французский поэт, бард, выпустил 23 альбома, общий тираж которых превысил 15 млн экземпляров.

Базз Светик – один из главных героев кинофраншизы «История игрушек», космический рейнджер в коллекции игрушек мальчика Энди. «Тысячелетний сокол» – космический корабль из «Звездных войн».

Кантоны во Франции, в регионе Прованс – Альпы – Лазурный Берег, департамент Буш-дю-Рон. Входят в состав округов Истр и Экс-ан-Прованс.

«Черноногие», пье-нуар, – этнографический и историко-культурный термин для описания группы алжирцев европейского (французского, еврейского) происхождения, испанского, иногда составлявших значительную часть населения Алжира период французской (1830–1962). После обретения Алжиром колониальной экспансии независимости основная масса более чем миллионного европейского населения страны перебралась во Францию.

Самый распространенный во Франции тип трудового контракта – бессрочный. Работодатель может расторгнуть такое трудовое соглашение только при неспособности сотрудника выполнять работу или его грубой ошибке, а также по четко указанным объективным причинам либо по экономическим соображениям.

Бамбара – антилопа-лошадь.

Харматан – очень сухой и пыльный, жаркий, иссушающий северовосточный пассат, дующий из Сахары.

Зук – стиль танцевальной ритмической музыки. Сложился в первой половине 1980-х гг. на французских территориях: Гваделупе, Мартинике, Гаити, Сент-Люсии и в Анголе.

Консильери – доверенное лицо, советник главы мафиозного клана.

Летучий порох – специальный порошок, используемый в романах Дж. Роулинг для перемещения между каминами.

Accor Hotels — гостиничный оператор. Компания основана в 1967 г. Штаб-квартира — в пригороде Парижа Эври. Портфель активов включает Sofitel, Pullman, MGallery, Novotel, Mercure, Ibis, Hotel Formule 1 и другие. На 30 июня 2015 г. гостиничный фонд составил 3792 отеля, где 367 в собственности; общее число номеров 495 072.

Порт-Вила – столица Республики Вануату, расположенной в югозападной части Тихого океана.

Стив Манданда (р. 1985) – французский футболист конголезского происхождения, вратарь французского клуба «Марсель». Выступает за национальную сборную Франции, чемпион мира 2018.

Роль Погба (р. 1993) — французский футболист гвинейского происхождения, игрок сборной Франции и клуба «Манчестер Юнайтед». Карим Бензема (р. 1987) — французский футболист, нападающий мадридского «Реала». Усэйн Болт (р. 1986) — ямайский легкоатлет, бегунспринтер, 8-кратный олимпийский чемпион и 11-кратный чемпион мира.

Жан-Пьер Папен (р. 1963) – легенда французского футбола, обладатель «Золотого мяча» 1991 года. Базиль Боли (р. 1967) – футболист ивуарийского французский происхождения, составе марсельского «Олимпика» трижды становился чемпионом Франции, выиграл Лигу чемпионов 1992/93, где в финале забил единственный гол «Милану». Мариус Трезор (р. 1950) – французский футболист, в 1976 году в составе «Олимпика» выиграл кубок Франции, а в 1984-м в составе «Бордо» стал чемпионом Франции. Кристофер Уоддл (р. 1960) – английский футболист, играл за сборную Англии в 1980–1990 гг., трехкратный чемпион Франции в составе марсельского «Олимпика».

Зизу, он же Зинедин Зидан (р. 1972), – гений французского футбола, имеет алжирские корни, чемпион мира.

Абдельазиз Баррада (р. 1989) – марокканский футболист, игрок сборной Марокко, с 2014 по 2016 г. играл за марсельский «Олимпик».

Гриот – у народов Западной Африки представитель отдельной социальной касты профессиональных певцов, музыкантов и сказочников, нередко бродячих.

Гримуар, или гримория, – книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов) или содержащая какие-либо колдовские рецепты. Один из самых древних магических гримуаров по церемониальной магии написан на греческом языке и повествует о том, как царь Соломон получил власть над демонами при помощи магического кольца, подаренного архангелом Рафаилом.

Майотта — заморский регион и одновременно (с 31 марта 2011 г.) заморский департамент Франции. С 1976 г. регион является спорной территорией между Францией и Коморами. Генеральная Ассамблея ООН признает права государства Союз Коморских Островов на остров Майотта.

Озеро Ваккарес – крупная лагуна в районе дельты Роны на юге Франции.

Намек на популярную французскую песенку: Les fêtes des pharma $d\acute{e}chirent\ tout$ — С фармацевтками гуляем, нереально зажигаем (dp.).

Рай – музыкально-поэтический жанр в Северной Африке.

Ангелика, или дудник, – травянистое растение из рода дягилевых. По преданию, на лекарственные свойства растения указал архангел Михаил, он дал монахам совет жевать корни растения, чтобы защититься от чумы.

Трисомия — наличие в клетке дополнительной хромосомы. Единственной жизнеспособной трисомией у человека является трисомия по хромосоме 21, вызывающая синдром Дауна. Трисомики по хромосомам 13 (синдром Патау) и 18 (синдром Эдвардса) имеют значительные нарушения развития и рано умирают.

Arlésienne – женская туалетная вода от L'Occitane en Provence (2014).

Хамса, рука Фатимы, рука Мириам, Десница Божья – амулет ассировавилонского происхождения, представляет собой открытую ладонь. Считается оберегом от сил зла, помогает преодолеть препятствия, символизирует выдержку, верность и стойкость.

Без комментариев (англ.).

Марсель был основан 2600 лет назад греками-фокейцами. На сегодняшний день – второй по значению французский город после Парижа. Несмотря на то что в 16 кварталах города проживают около 900 000 человек, Марсель в большинстве своем сохранил аутентичный шарм прованского города.

Дидаскалии – указания драматурга актерам в древнегреческом театре.

Бидонвиль— жилой массив с высокой плотностью стихийной застройки городской местности— трущобы.

L'Equipe 21 – ведущий французский спортивный телеканал.

Игра на развитие мнемотехнических навыков (бывает настольная). Впервые описана Р. Киплингом в 1901 г. в романе «Ким». Старый учитель Лурган Саиб готовил мальчика к Тайному служению, в котором быстрое и ясное запоминание предметов равносильно успеху и, следовательно, жизни.

Катуша Найан (1960–2008) – французская фотомодель, актриса, писательница и общественный деятель.

Игроки национальной сборной Франции по футболу Рафаэль Варан (р. 1993), Н'Нголо Канте (р. 1991).

Национальный университет Кёнбук был основан в 1946 г. в городе Тэгу (на юго-востоке Южной Кореи) и входит в тройку ведущих университетов Республики Корея.

Пак Чонхи (1917–1979) – военный и государственный деятель Республики Корея, президент страны (1962–1979). Известен экономическими реформами («Корейское экономическое чудо») и политическими репрессиями. Убит 26 октября 1979 г.

Чхве Хон Хи (1918–2002) – мастер карате и создатель нового корейского боевого искусства – тхэквондо.

Тобок – костюм из легкого полотна, состоящий из куртки и брюк. Предназначен для занятий тхэквондо. Тобок происходит от корейского словосочетания «то» – путь и «пок (бок)» – костюм.

Пояс от костюма для занятий тхэквондо.

Хайдонг Кумдо – древнее корейское боевое искусство боя на мечах, существовавшее в королевстве Когурё. Воинов, практиковавших это боевое искусство, называли *самурангами*, они проповедовали патриотизм, сыновнюю почтительность и праведность и всегда были на переднем крае борьбы с несправедливостью. Дословный перевод означает «меч восточного моря».

Петар Велика – сербско-хорватская вариация Петра Великого.

Вакнин (варианты: Уакнин, Ойкнин) – фамилия евреев Северной Африки берберского происхождения, означающая «сын Иакова».

Трилби – разновидность шляпы-федоры с более узкими полями и невысокой тульей с одной ложбинкой по центру и двумя по бокам. Название шляпа позаимствовала из романа Джорджа Дюморье «Трилби».

Биотоп — естественное, относительно однородное жизненное пространство определенного биоценоза, исторически сложившегося комплекса организмов, занимающих определенный участок биосферы.

Центральный банк государств Западной Африки обслуживает восемь государств, входящих в состав Западноафриканского экономического и валютного союза: Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Сенегал, Того.

Франк КФА – денежная единица французских территорий в Западной Африке.

TGV – французская сеть скоростных электропоездов.

«Ликер 43» — известный испанский ликер, в составе которого 43 компонента. По легенде, этот ликер жители Картахены производили еще задолго до Рождества Христова.

В Конституции 1793 г. говорилось: «Французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из пределов своей родины за преданность свободе. Он отказывает в убежище тиранам» (статья 120).

Бамбара́ (бамана́, бамананкан) — язык народа бамбара (4,64 млн человек), распространен главным образом в центре западной части Республики Мали.

Тюрьма Бангкванг стала известна всему миру под названием «Бангкок Хилтон» после одноименного австралийского сериала с Николь Кидман в главной роли. Из-за чрезвычайно жесткого режима тайцы называют тюрьму «Большим Тигром»; подобно хищнику, тюрьма заживо поедает людей, и никто оттуда не возвращается.

Пьер Ганьер (р. 1950) — знаменитый французский шеф-повар, удостоенный трех звезд Мишлен. Ганьер является одним из создателей «новой кухни», кулинарного направления «фьюжн» и молекулярной кухни.

Кокочас (*ucn. cocochas*) – часть нижней челюсти, «второй подбородок» трески. Так называют иногда щечки трески. Для приготовления кокочаса следует выбирать крупную рыбу.

Сабайон — один из самых известных десертов итальянской кухни, яичный крем с добавлением вина (обычно марсалы или просекко). Каламондин — быстрорастущее и хорошо ветвящееся вечнозеленое фруктовое растение, гибрид мандаринового дерева с кумкватом. Каффирлайм, или лима, несмотря на название, не относится к настоящим лаймам. Фрукт известен в Юго-Восточной Азии как макрут, а в других частях света — как каффир-лайм. Кожура у него темно-зеленая и бугристая, листья, цедра и сок широко используются в кулинарии.

Минитель — французская информационная система, предтеча интернета, разработка конца 1970-х гг. До появления интернета минитель был самым популярным в стране телекоммуникационным средством. За это время название «минитель» стало нарицательным и используется для обозначения вида связи, как «телефон» или «интернет».

Port-de-Bouc emissaire — Порт Козла отпущения $(\phi p.)$.

Port-de-Bouc m'écœure — Меня тошнит от этого Пор-де-Бука (фр., дословно).

Port-de-Bouquin — Порт Дешевый ужастик (ϕp .). Le bouquin — книга, томик, дешевый ужастик (ϕp .).

 $France\ \hat{O}\ -\$ французский общественный телеканал заморских владений в континентальной Франции. За свое оранжевое оформление эфира получил название оранжевой кнопки.

Граф Уголино делла Герардеска, граф Доноратико (ок. 1220–1289), – свергнутый правитель Пизы. Выведен в «Божественной комедии» Данте («Ад», 32:124–33:90), где рассказывается о его смерти вместе с сыновьями от голода в заточении.

Джембе — традиционный инструмент Мали, западноафриканский барабан в форме кубка с открытым узким низом и широким верхом, на который натягивается мембрана из кожи, чаще всего козьей. Играют на джембе руками.

Trip Advisor – американский сайт путешествий, помогающий пользователям спланировать поездку в любую страну мира.

Жак Мерин (1936–1979) – французский преступник, действовавший во Франции, а также в Канаде и США с 1962 до 1979 г. Мерин совершал кражи, грабил банки и ювелирные магазины, похищал людей и занимался контрабандой оружия. Он хвастался, что лично убил 39 человек. 21 июня 1979 г. Мерин похитил миллионера Анри Лельевра, получил за него выкуп в 6 млн франков и стал «врагом государства № 1». На него была открыта охота, завершившаяся в 1979 г., – Мерин был убит полицейскими 2 ноября в пригороде Парижа.

Арли – город в регионе Агадес Республики Нигер, находится в пустыне Сахара, у западной окраины плато Аир.

Ла Канебьер – главный проспект Марселя.

Абстенционист – политический сторонник бойкота парламентских выборов.

Фредерик Мистраль (1830–1914) – провансальский поэт и лексикограф, лауреат Нобелевской премии по литературе 1904 г. Один из лидеров движения фелибров, созданного с целью возрождения провансальской литературы.

Валь-д'Уаз (Долина Уазы) – густонаселенный департамент на севере центральной части Франции, один из департаментов региона Иль-де-Франс. 95 – порядковый номер департамента.

Феликс Зальтен (1869–1945) – австро-венгерский журналист, критик и писатель, широко известный своим романом «Бэмби», опубликованным в 1923 г.

Хальмахера, также известен под названием Джайлоло, – остров в Малайском архипелаге, крупнейший из Молуккских островов, принадлежит Индонезии.

Йохан Тетерисса (р. 1961) — индонезийский учитель начальной школы, в 2008 г. приговоренный к пожизненному заключению за то, что в 2007 г. возглавил ненасильственный протест против индонезийского правления, во время которого был поднят флаг независимых Молуккских островов. Признан узником совести.

Сейчас вокруг Мелильи три забора высотой до семи метров. Они оснащены колючей проволокой, детекторами движения и автоматическими слезоточивыми бомбами. Все это стоит 20 миллионов евро.

Адрар-Ифорас – плоскогорье на юге Сахары, в Северном Мали (область Кидаль).

Эр-Риф (еще называют просто Риф) – уникальный горный хребет, который находится в северной части Марокко. Расположен недалеко от знаменитой системы Атласских гор, на берегу Средиземного моря. Название хребта означает «берег».

Намек на Джона Сильвера из «Острова сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона и Капитана Крюка из сказок Джеймса Барри про Питера Пэна.

Бурдж-Халифа (Башня Халифа) – небоскреб высотой 828 м в Дубае, самое высокое сооружение на Земле. До 2010 г. называлась «Дубайская башня», переименована в честь президента ОАЭ шейха Халифа ибн Заиду ан-Нахайяну. Внутри небоскреба размещены отель, квартиры, офисы, торговые центры.

Бубу – вид африканской мужской одежды.

Ципао – вид китайской мужской и женской одежды.

Сестра Эммануэль (в миру Мадлен Синкин, 1908–2008) – франкобельгийская монахиня, известная своей благотворительной работой с детьми и бедными, за что была прозвана «маленькой сестрой бедных» и французской матерью Терезой. Командор ордена Почетного легиона.

Каланки – маленькие бухточки, похожие на норвежские фьорды, но значительно теплее. Объявлены национальным парком.

Луна Эндора – космический объект из «Звездных войн».

Тырговиште – город на юге Румынии, у южных склонов Трансильванских Альп, в 75 км от Бухареста.

Секуритате (1948–1989) – Департамент государственной безопасности Социалистической Республики Румыния, сочетавший функции спецслужбы и политической полиции.

Имеется в виду знаменитый путешественник граф Саворньян де Бразза́ (1852–1905), положивший начало французскому господству по верхнему течению Огове и Конго, основатель Браззавиля.

Меззе́ в Восточном Средиземноморье – набор закусок или небольших блюд, часто подаваемых с алкогольными напитками, такими как арак, узо, ракия, или различными винами. Этими блюдами в Ливане начинается любая трапеза.

Пограничный контрольно-пропускной пункт на Фридрихштрассе в Берлине, чекпойнт «Чарли», появившийся после разделения Берлина стеной. Здесь разворачивались драматические события, связанные с попытками бегства из ГДР в ФРГ (Западный Берлин). КПП был торжественно закрыт 22 июня 1990 года, когда уже вовсю шел процесс воссоединения двух Германий.

Зук – стиль танцевальной музыки, сложившийся в первой половине 1980-х гг. на французских островах Гваделупа, Мартиника, Гаити, Сент-Люсия и в Анголе.

Sega- международная компания, производившая до 2001 г. игровые видеоприставки и видеоигры.

Кейта, Ибрагим Бубакар (р. 1945) – малийский политический деятель, премьер-министр Мали (1994–2000). В 2013 г. избран президентом страны.

Имеется в виду Симона де Бовуар.

Колетт Юбер Сенгор вошла в мировую историю как первая леди африканского Сенегала (1960–1980). К своим обязанностям утонченная француженка приступила в 1960-м, после того как ее муж Леопольд Седар Сенгор (1906–2001) занял пост президента Сенегала, получившего независимость от Франции.

Винни Мандела (1936–2018) – жена Нельсона Манделы (1918–2013), возглавляла лигу Африканского национального конгресса женщин.

CDD-contrat a` durée déterminée — временный трудовой договор $(\phi p.)$.

Вади – сухое русло; в пустынях и полузасушливых регионах – узкая долина с крутыми склонами, заполняемая во время сильных ливней.

Игра слов: $le\ rat$ – крыса (ϕp .).

Саурон – темный властелин и король Мордора, создатель Кольца Всевластия из трилогии Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».

Название крепости происходит от имени разбойничьего племени удая, «посаженных на кормление» в Марокко для противодействия местным кочевникам.

Уарзазат — город в Марокко у Атласских гор, где расположена крупнейшая в мире знаменитая киностудия «Атлас». Кинематографистов еще с первой половины XX века привлекало это место из-за удивительного освещения, создаваемого карамельно-розовыми горами. На студии было снято огромное число фильмов, ставших классикой кино.